СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXI, № 4.

ЕКАТЕРИНА II

ВЪ

ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Академика **Я. К. Грота.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
24 *
1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1881 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ЕКАТЕРИНА II ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

(Академика Я. К. Грота).

II.

Папы и Іезуиты.

Уцѣлѣвшія письма Гримма къ Екатеринѣ II доставляютъ новый источникъ пониманія и оцѣнки этой замѣчательной переписки. Всего болѣе писемъ Гримма сохранилось за первые 80-ые и первые же 90-ые годы прошлаго столѣтія. Стало-быть, со времени поѣздки Екатерины въ Бѣлоруссію мы имѣемъ возможность пользоваться этимъ новымъ матеріаломъ для поясненія темныхъ мѣстъ въ письмахъ императрицы, и будемъ приводить въ важныхъ случаяхъ наиболѣе интересныя выдержки изъ самыхъ писемъ Гримма.

Съ поѣздкой въ Бѣлоруссію тѣсно связаны отношенія Екатерины II къ ордену Іезуитовъ, который, какъ извѣстно, пользовался ея особымъ покровительствомъ. Это благоволеніе ея къ Іезуитамъ объясняется различно. Вотъ какъ рѣшается этотъ вопросъ по лучшимъ нашимъ историческимъ изслѣдованіямъ [1]) въ сопоставленіи съ запиской одного Іезуита, изданной въ 1872 году въ Парижѣ [2]): Екатерина, присоединяя Бѣлоруссію, пріобрѣ-

[1]) Морошкина, Самарина, гр. Толстого и друг.

[2]) La compagnie de Jésus, conservée en Russie après la suppression de 1772. Récit d' un Jésuite de la Russie Blanche. Paris. 1872.

тала съ нею и значительную массу подданныхъ римско-католическаго исповѣданія, которыхъ іерархія всегда питала непріязнь ко всякой свѣтской власти и признавала надъ собою господство единственно римскаго первосвященника. Среди этого населенія уже прочно утвердились Іезуиты, у которыхъ, при значительныхъ имуществахъ, были четыре коллегіи, двѣ резиденціи и нѣсколько миссій. Главная изъ коллегій была въ Полоцкѣ, прочія въ Динабургѣ, Витебскѣ и Оршѣ. Школы іезуитскія славились своимъ серьёзно научнымъ характеромъ, къ которому Екатерина всегда питала большое сочувствіе и довѣріе. Изгнать Іезуитовъ — значило пріобрѣсти себѣ въ Западномъ краѣ дѣятельныхъ враговъ; взять ихъ подъ свое покровительство, въ то время какъ они вездѣ подвергались гоненію, находившему одобреніе у самого папскаго престола, значило не только сдѣлать ихъ безвредными, но и заставить ихъ служить своимъ цѣлямъ. Такъ думала Екатерина и избрала послѣднее. Авторъ книги «La compagnie de Jésus» приводитъ, что будто на совѣтѣ государыни одинъ изъ противниковъ Іезуитовъ напомнилъ указъ Петра Великаго, по которому Іезуитамъ воспрещенъ былъ въѣздъ въ Россію. Екатерина спросила его, полагаетъ ли онъ, что власть ея такъ же велика, какъ власть Петра Великаго? Всѣ почтительно поклонились и она прибавила: «Петръ въ свое время конечно имѣлъ важныя причины, чтобъ издать такой законъ. Я же теперь имѣю не менѣе важныя, чтобъ его уничтожить. Іезуиты останутся. Если впослѣдствіи они чѣмъ-нибудь провинятся, всегда можно будетъ удалить ихъ, и для этого не нужно будетъ ни пушекъ, ни большихъ армій». [1])

Сохраняя въ Россіи орденъ Іезуитовъ, Екатерина была увѣрена, что съ нимъ справится. Для этой цѣли она ясно очерчиваетъ его кругъ дѣятельности, ограничивая ее воспитаніемъ, позволяетъ ему сохранить свои религіозные уставы и порядки корпораціи, но отнимаетъ у него одно изъ главныхъ условій

---

[1]) La compagnie de Jésus, стр. 4.

силы — автономію. *Наравнѣ съ прочими монашескими орденами* она подчиняетъ его власти епископа и мѣстнымъ законамъ страны, обѣщая Іезуитамъ такое же покровительство, какъ и всѣмъ другимъ подданнымъ, и сохраненіе всѣхъ ихъ правъ и имуществъ, но только *пока они сами вѣрноподданническій свой долгъ и присягу сохранятъ будутъ*. Іезуиты съ радостью ухватились за такой благопріятный случай отстоять свое существованіе и спасти свое имущество отъ разграбленія. Они первые подали примѣръ присяги русскому правительству, увлекая за собой и весь бѣлорусскій народъ, и тѣмъ оказали большую услугу государынѣ. Ровно черезъ годъ, именно въ 1773 году, обнародована папская грамота (bref), совершенно уничтожающая Іезуитскій орденъ. Такимъ образомъ сама церковь, которой они были вѣрными органами и преданнѣйшими слугами, отвергла ихъ. Для Екатерины открылся самый блестящій случай заявить независимость своей мѣстной церкви отъ Рима. Она не впускаетъ папскую грамоту въ свои владѣнія, возобновляетъ Іезуитамъ обѣщаніе своего покровительства и даже дѣлаетъ распоряженіе о свободномъ пропускѣ черезъ свою границу тѣхъ изъ нихъ, которые вздумали бы искать убѣжища въ Россіи.

Но вѣрные своему характеру Іезуиты смиренно заявляютъ въ Петербургѣ, что по долгу послушанія они готовы подчиниться волѣ папы, чтобъ не производить соблазна между вѣрующими. На это государыня отвѣчаетъ, что она не хочетъ отклонять ихъ отъ обязанности послушанія и согласна, чтобъ они подчинились волѣ папы, какъ скоро его грамота будетъ обнародована въ Россіи. Что же касается ея обнародованія, то это уже дѣло императрицы, а по отношенію къ св. отцу она все беретъ на себя. [1])

Этотъ отвѣтъ былъ достоинъ Екатерины. По выраженію покойнаго Морошкина, «едва ли когда-нибудь была на русскомъ престолѣ власть столь ревнивая къ своимъ правамъ, столь независимая въ своихъ дѣйствіяхъ, столь нетерпящая чужого вмѣ-

[1]) Comp. de Jésus, 36.

шательства въ домашнее хозяйство, называемое Русской Имперіей, какъ власть олицетворенная Екатериною Великою». Въ перепискѣ съ Гриммомъ она при разныхъ случаяхъ повторяетъ, что никогда не потерпитъ чужого вмѣшательства въ свои дѣла, и значеніе этихъ словъ она умѣетъ доказать на дѣлѣ, энергически поддерживая въ Ватиканѣ свои требованія, какъ свидѣтельствуетъ та же самая записка Іезуита. [1])

Но, несмотря на то, что Екатерина крѣпко держала въ рукахъ Іезуитовъ, они, не довольствуясь дарованными имъ милостями, не брезгали никакими косвенными средствами обдѣлывать свои дѣла черезъ сильныхъ міра сего: Захара Чернышева, Михельсона, Потемкина, что́ вовсе не скрывается въ запискѣ Іезуита. Тамъ подробно разсказано, какъ часто Іезуитамъ удавалось этими путями торжествовать въ борьбѣ съ нѣкоторыми епископами и даже съ самимъ Сестренцевичемъ. [2])

Съ другой стороны изъ этой же записки явствуетъ, что они не желали полнаго разрыва съ Римомъ, все надѣясь на лучшія времена. И вотъ когда на папскій престолъ вступилъ Пій VI, среди Іезуитовъ возродились надежды на возобновленіе ихъ ордена. Ихъ настоятель Черневичъ, черезъ посредство кардинала Іоанна Баптиста Рецонико, тотчасъ поспѣшилъ изъявить свою преданность новому папѣ, умоляя его, чтобъ онъ хотя какимънибудь знакомъ поддержалъ въ братьяхъ увѣренность, что сохраненіе іезуитскаго ордена въ Россіи ему пріятно. [3])

Подобные происки врядъ ли могли укрыться отъ зоркой наблюдательности Екатерины: они вызвали съ ея стороны шуточки и выраженіе: «мои бѣлорусскіе плуты». Но тѣмъ не менѣе Іезуиты служили ея цѣлямъ. Какъ мы уже замѣтили, они первые присягнули на русское подданство; они становились ея орудіемъ для исполненія завѣтной мысли установить мѣстную католическую церковь, независимую отъ папы; они служили ей адвока-

---

[1]) Compagnie de Jésus, 76.
[2]) Тамъ же 7, 81, 89, 90.
[3]) Тамъ же 49.

тами въ борьбѣ съ папою. Отвергнутые папскимъ престоломъ, отовсюду изгнанные, кромѣ схизматической Россіи, они убѣдительно доказывали законность дѣйствій Екатерины въ отношеніи къ латинской церкви въ Бѣлоруссіи и на эту тему писали цѣлыя разсужденія, внушали эти мысли латинскому духовенству Бѣлоруссіи, а черезъ него распространяли ихъ въ самой паствѣ. Наконецъ они устанавливали въ Западномъ краѣ твердую школу и основательное обученіе.

Послѣ всего сказаннаго интересно прослѣдить всѣ бѣглыя замѣтки о папахъ и Іезуитахъ, которыя въ разное время попадаются въ перепискѣ Екатерины съ Гриммомъ, и особенно ея впечатлѣнія по личномъ знакомствѣ съ іезуитскимъ орденомъ, при посѣщеніи ею учрежденій его въ бѣлорусскую поѣздку.

Въ одномъ изъ самыхъ первыхъ ея писемъ говорится о смерти папы Климента XIV († 22 сентября 1774 г.) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я очень сожалѣю о смерти братца Ганганелли: Sic transit gloria mundi» [1]). По поводу избранія новаго папы она такъ шутитъ: «Кардиналамъ должно быть очень весело мерзнуть въ своихъ залахъ съ нишами въ Ватиканѣ, такъ какъ они до сихъ поръ не рѣшаются избрать папу; я подозрѣваю, что оппонирующіе Дворы хотятъ совершенно избавиться отъ всей священной коллегіи за разъ, такъ же какъ и отъ Іезуитовъ, задерживая ихъ такъ долго въ подобномъ мѣстѣ». [2])

Послѣ избранія Пія VI императрица пишетъ: «Скажите-ка однако, этотъ папаша Браски кажется мнѣ немножко Іезуитомъ. Я не буду жалѣть объ этомъ, потому что вы знаете, какую привязанность я питаю къ этому драгоцѣнному сѣмени, которое я соблюдаю, какъ самыхъ кроткихъ и разумныхъ гражданъ Бѣлоруссіи. Въ самомъ дѣлѣ, эти плуты лучшіе люди въ мірѣ, и

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 10.
[2]) Стр. 14—15.

нигдѣ еще не могли замѣнить ихъ школъ, хотя разграбили для этого ихъ имущества» [1]).

Что Гриммъ не раздѣлялъ расположенія государыни къ Іезуитамъ и часто задѣвалъ ихъ въ своихъ письмахъ, видно изъ слѣдующихъ отвѣтныхъ строкъ на его письмо еще въ 1775 году: «Знаете ли, что я пожалуй простила бы всѣ ваши выходки, еслибъ вы не вздумали въ концѣ своего письма пророчествовать на счетъ моихъ милыхъ плутовъ Бѣлоруссіи; но что бы вы тамъ ни говорили, вы не помѣшаете имъ строить прекрасный и обширный новиціатъ, который быстро воздвигается наперекоръ вамъ и всѣмъ тѣмъ, кто имъ желаетъ зла» [2]). И въ другой разъ въ отвѣтъ на тѣ же нападки: «Развѣ вы не можете говорить мнѣ о развитіи вашего кредита у французскаго короля, не произнося брани на моихъ вѣрныхъ подданныхъ—этихъ бѣдныхъ плутовъ Бѣлоруссіи; зачѣмъ вы называете ихъ еретическимъ сѣменемъ? Это—драгоцѣнное сѣмя, достойное сохраненія и такъ мало еретическое, что они только что выиграли процессъ противъ своего епископа [3]) (Сестренцевича), который ихъ притѣснялъ» [4]).

Когда Гриммъ направлялся изъ Женевы въ Италію, государыня опять писала ему: «Я не перестану нападать на ваше православіе (orthodoxie), пока вы не перестанете задѣвать моихъ милыхъ Іезуитовъ. Что̀ эти бѣдняки вамъ сдѣлали и зачѣмъ вы будете доносить на нихъ отцу Браски (папѣ Пію VI), который назоветъ ихъ еретиками противъ своего убѣжденія? хорошо ли пріѣзжать изъ-за горъ, чтобъ насиловать совѣсть людей? Вотъ по-моему коварство демона и поведеніе погибшаго» [5]). Что императрица знала о заискиваніи Іезуитовъ у новаго папы, доказываютъ слѣдующія строки: «Нѣтъ, нѣтъ, не надо чтобъ его святѣйшество папа умеръ (crève), и я не стану его огорчать, ни-

---

[1]) Стр. 22.
[2]) Стр. 32.
[3]) La comp. de Jesus 53.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 37.
[5]) Стр. 38.

же мои завзятые бѣлорусскіе плуты, которые ему очень покорны и всегда хотятъ только того, чего онъ хочетъ. Въ самомъ дѣлѣ, я полагаю, что это вы доставляете кёльнскому газетчику статьи, которыя онъ печатаетъ къ великому вреду теплицы. Итакъ вы находите, что я благотворю имъ, потому что это меня забавляетъ: надо сознаться, что вы мнѣ приписываете миленькія побужденія, тогда какъ у меня нѣтъ иной цѣли, какъ сдержать данное обѣщаніе, и кромѣ того я руководствуюсь въ этомъ сознаніемъ общественной пользы» [1]).

Извѣстно, что французское и испанское правительства сильно поддерживали въ Римѣ уничтоженіе іезуитскаго ордена, и вѣроятно на это намекаетъ императрица, говоря: «Прошу васъ, поинтересуйтесь у кардинала Берни (французаго посла въ Римѣ), чтобъ онъ поменѣе вредилъ моимъ плутамъ. Эти бѣдняки совсѣмъ не умны и вполнѣ безхитростны: пусть ихъ поживаютъ спокойно. Они не принесутъ ни пользы, ни вреда; они похожи на безносаго Юпитера [2]). Я говорю вамъ это въ шутку: не вздумайте принять этого серіозно, потому что мнѣ вовсе не хочется возмущать грязную воду» [3]).

Не малой ироніей насчетъ безхитростности Іезуитовъ и ихъ прямодушія звучатъ всѣ отзывы императрицы о нихъ и послѣ ея личнаго знакомства съ ними. Къ письму изъ Пскова отъ 16-го мая присоединена приписка отъ 20-го мая изъ Полоцка.

«*Записочка, писанная въ Полоцкѣ 20 мая 1780 г. при выходѣ отъ Іезуитовъ*: Я была у нихъ сегодня утромъ; я тамъ слушала молебенъ и была въ ихъ домѣ. Здѣсь все ликуетъ; я вчера была поражена, при въѣздѣ сюда, великолѣпіемъ ихъ представительности; всѣ другіе ордена свиньи передъ ними! Эти люди только что не танцуютъ; ихъ наѣхало къ намъ множество изо

---

[1]) Стр. 138.

[2]) Статуя, которую предлагали тогда императрицѣ купить у сэра Гамильтона, и отъ которой она отказалась въ этомъ же письмѣ.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 163. Намекъ на тяжкія обвиненія противъ Іезуитовъ.

всѣхъ странъ. Ужъ какіе же они разбивные! У нихъ здѣсь прекрасная церковь. Они наговорили мнѣ всевозможныхъ нѣжностей на всѣхъ существующихъ языкахъ, кромѣ тѣхъ, которые я понимаю. Ахъ, до чего нѣкоторые изъ нихъ смотрятъ плутами!» [1]) Эти строки, такъ живо и въ немногихъ словахъ обрисовавшія впечатлѣніе, произведенное на государыню Іезуитами, вызвали слѣдующій отвѣтъ Гримма, никогда не стѣснявшагося въ выраженіи своего мнѣнія о нихъ: «Какіе бы они ни были плуты, бьюсь объ закладъ, что они и не подозрѣваютъ, до какой степени ихъ августѣйшая и царственная Покровительница обладаетъ даромъ описанія. Однимъ движеніемъ кисти она показываетъ мнѣ безчисленное множество лицъ на гибкихъ и кривыхъ шеяхъ въ присутствіи той, чьи августѣйшія черты выражаютъ величіе и благость и вовсе не теряютъ легкой улыбки, вызванной на устахъ ея тайными размышленіями, улыбкой, которую тщеславные плуты принимаютъ за улыбку удовольствія отъ ихъ прекрасныхъ привѣтствій. И вотъ картина нарисована» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ подшучиваетъ надъ представительностью Іезуитовъ, которую похвалила императрица: «Я очень сожалѣю, что мой Carmen Saeculare (партитура Филидора), столь великолѣпно оплаченный моей императрицей, не поспѣлъ въ Россію, чтобъ быть исполненнымъ въ Могилевѣ въ присутствіи графа Фалькенштейна. Плуты ея императорскаго величества въ Полоцкѣ и Могилевѣ весьма годились бы, чтобъ предсѣдательствовать на этомъ театральномъ праздникѣ и руководить имъ. Никто столько не смыслитъ въ религіозныхъ церемоніяхъ какъ они; это мастера на всякое театральное представленіе. Надо сознаться, что они были очень умны: жаль, что они такъ честолюбивы: въ отношеніи къ безграничному честолюбію умные люди ломаютъ себѣ шею чаще, чѣмъ люди ограниченные, потому что они слишкомъ натягиваютъ пружины» [3]).

---

[1]) Стр. 181—182

[2]) Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II-й, 58.

[3]) Тамъ же, стр. 70.

Черезъ недѣлю послѣ того, 26 мая, государыня пишетъ изъ Могилева: «Сегодня утромъ гр. Фалькенштейнъ и я присутствовали при католической обѣднѣ, справленной могилевскимъ епископомъ въ сослуженіи Іезуитовъ, Эксъ-іезуитовъ и множества орденовъ религіозныхъ и нерелигіозныхъ. Мы болѣе смѣялись и шутили, чѣмъ слушали. Онъ былъ моимъ чичероне, а я зѣвакой (badaud)» [1]).

На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Милордъ Гордонъ [2]) писалъ мнѣ изъ лондонской башни, чтобъ спросить у меня, правда ли, что императрица Греческая осквернила себя присутствіемъ при католической обѣднѣ? Я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе и отвѣчалъ его лордству, что она была тамъ только въ качествѣ зѣваки. Этой отговорки его лордство не принимаетъ» [3]). И при другомъ случаѣ Гриммъ не преминулъ кольнуть государыню насчетъ ея присутствія при этой обѣднѣ. Посылая ей планисферу, поднесенную ей однимъ капуциномъ для обученія маленькаго внучка ея — будущаго императора Александра, онъ пишетъ: «Ваше Величество приказали мнѣ оставить Васъ въ покоѣ съ капуцинами; но я ни къ чему не обязывался, потому что капуцины не обѣщали мнѣ оставить меня въ покоѣ. Они говорятъ: — такъ какъ императрица греческая ѣздитъ слушать латинскую миссу у покойныхъ Іезуитовъ, она должна имѣть слухъ и для ихъ лакеевъ-капуциновъ. Впрочемъ планисфера моего отца Хризолога назначена не для императрицы, а для г. Александра. Мой капуцинъ хочетъ, чтобъ этотъ августѣйшій молокососъ изучалъ по ней небо съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ знаменитая школьная учительница знакомитъ его съ землею; вотъ почему планисфера приспособлена къ широтѣ петербургской, и вотъ почему я не могъ отвергнуть приношенія капуцина, — естественное послѣдствіе успѣховъ полоцкихъ и могилевскихъ плутовъ во

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 181.

[2]) Лордъ Гордонъ, посаженный незадолго передъ тѣмъ въ тюрьму въ слѣдствіе волненій, возбужденныхъ его оппозиціею въ парламентѣ.

[3]) Письма Гримма, стр. 46.

время приснопамятнаго путешествія Екатерины, не желающей, чтобъ её называли великой, вѣроятно потому, что не слѣдуетъ говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго. Впрочемъ, еслибъ августѣйшая учительница г. Александра позволила мнѣ подать ея именемъ милостыню въ пятьсотъ или шестьсотъ ливровъ преподобному отцу Хризологу, кёльнскій газетчикъ столько же нашумѣлъ бы объ этомъ, сколько о полоцкомъ новиціатѣ, и три монастыря парижскихъ капуциновъ отслужили бы молебенъ» [1]).

Осенью, по возвращеніи въ Петербургъ, императрица спрашивала Гримма, о какомъ ея панегирикѣ, написанномъ Іезуитами, онъ упоминаетъ, при чемъ выразила слѣдующее сужденіе: «Я очень была бы рада, еслибы обо мнѣ запретили говорить, и разсказчиковъ и писакъ вездѣ облагали за это штрафомъ, какъ это было и есть во Франціи. Я не знаю, о какомъ похвальномъ словѣ вы говорите и какое сочиненіе этого рода напечатали бѣлорусскіе бездѣльники (marouffles). Я не помню, чтобъ когда-нибудь объ этомъ слышала» [2]).

Когда Гриммъ, по поводу аудіенціи Рейфентштейна у папы, въ шутку назвалъ послѣдняго антихристомъ, то Екатерина отвѣчала ему такъ: «Мой вѣсъ и мѣра, въ разсужденіи папы, антихриста и дьявола, вотъ какіе: живите въ мирѣ и помогайте бѣднымъ» [3]). А говоря о самой аудіенціи, она мѣтко опредѣляетъ характеръ папства: «Папская аудіенція произвела на меня дѣйствіе внушительное; однако оно обращается болѣе къ выгодѣ языческихъ боговъ нежели на пользу церкви христіанской, потому что первые имѣютъ болѣе прикосновенности къ художествамъ, чѣмъ послѣдняя, которая говоритъ: бѣдность и любовь» [4]). Въ другомъ письмѣ она отдаетъ отчетъ Гримму въ своей перепискѣ съ папою: «Знаете ли вы, что мы пишемъ другъ другу собственноручныя письма на такихъ языкахъ, которые получателю неиз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 30.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII — стр. 221.
[3]) Стр 191.
[4]) Стр. 191.

вѣстны? Эти письма снабжены переводами опять-таки на языки, непонятные для получателя. Письма отца Браски ко мнѣ писаны по-итальянски и снабжены латинскимъ переводомъ, а отвѣты писаны по-русски и переведены на гречес кій языкъ. Вы найдете, что это странно, однако оно такъ» [1]).

«Въ іюлѣ 1781 года государыня пишетъ: «Папаша Браски у меня въ долгу отвѣтомъ, который что-то долгонько заставляетъ себя ждать». А въ февралѣ 1782: «Мы съ Піемъ VI пишемъ другъ другу прекрасныя письма и во всемъ совершенно согласны, на столько что онъ хочетъ одного, а я другого» [2]). Здѣсь очевидно рѣчь идетъ о перепискѣ, касавшейся возведенія Сестренцевича въ санъ архіепископа. Интересныя свѣдѣнія объ этой перепискѣ находимъ въ мемуарахъ Аркетти, папскаго нунція, посланнаго въ Петербургъ для посвященія Сестренцевича въ архіепископы въ 1784 году [3]). По поводу одного письма Гримма, гдѣ онъ упоминаетъ о монахахъ Кармелитскаго ордена, государыня отвѣчаетъ ему: «До вашихъ Кармовъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, потому что моимъ запрещено сноситься съ другими Кармами, кромѣ находящихся въ странѣ. Мы становимся очень упрямы и желаемъ быть хозяйками у себя, а чужимъ носамъ нечего къ намъ соваться» [4]). Въ другой разъ она говоритъ: «Ужъ и вы тоже не становитесь ли въ ряды защитниковъ папы? Да кто же ему что сдѣлалъ? Вотъ большой шумъ изъ за того, что дюжиной или двумя десятками монастырей станетъ больше или меньше на свѣтѣ, какъ будто никогда не случалось обращать ихъ въ свѣтское владѣніе. Когда мнѣ хочется, чтобъ было монастыремъ меньше, я велю имъ сказать коротко и ясно:—идите въ другой,—и объ этомъ больше не говорятъ, и никто не разнѣживается по этому поводу. Тьфу, скверно быть плаксой. Александръ не пла-

---

[1]) Стр. 199.

[2]) Стр. 217 и 228.

[3]) Un nonce du pape à la cour du Catherine II. Mémoires d'Archetti. Paris 1872.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 226.

четъ и не пищитъ. Не знаю, получилъ ли папа прекрасный мѣхъ отъ графа Сѣвернаго [1]); но я знаю, что готовлю ему великолѣпный, который отправлю ему, какъ скоро онъ пришлетъ палліумъ моему могилевскому архіепископу.... Если только онъ заслужитъ мою шубу, то я ужъ буду имъ довольна» [2]). Но такъ какъ Пій VI все затягивалъ переговоры объ этомъ, то Екатерина писала: «Папа не хочетъ сдѣлать мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, ниже самыхъ пустяковъ, о которыхъ я прошу, какъ палліумъ для моего могилевскаго архіепископа и посвященіе въ епископы in partibus его товарища. Признаюсь вамъ, что наконецъ Пій VI вынудитъ меня прибѣгнуть, чтобъ выйти изъ этого затрудненія, къ такимъ средствамъ, которыя непріятно будетъ употребить; мнѣ очень надоѣли эти отсрочки и дрязги; ну ужъ если ему придется глотать змѣй, пусть пеняетъ на себя» [3]). Наконецъ, въ сентябрѣ 1783 года, императрица, возвѣстивъ Гримму о проѣздѣ папскаго нунція въ Петербургъ, говоритъ: «Папскій посолъ долженъ дать палліумъ римскому архіепископу въ Могилевѣ, а потомъ онъ долженъ освятить церковь своего исповѣданія [4]) и посвятить епископа—помощника могилевскому архіепископу: вотъ и все. Я всего этого добилась, потому что дала почувствовать, что если не достигну всего, то нисколько въ томъ не нуждаюсь и сумѣю принять другія мѣры [1]). Тогда мнѣ живо отрядили этого посла» [5]).

Какъ тверда была императрица въ своихъ настояніяхъ по отношенію къ папскому престолу, свидѣтельствуетъ самъ Аркетти въ своихъ запискахъ, изъ которыхъ мы видимъ, что по поводу самой формулы присяги возникли недоразумѣнія и были пункты, на которые императрица рѣшительно не согласилась,

---

[1]) Подъ этимъ именемъ, какъ извѣстно, путешествовалъ по Европѣ въ 1782 году в. кн. Павелъ Петровичъ съ супругой.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 235.

[3]) Стр. 259.

[4]) Подробное описаніе всего этого въ сочиненіи: Un nonce etc. Mémoires d'Archetti.

[5]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 287.

такъ что потребовалось два мѣсяца для полученія отъ папы новыхъ инструкцій и, по словамъ Аркетти, Пій VI отвѣчалъ ему въ началѣ 1784 г.: «что надо сообразоваться съ временами и нельзя помѣшать Сестренцевичу произнесть присягу въ предлагаемой формулѣ» [1]).

О самомъ Аркетти императрица въ то же время писала Гримму: «Нашъ папскій посолъ чрезвычайно добрый малый, и хорошо сдѣлаютъ, если его когда-нибудь самого изберутъ въ папы, и даже я полагаю, что будетъ полезно и нужно избрать его, потому что трудно найти лучшаго» [2]).

Оставшись вполнѣ довольною имъ, императрица ходайствовала о немъ передъ римскимъ первосвященникомъ, и онъ былъ возведенъ въ санъ кардинала. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ случаѣ были возобновлены папами попытки о возсоединеніи церквей восточной и западной. Самъ Аркетти разсказываетъ, что во время своего пребыванія въ Петербургѣ, сблизившись съ архіепископомъ Новгородскимъ и Петербургскимъ, онъ имѣлъ съ нимъ длинныя бесѣды объ основныхъ пунктахъ раздѣленія церквей и будто даже въ день принятія въ новомъ католическомъ храмѣ Сестренцевичемъ палліума, при громадномъ стеченіи народа, онъ произнесъ воззваніе къ возсоединенію [3]). Это вѣроятно подало поводъ къ нѣкоторымъ толкамъ и надеждамъ на Западѣ, потому что императрица пишетъ Гримму: «Эти бѣлорусскіе плуты всегда готовы напечатать какую-нибудь ложь; кардиналъ Аркетти не сдѣлалъ никакого наброска, стало быть Буонакампаньѣ нечего будетъ оканчивать. Не вѣрьте ни единому слову объ этомъ мнимомъ соединеніи двухъ церквей; г. Аркетти ничего объ этомъ и не поминалъ. Первое изъ препятствій къ тому былъ бы самъ господинъ папа» [4]).

---

[1]) Un nonce etc., Записки Аркетти, стр. 95.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 300.
[3]) Un nonce etc., Записки Аркетти, стр. 95.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 335.

Путешествіе въ Бѣлоруссію и свиданіе съ Іосифомъ II.

Какъ сказано было выше, императрица начала свое путешествіе 10-го мая и въ Нарвѣ встрѣчена была съ восторгомъ, о чемъ она упоминаетъ въ письмѣ къ Гримму изъ Пскова отъ 16 мая: «Я думала, что меня заѣдятъ ласками», и прибавляетъ шутя, что жители Нарвы никакъ не уступятъ жителямъ Риги. Пріѣхавъ во Псковъ, императрица, постоянно заботливая о пробужденіи самостоятельныхъ жизненныхъ силъ государства, была поражена, что въ полосѣ, гдѣ по преимуществу воздѣлывается ленъ, не существовало фабрикъ льнянаго производства. Подъ этимъ впечатлѣніемъ она пишетъ къ Гримму изъ Пскова: «Этому городу, расположенному среди льна, недостаетъ промышленности; до сихъ поръ не догадались обратить ленъ въ дѣло. Пріѣзжайте сюда, или привейте кому-нибудь вашъ талантъ развитія и пришлите его сюда: онъ можетъ-быть насадитъ здѣсь промышленность. Божественный Рейфенштейнъ очень хорошо сдѣлалъ бы,ославъ какого-нибудь ученика своего кліента Миллера въ Петербургъ, гдѣ мы, подготовивъ подмастерьевъ, употребили бы ихъ или здѣсь, или въ другомъ мѣстѣ, смотря по надобности; по крайней мѣрѣ пусть онъ намъ пришлетъ образцы самопрялокъ, которыя прядутъ и сучатъ въ одно время».

Это обращеніе къ Рейфенштейну выясняется изъ писемъ самого Гримма. Нѣкто — кавалеръ Миллеръ, — бывшій, по словамъ Гримма, тосканскимъ государственнымъ министромъ и въ слѣдствіе непріятностей удалившійся изъ своего отечества въ Римъ подъ покровительство папы Пія VI (Браски), подготовлялъ учениковъ прядильнаго искуства королю Сардинскому, который былъ ими очень доволенъ. Одному изъ русскихъ магнатовъ, проѣздомъ черезъ Италію, вздумалось вербовать этихъ учениковъ въ Россію, о чемъ Рейфенштейнъ и писалъ императрицѣ. Кажется однако, что впослѣдствіи Екатерина, зная какъ дорого обходились ей услуги иностранцевъ, не настаивала на мысли выписать прядильныхъ мастеровъ изъ Италіи и даже какъ будто забыла объ

этомъ. По крайней мѣрѣ Гриммъ выражаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ удивленіе, что она не помнитъ собственныхъ словъ и приводитъ ей на память все то мѣсто письма изъ Пскова, которое онъ поспѣшилъ конечно сообщить Рейфенштейну. Императрица отвѣчаетъ ему: «Перевода книги Миллера я буду ждать очень терпѣливо, такъ какъ я почти забыла, о чемъ рѣчь идетъ. А покамѣстъ я радуюсь съ нимъ, что онъ, совершенствуя свои прялки, учитъ прясть со всевозможнымъ успѣхомъ, какъ выучилъ прядильщиковъ короля Сардинскаго. Еслибъ было возможно, то я была бы очень рада не имѣть обо всемъ этомъ извѣстій до полнаго усовершенствованія прядильнаго искуства; но такъ какъ это комментарій, и всякій авторъ долженъ итти впередъ не оглядываясь, то вы лучше сдѣлаете, если ничего не сообщите изъ этого письма божественному, чтобъ голова его могла итти рысью мирно и спокойно безъ всякихъ препятствій» [1]). Между тѣмъ заказанныя Рейфенштейномъ прялки были уже готовы и отправлены съ эскадрой адмирала Борисова, а вскорѣ затѣмъ и набранные прядильщики. Гриммъ предложилъ императрицѣ поставить во главѣ дѣла нѣкоего Гуттена, способнаго, по его отзыву, на самыя большія предпріятія. Императрица велѣла адресовать новоприѣзжихъ къ князю Безбородкѣ. При этомъ Гриммъ ходатайствовалъ для Миллера не только о хорошей платѣ за его прялки, но и о награжденіи какимъ-нибудь титуломъ, въ родѣ существовавшаго въ Германіи титула тайнаго совѣтника коммерціи. На это государыня дала такой отвѣтъ: «Что касается титуловъ, ничего не обѣщайте, по крайней мѣрѣ до того времени какъ наши машины и прялки будутъ въ полномъ дѣйствіи. Что до денегъ, — то пожалуй» [2]).

По прибытіи въ Петербургъ прядильщики съ главнымъ мастеромъ, принятымъ на выгодныхъ условіяхъ, были помѣщены въ Софіи, близъ Царскаго-Села, позади фермы, — нынѣшняго

---

[1]) Стр. 194 — 195.
[2]) Стр. 199.

адмиралтейства на большомъ озерѣ, — и тамъ началась ихъ дѣятельность. Впослѣдствіи не разъ упоминается о нихъ; но изъ отзывовъ императрицы видно, что дѣло, искуственно насажденное, не пошло на ладъ, и она жалуется на дурное поведеніе прядильщиковъ и прядильщицъ. Миллеръ же подавалъ какіе-то проекты, которые были отданы на разсмотрѣніе Безбородкѣ, а позже императрица дала небольшую сумму на напечатаніе его словаря въ сокращенномъ видѣ, и при этомъ такъ подшучивала надъ петербургскимъ экономическимъ обществомъ: «Этотъ словарь Миллера, по отзыву вашему, такая книга, что её слѣдовало бы рекомендовать Экономическому обществу въ Петербургѣ, которое все нищенствуетъ и даже воруетъ, если дать ему волю. Я уже велѣла спросить у него, это ли оно называетъ экономіей. Впослѣдствіи она велѣла отправить къ Гримму триста экю для содѣйствія къ напечатанію сокращеннаго Миллерова словаря, и требовала, чтобы Гриммъ увѣдомилъ ее, достаточно ли этой суммы на такое изданіе.[1])

Изъ Пскова государыня направилась въ Полоцкъ. Съ этихъ поръ мы будемъ говорить о ея путевыхъ впечатлѣніяхъ и знакомствѣ съ Іосифомъ II собственными словами ея писемъ.

«Въ Полоцкѣ, 21 мая, день именинъ г. Константина съ необыкновенно умными глазками. Здѣсь большое стеченіе людей; я вижу изъ оконъ моихъ чужіе края, т. е. границу Польши, Двину, протекающую между моимъ домомъ и этой страной. Вотъ видите, какъ я близко къ вамъ; но это будетъ ненадолго, потому что я завтра уѣзжаю въ Могилевъ. Г-нъ Фалькенштейнъ пріѣхалъ въ Кіевъ 14-го. Онъ долженъ выѣхать оттуда 18-го. Вы найдете здѣсь записочку, которую я вамъ написала вчера; она драгоцѣнна по той минутѣ, въ которую писана, и горячая, совсѣмъ горячая». [2]) Это была вышеприведенная записка, писанная по выходѣ изъ дома Іезуитовъ, послѣ ихъ молебна и торжественнаго пріема императрицы.

---

[1]) Стр. 682.

[2]) Стр. 179.

«Изъ Могилева, сего 25 мая. Я вчера утромъ пріѣхала сюда и нашла г. Фалькенштейна расположившимся здѣсь уже двое сутокъ назадъ. Какъ только онъ узналъ, что я сократила на четыре дня свое путешествіе, чтобъ опередить его, онъ принялся скакать день и ночь и пріѣхалъ двумя днями ранѣе меня. Мы весь вчерашній день провели вмѣстѣ; казалось, что онъ не скучалъ. Я нашла, что онъ очень образованъ: онъ любитъ говорить и говоритъ хорошо. Вчера весь день лилъ дождь, что́ принудило насъ провести вечеръ вмѣстѣ, какъ будто бы это былъ зимній вечеръ... Такъ какъ русская декларація навела васъ на нормальныя школы, я должна сказать вамъ, что эти школы были вчера однимъ изъ предметовъ нашего разговора, и по всему, что я слышала, эти нормальныя школы превосходное изобрѣтеніе; но намъ нужно будетъ нормальныхъ школьныхъ учителей. Я тутъ еще разъ нашла, что нерѣдко дѣти представляютъ противоположность съ отцомъ и матерью [1]) Мы не кажемся очень набожны, а чтенія наши вовсе не таковы. Однако Эпохи (Бюффона) еще не попадались намъ подъ руку. Знаете ли, что когда видишь переодѣтыхъ императоровъ, это кружитъ голову; подымаешь носъ и нюхаешь воздухъ, что́, какъ вы конечно понимаете, мѣшаетъ отвѣчать съ должнымъ вниманіемъ на получаемыя письма.

«26 мая. Вчера вечеромъ мы были въ комической оперѣ и г. Фалькенштейнъ сообщилъ мнѣ въ разговорѣ вещи, достойныя быть напечатанными, глубоко обдуманныя и которыя конечно принесутъ ему безконечную честь, если онъ ихъ исполнитъ въ дѣйствительности. Я не смѣю разглашать ихъ, потому что онѣ были сказаны на ухо, и не изъ трусости, а по скромности; вотъ чего я также требую и отъ васъ по отношенію къ тѣмъ мѣстамъ моихъ писемъ, которыя вы находите достойными напечатанія золотыми буквами.

«27 мая, середа. Отсюда (изъ Могилева) мы ѣдемъ, графъ Фалькенштейнъ и я, въ шестимѣстной каретѣ другъ возлѣ друга

---

[1]) Іосифъ II съ Маріей Терезіей.

въ Смоленскъ, до котораго двѣсти верстъ. Оттуда онъ поѣдетъ въ Москву и вернется черезъ Петербургъ, а я поѣду его тамъ дожидаться. Мы говоримъ обо всемъ на свѣтѣ, стало-быть и о васъ, а такъ какъ онъ все знаетъ, то знаетъ что вы были съ графами Румянцовыми въ Вѣнѣ.

«Петергофъ, 24 іюля 1780, день моего отъѣзда отсюда... ...Этотъ листокъ, начатый вчера въ Петергофѣ, я продолжаю сегодня, 25-го, въ Царскомъ Селѣ. Графъ Фалькенштейнъ уѣхалъ отсюда 10-го этого мѣсяца и долженъ быть недалеко отъ Вѣны. Я не кончила бы, еслибъ стала хвалить его. Это голова самая основательная, самая глубокая, самая просвѣщенная, какую я знаю. Ну ужъ кто его опередитъ, тому придется вставать рано. Мой высокій союзникъ велѣлъ отслужить панихиду за упокой души Вольтера; я же, считая его душу успокоенною, не послѣдую этому примѣру, потому что не люблю подражать другимъ; да и не надо оскорблять живыхъ изъ любви къ мертвымъ» [1]).

На эти строки о панихидѣ Вольтера Гриммъ отвѣчалъ слѣдующей шуточной выходкой: «Обезьяничать не въ ея вкусахъ. Я угадывалъ, что она не захочетъ раздѣлять честь и расходы службы за упокоеніе души патріарха и что ея высокій союзникъ будетъ вынужденъ отпѣть её фальсетомъ исключительно на свой счетъ, что́, по точному исчисленію мнѣ присланному, стоило 42 экю и 8 грошей. Конечно, самая прекрасная уловка—сказать: я вѣрю въ полный покой его души!.. Но еслибъ каждый про себя возымѣлъ такое хорошее мнѣніе о своихъ друзьяхъ, родныхъ и близкихъ, отправляющихся на тотъ свѣтъ, плуты ея величества въ Полоцкѣ и Могилевѣ и множество другихъ купцовъ, живущихъ тою же продажей извѣстнаго противоядія, очень затруднились бы убрать свои лавочки какъ слѣдуетъ, въ то время какъ они должны принимать и привѣтствовать свою государыню. Впрочемъ высокій союзникъ не былъ такъ безумно восхищенъ этою

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 180, 181, 183.

идеей. Онъ подчинился ей немножко нехотя, по настояніямъ нѣкоего стараго дитяти [1]), того самаго, который хотѣлъ освободить у вашего величества своихъ вѣтряныхъ соотечественниковъ, взятыхъ между канальей — польскими конфедератами. Вотъ почему расходъ службы ограничился фальсетомъ, тогда какъ ваше величество могли бы обезоружить всякаго чудеснѣйшей панихидой, сочиненной Паизіэлло и исполненной всей императорской театральной капеллой, привезенной въ Могилевъ. Когда я говорю: всякаго — это потому что я навѣрно не знаю и въ качествѣ православнаго лютеранина не обязанъ знать, кто прислуживаетъ въ чистилищѣ, дьяволы или ангелы. Надѣюсь, что одинъ изъ этихъ бѣлорусскихъ плутовъ захочетъ сказать мнѣ въ точности, какъ совершается эта служба». [2])

Восторженные отзывы императрицы о Іосифѣ II, какъ кажется, сердили Гримма. Онъ какъ будто питалъ недовѣріе къ искренности намѣреній и обѣщаній Іосифа и тонко подшучивалъ надъ этой новой дружбой, особливо надъ тайною совѣщаній, о которыхъ не хотѣли сообщать ему. Однако отзывы его о личности Іосифа, котораго онъ съ этой минуты называетъ «высокимъ союзникомъ», не были враждебны послѣднему, хотя онъ предлагалъ императрицѣ нѣкоторые вопросы, въ такомъ родѣ: «Просвѣтился ли графъ Фалькенштейнъ въ петербургской нормальной школѣ? Или онъ болѣе говорилъ, чѣмъ слушалъ? Онъ имѣетъ передъ своими товарищами то единственное преимущество, что много видѣлъ, много путешествовалъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ много знаетъ; но приведено ли это сколько-нибудь въ систему, или въ головѣ его все перемѣшано, какъ въ парижскихъ кабачкахъ?» [3]) А въ другомъ мѣстѣ: «Я бы сказалъ моей августѣйшей государынѣ все, что она думаетъ о своемъ знатномъ гостѣ; но прежде чѣмъ пуститься въ эту опасную исповѣдь, я рискнулъ бы сдѣлать нѣсколько предварительныхъ вопросовъ, какъ напри-

[1]) Вѣроятно Фридриха II.
[2]) Письма Гримма 57, 58.
[3]) Тамъ же, 43.

мѣръ: понимаетъ ли онъ языкъ треножника? сознаетъ ли благодѣтельное вліяніе сильнаго вѣтра или сильной головной боли? и много такихъ бездѣлицъ, которыя я наблюдаю прежде чѣмъ выскажусь о человѣкѣ. Послѣ этихъ предисловій я бы высказался и развилъ все то, что императрица удержала про себя въ своемъ императорскомъ сердцѣ о намѣреніяхъ своихъ въ будущемъ и тому подобныхъ мелочахъ» [1]). По этимъ словамъ можно видѣть, какъ интересовали Гримма политическія соображенія Екатерины и какъ тревожилъ Европу союзъ ея съ Іосифомъ II. Но такъ какъ императрица не переставала хвалить графа Фалькенштейна, то въ другомъ письмѣ Гриммъ говоритъ: «Я не могу усомниться въ немъ послѣ похвалъ, выраженныхъ Минервой его головѣ и уму; и по правдѣ сказать, одно это путешествіе, предпринятое и выполненное имъ нынѣшній годъ, достаточно, чтобъ подтвердить хвалу эту. Дюжинная голова не способна задумать и исполнить такое предпріятіе. Въ его положеніи дюжинная голова именно побоялась бы, что ее затмитъ блескъ, окружающій славнѣйшій изъ престоловъ Европы, и это глупое чувство уничиженія было бы достаточно, чтобъ удалить его. И если, несмотря на санъ свой, онъ осмѣлился къ нему приблизиться, то значитъ, онъ чувствовалъ себя въ состояніи поддержать это свиданіе; такое благородное довѣріе, такъ же какъ и значеніе, какое онъ придавалъ этому свиданію, никогда не могли быть принадлежностью души обыкновенной» [2]).

По отъѣздѣ графа Фалькенштейна Гриммъ сообщаетъ императрицѣ, что князь Лобковичъ, желавшій по словамъ его быть въ свитѣ своего государя, хотя бы въ качествѣ конюха, писалъ ему изъ Брюсселя: «Вы должны были получить подробныя свѣдѣнія о появленіи моего государя въ Россіи. Не знаю, имѣлъ ли онъ успѣхъ; но за то знаю, что онъ въ восхищеніи отъ этой страны и очарованъ истинно великой Екатериной. Надо будетъ

---

[1]) Письма Гримма 55.
[2]) Тамъ же, 53, 54.

сказать ему, что́ истинно великая Екатерина говоритъ о графѣ Фалькенштейнѣ. Многіе почтовые чиновники уже видѣли и записали это ранѣе его и меня, не потерявъ ни одной затяжки изъ своей трубки табаку» [1]). Даже и по отъѣздѣ Іосифа II государыня не только часто вспоминаетъ пріятное свиданіе съ нимъ, но высказываетъ о немъ такіе отзывы: «О Боже! какъ вы не знаете этого человѣка! Если вамъ съ нимъ когда-нибудь случится разговаривать, онъ овладѣетъ всѣмъ вашимъ слухомъ и вы не наслушаетесь его; онъ обладаетъ великимъ краснорѣчіемъ и мысль и слово у него въ полномъ распоряженіи. Это человѣкъ, который необыкновенно сильно желаетъ добра, ищетъ его вездѣ, и когда найдетъ его, то хитеръ будетъ тотъ, кто его отъ этого добра отклонитъ». [2])

Наслѣдный принцъ Прусскій, князь де-Линь, герцогъ Браганцскій, Марія I, королева Португальская.

Впечатлѣніе, произведенное на императрицу сближеніемъ ея съ Іосифомъ II, еще болѣе выиграло отъ противоположности, которую вскорѣ представило ей посѣщеніе наслѣднаго принца Прусскаго Фридриха Вильгельма — племянника Фридриха II, прибывшаго въ Петербургъ какъ разъ по отъѣздѣ Іосифа II, 26 іюля 1780 г. Онъ пробылъ до 2-го октября. Гриммъ писалъ о немъ Екатеринѣ: «Графа Фалькенштейна смѣняетъ г. маркизъ Бранденбургскій, иначе сказать г. принцъ Прусскій. По званію германскаго принца и по личнымъ своимъ качествамъ, онъ состоитъ, какъ извѣстно, подъ моимъ покровительствомъ: итакъ ваше величество должны говорить о немъ со мною осторожно, чтобъ я не подвергся искушенію поворотить влѣво. Ледяной министръ графъ Гэрцъ имѣетъ прекраснѣйшій въ мірѣ случай оттаять: если онъ этимъ не воспользуется, я буду считать его положеніе отчаяннымъ» [3]).

---

[1]) Тамъ же, 56.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 218.
[3]) Письма Гримма 45, 46.

Но это предостереженіе нисколько не побудило императрицу стѣсняться въ откровенномъ выраженіи своего мнѣнія о принцѣ, сопоставляя его съ Іосифомъ, о которомъ она говоритъ: «Сынъ не похожъ на мать; сынъ, сынъ, сколько онъ надѣлалъ шуму! Онъ и еще болѣе нашумитъ; но наши *племянники* [1]) что̀ объ этомъ скажутъ и каково будутъ себя отъ того чувствовать? Что вы объ этомъ думаете, вы, которые любите какъ хлѣбъ все, что касается этихъ геніевъ, которыхъ вы руководили болѣе дюжины, хотя вы отрекаетесь отъ этой нѣжной любви, какъ отъ преступленія; скажите, исповѣдайте свое убѣжденіе; увы! это совершенная невозможность, это не вяжется съ моимъ разсудкомъ; вотъ младшій, такъ вполнѣ младшій, система младшаго и голова младшаго» [2]). И далѣе: «мнѣ нечего учить графа Фалькенштейна», говоритъ она: «онъ совершенно выученъ и изъ него выйдетъ весьма умѣлый мастеръ; но глубоко почтительный ученикъ (наслѣдный принцъ Прусскій), который только что отсюда отбылъ, долженъ еще много пострансствовать, чтобъ изъ него вышелъ мастеръ. Вовсе не узна́ешь, что въ этомъ бѣдномъ человѣкѣ сидитъ: онъ очень сильно запинается, или ужъ его такъ строго держатъ на привязи, что изъ него никогда ничего не выйдетъ; онъ обладаетъ такою сильною сдержанностью, что становится совершенно непереваримъ для тѣхъ, кому приходится съ нимъ сталкиваться на дѣлѣ, въ сношеніяхъ или обхожденіи. Говорятъ, что онъ благомыслящъ. Можетъ-быть; но то же самое можно сказать и объ индѣйкѣ, а быть или казаться индѣйкой, это не во всякое время годится. «Потомъ императрица опять переходитъ къ графу Фалькенштейну: «Могилевскій смотръ былъ не только полнымъ, но и полнѣйшимъ, и разъ, когда мы часовъ пять къ ряду болтали и хохотали во все горло, я сказала ему: «Въ то время, какъ цѣлая Европа заинтересована, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, смотрите пожалуйста. чему мы смѣемся?» Ему, ка-

[1]) Намекъ на прусскаго наслѣднаго принца, о которомъ сказано въ началѣ этой главы.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 184.

жется, здѣсь понравилось. Вначалѣ меня бросало въ жаръ, а подъ конецъ я привыкла. Онъ покинулъ насъ съ сожалѣніемъ и оставилъ здѣсь большое къ себѣ уваженіе. Но этотъ другой въ высшей степени тяжелъ. Боже, Боже! какая разница съ дядьями! Этотъ похожъ какъ двѣ капли воды на тѣхъ старинныхъ герцоговъ Бевернскихъ, которые всѣ были колоссальныя фигуры. Ледяной министръ остался ледянымъ, и кажется, что они заморозили и вашего протеже. Если вы на его счетъ знаете болѣе нежели я могу вамъ сказать, сдѣлайте одолженіе, сообщите мнѣ, потому что всего этого я хорошенько не понимаю [1]).

. . . . «Если возможно, то пусть не пріѣзжаютъ ко мнѣ подобные люди послѣ графа Фалькенштейна: онъ избаловалъ мой слухъ, а вашъ протеже отвратилъ меня отъ подобныхъ визитовъ; клянусь вамъ что онъ скукой, которую заставлялъ меня испытывать, въ сильной мѣрѣ увеличилъ бывшую у меня ревматическую боль въ рукѣ, и она стала уменьшаться съ тѣхъ поръ какъ его здѣсь нѣтъ. Когда имѣешь племянниковъ подобной тяжести, никогда не надо посылать ихъ послѣ такихъ лицъ, съ какими мы поѣхали знакомиться въ Могилевъ: вообразите, что мы въ перепискѣ и что я получила письмо слаще меду отъ маменьки тоже. Бѣлорусскіе политики, видя какъ мы постоянно другъ съ другомъ перешептывались, говорили, что мы скоро обвѣнчаемся» [2]).

На эту выходку государыни противъ наслѣднаго Прусскаго принца Гриммъ отвѣчаетъ: «Но, тысячу разъ ради Бога, что же наконецъ случилось съ моимъ протеже, что онъ удалился и даже пріобрѣлъ репутацію индѣйки? На этотъ разъ я воскликнулъ, обращаясь прямо къ нему: Вижу!

Твой удивленный геній дрожалъ передъ ея геніемъ;
И никогда ты не могъ стать твердо и увѣренно.

«Это конечно не бездѣлица, особливо когда въ то же время

---

[1]) Стр. 190.
[2]) Стр. 192.

естественная механика устроена тяжеловѣсно и не гибко, и колеса не смазаны, чтобъ двигаться легко и свободно. Эта невзгода индѣйки напоминаетъ мнѣ разсказъ его дяди [1]), что когда онъ въ первый разъ былъ приведенъ въ присутствіе государыни, то вынужденъ былъ упереться ногами изо всей силы, чтобъ устоять. И вотъ однако племянникъ не устоялъ, и я вижу съ соболѣзнованіемъ, что онъ не удержался и не всталъ опять на ноги» [2]).

По поводу этихъ сужденій императрицы о двухъ знаменитыхъ путешественникахъ, нельзя не привести одного замѣчательнаго мѣста изъ письма Гримма, въ которомъ онъ обнаруживаетъ свою задушевную, но не осуществившуюся мечту, чтобъ Людовикъ XVI также посѣтилъ Россію, отъ чего онъ ожидалъ большой пользы для Франціи. Онъ говоритъ въ письмѣ отъ 6 сентября 1780 года. «Ваше величество могли бы также вспомнить, кого я хотѣлъ еще прислать въ школу нашей коронованной учительницы нормальныхъ школъ. Это было не пророчество, а весьма сильное желаніе великаго блага. Этотъ пріѣхалъ бы не столь свѣдущимъ, какъ графъ Фалькенштейнъ, который по своему положенію имѣлъ единственное преимущество между подобными себѣ—путешествовать и узнать всю Европу въ такомъ возрастѣ, когда умъ достигъ уже полной зрѣлости; но мой путешественникъ прислушивался бы и, пріѣхавъ ребенкомъ, можетъ-быть уѣхалъ бы мужемъ. Вѣрно однако то, что надо бы имѣть въ Петербургѣ, вблизи Эрмитажа, гостиницу съ вывѣской *Трехъ королей* и учрежденіе, по которому всегда было бы ихъ двое или трое не съ востока, а съ запада. Послѣ мѣсячнаго пребыванія была бы устроена смѣна, потому что тотъ, чьи уши цѣлый мѣсяцъ слушали безуспѣшно, могъ бы преспокойно возвратиться съ дипломомъ нечувствительнаго слухового барабана; кто не оказался бы таковымъ, собралъ бы достаточный запасъ, чтобъ долго пускать въ оборотъ добро, ему ввѣренное; и всѣ народы запада воздѣвали

---

[1]) Принца Генриха.
[2]) Письма Гримма 98, 99.

бы къ небу признательныя руки и благословляли бы гостиницу *Трехъ королей*, близкую къ Эрмитажу; а ваше величество, чтобъ наградить меня за мысль такого учрежденія, даровали бы мнѣ мѣсто кельнера или оберъ-кельнера въ этой гостиницѣ. Возможно ли, чтобъ самыя лучшія учрежденія всегда оставались въ головахъ людей, никогда не осуществлялись бы ко благу рода человѣческаго! Какъ бы я былъ счастливъ, Государыня, еслибъ могъ быть кельнеромъ въ этомъ единственномъ случаѣ, и прибавить еще и эту пуговку къ сертучку моего безсмертія» [1]).

На это императрица отвѣчала: «Вы заставили бы меня бѣжать изъ моего Эрмитажа, еслибъ тамъ поставили вывѣску *Трехъ королей*. Даже ваше званіе оберъ-кельнера этой гостиницы не могло бы позолотить пилюли» [2]).

Одновременно съ принцемъ Прусскимъ прибылъ въ Петербургъ знаменитый князь де-Линь, котораго блестящій умъ и разнообразныя свѣдѣнія такъ очаровали императрицу и который впослѣдствіи сопровождалъ ее въ крымскомъ путешествіи и навсегда сохранилъ ея благорасположеніе, выразившееся между прочимъ въ перепискѣ съ нимъ, отчасти уже извѣстной. О первомъ впечатлѣніи, имъ произведенномъ, императрица пишетъ: «Сюда еще прибылъ князь де-Линь, который принадлежитъ къ числу людей самыхъ веселыхъ и пріятныхъ въ общежитіи, какихъ я когда-либо видала; вотъ оригинальная голова, которая мыслитъ глубоко, а дурачится по-дѣтски. Въ такомъ обществѣ я уживусь легко. Онъ другъ моего герцога Браганцскаго». [3]) Послѣдняго императрица очень жаловала и онъ также являлся путешественникомъ въ Россію. Онъ былъ двоюродный братъ Португальскаго короля Іосифа I; покинувъ родину, участвовалъ въ Семплѣтней войнѣ австрійскимъ волонтеромъ; потомъ поселился въ Вѣнѣ и много путешествовалъ, между прочимъ былъ и въ Россіи. Онъ отличался литературнымъ талантомъ и

---

1) Письма Гримма, 54—55.
2) *Сб. И. О.* XXIII, 192.
3) Тамъ же, стр. 185.

пріятными формами; по воцареніи дочери Іосифа Маріи I вернулся въ Португалію и основалъ въ Лиссабонѣ академію наукъ. Императрица называла его прямымъ и честнымъ рыцаремъ, а королеву Португальскую Марію *сестрицей Маріей* и представляла её какъ ревностную католичку, всегда стоящую на колѣняхъ передъ своимъ духовникомъ, при чемъ, говоря о ней, выразила слѣдующую шуточную, но вѣрную мысль «Ханжество дѣлаетъ душу и умъ задхлыми (mufflich)» и прибавила: «берегитесь, вашъ умъ тоже сдѣлается задхлымъ, если вы слишкомъ будете заниматься однимъ предметомъ». [1])

Гриммъ не утерпѣлъ, чтобъ не задѣть и де-Линя по поводу одного изданнаго имъ военнаго сочиненія. Онъ пишетъ: «Я не знаю, послалъ ли князь де-Линь свои военные предразсудки и фантазіи вашему императорскому величеству. Боюсь, что онъ не довольно наглотался атмосферы нормальной школы въ Петербургѣ. Говорятъ, что въ этомъ сочиненіи есть большія несообразности и даже плоскости. Я очень радъ, что ничего не читаю изъ появляющагося; я тоже доволенъ, что не всѣ безумцы въ одной Франціи: эта исключительная привилегія меня нѣсколько огорчила бы. У насъ довольно этого сѣмячка, чтобъ не завидовать когда оно процвѣтаетъ у сосѣдей. Я слышалъ чтеніе нѣкоторыхъ отрывковъ произведенія князя де-Линя, которые успокоиваютъ меня въ остальномъ. Напримѣръ, онъ поучаетъ своихъ читателей, и я не знаю предразсудокъ ли это или фантазія, что одинъ императоръ (Римскій) имѣетъ *народную армію*, съ которою ему можно будетъ итти, когда вздумается, въ Константинополь или въ Петербургъ, или въ ..... вѣроятно въ Парижъ. Это открытіе, съ которымъ я поздравляю автора: я былъ до сихъ поръ довольно глупъ, чтобъ думать, что если есть въ мірѣ народная армія, такъ это русская армія. Совсѣмъ нѣтъ. Я также познакомился со множествомъ національностей, подвластныхъ императору безъ моего вѣдома. Я правда подозрѣваю, что бо́льшая часть этихъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 76.

ацій, перечисленіе которыхъ такъ великолѣпно, состоитъ изъ яти-шести бѣдняковъ, разсѣянныхъ въ нѣсколькихъ хатахъ, именуемыхъ селами, и что одна изъ многочисленныхъ націй, обитающихъ подъ скипетромъ Греческой императрицы, сразу проглотила бы всѣ эти націи, созданныя княземъ де-Линемъ; и мнѣ еще сдается, что если Іосифъ со временемъ доведетъ населеніе Венгріи до степени, на которую оно способно стать, то у него будетъ болѣе подданныхъ и менѣе націй. И потомъ надо прибавить съ царемъ Соломономъ, что люди большіе дураки, но что не всѣ дурачества забавны». [1]) Государыня отвѣчаетъ: «Я не знаю военныхъ предразсудковъ и фантазій принца де-Линя; но знаю, что голова его очень оригинальна». [2])

Во всякомъ случаѣ въ приведенной выпискѣ и мнѣніяхъ Гримма о народахъ Австріи замѣчательно обрисовался взглядъ на славянскій міръ кореннаго нѣмца и предчувствіе будущей австрійской политики, возвышающей Венгрію на счетъ славянскихъ народностей. Но тутъ же, хотя и въ формѣ лести Екатеринѣ, безсознательно высказалось и убѣжденіе въ могуществѣ Россіи, обладающей единственною въ мірѣ *народной арміей.* И къ этому нельзя не прибавить, что, во всѣхъ политическихъ совѣтахъ своихъ Екатеринѣ, Гриммъ является искреннимъ радѣтелемъ о пользахъ ея и Россіи, что́ мы увидимъ во многихъ случаяхъ. Но Екатерину излишне было поучать въ этомъ. Она сама лучше всѣхъ сознавала духовную силу своего народа и умѣла на нее опираться, и въ этомъ болѣе всего заключалась тайна успѣха всѣхъ ея великихъ дѣлъ и начинаній.

Титулъ Великой.

Ко времени бѣлорусскаго путешествія относится мысль о поднесеніи императрицѣ петербургскимъ сенатомъ титула Вели-

---

[1]) Письма Гримма 157, 158.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 208.

кой, и въ письмахъ Гримма за это время мы находимъ сначала намеки на то, а потомъ и разсужденія объ этомъ событіи. Онъ говоритъ: «Вотъ теперь и Петербуржцы, кичась своимъ новымъ управленіемъ, которымъ столица разрѣшилась въ отсутствіи своего генія-хранителя, тоже начинаютъ шумѣть какъ люди изъ Риги и Нарвы!» [1]) И въ другомъ письмѣ: «Правда ли, государыня, что сенатъ желаетъ, чтобъ мы звали императрицу Екатериной Великой? Зачѣмъ же такая перестановка? Всѣ привыкли говорить: великая Екатерина, а Вольтеръ говорилъ божественная Катò (Catau), что соотвѣтствуетъ Дивѣ, слову, которое Римляне прилагали къ императрицамъ. Наконецъ, какъ имъ угодно, а я скажу съ дономъ Іафетомъ армянскимъ: «Вовсе не важно, чтобъ Блезъ былъ впереди или Блезъ позади» [2]). На это императрица отвѣчала: «Оставьте глупыя прозвища, которыми нѣкоторые мальчишки захотѣли украсить мою сѣдую голову, и за каковую вѣтреность имъ надавали щелчковъ, такъ какъ они еще не родились, когда всѣ эти глупости были торжественно отвергнуты на собраніи уполномоченныхъ отъ округовъ, которые отъ Риги до Камчатки входятъ въ составъ обширной земли русской». [3])

Узнавъ объ этомъ отказѣ, Гриммъ пишетъ: «Но, тысячу разъ, зачѣмъ же, Бога ради, ваше императорское величество такъ рѣзко отпотчевали нашего храбраго и честнаго фельдмаршала Голицына, сенатъ и прочихъ новыхъ губернскихъ депутатовъ съ титломъ великой Екатерины? Всѣ ко мнѣ пристаютъ съ этимъ и говорятъ мнѣ прямо въ глаза: «ну, иногда она Богъ знаетъ какая странная голова. За что она сердится? Ей не предлагаютъ ничего другого, кромѣ ея настоящаго имени?» А я такъ предвидѣлъ, что́ случится съ этимъ добрымъ фельдмаршаломъ Голицынымъ, и его бѣдными тріумфальными арками, и отвѣчалъ на это: «Чего же вы хотите? Вотъ какова она на самомъ дѣлѣ! Мы должны

---

[1]) Письма Гримма 17.
[2]) Тамъ же, стр. 27.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 187.

уже примириться съ этимъ. Передѣлать её или исправить невозможно, и на это нечего надѣяться» [1]).

Императрица отвѣчаетъ: «Такъ какъ тріумфальныя арки князя Голицына и служба за упокой души Вольтера ничего не значатъ, то я отказалась отъ того и другого, а съ тѣхъ поръ какъ я знаю откуда произошла мысль о панихидахъ, я хвалюсь тѣмъ, что показала въ этомъ чутье» [2]).

Съ этихъ поръ Гриммъ хотя и употребляетъ иногда слово *великая* Екатерина, но чаще онъ шуточно говоритъ то Екатерина *коротко*, но не великая, то наша императрица *средняго роста* (von mittelmässiger Statur). Когда же онъ сталъ одно врѣмя называть ее Catherine le Grand (Екатерина *Великій*), то она не на шутку разсердилась и говоритъ:

«Прошу болѣе не называть меня или, лучше, не давать мнѣ насмѣшливаго прозвища Екатерины *Великаго*, потому что во-первыхъ я не люблю никакихъ прозвищъ, во-вторыхъ, потому что мое имя Екатерина II, въ-третьихъ я не хочу, чтобъ обо мнѣ говорили, какъ о Людовикѣ XV, находя его неудачно названнымъ и въ-четвертыхъ ростомъ я не велика и не мала: представьте кому слѣдуетъ, что я уступаю всѣ насмѣшливыя прозвища тому, кто ихъ заслуживаетъ, какъ Георгъ и Густавъ (Gegu) [3]) и компанія» [4]).

Народное образованіе и нормальныя школы.

Въ самомъ началѣ переписки императрицы Екатерины съ Гриммомъ являются слѣды ея постоянной заботливости о созданіи въ Россіи стройной системы народнаго образованія. Извѣстно, что при первомъ ея знакомствѣ съ Дидро и Гриммомъ, въ ней родилась мысль привлечь къ этому дѣлу обоихъ знаменитыхъ

---

[1]) Письма Гримма 56.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 192.

[3]) Подъ этимъ общимъ именемъ императрица разумѣла Георга короля Англійскаго и Густава Шведскаго.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 438.

ученыхъ, свѣдѣніями которыхъ она захотѣла воспользоваться, поручивъ каждому изъ нихъ составить для нея проектъ организаціи народнаго образованія въ Россіи. Уже ранѣе приведено было нами (стр. 28) ея обращеніе къ гг. философамъ «не составляющимъ секты», въ которомъ она не безъ ироніи къ ихъ безплодной мечтательности указываетъ имъ болѣе практическое дѣло: точнѣе опредѣлить систему образованія и какъ должны слѣдовать одна за другою ступени школьнаго обученія. Она добивается того, чтобъ они выяснили ей, какая связь и зависимость должна существовать между первоначальной школой, гимназіей и университетомъ и не желаетъ полагаться въ этомъ на одно свое сужденіе.

Въ іюнѣ 1775 года государыня, получивъ записку Гримма, осталась ею очень довольна, какъ видно изъ этихъ словъ: «Искренно благодарю васъ за прекрасную записку о школахъ, которую я буду тщательно хранить, чтобъ воспользоваться ею только что работа, которая у меня на рукахъ, будетъ окончена, а это будетъ въ іюлѣ»[1]). Екатерину занимало тогда ея извѣстное учрежденіе о губерніяхъ. Къ сожалѣнію, записка Гримма не отыскалась при его письмахъ, и потому мы не можемъ судить, насколько она была принята въ соображеніе императрицей. Вскорѣ и Дидро прислалъ свою записку подъ заглавіемъ: Plan d'une Université pour le gouvernement de Russie, ou d'une éducation publique dans toutes les sciences, при чемъ необходимо пояснить, что здѣсь слово université употреблено во французскомъ значеніи, какъ совокупность всѣхъ учебныхъ заведеній. Императрица писала Гримму: «Я получила трактатъ Дидро объ училищахъ и чистосердечно благодарю васъ обоихъ. Какъ скоро меня оставитъ болѣзнь легисломаніи (такъ называла она свои законодательные труды), я займусь этой работой; до тѣхъ поръ да хранитъ Богъ г. Эрнести»[2]). Послѣднія слова относились явно къ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXXIII, 25.

[2]) Тамъ же, 38.

мысли Гримма поручить управленіе будущими русскими училищами славившемуся въ то время германскому педагогу, профессору классической литературы, Эрнести, нѣкогда учителю Гримма въ Лейпцигскомъ университетѣ. Проектъ Дидро появился недавно въ послѣднемъ изданіи его сочиненій (1875 — 1877) и былъ пространно разобранъ (г. Каро) въ «Revue des deux mondes» за октябрь и ноябрь 1879, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Diderot inédit». Сущность записки заключается въ нападкахъ на классическую школу, принятую въ Германіи и во всей Европѣ, которую Дидро предлагаетъ замѣнить тою реальной школой, о которой многіе мечтали въ наше время. Съ свойственнымъ этому писателю легкомысліемъ и парадоксальностью онъ силится доказать, что надо разорвать всякую связь съ прошедшимъ, и предлагаетъ оригинальнѣйшій планъ школы. Двери этой школы, называемой университетомъ, должны быть открыты дѣтямъ всей націи, и въ ней преподаватели, оплачиваемые государствомъ, должны передавать имъ *элементарныя* познанія во всѣхъ наукахъ. Школа эта не связана съ низшей никакимъ посредствующимъ звеномъ, и вотъ въ какомъ порядкѣ идетъ въ ней преподаваніе на основаніи принципа общности познаній, то-есть начиная съ наукъ, необходимыхъ для всѣхъ и каждаго, и кончая знаніями, которыя нужны только немногимъ. Курсъ раздѣленъ на восемь лѣтъ, и въ первомъ, самомъ младшемъ классѣ, преподаются ариѳметика, алгебра, теорія вѣроятностей и геометрія. Во второмъ: законы движенія и тяготѣнія тѣлъ, центробѣжная сила, механика и гидравлика. Въ третьемъ сферы и глобусы, астрономія съ ея вспомогательными науками. Въ четвертомъ естественная исторія, экспериментальная физика. Въ пятомъ химія и анатомія. Въ шестомъ логика, критика, общая сравнительная грамматика. Въ седьмомъ русскій и славянскій языки, краснорѣчіе и поэзія. Параллельно съ этимъ преподаваніемъ, расчитаннымъ на восемь лѣтъ, развивается и продолжается тоже восемь лѣтъ другой курсъ ученія: первому классу соотвѣтствуетъ обученіе начальнымъ основаніямъ метафизики, нравственности, естествен-

ной религіи и откровенной. Второму: исторія и мифологія, географія и хронологія, первыя основанія экономіи политической и домашней и проч. «Не надо быть большимъ мудрецомъ», говоритъ авторъ разбора, «чтобъ замѣтить невообразимую смѣсь, безвыходную путаницу и полнѣйшую неопытность, которая обнаруживается въ этомъ планѣ». Чтобъ заманить императрицу Екатерину на выполненіе своего проекта, Дидро пускаетъ въ ходъ и нѣкоторую лесть, говоря: «Императрица болѣе чѣмъ какой-либо другой государь находится въ благопріятномъ положеніи для того, чтобъ создать нѣчто новое и великое; минута, въ которую она задумываетъ планъ университета, особенно благопріятна... Великое преимущество, когда все приходится создавать вновь. Почва Россіи свободна: не все ли во власти помазанницы, данной ей Богомъ для ихъ взаимной славы?». Но императрица Екатерина, уже въ бытность Дидро въ Петербургѣ имѣвшая случай убѣдиться въ парадоксальной наивности этого вполнѣ революціоннаго ума, не воспользовалась ни одной изъ его утопій и отвела проекту его окончательное мѣсто въ архивахъ своей эрмитажной библіотеки.

Отзывы ея о легкомысленной парадоксальности Дидро встрѣчаются часто въ перепискѣ съ Гриммомъ, какъ мы увидимъ позже по поводу напр. его критики Наказа. Иное впечатлѣніе произвела на Екатерину записка Гримма. Изъ писемъ государыни видно, что она уже въ первый пріѣздъ Гримма, оцѣнивъ его практическій умъ и дѣльные взгляды на воспитаніе, уговаривала его остаться въ Россіи. Но во второй его пріѣздъ предложенія ея имѣли уже болѣе опредѣленную цѣль — поставить его во главѣ созидаемаго въ Россіи просвѣщенія. Вотъ любопытное письмо ея, писанное 2-го февраля 1777 года, въ день Срѣтенія, и заключающее въ себѣ это предложеніе:

«Екатерина вторая и только вторая безо всякаго другого эпитета, со всею властью и доброй волей ей присущею, не можетъ создать въ Россіи многихъ полезныхъ вещей безъ помощниковъ: и именно школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ.

«Приоавьте же, что къ этому затрудненію, причиненному или ея невѣжествомъ, или лѣнью, присоединяется другое, происходящее отъ деликатности: она опасается предложить единственному лицу, кажущемуся ей способнымъ помочь ей въ этомъ дѣлѣ, оказать въ немъ содѣйствіе, или взять его на себя; и все это оттого что она боится стѣснить это лицо. А это лицо, я вамъ тонко и ловко намекаю на него,

— это вы.

«Уже два мѣсяца какъ ея умъ, который вы осмѣливаетесь называть просвѣщеннымъ, очищающимъ и животворящимъ, не знаетъ съ какой стороны подойти къ вамъ, чтобъ сказать это, и оттого дѣло ни на шагъ не подвигается. Когда я подумаю, что это предложеніе можетъ стѣснить васъ, и что вы пожалуй не захотите принять его, а отказать затруднитесь, то мнѣ лучше бы хотѣлось безъ всякихъ околичностей знать, что вы въ Парижѣ.

«Я желаю, чтобъ вы сказали коротко и ясно: хочу или не хочу, остаюсь или уѣзжаю, и была бы очень довольна, еслибъ отвѣтъ согласовался съ моими желаніями; но не менѣе буду уважать васъ, если вы будете отвѣчать мнѣ отрицательно.

«Я впрочемъ нѣсколько въ правѣ сдѣлать вамъ эти предложенія: вы не разъ говорили мнѣ: употребите меня на что-нибудь. Знаю, что политическое назначеніе въ какомъ-нибудь уголкѣ міра могло бы вамъ быть пріятнѣе; но, предпочитая болѣе полезное. я полагаю, что не заслуживаю порицанія.

«Итакъ жалобы и весь кортежъ галиматьи сводятся къ двумъ вопросамъ: 1) хотите ли? 2) или не хотите?

«И еслибъ вы захотѣли, то я такъ мило устроила бы дѣло, что все необходимое весьма естественно стеклось бы къ вамъ подъ руку, а если не захотите, то объ этомъ болѣе не будетъ и рѣчи. Былъ бы еще средній способъ, еслибъ вамъ это нравилось: устроиться на извѣстное опредѣленное время, чтобъ ваши парижскіе друзья не приходили въ отчаяніе и вы также. Примете ли вы, или не примете предложеніе, посылаю вамъ пять тысячъ рублей, которые вамъ послужатъ на обратный путь или на первое

обзаведеніе здѣсь. Въ случаѣ, еслибъ вы остались, вашъ годовой доходъ былъ бы опредѣленъ, все остальное пошло бы своимъ чередомъ и вы сказали бы, а съ вами и я, что вы сдѣлались весьма полезны имперіи, и только вы можете принести тутъ пользу и даже болѣе чѣмъ я, такъ какъ вы понимаете дѣло лучше меня. Вы сказали, что вамъ необходимо согласіе его свѣтлости герцога Готскаго; можетъ быть: говорите что́ хотите. Пора мнѣ одѣваться и итти къ обѣднѣ по случаю праздника Срѣтенія [1]).

Мы знаемъ, что и на этотъ разъ предложеніе не было принято Гриммомъ. Кромѣ другихъ, можетъ-быть и личныхъ препятствій къ переселенію, онъ своимъ тонкимъ и проницательнымъ умомъ долженъ былъ понять, что человѣкъ, не знающій языка страны, будетъ плохимъ руководителемъ ея просвѣщенія. Однако этотъ отказъ нисколько не умалилъ расположенія къ нему Екатерины, и съ тѣхъ поръ она продолжала его употреблять своимъ совѣтникомъ и посредникомъ между нею и педагогическими знаменитостями Европы. Такъ въ іюнѣ 1778 года она сообщаетъ Гримму, что читаетъ книгу барона Карла Дальберга (Betrachtung über das Universum) и хвалитъ ее, говоря что раздѣляетъ его мысли, а въ декабрѣ того же года она, получивъ черезъ Гримма записку барона Дальберга о школьномъ дѣлѣ, пишетъ: «Я спрятала нѣмецкую рукопись барона Дальберга тотчасъ по полученіи, еще не прочтя её, въ тотъ ящикъ, гдѣ покоится собираемая мною коллекція записокъ о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ, и нетерпѣливо жду всего, что вы еще можете мнѣ прислать объ этомъ предметѣ по вашему обѣщанію, потому что во́-время и при мѣстѣ это можетъ быть употреблено въ дѣло, особливо если Господь даруетъ мнѣ вѣкъ покойнаго слуги своего Мафусаила» [2]).

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Бѣлоруссію въ февралѣ 1780 года, императрица опять говоритъ о планѣ учебныхъ заведеній.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 696—697.
[2]) 115.

Вѣроятно Гриммъ торопилъ её исполненіемъ задуманныхъ ею воспитательныхъ учрежденій, особенно напирая на планъ присланный Дальбергомъ. Но изъ замѣчательнаго ея отвѣта видно, какъ она не любила предпринимать ничего поспѣшно, какую чувствовала потребность уяснить себѣ самой все что́ создавала, и сообразить задуманное съ дѣйствительностью и своими наличными средствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь видно также, какъ Екатерина, такъ легко находившая сподвижниковъ для своихъ великихъ дѣлъ въ войнѣ и въ гражданскомъ управленіи, глубоко сознавала недостатокъ у себя дома помощниковъ въ дѣлѣ просвѣщенія.

«Вы кажется не знаете», говоритъ она, «что часто императрица желала бы заставить работать надъ иною частью и что не отъ недостатка въ доброй волѣ за нею не работаютъ, но оттого что силы, необходимыя для такой работы, не въ такомъ положеніи, какого такая работа требуетъ. Та часть, для которой я желала вашего содѣйствія въ послѣдній пріѣздъ вашъ сюда, принадлежитъ къ тому числу. Милостивый государь! яблоко никуда не годится пока не созрѣло, а я подобно Шаху-Багаму [1]) себя хорошо понимаю. Но планъ г. Дальберга невозможенъ; а чтобъ понять и это и меня, которая себя понимаю, нуженъ бы длинный комментарій. . . . Передъ Богомъ тысяча лѣтъ какъ одинъ день; лишній годъ къ великому цѣлому государства есть ничто; надо чтобъ яблоко созрѣло. Правда, что это скучно; но нельзя сдѣлать иначе, потому что мнѣ самой нуженъ по крайней мѣрѣ годъ чтобъ изучить каждый предметъ.» [2]). Тѣ же мысли выражаетъ она и по поводу насажденія художествъ въ Россіи: «Если вѣрить первому параграфу письма божественнаго Рейфенштейна, можно бы вообразить, что сто́итъ только приказать, и вкусъ къ художествамъ и артистамъ родится какъ петрушка, которую посѣешь;

---

1) Это часто упоминаемое лицо—индѣйскій султанъ въ сказкѣ Кребильйона младшаго «Le Sopha».

2) *Сб. И. О.* XXIII, 173.

но чтобъ это явилось, надо *хотѣть* и *жить долго*, и тогда получишь со временемъ и терпѣніемъ все, чего захочешь» [1]).

Во время путешествія въ Бѣлоруссію и свиданія съ Іосифомъ II мысль о школахъ не покидала Екатерину, и какъ мы уже видѣли изъ выписки, приведенной выше, нормальныя школы были неоднократно предметомъ разговора между высокими собесѣдниками. Въ слѣдствіе того, по возвращеніи своемъ въ Петергофъ, императрица пишетъ Гримму: «Пожалуйста, дайте мнѣ знать, что́ баронъ Дальбергъ думаетъ объ австрійскихъ нормальныхъ школахъ; по хорошимъ отзывамъ о нихъ я завладѣла всѣми учебниками, которые въ нихъ приняты, и имѣю ихъ изъ собственныхъ рукъ гр. Фалькенштейна» [2]).

На это Гриммъ пишетъ: «Баронъ Дальбергъ не дожидался моего вопроса о вѣнскихъ нормальныхъ школахъ. Узнавъ, что этотъ предметъ былъ затронутъ въ Могилевѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: именно къ образованію нормальныхъ школьныхъ учителей направленъ былъ тотъ планъ, который я осмѣлился послать нормальной школьной учительницѣ. Самъ Дальбергъ былъ первый и настоящій радѣтель о нормальныхъ школахъ въ Германіи: онъ и другой силезскій прелатъ; а потомъ это перешло въ Вѣну, потомъ въ Мюнстеръ. А я позволилъ себѣ сказать моей императрицѣ, что ея августѣйшая сестрица Марія Терезія не знаетъ, что изъ этого выйдетъ великое благо: народы сдѣлаются просвѣщеннѣе, разумнѣе, разсудительнѣе; только большіе глупцы или презрѣнные плуты боятся такихъ народовъ; тѣ же, кто рожденъ повелѣвать, желаютъ повелѣвать людямъ, а не звѣрямъ. Что говоритъ объ этомъ гр. Фалькенштейнъ?» [3]).

Екатерина отвѣчала на это слѣдующими замѣчательными словами: «Никогда не заставятъ меня бояться просвѣщенныхъ народовъ. Но когда будутъ они просвѣщены? Когда между

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 119.
[2]) Тамъ же, 183.
[3]) Письма Гримма, 68—69.

людьми знающими перестанутъ являться люди безнравственные съ кривымъ умомъ и кривымъ зрѣніемъ, люди способные болѣе портить, чѣмъ хорошо дѣйствовать»? [1]). Эту же мысль, что не въ количествѣ школъ въ государствѣ, а въ ихъ доброкачественности заключается условіе истиннаго просвѣщенія, она высказываетъ и въ другомъ мѣстѣ, по случаю безпорядковъ въ Лондонѣ: «Четыре тысячи даровыхъ школъ еще не сдѣлаютъ людей умнѣе, да и проповѣдь нравственности тоже, вотъ что можно сказать» [2]). Кажется, что приблизительно къ этому же времени относятся нѣкоторыя присланныя Гриммомъ объяснительныя записки объ учебномъ дѣлѣ, сохранившіяся при его письмахъ и не помѣченныя никакими числами. Онѣ напечатаны въ приложеніяхъ къ его письмамъ. По интересу и важности ихъ для исторіи нашего образованія мы приводимъ ихъ цѣликомъ.

I.

«Мысли г. Шадена, какъ кажется мнѣ, обнаруживаютъ въ немъ человѣка разсудительнаго и достойнаго.

1.

«Мысль воспитывать въ школахъ не только учениковъ, но въ то же время людей, способныхъ учить другихъ и готовящихся къ разнообразному публичному преподаванію, кажется мнѣ прекрасною и вполнѣ соотвѣтствующею видамъ ея императорскаго величества, которая, желая распространить школы въ своей имперіи, особенно нуждается въ людяхъ, способныхъ хорошо обучать юношество.

«Г. Шаденъ предлагаетъ для этого семинарію студентовъ, которые служили бы репетиторами и имѣли бы присмотръ за учениками внѣ класснаго времени въ ихъ комнатахъ и пр. Онъ составляетъ изъ нихъ корпорацію, которая въ случаѣ болѣзни

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 193.
[2]) 187.

можетъ замѣнять профессоровъ и изъ которыхъ въ каникулярное время можно пополнять отсутствующихъ и снабжать школы лицами способными и совершенно подготовленными.

Прибавлю, что можетъ-быть было бы согласно съ видами вашего величества, чтобъ лучшіе ученики старшаго класса были избираемы въ репетиторы въ младшихъ классахъ, черезъ которые сами прошли. Молодой человѣкъ, ученикъ въ своемъ классѣ и репетиторъ въ младшемъ, не только усвоилъ бы себѣ тверже то, что выучилъ, но и ознакомился бы съ преподаваніемъ, что́ чрезвычайно способствовало бы къ полученію ясныхъ и точныхъ понятій и легкости ихъ сообщенія. Надо бы присвоить особенное отличіе титулу и званію репетитора и давать его только такимъ ученикамъ, которые на общихъ испытаніяхъ превзошли своихъ товарищей, и только когда они позже, въ качествѣ репетиторовъ, покажутъ способность и прилежаніе. Надо также при всѣхъ общихъ упражненіяхъ давать имъ за эту заслугу почетныя награды. Извѣстно, что эти награды также должны быть идеальны, какъ награды взрослыхъ дѣтей, и что ученикъ можетъ быть болѣе будетъ гордиться кончикомъ своей измятой ленты, чѣмъ фельдмаршалъ своими лентами черезъ плечо».

2.

«Г. Шаденъ желаетъ, чтобъ въ школахъ былъ отдѣльный классъ, въ которомъ сообщались бы юношеству первыя понятія о природѣ, искуствѣ, нравственности и самыхъ общихъ и необходимыхъ законахъ, какъ естественныхъ, такъ и отечественныхъ, съ цѣлію образовать умъ и сердце учениковъ и воспитать не только ученыхъ, но и гражданъ».

3 и 4.

«Эти два параграфа касаются полиціи и инспекціи школы. Авторъ хотѣлъ, чтобъ инспекція московскихъ школъ была поручена профессорамъ по очереди и не была бы постоянной службой. Я нашелъ мнѣніе его по этому предмету весьма основатель-

нымъ, если только онъ обезпечитъ мнѣ постоянство общаго плана преподаванія, безъ чего я бы боялся, что всякій инспекторъ въ теченіе своего года, подъ предлогомъ улучшеній въ преподаваніи, будетъ дѣлать нововведенія для своего удовольствія и изъ славолюбія, а преемникъ его будетъ уничтожать ихъ, замѣняя новыми, которыя будутъ не лучше, изъ чего слѣдовали бы безпрерывныя перемѣны методы, весьма вредныя для учениковъ и способныя навлечь нареканія на профессоровъ.

«Въ протестантскихъ школахъ въ Германіи инспекторы называются школярами или эфорами и берутся изъ магистратуры, а имъ придаютъ обыкновенно суперъ-интендента, или начальника духовенства. Эти лица уважаются профессорами и пользуются большимъ почтеніемъ со стороны юношества.

«Я убѣжденъ, что будетъ согласно съ видами вашего императорскаго величества, чтобы профессорá школъ и университетовъ пользовались большимъ почетомъ, не за свой орденъ и титулы, но единственно по своему званію профессора, чтобы считалось высокою честью заниматься ремесломъ весьма труднымъ по своему существу. Конечно, для осуществленія этой мысли, губернаторъ или представитель ея величества въ губерніи долженъ считать своею обязанностью присутствовать при публичныхъ испытаніяхъ школъ, оказывать съ профессорамъ величайшій почетъ и платить имъ такія деньги, которыя, не истощая государственной казны, могли бы производить удивительное дѣйствіе, когда бы они раздавались съ разборомъ.

«Авторъ желалъ бы, чтобъ обучали въ школахъ первымъ элементарнымъ основаніямъ нашихъ наукъ и нашихъ дѣлъ. Онъ говоритъ, что для этого не надо особеннаго профессора, но что ректоръ или кто другой изъ преподавателей можетъ соединить этотъ предметъ съ своимъ, чтó производило бы разнообразіе стало-быть доставляло бы лишнее удовольствіе и ему и ученикамъ. Онъ желалъ бы также, чтобъ не посылали молодыхъ людей изъ школы въ университетъ безъ первоначальныхъ познаній въ исторіи литературы.

6.

«Онъ нападаетъ на существующее въ Москвѣ раздѣленіе на языки и реальныя науки. Онъ говоритъ, что есть разница между учителемъ языка и профессоромъ языка; что послѣдній не можетъ преподавать юношеству грамматику языка, не помышляя вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, чтобъ образовать сужденіе и даже сердце молодыхъ людей, тогда какъ учитель языка довольствуется тѣмъ, что наполнитъ имъ голову словами. Онъ говоритъ, что невозможно и вредно подчинить профессору преподаваніе въ продолженіе четырехъ часовъ сряду одного и того же, и я съ этимъ согласенъ.

7.

«Онъ желалъ бы, чтобъ въ школѣ былъ театръ и чтобъ ученики пріучались играть трагедіи и комедіи, дабы пріобрѣсти умѣнье держать себя непринужденно, выражаться свободно, имѣть грацію и проч. Несмотря на эти преимущества, которыми нельзя пренебречь, я нахожу, что не надо бы злоупотреблять этими драматическими представленіями, которымъ предшествуютъ долгія развлеченія, отрывающія отъ вседневнаго труда. Разъ или два въ годъ не болѣе».

II.

«Двѣ брошюры: одна о низшихъ и реальныхъ школахъ въ Майнцѣ, другая о латинскихъ школахъ въ той же странѣ, какъ кажется мнѣ, внушены прекраснымъ духомъ, и я полагаю, что трудно было бы сдѣлать лучшій выборъ предметовъ изученія и найти болѣе умную методу преподаванія. Въ послѣдней брошюрѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ учрежденіи гимназій или среднихъ школъ, предписывается преподавать языки: русскій, латинскій, французскій и греческій и предоставить каждому учиться языку французскому у себя или въ особыхъ школахъ, которыя не нуждаются въ поддержкѣ правительства.

Въ концѣ брошюры о реальныхъ школахъ приложенъ списокъ классныхъ пособій, все замѣчательныхъ. Изъ нихъ я отмѣ-

тилъ тѣ, которыя надо бы предпочтительно разсмотрѣть. Въ текстѣ приведены еще двѣ брошюры, заслуживающія большого вниманія: *Указаніе объ употребленіи азбуки.* Здѣсь, кажется, заключается метода, которую хотѣли принять за общую въ Майнцѣ и примѣнить ко всѣмъ предметамъ обученія. *Извѣстіе о томъ, какъ будутъ продолжаться занятія въ курфиршеской академіи школьныхъ учителей въ наступающемъ учебномъ 1773 году.* Кажется, что по этому заглавію въ Майнцѣ учредили академію для образованія школьныхъ учителей, и интересно было бы знать, какъ взялись за это.

Опытъ

Учебника для дѣтей поселянъ и для употребленія въ сельскихъ школахъ.

«Это сочиненіе назначено для образованія низшихъ гражданскихъ классовъ. Здѣсь религія занимаетъ часть книги. Въ остальной части сообщаются крестьянскимъ дѣтямъ вѣрныя и точныя понятія о предметахъ полезныхъ для ихъ просвѣщенія. Но этотъ опытъ не кажется мнѣ настолько удачнымъ, насколько могъ бы быть. Глава объ обществѣ и власти, о законахъ и солдатахъ показалась мнѣ одною изъ лучшихъ».

Другъ молодыхъ людей.

«Это переводъ съ французскаго, какого-то рапсодиста. *Другъ человѣка* Мирабо подалъ поводъ написать *Другъ женщинъ*, а потомъ и *Другъ молодыхъ людей.* Такъ слѣдуетъ по правилу. Но авторъ самъ ничего не обдумалъ, ничего не прочувствовалъ, ничѣмъ не проникнутъ, и стало-быть въ немъ нѣтъ ни жизни, ни силы. Можетъ-быть чтеніе такихъ книгъ и пригодно для нѣкотораго разряда головъ; но тотъ, кто приноситъ съ собою собственное содержаніе, не можетъ питаться подобными произведеніями».

III.

«Филантропинъ, учрежденный въ Дессау.

«Въ послѣднемъ выводѣ это все-таки чувствительная реклама ко всѣмъ благотворительнымъ сердцамъ, чтобъ они помогли своимъ кошелькомъ заведенію, которое, по моему мнѣнію, задумано на основаніи слишкомъ неопредѣленномъ, хотя его исполненіе, какъ бы ни было несовершенно, должно произвести нѣсколько благотворныхъ перемѣнъ въ общемъ воспитаніи.

«Три брошюры, касающіяся учрежденія нормальныхъ и низшихъ школъ въ Австріи.

«Первая есть эдиктъ императрицы-королевы Апостолической отъ 6-го декабря 1774, подъ заглавіемъ: — Общій училищный уставъ.

«Вторая: *Извѣстіе о настоящемъ состояніи нормальной школы и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ училищъ въ императорско-королевской резиденціи, городѣ Вѣнѣ, общія инструкціи для суперъинтенданта, директоровъ и преподавателей этихъ школъ.*

«Третья брошюра: *Начертанія для учрежденія нѣмецкихъ школъ*—самая значительная и замѣчательная изъ нихъ. Ее стóитъ прочесть со вниманіемъ, особливо тѣмъ, кто себя посвящаетъ обученію юношества.

«Метода, принятая въ этихъ школахъ, заключается въ таблицахъ, на которыхъ для каждаго предмета и каждой науки показана послѣдовательность и связь мыслей, какъ на генеалогическихъ таблицахъ послѣдовательность поколѣній. Я нахожу эту методу прекрасною, не только чтобъ связь идей, относящихся къ каждой наукѣ, запечатлѣлась въ памяти дѣтей прочно, но чтобъ они пріучились также къ отчетливости, къ ясности и точности мышленія, безъ которыхъ лучше не пріобрѣтать познаній. Составленіе такихъ таблицъ можетъ быть только дѣломъ отличнаго ума, и я считаю безыменнаго автора этой брошюры способнымъ составить очень хорошія таблицы. Надо бы выписать ихъ изъ Вѣны. Я отмѣтилъ въ самой брошюрѣ нѣкоторыя мѣста, показавшіяся

мнѣ достойными вниманія. То, что авторъ называетъ методой складыванья и что должно облегчать ученикамъ затверживаніе наизусть, заключается въ слѣдующемъ пріемѣ: на таблицѣ пишется заглавная буква каждаго слова рѣчи, которую они должны запомнить, прибавляя къ тому точки, запятыя и другіе знаки, служащіе для опредѣленія смысла словъ. Я понимаю, что такая метода можетъ чрезвычайно сократить трудъ заучиванья наизусть и что постоянное упражненіе должно много способствовать молодымъ людямъ къ усовершенствованію памяти. Вообще весь этотъ планъ обученія кажется мнѣ исполненнымъ здраваго смысла и прекраснымъ для соображеній и введенія при основаніи школъ».

Въ это же время оживленнаго обмѣна мыслей между императрицей и Гриммомъ по предмету основанія школъ, ее интересовалъ основанный Базедовомъ на новыхъ философскихъ началахъ (особливо Эмиля Руссо) космополитическій Филантропинъ въ Дессау (въ 1774 г.). Она долго добивалась мнѣнія о немъ Гримма, и когда получила приведенный выше отзывъ, что это заведеніе основано на началахъ довольно мечтательныхъ, что это болѣе чувствительная реклама къ благотворительнымъ сердцамъ, чтобъ они помогли заведенію своимъ кошелькомъ, нежели предпріятіе съ безкорыстной воспитательной цѣлью, она отвѣчала: «То, что вы мнѣ пишете о Филантропинѣ, неутѣшительно; я держусь нормальной формы, которая начинаетъ пріобрѣтать у насъ хорошую репутацію» [1]).

Такимъ образомъ видно, что планъ системы народнаго образованія долго зрѣлъ въ головѣ Екатерины. Все современное было принято ею во вниманіе и германская система школъ въ общихъ чертахъ была по долгомъ размышленіи признана лучшею. Нормальныя же австрійскія школы, съ тѣми измѣненіями, какихъ требовали различныя условія быта и образованія въ обѣихъ странахъ, были взяты въ образецъ для первоначальныхъ училищъ, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ австрійская учебная система,

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 306.

преобразованная Маріей Терезіей, получила превосходную организацію. Въ бесѣдахъ съ императоромъ Іосифомъ II Екатерина старалась основательно ознакомиться не только съ учебнымъ планомъ этихъ нормальныхъ школъ, но и со всѣми принятыми въ этихъ заведеніяхъ учебниками, которые она получила изъ рукъ самого Іосифа II [1]). Наконецъ императоръ рекомендовалъ ей для исполненія занимавшихъ её плановъ славянина, своего подданнаго, серба Янковича де-Миріево, директора училищъ въ Темешварѣ, который передъ тѣмъ участвовалъ въ преобразованіи этого дѣла въ Австрійскихъ владѣніяхъ и вскорѣ дѣйствительно былъ вызванъ въ Россію. Въ ноябрѣ 1782 г. Екатерина пишетъ: «Что касается до вашего пророчества, то я очень дорожу имъ. Учреждаемыя мною нормальныя школы такъ хорошо пошли, что здѣсь обучаются двадцать учителей, благодаря братцу Іосифу, который снабдилъ меня фактотумомъ, основавшимъ уже сто школъ. Онъ исповѣдуетъ греческую вѣру и говоритъ по-русски какъ я, или даже лучше меня. А книжка для чтенія въ будущихъ нормальныхъ школахъ будетъ списана изъ Александровой ручной библіотеки. Отдѣлъ естественной исторіи принадлежитъ профессору Палласу, математика — профессору Эпинусу, русская исторія — профессору исторіи при академіи. Такъ сшиваемъ мы теперь школьныя книжки — великое предпріятіе, которое осуществится съ быстротою молніи, такъ какъ все это на очереди только съ 1-го сентября!» [2]). Тѣ же пріемы ученія ввела государыня и въ Смольный монастырь, о чемъ въ 1783 году упоминаетъ такъ: «Я велѣла ввести и въ монастырь форму нормальную, которая ужасно не нравится невѣждамъ и о которой отъ досады «Нѣмецкая библіотека» въ Берлинѣ отзывается какъ нельзя хуже» [3]). Въ 1784 императрица писала: «Знаете ли вы, или не знаете, что мы имѣемъ здѣсь въ Петербургѣ десять нормальныхъ школъ въ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 183.
[2]) 254.
[3]) 286.

одинъ годъ и въ этихъ десяти школахъ болѣе 1000 учениковъ»? [1])

Бюффонъ, Бомаршэ, Руссо, Корилла.

Къ разрабатываемой эпохѣ принадлежатъ сношенія императрицы съ знаменитымъ естествоиспытателемъ того вѣка, Бюффономъ. Страстная къ чтенію всего, что могло питать ея ненасытную любознательность, Екатерина лѣтомъ 1779 г. проситъ Гримма прислать ей сочиненія Бюффона, говоря: «Кстати о сотвореніи міра, пришлите мнѣ пожалуйста книгу Бюффона, который говоритъ, что міръ существовалъ 74,000 лѣтъ и будетъ еще существовать 95,000 лѣтъ: я хочу знать причину этого». Чтеніе книги «Epoques de la Nature» произвело на императрицу сильное впечатлѣніе: «О, объ этомъ такъ можно говорить», пишетъ она Гримму: «это конечно сто́итъ прочесть; по-моему его гипотеза (о выдѣленіи земли и другихъ планетъ изъ солнца) есть торжество человѣческаго ума, или, лучше сказать, генія. Ньютонъ сдѣлалъ гигантскій шагъ впередъ, а вотъ и другой. Да, милостивый государь, эта книга прибавила мнѣ мозгу. Ахъ! какъ бы я желала, чтобъ онъ все досказалъ; мнѣ кажется, что объ эпохѣ человѣка онъ не опросталъ своего мѣшка; правда, что если далѣе развить его мысль, то она станетъ довольно ясною. Да, да, берега Волги и даже Сибирь полны памятниковъ и заключаютъ въ себѣ работы всякаго рода; теперь запрещено подъ страхомъ смерти раскапывать ихъ, съ тѣхъ поръ какъ нѣсколько разъ извлекали оттуда чуму въ началѣ этого вѣка и въ концѣ прошедшаго. Ахъ, милостивый государь, гипотеза Бюффона шевелитъ и переворачиваетъ головы: да, это что-то новое и все такъ удивительно хорошо ладится въ этой области» [2]). Вскорѣ послѣ того государыня, продолжая размышлять о заинтересовавшемъ ее чтеніи, пишетъ Гримму: «Такъ какъ вы призваны быть хранителемъ моихъ меч-

---

[1]) 301.
[2]) 166.

таній, то 1-го марта 1780 г. посылаю вамъ прилагаемые здѣсь вопросы.

Вопросы, пришедшіе въ голову невпопадъ при чтеніи «Эпохъ природы».

1) Когда матеріалъ, изъ котораго образовались планеты, выдѣлился изъ солнца, сдѣлалось ли отъ того солнце менѣе, потерявъ столько матеріи?

2) Не могутъ ли ежедневно случаться и еще такія же приключенія съ солнцемъ?

3) Отчего столько вѣковъ ничего подобнаго съ нимъ не приключалось?

4) Всякая комета уноситъ ли отъ солнца то что нужно, чтобъ образовать маленькій міръ?

Я не знаю графа де Бюффона; я не желала бы также предлагать ему вопросы столь маловажные, но я обращаюсь къ вамъ для того, чтобъ вы, которые навѣрное читали «Эпохи природы», сдѣлали одолженіе и отвѣчали мнѣ, разрѣшили мои сомнѣнія и сказали что́ вы объ этомъ знаете?» [1]) На эти вопросы Гриммъ заставилъ отвѣчать самого Бюффона, передавъ ихъ по назначенію. Послѣдній же отвѣчалъ на нихъ не однимъ только письмомъ къ императрицѣ, но и присылкою для нея къ Гримму большого ящика со всѣми своими сочиненіями и множествомъ раскрашенныхъ гравюръ, которыя Гриммъ препроводилъ на голландскій корабль, нагружавшійся въ Руанѣ и везшій между прочимъ картины графа Строганова, при чемъ Гриммъ саркастически прибавляетъ: «Ужъ вѣрно столько же будетъ уваженъ ящикъ, прямо адресованный къ вашему величеству, какъ вещи одного изъ вашихъ сенаторовъ» [2]). Черезъ годъ послѣ того, въ 1781 г., Гриммъ напоминаетъ императрицѣ, что она не можетъ не послать Бюффону какого-нибудь знака своего благоволенія, говоря:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 175.

[2]) Письма Гримма, 26.

«Г. Бюффонъ единственный избалованный литераторъ въ этой странѣ; онъ пользовался всегда особеннымъ отличіемъ при дворѣ. Я могу предполагать, не будучи волшебникомъ, что послѣ заискиванья въ немъ Минервы и послѣ приношенья, которое она дозволила ему возложить на свой жертвенникъ въ прошедшемъ году, онъ расчитываетъ, что ему можно будетъ похвастать отличіемъ, котораго домогаются по всей землѣ — именно отличія, исходящаго отъ Екатерины» [1]). Послѣ того онъ совѣтуетъ ей подарить Бюффону собраніе золотыхъ медалей, выбитыхъ въ ея царствованіе по случаю важнѣйшихъ событій, намекая на цѣнность подарка, сдѣланнаго самимъ Бюффономъ и прибавляя: «Зачѣмъ она настроила струны такъ высоко?» [2]) въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ: «Не скрою отъ вашего императорскаго величества, что камей (съ изображеніемъ головы Екатерины II), подобный тому, который возвратится ко мнѣ изъ Петербурга, вдѣланный въ богатую табакерку, вѣроятно произвелъ бы могучее впечатлѣніе на душу французскаго Плинія. Всѣ такъ привыкли къ щедротамъ вашего величества, что люди высшаго закала не увѣрены въ себѣ, т. е. въ своемъ геніи, пока они не получили какого-нибудь видимаго знака благоволенія Минервы-покровительницы, и какъ только они его получатъ, они шумятъ о томъ по цѣлой Европѣ. Моя ли это вина, или виновата царскосельская Минерва? Я отдаюсь на рѣшеніе совѣстнаго суда въ Петербургѣ» [3]).... «Всего несчастнѣе для меня то, что это привлекаетъ ко мнѣ безчисленную толпу надоѣдалъ, которые далеко не Плиніи, не Софоклы и не Гомеры французскіе, а всѣ хотѣли бы докучать императрицѣ своими приношеніями... Что касается до г. Бюффона, который нашелъ средство быть терпимымъ Сорбонной, невзирая на всѣ свои ереси, то я предупреждаю ваше величество, что у него есть единственный

---

[1]) Тамъ же, 167.
[2]) Тамъ же, 168.
[3]) Незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго.

сынъ, — офицеръ гвардіи, котораго отецъ заставитъ скорѣе путешествовать на сѣверъ нежели на югъ, какъ только онъ будетъ постарше, и все это затѣмъ, чтобъ получить черезъ него прямыя извѣстія о нѣкоемъ блестящемъ свѣтилѣ, постоянно видимомъ подъ шестидесятымъ градусомъ, вотъ уже лѣтъ двадцать» [1]).

По полученіи письма Бюффона государыня пишетъ: «Я очень признательна за его отвѣты на вопросы. Четвертый заставилъ меня задумываться; я желала бы знать причину движенія кометъ. Я похожа на г. Александра (внука ея): мнѣ бы очень пріятно было знать причины причинъ». Императрица горячо приняла къ сердцу заботу о подаркахъ Бюффону, велѣла приготовить ему коллекцію медалей въ великолѣпной шкатулкѣ, и съ ними послала ему еще дорогихъ сибирскихъ мѣховъ и отвѣчала на письмо его въ январѣ 1782 г., спрашивая Гримма хорошо ли оно написано. Кромѣ того въ разное время послала ему черезъ Гримма же въ видѣ маленькаго вниманія сначала цѣпь, найденную на берегахъ Иртыша, а потомъ табакерку сдѣланную изъ камня, по словамъ ея, въ Петербургѣ очень обыкновеннаго, такъ какъ имъ устилали шоссе между Петербургомъ и Петергофомъ и который, по увѣренію генерала Бауэра, былъ лабрадоръ, камень безпрестанно мѣняющій цвѣтъ при обтесываніи и обдѣлкѣ. Императрица при этомъ спрашивала его мнѣнія объ этомъ камнѣ. О цѣпи же государыня пишетъ: «Посылаю вамъ для графа де Бюффона подарокъ, который, я полагаю, доставитъ ему удовольствіе. Это золотая цѣпь, найденная въ полѣ крестьянами, пахавшими на берегу Иртыша въ Сибири. Эта цѣпь была привезена въ Петербургъ купцами и попала въ руки нѣкоторыхъ дамъ, которыя сдѣлали изъ нея браслеты и цѣпочки для часовъ. Я завладѣла ими и послала часть въ академію, а остальное посылаю г. Бюффону. Крючечки сдѣланы здѣсь, но четыре части цѣпи, по мнѣнію лучшихъ здѣшнихъ мастеровъ, такой работы, что ни произвести подоб-

[1]) Письма Гримма 171, 172.

ной, ни поддѣлать они не въ состояніи, стало-быть она не нашего времени.» [1].)

Императрица пожелала также имѣть бюстъ знаменитаго ученаго и заказала его черезъ Гримма Гудону, который уже дѣлалъ для нея бюстъ Вольтера, — прибавивъ, что онъ долженъ быть изъ бѣлаго мрамора и что Бюффонъ занимаетъ въ ея мнѣніи весьма почетное мѣсто, ибо она считаетъ его первой головой своего вѣка въ области естествознанія. Объ обѣщанномъ пріѣздѣ сына Бюффона императрица отозвалась, что очень будетъ рада оказать ему гостепріимство.

Въ іюлѣ 1782 года она приняла пріѣзжаго молодого человѣка въ Царскомъ Селѣ и отписала Гримму: «Я видѣла сына г. Бюффона и приняла его какъ сына знаменитаго человѣка, то есть безъ всякой церемоніи: онъ со мною обѣдалъ въ Царскомъ Селѣ; бюстъ его отца поставленъ въ Эрмитажѣ... Вы можете сказать г. Бюффону, что я ничего не нахожу такого въ его сынѣ, чтобъ нужно было наставлять его, и стало-быть не думаю, чтобъ нашелся случай примѣнить право, которое онъ мнѣ даетъ бранить его; поблагодарите его также за присылку продолженія его сочиненій. Мнѣ было бы очень жаль, еслибъ исполнилось то, что́ мнѣ сказалъ сынъ его,—что онъ не хочетъ ничего болѣе писать; надѣюсь, что онъ измѣнитъ свое намѣреніе» [2]).

Но къ сожалѣнію молодой Бюффонъ не оправдалъ добраго мнѣнія о немъ императрицы. Онъ уѣхалъ тою же осенью обратно во Францію, и уже по отъѣздѣ его она писала: «Здѣсь увѣряютъ, что этотъ молодой человѣкъ очень часто напивается пьянъ и что его видѣли пьянымъ въ обществахъ; надѣюсь, что это неправда. До сихъ поръ въ немъ нельзя замѣтить головы отца; но правда, что онъ еще ребенокъ» [3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 188.
[1]) Тамъ же, 204.
[2]) 244—245.
[3]) 260.

Уже прежде мы говорили, что книгопродавецъ Панкукъ передалъ право на изданіе сочиненій Вольтера Бомаршэ, котораго императрица не жаловала, и по этому поводу она писала: «Я отчаяваюсь, чтобъ когда-нибудь были напечатаны сочиненія Вольтера, потому что вовсе не вѣрю словамъ и обѣщаніямъ Фигаро» [1]). Гриммъ писалъ ей, какъ пріѣзжалъ къ нему Бомаршэ съ разными предложеніями на счетъ подписки императрицы, заявляя, что онъ поставитъ во главѣ изданія: *Напечатано въ царскосельскомъ дворцѣ*, что онъ велитъ оттиснуть одинъ экземпляръ на веленевой бумагѣ для государыни; но Гриммъ уклонился отъ всякихъ сдѣлокъ съ нимъ, говоря, что передача Панкукомъ изданія перемѣняетъ всѣ условія и необходимо испросить у императрицы новыхъ инструкцій. Бомаршэ цѣлый годъ послѣ того не являлся къ Гримму, и когда тотъ встрѣтилъ его, то авторъ Фигаро жаловался, что подписка плохо идетъ. Гриммъ заключилъ изъ этого, что сочиненія Вольтера долго еще не появятся, и называя Бомаршэ человѣкомъ, который гонится не за однимъ зайцемъ, приписывалъ неуспѣхъ подписки недовѣрію къ задуманной имъ большой лотереѣ. Государыня благодарила Гримма за его осторожность и писала: «Я говорю аминь на ваши распоряженія, и спасибо, что вы предупредили всякій поводъ къ процессамъ, недоразумѣніямъ и какимъ бы ни было дѣламъ съ Фигаро — Севильскимъ цирюльникомъ, котораго я очень люблю въ представленіи, но съ которымъ знакомства надо избѣгать какъ можно долѣе» [2]). Пьеса же «Женитьба Фигаро» положительно не нравилась Екатеринѣ, и она высказала о ней слѣдующее мнѣніе. «Если я буду писать комедіи, то Женитьба Фигаро не можетъ служить мнѣ образцомъ, потому что послѣ прочтенія великаго Іонатана Вильда я никогда не находилась въ такомъ дурномъ обществѣ, какъ на этой знаменитой свадьбѣ. Вѣроятно подражаніе комедіямъ древнихъ вывело на сцену этотъ дурной вкусъ, кото-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 285.
[2]) 140.

рый казался съ того времени очищеннымъ. Выраженія Мольера были свободны; но они исходили изъ неподдѣльно- возбужденной веселости и мысль его никогда не была порочна, тогда какъ въ этой, столь знаменитой пьесѣ безпрестанныя двусмысленности никуда негодны, и это продолжается цѣлыхъ три съ половиною часа. Кромѣ того это сѣть интригъ, на которую потрачена продолжительная работа, и нѣтъ ни капли правдоподобія. Я ни разу не засмѣялась при чтеніи; можетъ-быть, игра актеровъ придаетъ цѣлому комизмъ» [1]).

О лотереѣ Бомаршэ Екатерина писала: «Избѣгайте пожалуйста всякихъ дѣлъ съ этимъ человѣкомъ; я до смерти ненавижу лотереи: онѣ запрещены у меня, какъ туземныя, такъ и иностранныя. . . . Я не желаю его программы, не люблю ни его лотерей, ни безконечныхъ его претензій; книги желаю покупать у книгопродавцевъ и не хочу имѣть кошку въ карманѣ» [2]). При появленіи напечатанныхъ въ изданіи Бомаршэ писемъ Вольтера къ императрицѣ, она была очень недовольна и писала: «Послушайте, это дерзость со стороны Бомаршэ, что онъ безъ моего позволенія напечаталъ письма, мнѣ принадлежащія; впрочемъ, если это только письма, написанныя ко мнѣ Вольтеромъ, то мнѣ все равно, лишь бы *мои* письма не были напечатаны: но если онъ напечаталъ и *мои*, то прошу васъ устроить, чтобъ они не появлялись; хотя въ нихъ конечно нѣтъ ничего, могущаго поразить непріятно; но онъ заслуживаетъ наказанія за то, что много себѣ позволилъ» [3]). Когда же оказалось невозможнымъ помѣшать напечатанію этихъ писемъ, то Екатерина потребовала, чтобъ по крайней мѣрѣ выпущены были мѣста, отмѣченныя по ея порученію Гриммомъ. Этотъ поступокъ Бомаршэ подалъ ей поводъ обратиться къ Гримму съ слѣдующими словами о разсматриваемой нами перепискѣ: «Послушайте, всѣ мы смертны: сожгите мои

---

[1]) 334.
[2]) 177, 202.
[3]) 421—422.

письма, чтобъ они не были напечатаны при моей жизни: они гораздо вольнѣе, чѣмъ письма мои къ Вольтеру и могли бы надѣлать дьявольскаго вреда; я требую, чтобъ вы ихъ сожгли, слышите ли? или положите ихъ въ такое вѣрное мѣсто, чтобъ сто лѣтъ никто не могъ откопать ихъ» [1]).

Не замѣчательно ли, какъ точно исполнилось это желаніе императрицы?

Руссо также не пользовался ея сочувствіемъ. Почти никогда не говоритъ она о немъ въ своихъ письмахъ. Послѣ смерти его вырвалось у нея такое шуточное слово о немъ: «Вы съ вашими опасеніями на счетъ пропажи писемъ похожи на покойнаго Ж. Ж. Руссо, сомнительной памяти, который воображалъ, что цѣлая Европа занимается изобрѣтеніемъ козней противъ него, тогда какъ никто объ этомъ и не думалъ» [2]). Однакоже, и мы уже сказали это по поводу воспитанія великаго князя Александра Павловича, Екатерина безсознательно подчинялась вліянію нѣкоторыхъ взглядовъ Руссо, а мысль его быть погребеннымъ въ саду очень ей нравилась [3]). Въ 1791 году, въ разгаръ французской революціи, императрица дѣлаетъ слѣдующую замѣчательную собственноручную выписку изъ Руссо и присоединяетъ ее особой записочкой къ письму отъ 13-го мая: «Руссо въ своихъ *Разсужденіяхъ о польскомъ правительствѣ*, изданіе 1793 г., стр. 264, говоритъ: Гордая и святая свобода! Еслибъ эти бѣдные люди могли знать тебя, еслибъ они знали какою цѣною ты пріобрѣтаешься и сохраняешься, когда бы они чувствовали насколько законы твои суровѣе ига тирановъ, ихъ слабыя души — рабы страстей, которыя пришлось бы подавлять — убоялись бы тебя во сто разъ болѣе нежели рабства; они съ ужасомъ бѣжали бы отъ тебя, какъ отъ ноши, которая грозитъ задавить ихъ. — Полезно прочесть и то, что предшествуетъ послѣднему воскли-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 422.
[2]) 117.
[3]) 167.

цанію: оно не менѣе сильно. Потрите-ка объ это курносые носы» [1]).

Довольно часто упоминается въ перепискѣ имя Кориллы. Это была итальянка, прославившаяся своимъ поэтическимъ талантомъ, уроженка Пистойи — Марія Магдалина Морелли, въ 1771 году увѣнчанная въ Капитоліи вѣнцомъ, нѣкогда присужденнымъ Петраркѣ и Тассу. Она умерла во Флоренціи 8-го ноября 1800 года. Уже въ 1776 государыня упоминаетъ о ней; о пріязни къ ней графа Алексѣя Орлова и о ея необыкновенной поэтической организаціи она говоритъ: «Я уже имѣла очень высокое мнѣніе о Кориллѣ: эта женщина рождена быть Сибиллой; древній Римъ воздвигъ бы ей храмы, до того онъ умѣлъ чтить всякаго рода добродѣтели и таланты. Новый Римъ воздвигъ ихъ множество глупцамъ, которые обладали только духомъ партій; а когда одно это обоготворяется и чтится, то и добродѣтели являются только модныя; другіе же роды добродѣтелей остаются въ тѣни и теряютъ цѣну. Это, конечно — средство имѣть людей какихъ хочешь, но не способствуетъ появленію великаго» [2]). Въ 1778 году графъ Алексѣй Орловъ вызывалъ Кориллу въ Петербургъ, а въ маѣ 1779 государыня писала Гримму: «Что касается до Кориллы, то если ей хочется пріѣхать зябнуть съ нами, я ей въ томъ не препятствую, и вотъ проектъ о проводникѣ Дени Дидро почти принятъ; я напишу объ этомъ графу Алексѣю Орлову, черезъ котораго до меня дошло предложеніе этой дамы, и тогда проводникъ можетъ похвалиться, что сопровождалъ двѣ головы, самыя богатыя воображеніемъ, какія у насъ еще остаются» [3]). Но пріѣздъ Кориллы не состоялся. Изъ послѣдующей переписки видно, что она черезъ Гримма прислала длинное письмо со стихами (сонетомъ) и переводомъ къ нему, и императрица велѣла сказать ей, что еслибъ сама писала такъ же хорошо, то отвѣчала бы ей по-

---

[1]) Les nez Camus, намекъ на Камю, янсениста и депутата въ конституціонномъ собраніи и конвентѣ.

[2]) 56.

[3]) 140.

хвалой ея таланту. Ей назначена была маленькая пенсія, выдача которой была поручена Гримму, а позже послана медаль, которыхъ нѣсколько было роздано Гриммомъ по порученію императрицы за разныя литературныя и художественныя заслуги.

Графъ Каліостро, Масоны, графъ Караманъ, Гернгутеры.

Очертивъ отношенія Екатерины къ просвѣщенію и замѣчательнымъ людямъ эпохи въ области литературы и мысли, коснемся теперь ея взглядовъ на тѣ мистическія секты, которыя въ то время занимали общество и имѣли на него вліяніе.

Въ іюнѣ 1781 года Гриммъ пишетъ: «Говорятъ, что у насъ здѣсь скоро будетъ графъ Каліостро, шарлатанъ, производящій много шуму въ Страсбургѣ вотъ уже шесть мѣсяцевъ. Онъ творитъ чудеса, какъ всѣ ему подобные, и однако отличается отъ своихъ товарищей тѣмъ, что ни за что въ мірѣ не заставишь его принять денегъ; можно только даромъ получить здоровье отъ этого чудеснаго человѣка. Ваше величество можетъ-быть не знаете, что графъ Каліостро былъ очень друженъ съ августѣйшей Греческой императрицей; итакъ я могу спросить его, что ей дѣлать, чтобъ истребить остатокъ своего ревматизма. Онъ очень хвалится ея милостями, но утверждаетъ, что первые доктора ея не были къ нему такъ добры, какъ ихъ государыня. Они имѣли несчастіе завидовать его наукѣ (бѣдный г. Рожерсонъ!), и императрица вынуждена была,—чтобы предохранить графа отъ козней своихъ докторовъ,—дать ему конвой до границы. Эта честь не всякому дается, и я только не смѣлъ сказать, что его провожали, какъ другихъ выпроваживаютъ. Если онъ пріѣдетъ сюда, то будетъ въ своей настоящей сферѣ, потому что для шарлатановъ всякаго рода существуютъ только Парижъ и Лондонъ. Чѣмъ болѣе они глупы, тѣмъ болѣе могутъ быть увѣрены найти поклонниковъ въ этихъ двухъ клоакахъ глупости человѣческой»[1]).

[1]) Письма Гримма 186—187.

Императрица не безъ нѣкоторой досады на безстыдную ложь хвастливаго шарлатана отвѣчала на это слѣдующей картинкой, рисующей тогдашніе нравы и эпизодъ пребыванія Каліостро въ Петербургѣ: «Такъ какъ вы говорите мнѣ о шарлатанѣ Каліостро, то и я должна вамъ кое-что о немъ разсказать. Онъ пріѣхалъ сюда, выдавая себя за испанскаго посланника и испанца по происхожденію, давая знать, что онъ колдунъ, мастеръ волшебства, показываетъ духовъ и имѣетъ ихъ въ своемъ полномъ распоряженіи. Услышавъ это, я сказала: этотъ человѣкъ совершенно напрасно сюда пріѣхалъ; нигдѣ онъ не успѣетъ менѣе чѣмъ въ Россіи; здѣсь не сжигаютъ колдуновъ, и въ двадцать лѣтъ царствованія было всего только одно дѣло, въ которомъ утверждалось существованіе колдуновъ, и тогда сенатъ пожелалъ ихъ видѣть; когда же ихъ привели, то ихъ объявили глупыми и вполнѣ невинными. Г. Каліостро однако пріѣхалъ въ весьма благопріятную для него минуту, въ минуту когда нѣсколько масонскихъ ложъ, напитанныхъ ученіемъ Сведенборга, непремѣнно желали видѣть духовъ; итакъ они бросились къ Каліостро, который увѣрялъ, что обладаетъ всѣми тайнами доктора Фалька, задушевнаго друга графа Ришельйэ и который нѣкогда заставилъ его среди Вѣны принести въ жертву чернаго козла, но, къ несчастію для него, онъ не могъ удовлетворить любопытства тѣхъ, которые хотятъ все видѣть, все осязать, тамъ гдѣ видѣть и осязать нечего. Тогда г. Каліостро выпустилъ свои дивныя тайны исцѣленій: онъ выдумалъ извлекать ртуть изъ ноги подагрика, и его поймали на томъ, что онъ влилъ ложечку ртути въ воду, въ которую велѣлъ посадить этого подагрика. Потомъ онъ изобрѣлъ краски, которыя ничего не окрашивали, и химическіе составы, которые ничего не произвели. Затѣмъ онъ имѣлъ долгую и щекотливую ссору съ уполномоченнымъ испанскимъ, оспаривавшимъ у него титулъ и качество испанца, послѣ чего мы открыли, что онъ едва умѣлъ читать и писать. Наконецъ, опутанный долгами, онъ спасся въ погребъ г. Елагина — смѣщен-

наго или свергнутаго съ своей кафедры [1]), гдѣ онъ пилъ столько шампанскаго и портера сколько могъ; вѣроятно, онъ когда-нибудь перешелъ обыкновенную мѣру, потому что, выходя изъ за стола, онъ зацѣпилъ за тупей домашняго секретаря. Тотъ далъ ему пощечину. Отъ пощечинъ дошли до кулаковъ. Г. Елагину надоѣлъ братецъ, игравшій роль крысы въ его погребу, а также слишкомъ большой расходъ вина и пива, жалобы секретаря, и онъ учтиво уговорилъ его отправиться въ кибиткѣ, но не по воздуху, какъ тотъ грозилъ улетѣть. И чтобъ кредиторы никакъ не воспрепятствовали проѣзду этого легкаго экипажа, онъ далъ ему стараго инвалида для сопровожденія его и графини до Митавы. Вотъ исторія Каліостро, въ которой является всякая всячина, кромѣ чудеснаго. Я никогда не видала его ни издали, ни вблизи, и не имѣю никакого желанія его видѣть, потому что вовсе не люблю шарлатановъ. Увѣряю васъ, что Рожерсонъ думалъ о Каліостро столько же, а можетъ-быть и менѣе, чѣмъ о Ноевомъ ковчегѣ. Князь Орловъ противъ своего обыкновенія не придавалъ Каліостро никакого значенія: онъ смѣялся даже надъ тѣми, которые изъ пустого любопытства старались его увидѣть, и не мало способствовалъ къ тому, чтобъ разбавить водой вино сторонниковъ этого бѣдняги; но такъ какъ шарлатаны, даже самые глупые и невѣжественные, имѣютъ право производить впечатлѣніе въ большихъ городахъ, надо полагать что Каліостро будетъ на мѣстѣ въ Парижѣ» [2]).

Когда же Каліостро, послѣ процесса съ кардиналомъ Роаномъ (по поводу знаменитаго ожерелья, купленнаго для Маріи Антуанеты), былъ посаженъ въ тюрьму, то императрица писала: «Я очень одобряю приговоръ, по которому г. Каліостро и жена его подверглись тюремному заключенію; давно уже эта чета того заслуживала; удивительно, какъ этотъ глупецъ Каліостро, не умѣющій ни читать, ни писать и невѣжественный до крайности,

---

[1]) Т. е. театральной дирекціи.
[2]) *Сб. И. О.*, XXIII 212.

могъ вводить людей въ обманъ и, право, загадочно какъ и чѣмъ, потому что его глупость и круглое невѣжество не могли не обнаруживаться съ первой минуты передъ самыми недальновидными [1])». Императрица полагала, что строгимъ отношеніемъ къ шарлатанству и обману вообще можно бы остановить вредъ ихъ, и говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Это остановило бы ярость къ таинственнымъ ученіямъ, которыми такъ заразились теперь въ Германіи и Швеціи и которыя и у насъ начали было приниматься, но мы приводимъ это въ порядокъ» [2]). Однако парижскій парламентъ оправдалъ Каліостро послѣ десятимѣсячнаго заключенія. О кардиналѣ же Роанѣ по поводу этого дѣла государыня такъ выражалась: «Что же это значитъ, что уже третій Роанъ подозрѣвается въ мошенничествѣ и окруженъ плутами? Фи, какъ я не люблю, чтобъ грязнили почетныя имена... Этотъ человѣкъ рожденъ для того, чтобъ даваться въ обманъ, и дошелъ до совершеннаго безумія, хоть онъ и архіепископъ Страсбургскій и князь Священной Имперіи» [3]).

Екатерина съ своимъ яснымъ, здравымъ и практическимъ умомъ конечно не могла сочувствовать никакимъ таинственнымъ ученіямъ, и еще ранѣе такъ отзывалась о мистицизмѣ и масонахъ: «Знаете ли, что одно изъ величайшихъ сумасбродствъ, бывшихъ когда-либо въ ходу среди рода человѣческаго, — это франъмасонство. Я имѣла терпѣніе прочесть въ печати и рукописяхъ всѣ скучныя нелѣпости, которыми они занимаются, и видѣла съ возмущеніемъ, что какъ ни смѣйся двадцать разъ надъ людьми по поводу одной и той же ихъ слабости, они не становятся отъ того ни умнѣе, ни просвѣщеннѣе, ни осторожнѣе. Хороши всѣ эти вздоры, и возможно ли, чтобъ послѣ всеобщаго осмѣянія, разумное существо наконецъ не разувѣрилось? Исторія Адонирама такъ нелѣпа и столько повторялась, что хотѣлось бы ея распространителей отправить вмѣстѣ съ нимъ къ дьяволу; вотъ

[1]) 362.
[2]) 375.
[3]) 362, 366.

чѣмъ занимаются герои вѣка и этотъ принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій во главѣ и столько другихъ, и Вольтера принимаютъ они въ среду свою; ну право, возможно ли все это, и какъ они не смѣются, встрѣтясь другъ съ другомъ»?.. [1]).

«Надо вамъ сказать, что для удовлетворенія любопытства больного [2]) я принялась читать всѣ глупости и нелѣпости масонскія, и такъ какъ это доставляло мнѣ множество матеріала, чтобъ подшучивать по крайней мѣрѣ надъ сотней лицъ въ день, господа члены братства поспѣшили просвѣтить меня поболѣе, полагая такимъ образомъ привлечь меня на свою сторону. Всѣ стряпуны принесли мнѣ самую свѣжую горчицу всѣхъ странъ и сектъ и между прочимъ новыя ребячества отъ васъ. Вотъ мой отвѣтъ, пока не пришлю въ другой разъ еще больше:

Mettez pour légende
Inutiles petits moyens
Dont il ne résulte rien.

«Форма этого притворства, увеличивая конечный результатъ случаевъ лицемѣрія въ этомъ мірѣ, совокупляетъ религіозные обряды съ дѣтской игрой; она носитъ на себѣ неопровержимую санкцію той страны, гдѣ зародилась, то-есть страны кишащей монастырями, конгрегаціями регулярными и иррегулярными, каноніками, аббатствами и проч. и проч. Всѣ лица къ нимъ принадлежащія даютъ тамъ самые превосходные обѣты. Польза для человѣчества отъ этихъ учрежденій, была однако такъ убѣдительно доказана въ странахъ самыхъ просвѣщенныхъ, что послѣдовательными усиліями старались уменьшить ихъ число; кто дѣлаетъ добро для добра, тому зачѣмъ обѣты, притворство съ переодѣваньемъ, столько же суетнымъ какъ и смѣшнымъ?

«Когда стряпунъ прочелъ это, то онъ возразилъ мнѣ: — «согласитесь однако, что то, что я далъ вамъ, лучше остального». —

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 167.
[2]) И. И. Шувалова.

На это я отвѣчала: «Вижу, что трудно васъ исцѣлить, но если вы хотите знать, что́ я объ этомъ думаю, скажу вамъ, что по сравненію, это еще смѣшнѣе и нелѣпѣе всего другого, такъ какъ здѣсь соединеніе притворства съ ребячествомъ»... Однимъ словомъ, всѣ стряпуны плоски, уничтожены и даже прежній директоръ солнца въ оперѣ Нитетти (Елагинъ). Головѣ моей хотѣлось все это вамъ высказать. Никогда голова не работала съ такимъ прилежаніемъ какъ моя, и уже съ давняго времени» [1]).

Въ числѣ шарлатановъ, имѣвшихъ успѣхъ въ высшихъ петербургскихъ кругахъ Екатерина въ письмахъ своихъ называетъ еще нѣкоего графа Карамана, мистика, вліянію котораго подпалъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Надъ этимъ часто подсмѣивается государыня и въ одномъ письмѣ говоритъ Гримму: «Скажите мнѣ пожалуйста, какая надобность вамъ присылать къ намъ скучныхъ людей? Здѣсь ихъ полдюжины, которыхъ вы могли бы сохранить тамъ у себя, и міръ ничего не потерялъ бы отъ этого. Вы скажете, что это въ отместку, потому что ежедневно получаете такихъ же отъ насъ: пожалуй, но какая надобность была напримѣръ присылать къ намъ графа Карамана, экономиста и безрукаго, чтобы вызвать и увеличить всѣ сердечныя и умственныя страданія оберъ-камергера—нерѣшительность, ревматизмы и всякія безцѣльныя стремленія? Вы уморите этого человѣка, и если г. Караманъ захочетъ, то онъ посадитъ его въ пузырь и заставитъ летать среди бѣла дня надъ нашими головами, такъ онъ имъ занятъ. Но всего лучше то, что оберъ-камергеръ воображаетъ, будто этотъ господинъ здѣсь подъ его руководствомъ, и Богъ знаетъ какія нелѣпыя предпріятія онъ затѣваетъ со своимъ безрукимъ, который, какъ говорятъ, человѣкъ самый обыкновенный; но наклонность къ ханжеству заставляетъ святошу видѣть въ сынѣ другого святоши произведеніе живительной набожности, которая можетъ быть только исполнена благочестія, особливо

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 168—169.

когда оно таково, какъ намъ нужно, потому что ханжи никогда себя не забываютъ» [1]).

Удивительное знаніе человѣческаго сердца обнаруживаютъ эти замѣчательныя слова, такъ же какъ и всѣ сужденія Екатерины о томъ напускномъ благочестіи, которое выбираетъ изъ евангельскаго ученія только то, что́ ему сподручно, что́ согласуется съ свѣтской пустотою и требованіями житейской выгоды. О высокомъ уваженіи государыни къ духу истиннаго христіанства мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, но и въ сужденіи ея о Гернгутерахъ есть замѣчательное мѣсто, свидѣтельствующее о ея уваженіи къ православной церкви: «Вы сами не знаете, что́ говорите», пишетъ она Гримму: «вы ненавидите полоцкихъ, шутовъ а любите г. Рэнтгена [2]), хотя сознаете, что эти Гернгутеры столько же Іезуиты, какъ и другіе: вотъ прекрасное сужденіе! Вы такъ же противорѣчите себѣ какъ и я. Ваши Гернгутеры развѣ не отвергнуты ревностными сторонниками Мартына, такъ же какъ другіе маркизомъ Петромъ (папою)? Но все это принимаетъ мать святая церковь греческая, которая во всѣхъ видитъ людей и ко всему безъ исключенія относится съ терпимостью... Если вы любите гернгутерскія формы, желаю вамъ за грѣхи ваши подругу такой формы внѣшней и внутренней, послѣ чего вы сообщите мнѣ свои впечатлѣнія. Я видѣла ихъ тридцать шесть въ прекрасный лѣтній день, когда всѣ бѣгали на нихъ смотрѣть, какъ на чудо безобразія, и всѣ возвращаясь клялись, что́ не видали ничего подобнаго этимъ образцамъ [3]). Эти Гернгутеры умѣютъ узить умъ и кромѣ того обладаютъ въ высшей степени искусствомъ безобразить женщинъ. Между моими парадоксами существуетъ такой: что безобразіе человѣческаго тѣла женскаго или мужского есть недостатокъ воспитанія и если воспитаніе дѣй-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 291.

[2]) Столяръ гернгутеръ, привезшій въ Петербургъ разныя издѣлія на продажу.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 331.

ствительно хорошо, то красота души и тѣла должны итти рука объ руку, и одно должно быть послѣдствіемъ другого» [1]).

Извѣстно, что Екатерина пробовала осмѣивать мистическія секты даже въ своихъ комедіяхъ. Такъ она въ началѣ 1786 г. пишетъ Гримму, что ея комедія *Обманщикъ* и другая *Обольщенный* «произвели большое впечатлѣніе и пріостановили ревность тѣхъ и другихъ». На послѣдней изъ этихъ комедій, по словамъ ея, опять присутствовалъ св. синодъ «не въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ полномъ составѣ, и горячо рукоплескалъ пьесѣ» [2]). Тутъ же сказано, что пишется еще комедія *Шаманъ Сибирскій*, которая и была играна осенью того же года. Этотъ шаманъ — лицо, прошедшее черезъ 140 различныхъ ступеней (масонскихъ) и достигшее той степени блаженства, на которой онъ уже не отвѣчаетъ тѣмъ, кто съ нимъ говоритъ, а вмѣсто того мяукаетъ кошкой, поётъ пѣтухомъ, лаетъ собакой и проч. и пр., но при этомъ остается все таки большимъ плутомъ и обманщикомъ [3]).

Общее положеніе Европы и внѣшняя политика съ 1780-го по 1787-й годъ.

Въ обзорѣ политическихъ событій Европы до 1780 года мы дошли до вооруженнаго нейтралитета — этого великаго акта государственной мудрости Екатерины, ограничившаго хотя на время деспотизмъ Англичанъ и ихъ захваты на всѣхъ моряхъ и во всѣхъ частяхъ свѣта. Государыня писала объ этомъ осенью 1780 года: «Теперь еще нашъ нейтралитетъ на помочахъ, но скоро онъ выступитъ походкой большой и красивой дѣвушки» [4]). На основаніи этого нейтралитета Екатерина заняла въ рѣшеніяхъ Европы первенствующее мѣсто и нельзя нагляднѣе очертить это положеніе, какъ сдѣлавъ нѣсколько интересныхъ извлеченій изъ писемъ

[1]) 358.
[2]) 374.
[3]) 394.
[4]) 194.

Гримма. Съ свойственнымъ ему остроуміемъ онъ очень мѣтко изображаетъ въ шуточномъ тонѣ взаимныя отношенія главныхъ европейскихъ державъ. При этомъ онъ съ явнымъ и искреннимъ расположеніемъ къ Россіи указываетъ, какое почетное и славное положеніе она можетъ занять среди всеобщей путаницы, произведенной въ Европѣ великою Сѣверо-Американской войной, при затруднительныхъ обстоятельствахъ Англіи и слабости Франціи, опираясь на объявленный Екатериною вооруженный нейтралитетъ. Конечно при этомъ Гримму, какъ западному европейцу, трудно допустить мысль, что политика Россіи можетъ быть національною на собственную пользу, и онъ постоянно видитъ ея задачу только въ умиротвореніи Европы. Вотъ какими словами, хотя и не чуждыми нѣкоторой лести, изображаетъ Гриммъ осенью 1780 года то положеніе, которое Екатерина умѣла создать себѣ въ Европѣ своимъ твердымъ и мудрымъ образомъ дѣйствій, такъ неуклонно направленнымъ на благо Россіи: «Когда я вижу властелиновъ міра, суетящихся около ея (русской императрицы) школы; когда я вижу флагъ ея развѣвающимся на моряхъ, чтобъ заявить этой стихіи, покрытой морскими разбойниками, что настало царство правосудія; когда я вижу августѣйшее и священное имя, никогда не произносимое при мнѣ безъ особеннаго чувства, уважаемымъ и чтимымъ наперерывъ всѣми націями; когда я вижу прежнихъ ея хулителей или вынужденными публично отрекаться, или униженными до постыднаго молчанія, тогда сердце мое наполняется счастьемъ и отъ радости готово разорваться на тысячу кусковъ» [1]. . . Я увѣренъ, что рано или поздно (потому что минута опредѣлится безумiемъ или мудростью другихъ) наша августѣйшая государыня дастъ миръ Европѣ и Америкѣ, такъ какъ въ послѣдніе годы, можно сказать съ тѣхъ поръ какъ она царствуетъ, ничего прекраснаго, мудраго, великаго въ этомъ мірѣ не совершается безъ нея и ея счастливаго вліянія». . . . «Трезубецъ гордой повелительницы, не довольствуясь владычествомъ на

[1]) Письма Гримма 47.

Каспійскомъ морѣ, Понтѣ Евксинскомъ и Балтикѣ, провозглашаетъ уставъ безпристрастія и справедливости на моряхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ варварствомъ и разбоями акулъ всякаго рода» [1]).

Около того же времени Гриммъ сообщаетъ государынѣ мнѣніе Фридриха II о вооруженномъ нейтралитетѣ. «Мнѣ приносятъ письмо высокаго союзника вашего величества, гдѣ онъ говоритъ: — «Морской уставъ, о которомъ вы мнѣ пишете, есть великое твореніе генія и политики; онъ таковъ, какъ можно было ожидать его отъ нашей великой императрицы, которая на всякое дѣяніе свое кладетъ печать безсмертія». — И затѣмъ выражена надежду, что г. полковникъ (т. е. я), когда поѣдетъ въ Россію, не откажетъ при проѣздѣ здѣсь (въ Потсдамѣ) пріостановиться для свиданія съ старымъ подполковникомъ русскимъ, который приметъ его съ удовольствіемъ.

«Закрывъ пакетъ, я снова его раскрываю, чтобъ сказать моей августѣйшей государынѣ смиренно и правдиво, что я получилъ коммерческое письмо изъ Лиссабона, извѣщающее меня, что адмиралъ Борисовъ бросилъ тамъ якорь 8 сентября (1780) съ своей дивизіей изъ пяти кораблей и двухъ фрегатовъ и что кавалеръ Полибинъ поѣхалъ крейсеровать со своими къ Канарскимъ островамъ. Боже храни флагъ всей Россіи!»

Эта эскадра была послана къ берегамъ Португаліи, чтобъ побудить королеву португальскую присоединиться къ вооруженному нейтралитету, какъ говоритъ объ этомъ сама государыня: «Очень рада узнать, что мой прежній союзникъ одобряетъ вооруженный нейтралитетъ; сестрица Донна Марія начинаетъ одумываться; адмиралъ Борисовъ возымѣлъ для нея неотразимую прелесть, или, лучше сказать, его десять кораблей» [3]).

Но всего забавнѣе изображаетъ Гриммъ положеніе Англіи и

---

[1]) Тамъ же 88, 129.
[2]) Тамъ же 81—82.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 194.

Франціи въ слѣдующей комической картинкѣ, которую называетъ сномъ наканунѣ Новаго года [1]):

«Такъ какъ эта война, по словамъ вашего величества и по чутью всѣхъ честныхъ людей, самая глупая въ мірѣ, то императрица повелитъ морямъ успокоить свою ярость, морскимъ разбойникамъ прекратить свои разбои или, говоря безъ фигуръ, она остановитъ морскую войну, какъ остановила германскую. Это впрочемъ будетъ дѣломъ не одного вашего величества, хотя однако слава такого подвига будетъ приписана вамъ однѣмъ, тогда какъ вашему доброму братцу Георгу слѣдовало бы получить свою частичку этого пирога: вѣдь онъ поставилъ императрицу въ исключительную необходимость успокоить моря надежнѣйшимъ образомъ. Этотъ внезапный и надменный разрывъ съ Батавами (Голландцами) конечно геніальная выходка, не имѣющая другой цѣли, какъ учтиво вызвать императрицу показаться будущею же весною въ Ла-Маншѣ во главѣ пятидесяти или шестидесяти кораблей вооруженнаго нейтралитета. Такъ какъ она имѣетъ дѣло съ глухими, то правда, что она принуждена будетъ разговаривать съ ними нѣсколько вблизи; но это и будетъ единственное для нея усиліе; впрочемъ, все обойдется съ величайшею въ свѣтѣ любезностью и вѣжливостью. Прикрывъ Батавовъ своимъ заступничествомъ, она скажетъ Галламъ и Англиканамъ: Господа, долго ли вы будете еще безумствовать? Одни отвѣтятъ ей: государыня, право мы вовсе не закоренѣли въ своихъ глупостяхъ. Пусть насъ не трактуютъ какъ шалуновъ за то, что мы при могущественномъ Людовикѣ XV, управляемые великими геніями, были биты и на морѣ и на сушѣ: вотъ предѣлъ нашихъ нынѣшнихъ желаній, чтобъ насъ болѣе не били, ибо мы теперь управляемся людьми разумными. Въ сущности же, государыня, мы требуемъ того же, чего вы и сами требуете — законной свободы для всѣхъ. Мы не требуемъ смерти грѣшника. Если же онъ навлекъ на себя болѣзнь, мы въ томъ не виновны. Онъ очень

---

[1]) Письма Гримма 94, 95, 96.

долго забавлялся тѣмъ, что отсѣкалъ себѣ руки и ноги, а потомъ сталъ кричать: Мы ли тому причиной? Впрочемъ, мы видимъ по силѣ его голоса, что несмотря на отрубленныя руки, этотъ шутъ еще очень живучъ и еще далеко пойдетъ, не взирая на свои глупости, только потому что предки его нѣкогда были очень мудры. Вотъ стало-быть, дѣла со стороны Галловъ устроены. Съ другой стороны отвѣтятъ: Государыня, какъ скоро вы на этотъ тонъ берете, примите, что мы ничего не сказали ни Батавамъ, ни еще менѣе вамъ, такъ какъ вы, обладая наружностью матери амуровъ, на дѣлѣ жестки какъ Юнона волоокая, которую самъ дьяволъ не отведетъ отъ мыслей, забравшихся разъ въ ея голову. Я еще не нахожусь въ такомъ горячечномъ состояніи, чтобъ не захотѣть сохранить ни одного друга на землѣ. Въ сущности я уподобился пьяницѣ, который съ успѣхомъ отбивается отъ рукъ людей посильнѣе его, но наконецъ упалъ бы отъ изнеможенія, еслибъ вы не были столь добры и не взяли меня за руку, чтобъ отвести въ постель, гдѣ мнѣ необходимо отдохнуть ото всѣхъ безумствъ, которыя я натворилъ. Что же касается до руки, отрубленной мною у себя съ такой ловкостью, я чувствую, государыня, что хотя вы и волшебница, вамъ никакъ не пришить ее къ моему плечу; итакъ не будемъ объ этомъ говорить. Избавьте меня только отъ сквернаго слова «независимость». Дайте мнѣ заключить съ москотильными торговцами Америки перемиріе, по которому они очутились бы ни рыбой ни мясомъ, ни зависимыми, ни независимыми, или, говоря яснѣе, по которому они станутъ независимы, но безъ этого титула, а я постараюсь привыкнуть мало по малу къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ своей превосходной глупости. На это государыня скажетъ: Господа той и другой стороны, такъ какъ вы возвращаетесь къ здравому смыслу, что́ лучше поздно чѣмъ никогда, такъ поцѣлуйтесь же, пусть ваши дурачества кончатся и я болѣе о васъ никогда не хочу слышать; но вы, господинъ потребитель пунша, не думайте, что послѣдній припадокъ вашего безумія пройдетъ вамъ безнаказанно: такъ какъ вы перебили горшки мирныхъ и ней-

тральныхъ Батавовъ, вы за нихъ заплатите, и за всѣ, отъ перваго до послѣдняго, и до моего ухода: потому что я хочу, чтобъ правосудіе оказано было. И чтобъ подобныя низкія дѣла не совершались впредь, не угодно ли вамъ будетъ присѣсть немножко за азбуку; я хочу заставить васъ повторить при всѣхъ свой катехизисъ, чтобъ узнать не забыли ли вы его. На это императрица вынетъ изъ кармана свой морской катехизисъ, заставитъ повторить его громкимъ и внятнымъ голосомъ, статью за статьей, всѣхъ учениковъ, какой бы они ни были націи. Всякій подпишется подъ нимъ и обѣщаетъ болѣе не забывать его. Этотъ катихизисъ отдадутъ въ переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, съ надписью на корешкѣ: морской символъ безсмертной Екатерины, со всѣми его правами и дарующими блаженство догматами вѣры. Тогда императрица возвратится изъ Ла-Манша въ Финскій заливъ, среди благословеній и одобрительныхъ восклицаній народовъ. Вотъ, государыня, какой я видѣлъ сонъ эту ночь, наканунѣ греческаго новаго года. Когда я говорю, что видѣлъ ея пріѣздъ въ Ла-Маншъ, я не тѣлесно перемѣщаю ее, а разумѣю ея духъ, который разливается и распространяетъ свое могущественное вліяніе во всѣхъ извѣстныхъ концахъ земли для счастія человѣчества» [1]).

Императрицу очень позабавило это изображеніе; она благодаритъ Гримма за добрыя пожеланія и прибавляетъ: «Не знаю чѣмъ этотъ годъ себя покажетъ; онъ начался было маленькими переговорами; но они идутъ такъ вяло, что повидимому ни къ чему не приведутъ. Мнѣ кажется, что только я одна желаю видѣть прекращеніе тревоги этой войны, и вы увидите также, что я менѣе всего извлеку выгодъ изъ моей доброй воли. Но оставимъ эти дѣла, которые распутаетъ время [2]). И въ другомъ мѣстѣ встрѣчается возраженіе государыни, на желаніе Гримма втянуть ее въ европейскія распри: «О, не говорите мнѣ о посредничествѣ: ахъ, эти пачкуны такъ все портятъ, такъ путаютъ,

[1]) Письма Гримма 94, 95, 96.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 197, 198.

такъ безчестны, что я уже сыта по горло; желала бы послать всѣ эти дѣла къ дьяволу и когда вы ихъ отсылаете туда же, то я говорю аминь» [1]).

Всегда мудро уклоняясь отъ вмѣшательства въ дѣла Европы, какъ скоро въ нихъ не были прямо замѣшаны интересы Россіи, Екатерина теперь менѣе чѣмъ когда-либо была расположена въ нихъ вступаться съ оружіемъ въ рукахъ, готовясь къ мирному присоединенію Крыма, которому такъ благопріятствовали обстоятельства.

Положеніе Франціи. Людовикъ XVI, Неккеръ, Сегюръ.

Мы уже ранѣе сказали, что при Людовикѣ XVI отношенія между Франціей и Россіей измѣнились къ лучшему. Гриммъ съ удовольствіемъ писалъ, что Парижъ наполненъ вывѣсками съ именемъ императрицы всероссійской, кофейнями, большими отелями подъ названіемъ «Россія» и даже магазинами платья подъ вывѣскою: «Русскій щеголь». Екатерина смѣялась тому, что вошла въ моду, находя, что это ей уже не по возрасту. «Какъ любопытно», говорила она, «что мода приходитъ съ Сѣвера; но еще любопытнѣе что Сѣверъ и особливо Россія въ модѣ во Франціи. Какъ? послѣ того, что объ насъ думали, говорили и писали такъ худо! По крайней мѣрѣ надо будетъ сознаться, что во всемъ этомъ нѣтъ послѣдовательности; надѣюсь, что по прибытіи этого письма чадъ пройдетъ» [2]). Она отчасти приписывала улучшеніе своихъ отношеній къ Франціи посланнику г. Жюинье и вспоминала о немъ такъ: «Скажите г. Жюинье, что мнѣ всегда пріятно слышать его имя, потому что онъ весьма честный человѣкъ и измѣнилъ тонъ, который имѣли его предшественники» [3]). По случаю рожденія дофина императрица, въ апрѣлѣ 1782 года, выражала свое удовольствіе и расположеніе къ Людовику XVI. Письмо

[1]) 200.
[2]) 270.
[3]) 200.

ея начинается такъ: «4 апрѣля, на другой день послѣ праздника въ честь маленькаго дофина, праздника, на которомъ я пробыла три часа, потому что онъ давался въ домѣ бывшаго вице-канцлера и меня интересуетъ первенецъ Людовика XVI по причинѣ добрыхъ поступковъ его чиновниковъ» [1]). Кромѣ того она послала Гримму фасонъ платьица безъ швовъ своего внучка Александра, для будущаго употребленія дофина.

Гриммъ не разъ хвалитъ счастливый выборъ государственныхъ людей въ началѣ царствованія Людовика: напр. Морепà, Верженна, Неккера и Кастри. Послѣдняго онъ называетъ человѣкомъ непоколебимой честности, возвышеннаго образа мыслей, великаго характера и большой мудрости, и въ видѣ высшей похвалы ему выражаетъ мысль, что онъ былъ бы достоинъ служить Екатеринѣ II. О расположеніи Верженна къ императрицѣ Гриммъ упоминаетъ не разъ, представляя его работавшимъ подъ начальствомъ Шуазэля, во вредъ Россіи, совершенно противъ своего убѣжденія, и теперь опрокинувшимъ министерскую репутацію послѣдняго, такъ что онъ никогда болѣе не возстановится. Мы видимъ изъ этой переписки, что Верженнъ выручилъ ѣхавшую изъ Италіи моремъ картину Менгса Андромеду, купленную императрицей и попавшую въ руки корсаровъ, но не хотѣлъ ничего взять за выкупъ ея, потребовавъ отъ Гримма только 24 копейки русской монетой, будто бы за укладку и хлопоты.

При этомъ Гриммъ въ шутку жалуется, что хотя онъ и добрый Русскій, но не имѣетъ ни одной русской копейки подъ рукою и проситъ государыню выслать ему съ курьеромъ или эскадрой 24 хорошо отчеканенныя русскія копейки. Екатерина отблагодарила Верженна за такую любезность присылкой женѣ его дорогой шубы, давъ этому подарку такой шуточно деликатный оборотъ, какъ будто она нашла въ ящикѣ съ картиной чужую вещь, вѣроятно принадлежащую г-жѣ Верженнъ, и нечаянно въ немъ забытую.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 235.

При посылкѣ императрицѣ знаменитаго отчета Неккера въ началѣ 1781 года отъ имени самого автора, Гриммъ такъ опредѣляетъ характеръ этого государственнаго человѣка, говоря о его произведеніи: «Это сочиненіе произвело здѣсь сильное впечатлѣніе; но такъ какъ я постоянно замѣчалъ, что здѣшняя публика рано или поздно мститъ за восторгъ и увлеченіе, которыя внушены ей, то я никогда такъ не боялся за г. Неккера, какъ въ эти минуты, когда вижу его превознесеннымъ на верхъ славы. Его произведеніе конечно по всей Европѣ надѣлаетъ шуму. Я не знаю, будете ли ваше величество имѣть время прочесть его и не оттолкнетъ ли васъ лабиринтъ французскихъ финансовъ, черезъ который надо пройти. Особенно характерно въ человѣкѣ, хотя всѣ могли замѣтить это такъ же какъ и онъ самъ, его собственное завѣреніе, что онъ постоянно лишаетъ себя наслажденія что-либо дѣлать во имя дружбы. Это неутѣшительно для тѣхъ, въ комъ онъ принимаетъ участіе. Конечно министръ прежде всего общественный человѣкъ, а потомъ уже другъ, а г. Неккеръ, иностранецъ и протестантъ, долженъ быть строже въ этомъ отношеніи, чѣмъ другой. Но дружба должна ли быть поводомъ къ устраненію, и когда общественное мѣропріятіе причинило вредъ кому-нибудь, въ комъ принимаешь участіе, надо ли бояться исправить это изъ опасенія, что насъ обвинятъ въ услугѣ, оказанной дружбѣ? Вотъ казуистическій вопросъ трудно разрѣшимый. Но вѣрно и всѣми замѣчено, что выгоднѣе быть врагомъ г. Неккера и считаться передъ нимъ виноватымъ, нежели быть его другомъ: потому что онъ никогда не сокращалъ и не бралъ ничего у тѣхъ, на кого онъ могъ жаловаться, чтобъ не заподозрѣли его въ увлеченіи страстью и мщеніемъ, и никогда онъ не хотѣлъ поправить зло, причиненное друзьямъ его распоряженіями, изъ опасенія, чтобъ его не сочли пристрастнымъ къ нимъ. Это можетъ-быть доказываетъ великій характеръ; но я не имѣю духу этому завидовать» [1]).

Здѣсь Гриммъ намекаетъ на то, что Неккеръ своимъ распо-

[1]) Письма Гримма 118, 119.

ряженіемъ объ уничтоженіи всѣхъ выдачъ съ откуповъ лишилъ пенсіи г-жу д'Эпинэ. Чтобъ пояснить это обстоятельство, не излишне будетъ сказать, что г-жа д'Эпине, больная и имѣвшая на рукахъ трехъ внучковъ, теряла такимъ образомъ свое единственное достояніе и находилась въ самомъ стѣсненномъ положеніи. По всегдашней своей добротѣ и великодушію императрица пришла къ ней на помощь покупкою у ней двухъ брильянтовъ, и даже вызывалась хлопотать о сохраненіи этой пенсіи, но Гриммъ удерживалъ её, боясь, чтобъ это не имѣло вида жалобы со стороны г-жи д'Эпинэ и еще болѣе ей не повредило. Но, несмотря на личную причину неудовольствія противъ Неккера, Гриммъ, по благородству характера, не только отдавалъ справедливость его талантамъ, но и извинялъ его поступокъ отчаяннымъ положеніемъ финансовъ во Франціи. Онъ говоритъ: «Императрица никогда не пойметъ, какимъ образомъ государь можетъ взять назадъ то, что разъ далъ, ничѣмъ того не замѣняя, и когда передъ нимъ ни въ чемъ не провинились, а тутъ рѣчь идетъ о пенсіи въ какія-нибудь полторы тысячи рублей; но ваше величество не можете имѣть яснаго понятія, что́ такое—запутавшееся въ долгахъ правительство, по неволѣ скаредное и всегда ищущее, гдѣ бы занять денегъ» [1]).

Вотъ какъ отозвалась государыня о Неккерѣ по полученіи его отчета: «Поблагодарите отъ меня г. Неккера за его превосходное сочиненіе и скажите ему, что я въ высшей степени цѣню труды его и особливо его таланты. Я не сомнѣваюсь, что небо предназначило ему вывести Францію изъ того затруднительнаго положенія, въ какомъ онъ засталъ финансы этого королевства; но это работа не одного года, я знаю это по опыту» [2]).

Предчувствія Гримма о паденіи Неккера оправдались слишкомъ скоро. Уже въ іюнѣ того же 1781 года Гриммъ писалъ о его увольненіи: «Ваше величество узнали въ свое время объ отставкѣ этого замѣчательнаго человѣка. Такое событіе должно

[1]) Письма Гримма 39.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 197.

было удивить издали и это можетъ быть единственное рѣшительное событіе глупой войны, которая такъ сердитъ ваше величество; но тѣ, кто видѣлъ дѣла вблизи, видѣли также приближеніе этого несчастія тихими шагами, и считали его неизбѣжнымъ задолго до его совершенія. Зато я дьявольски сердился на этого дьявола человѣка всю эту зиму; онъ доказалъ мнѣ, что когда головы разгорячатся, то чѣмъ кто умнѣе, тѣмъ дѣлаетъ болѣе тяжелыя неловкости. Да здравствуютъ дураки, умѣющіе вести себя превосходно! Это истина, которою я проникнутъ давно. Имъ не надо поручать поведенія другихъ, но въ своемъ собственномъ они безукоризненны. Г. Неккеръ прекрасно управлялъ финансами королевства; но за то, что онъ хотѣлъ итти слишкомъ быстро, итти съ большимъ шумомъ, и можетъ-быть не терпѣлъ возлѣ себя людей, не искавшихъ исторгнуть у него славы, — единственнаго его идола, — онъ сломалъ себѣ шею. Еслибъ онъ шелъ потише, то непремѣнно достигъ бы цѣли своихъ стремленій; но между тѣмъ какъ никто не смѣлъ думать о томъ, чтобъ смѣстить его, онъ самъ спѣшилъ къ своей погибели и можетъ-быть увлекъ туда же Францію. Я считаю его человѣкомъ умершимъ; онъ не перенесетъ этой катастрофы; онъ рожденъ для великихъ дѣлъ, онъ только и былъ здоровъ съ тѣхъ поръ какъ былъ при мѣстѣ, и развѣ ему представится случай управлять имперіей, я не вижу для него спасенія. Ваше величество скажете мнѣ: ну, онъ немножко любилъ продавать товаръ лицомъ, громко зазывать въ свою лавку, привлекать всѣ взоры и можетъ-быть отводить ихъ ото всѣхъ другихъ, чтобъ исключительно наслаждаться шумомъ своей репутаціи: какая же въ томъ бѣда? Тѣмъ лучше, если находишь людей подъ рукою, которые полагаютъ все свое существованіе и видятъ всю награду въ этихъ игрушкахъ. Ваше величество говорите какъ вторая Екатерина, или какъ Екатерина вторая. При ней Неккеръ пришелъ бы къ безсмертію со всѣмъ громомъ, котораго онъ желалъ, а императрица сказала бы съ улыбкой: Боже мой, до чего люди — большія дѣти! Но когда при исполненіи должности, въ которой нельзя не нажить себѣ цѣлаго сонма вра-

говъ, имѣешь еще неловкость оскорблять гордость, можетъ-быть даже чувства тѣхъ, кого слѣдовало бы беречь, что можетъ тогда сдѣлать юный король среди столкновенія страстей, воюющихъ вокругъ него? Онъ вынужденъ избрать изъ нѣсколькихъ золъ то, которое ему представляютъ неизбѣжнымъ. Государственный человѣкъ сказалъ: Франція должна, быть очень крѣпка, чтобъ выдержать все это, особливо если будутъ продолжать войну съ энергіей предшествовавшихъ годовъ. Всего болѣе можно опасаться, что все войдетъ въ обычный порядокъ, то есть въ безпорядокъ, и что едва подавленныя злоупотребленія всѣ незамѣтно возобновятся. Тогда г. Неккеръ увидитъ со скорбію, что его министерство прошло какъ одинъ изъ тѣхъ блестящихъ метеоровъ, которые на минуту ослѣпляютъ своимъ блескомъ, но которыхъ полётъ слишкомъ быстръ, чтобъ оставить прочное воспоминаніе и впечатлѣніе. Ваше величество совершенно правы, его трудъ не могъ быть дѣломъ одного года, только чрезъ десять или двадцать лѣтъ могли обнаружиться неизгладимые слѣды его, освященные благословеніями народовъ» [1]).

Впечатлѣніе, произведенное и на императрицу отставкою Неккера въ первую минуту, выразилось въ слѣдующихъ строкахъ:

«Г. Неккеръ потерялъ свое мѣсто; это былъ прекрасный сонъ, приснившійся Франціи, и большая побѣда для враговъ ея. Характеръ этого рѣдкаго человѣка заставляетъ удивляться ему въ двухъ его сочиненіяхъ, потому что «Записка» стоитъ вполнѣ «Отчета». Король Франціи прикоснулся ногою къ великой славѣ. Ну, теперь не скоро что-нибудь подобное опять явится. Нужна была голова мастера, которая бы слѣдила за прыжками г. Неккера. Что же касается до слабости его предпочитать враговъ друзьямъ своимъ, то я понимаю, что голова навыворотъ, подобная его головѣ, могла считать великою доблестью охотнѣе дѣлать добро первымъ, и въ самомъ дѣлѣ не малая добро-

[1]) Письма Гримма 194, 195, 196.

дѣтель обходить друзей своихъ, чтобъ полагать преграду требованіямъ и показывать верхъ безпристрастія» [1]).

Долго государыня не могла приняться за внимательное чтеніе отчета Неккера и писала: «Увы! чтобъ не солгать, я еще не читала книги г. Неккера; два раза я ее начинала, но столько являлось дѣлъ и препятствій, что я еще не прочла и двадцати страницъ» [2]). Одолѣвъ наконецъ вступленіе, она говоритъ: «Я прочла вступленіе книги г. Неккера; я только что его кончила. Такъ какъ онъ дорожитъ вниманіемъ къ себѣ, то увѣрьте его въ моемъ уваженіи; видно, что онъ былъ на мѣстѣ и исполнялъ свое дѣло страстно, и самъ онъ въ томъ признается. Я люблю эти слова:— «что́ я сдѣлалъ, то сдѣлалъ бы и опять».—Такъ не говорятъ не добрые люди; надо имѣть много доброты, чтобъ не потерять изъ нея ничего послѣ столькихъ невзгодъ. Я прочту остальное и поговорю объ этомъ еще ранѣе, чѣмъ будетъ кончено это посланіе» [3]).

Когда же Неккеръ прислалъ ей свое большое сочиненіе о финансахъ, то она не очень желала за него приняться и объясняла это такъ: «Я думала, избавиться отъ этого чтенія, потому что французскіе финансы до меня не касаются, а также и потому что не думаю, чтобъ тамъ можно было чему-нибудь научиться для себя, развѣ только тому чтобъ избѣгать всего, являющагося камнемъ преткновенія, а я полагаю, что тутъ мы нѣсколько знаемъ, чего надо избѣгать. . . . Я вовсе не люблю фискальнаго духа, ни изобрѣтенія мелкихъ обложеній, которыя только истязаютъ людей, а приносятъ очень мало. Такъ какъ бюллетени говорятъ, что король французскій очень занятъ чтеніемъ книги г. Неккера, то я полагаю, что все неудовольствіе на него и его книгу не будетъ имѣть послѣдствій. Вѣдь не всякій же Людовикъ XV, котораго покровительство ни къ чему не служило» [4]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 214, 215.
[2]) 359.
[3]) 371.
[4]) 334, 338.

Читая сочиненія Неккера и не будучи въ состояніи одолѣть ихъ, императрица писала: «Какая комиссія быть осужденной читать то, что до васъ не касается, что вамъ кажется скучнымъ, какова напр. отвратительная матерія финансовъ всехристіаннѣйшаго короля. Я не поздравляю его, что у него будетъ 48 сборщиковъ вмѣсто 12-ти. Я думаю, что скоро его величество узнаетъ который изъ этихъ образчиковъ финансовъ приходился ему болѣе по вкусу, потому что онъ пощупалъ и Тюрго и Неккеровъ и настоящую путаницу. Всѣ они имѣли разные взгляды: Экономисты, философы, выжиматели кошельковъ; слава Богу, я всѣми очень довольна и все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ, прочищеніе же кошелька тоже хорошо» [1]).

Въ 1787 году Калоннъ также доставилъ Екатеринѣ свою записку, и она говоритъ: «Г. Калоннъ прислалъ мнѣ свой длинный списокъ проектовъ, который онъ выдаетъ за собственную работу короля; я еще этого не читала, и очень боюсь, чтобъ оно не было такъ же скучно, какъ три тома г. Неккера; желаю по крайней мѣрѣ, чтобъ это не было столько же мечтательно и безполезно» [2]).

Полное же разочарованіе въ дѣятельности Неккера императрица выражаетъ уже послѣ революціи 89 года, въ 1790, когда вполнѣ обрисовались результаты этой дѣятельности: «Что касается г. Неккера, то я давно откланялась ему»—говоритъ она, «и думаю что для счастія Франціи, было бы лучше еслибъ онъ никогда не вмѣшивался въ ея дѣла» [3]).

Въ 1791 году государыня, возвращаясь къ Неккеру, говоритъ Гримму: «Вы были другомъ г. Неккера, сколько мнѣ помнится, до перваго его вступленія въ министерство: такъ отчего же не старались вы нашептывать ему то, что вы думали о его предпріятіяхъ? Но впрочемъ я знаю, что трудно образумить человѣка, если небо наказываетъ или надѣляетъ его гордостью; тогда всѣ органы его закрыты и онъ ничего слушать не хочетъ. Онъ одинъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 372.
[2]) 403.
[3]) 483.

видитъ, изобрѣтаетъ, обсуждаетъ, а все что говорятъ другіе, будь это лучшія вещи въ мірѣ, становится только оскорбленіемъ его гордости; гордый опьяненъ своею гордостью; я такихъ видѣла и списываю съ натуры».

Со времени перваго удаленія отъ дѣлъ Неккера и еще бо́льшихъ затрудненій французскихъ финансовъ, государыня часто называетъ Людовика XVI: *бѣдные люди*, arme Leute, большею частію употребляя, когда говоритъ о немъ, нѣмецкій языкъ, и такъ выражается: «Бѣдные люди! Люди необутые въ сапоги не могутъ терпѣть обутыхъ (т. е. слабые твердыхъ). Они для нихъ слишкомъ дюжи, толсты, тяжелы, слишкомъ разсудительны, логичны, полновѣсны: все это затрудняетъ. Болѣе дѣйствовать, менѣе говорить вотъ способъ, которымъ часто достигалось болѣе, чѣмъ громкою болтовней о самомъ себѣ. Много есть людей на свѣтѣ, которымъ не всегда хочется видѣть свои творенія въ зеркалѣ. Ну, теперь онъ сидитъ и скучаетъ, и потому пишетъ; но къ чему же это послужитъ? кто же отыскиваетъ людей по картинкѣ? И гдѣ ихъ найти? Искуство въ томъ, чтобъ со всякими людьми заставлять итти дѣла какъ можно лучше и каждый день лучше»[1]). И въ другомъ мѣстѣ: «Но, Боже мой, бѣдные люди, что же они дѣлаютъ! Въ теченіе девяти лѣтъ они не могутъ выбрать основныхъ началъ, чтобъ знать желаютъ ли они имѣтъ откупщиковъ или не хотятъ откупа; свѣту это кажется опасно, легкомысленно и робко. Мнѣ очень жаль, что они мнѣ оказываютъ столько дружбы, такъ что я могла бы лопнуть отъ благодарности, еслибъ была воздушный шаръ; но такъ какъ Господь уберегъ меня отъ этого, то я иду своей дорогой, хоть и не безъ признательности, но не связывая себя»[2]). Наконецъ, незадолго до революціи, уже въ 1787 году, Екатерина опять говоритъ: «Бѣдные люди! они хотятъ быть моими друзьями. Мнѣ право очень, очень жаль, что они внутренно и наружно такъ больны сердцемъ и слабы. Вы правду говорите, необходимо иногда разнообразить походку, чтобъ

[1]) 372.
[2]) 272.

достигнуть успѣха въ этомъ мірѣ, и надо какъ можно менѣе выставки. Доказательство — отчетъ г. Неккера» [1]).

Въ 1784 году французскимъ посланникомъ въ Россію назначенъ былъ Сегюръ. За это время письма Гримма не сохранились и мы не знаемъ, какъ онъ рекомендовалъ Сегюра Екатеринѣ, но въ началѣ 85 года: она пишетъ «Я не удивляюсь репутаціи г. Сегюра, но она мнѣ кажется заслуженною и навѣрное онъ лучше всего, что отъ васъ когда-либо пріѣзжало въ нашу страну. Остается узнать, будутъ ли глаза его ослѣплены предубѣжденіями, привычками, предписаніями и архивными свѣдѣніями, или онъ будетъ видѣть вещи ясно и не станетъ критиковать того, что у насъ не дѣлается, не думается, не говорится. Умны только мы одни: [2]) вотъ ужасная балаболка [3]), висящая на носу политиковъ нѣкоторыхъ государствъ, заставляющая ихъ закидывать голову назадъ, точно какъ отъ украшенія, висящаго между глазами турецкихъ и персидскихъ лошадей въ упряжи этихъ странъ, украшенія, которое совершенно отсутствуетъ въ англійской упряжи, потому что тамъ сочли бы его черезъ чуръ жестокимъ для лошади. Англичанинъ слишкомъ любитъ свое животное, чтобъ привѣсить ему такое безпокойное украшеніе передъ глазами. Не есть ли это блестящее сравненіе»? [4])

Вообще государыня хорошо понимала, какъ легкомысленно и невѣрно Французы всегда судили о насъ и что если когда-нибудь случалось имъ выказывать Россіи чувства дружбы, то это было только подъ вліяніемъ минутнаго интереса или случайной преходящей моды, а никакъ не въ слѣдствіе прочнаго расположенія, основаннаго на изученіи страны или на сочувствіи народному характеру. Такъ она говоритъ: «Я желала бы знать, кто вамъ сказалъ, что я не имѣю вѣрнаго понятія о Франціи; скорѣе же Французы вовсе не знаютъ Россіи, потому что бо́льшая часть ихъ не-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 431.

[2]) Т. е. Французъ вообще.

[3]) Frandouille — слово, сочиненное государыней или гдѣ-нибудь ею вычитанное, но не находящееся ни въ одномъ словарѣ.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 337.

вѣжественна, а другіе обмануты на нашъ счетъ или дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страсти или по недостатку прозорливости, тогда какъ я всегда очень хорошо знала, чего можно отъ нихъ ожидать» [1]).

Извѣстно, что Сегюръ оказался самымъ пріятнымъ и веселымъ собесѣдникомъ въ глазахъ императрицы, не только на придворныхъ собраніяхъ, но и въ короткомъ обхожденіи и въ путешествіяхъ, на прогулкахъ и проч.: «Если Франція имѣетъ много головъ подобныхъ г. Сегюру», говоритъ государыня, «то я поздравляю её: къ достоинству, уму, талантамъ, знаніямъ онъ присоединяетъ благородство характера и любезность» [2]). Къ этому она прибавляетъ: «онъ кажется любитъ и уважаетъ маркиза Лафайэта, и надѣется, что онъ пріѣдетъ сюда; если послѣдній стóитъ его, то это будетъ очень пріятное знакомство».

Германія.

Хотя о Фридрихѣ II въ перепискѣ вообще говорится рѣдко, но нельзя пройти молчаніемъ и немногія высказанныя о немъ сужденія Екатерины за послѣднее время его жизни. Въ началѣ 1781-го года Гриммъ писалъ: «Мнѣ неизвѣстно, государыня, послалъ ли земной союзникъ вашего величества, въ качествѣ петербургскаго академика, нашей августѣйшей покровительницѣ брошюру своего сочиненія о нѣмецкой литературѣ. Такъ какъ я по милости, или благодаря спеціальному беззаконію вашего величества, собратъ по академіи этого августѣйшаго писателя, то онъ не преминулъ прислать мнѣ свое произведеніе, и я не могъ выразить ему за то своей благодарности, не войдя нѣсколько въ полемику. Эта книга возбудила большой соблазнъ въ Священной Имперіи; великій богословъ и великій медикъ — одинъ въ Брауншвейгѣ, другой въ Бреславлѣ,—уже опровергли её со всѣмъ уваженіемъ, подобающимъ сѣдой и коронованной головѣ автора.

[1]) 251.
[2]) 342.

Гэттингенская литературная газета также произнесла о ней свое мнѣніе. Ну конечно нельзя отрицать, что царственный авторъ не достаточно знакомъ со своимъ предметомъ и судить о нѣмецкомъ языкѣ почти какъ слѣпой о цвѣтахъ. Очень поучительно для людей размышляющихъ видѣть великаго государя (и, что́ еще хуже, великую по уму голову), посвящающаго значительное время чтенію, и который, живя среди своего отечества, въ столицѣ, обладающей нѣсколькими писателями первой силы, не знаетъ этого, не подозрѣваетъ, что его родной языкъ уже не тотъ, какимъ говорили и писали вокругъ него шестьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И совершенно искренно онъ остается въ невѣдѣніи насчетъ всего, что́ писалось вокругъ него въ продолженіе сорока лѣтъ, насчетъ того, какой переворотъ произошелъ въ языкѣ и головахъ германскихъ, и стало быть онъ не можетъ постичь, что многія литературныя произведенія его страны гораздо выше тѣхъ скучныхъ брошюръ, которыя появляются въ Парижѣ и гдѣ мысли нѣкоторыхъ великихъ умовъ повторяются, разбавляются и уродуются на тысячу ладовъ» [1]).

Екатерина отвѣчаетъ на это: «Я ничего не получала и не читала о нѣмецкой литературѣ, но слышала, что объ этомъ отзывались также, какъ и вы объясняете; но что же вы хотите? Онъ принялъ извѣстный складъ, видитъ мало людей, а когда и видитъ, то *онъ* говоритъ, а другіе слушаютъ; никому нѣтъ выгоды ему противорѣчить, и его боятся. Этихъ причинъ достаточно, чтобъ онъ не зналъ многаго. Возрастъ тутъ также что-нибудь да значитъ. Въ 1740 году [2]) мы были молоды, а теперь уже нѣтъ» [3]).

Гриммъ отвѣчалъ: «То что вашему величеству угодно было сказать о старомъ господинѣ Беззаботномъ [4]), то и Тацитъ сказалъ бы не лучше того: именно этотъ старый господинъ никогда не говорилъ никому изъ своихъ застольниковъ того, что импера-

---

[1]) Письма Гримма 129—130.

[2]) Годъ вступленія Фридриха II на престолъ.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 202.

[4]) Т. е. обитателѣ дворца Sans-souci.

трица, его высокая союзница, сказала однажды своему многострадальному: «знаете ли вы, что вы ужасно *отдѣлали* (étrillé) меня сегодня?» и это заставило названнаго многострадальнаго такъ расхохотаться въ присутствіи августѣйшей *отдѣланной*, что я не могу вспомнить о томъ безъ слезъ умиленія и печали, восклицая: какое это было время! какая бесѣда, что за невѣроятное сновидѣніе! но я нарочно хочу напечатать книгу, чтобъ доказать, что король, который избѣгаетъ быть ежедневно отдѣланнымъ, стóитъ можетъ-быть не болѣе самой прекрасной сорочки, еслибъ её никогда не мыли» [1]).

Въ своихъ отзывахъ о Фридрихѣ Екатерина приводитъ нѣкоторыя явныя доказательства его неблаговоленія къ себѣ. Такъ она упоминаетъ о его стараніяхъ поссорить её съ принцемъ Генрихомъ, или, лучше, удалить её отъ него распространеніемъ слуховъ, что послѣдній сошелъ съ ума. Въ другомъ обстоятельствѣ— именно по поводу пребыванія молодаго Бобринскаго за границей, государыня сообщаетъ Гримму, что имѣетъ въ рукахъ доказательства, какъ происки и интриги Ирода и Герцберга (le boutonné) клонились къ тому, чтобъ создать въ головѣ молодого человѣка призракъ какого-то воображаемаго врага, хотя этотъ мнимый врагъ не былъ еще врагомъ никому» [2]).

Наконецъ она подозрѣваетъ Фридриха въ томъ, что онъ постоянно занимается распространеніемъ слуховъ о ея болѣзни. «Кстати, я совершенно здорова», говоритъ она разъ Гримму, «и я не была больна съ прошедшаго іюля (письмо писано въ апрѣлѣ 1785 г.) наперекоръ газетнымъ сочинителямъ и бюллетенямъ, нашептаннымъ делегатами Ирода, которые приписываютъ мнѣ собственныя свои болѣзни; а такъ какъ я здорова, то очень мало занимаюсь здоровьемъ другихъ». . . . . «Іосифу лучше. Это Иродъ, самъ едва прозябая, распускаетъ слухи о плохомъ здоровьи другихъ» [3]).

---

[1]) Письма Гримма, 212.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 376.
[3]) 338, 361.

Кёльнская газета въ 1783 г. распространила слухъ о смерти Екатерины, и по этому поводу государыня пишетъ Гримму: «Кёльнскій газетчикъ говоритъ, что я умерла, и увѣряетъ, что это большое счастье для всего міра. Признаться, я не совсѣмъ раздѣляю его мнѣніе и надѣюсь разувѣрить его и въ томъ и въ другомъ» [1]). Тутъ кстати будетъ упомянуть еще объ одномъ подобномъ слухѣ во Франціи, и о забавномъ письмѣ, о которомъ Екатерина разсказываетъ Гримму: «На дняхъ я получила письмо съ слѣдующимъ адресомъ: *Ея Величеству Императрицѣ Россійской въ ея дворцѣ въ Петербургѣ*. Распечатавъ письмо, я увидѣла, что оно отъ пребывающаго въ Мецѣ, совѣтника французскаго короля. Этотъ человѣкъ говоритъ мнѣ, что испуганный молвою о томъ, что у меня ракъ въ груди и мнѣ собираются сдѣлать операцію, онъ посылаетъ мнѣ вѣрнѣйшее средство противъ этой болѣзни и присоединяетъ къ своему письму книжку, которой я конечно не прочла. И право, я не знаю, какое странное удовольствіе находятъ во Франціи распространять слухи о моей смерти, или о томъ, что я поражена какой-нибудь гадкой болѣзнью, которой я никогда не имѣла: покойный Дюранъ, любезный Беранжэ, остроумный Боссэ постоянно и съ такими точными перечисленіями подробностей приписывали мнѣ болѣзни, которыхъ я никогда не знала. Итакъ прошу васъ увѣрить вашихъ знакомыхъ и господъ совѣтниковъ французскаго короля, что я жива, совершенно здорова и не страдаю ракомъ, да и никакой хронической болѣзнью; хотя и освѣдомлялась въ Испаніи о какихъ-то ящерицахъ, которыми будто бы вылѣчиваютъ ракъ: это было изъ чистаго человѣколюбія, на пользу госпиталей, основанныхъ здѣсь и въ другихъ городахъ; вѣроятно господа совѣтники короля и имъ подобные не предполагаютъ возможности о комъ-либо другомъ заботиться, кромѣ какъ о себѣ, и потому награждаютъ меня ракомъ» [2]).

Въ послѣднюю болѣзнь Фридриха II Екатерина писала отъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 290.
[2]) 301.

7-го іюля 1786 г.: «Циммерманъ поѣхалъ лѣчить короля прусскаго отъ его 74-хъ лѣтъ», и вскорѣ за тѣмъ отъ 23 іюля. «Циммерманъ не спасъ прусскаго короля: его нельзя было спасти» [1]). Въ концѣ этого же письма прибавлено слѣдующее замѣчаніе: «Всего страннѣе въ судьбѣ Ирода то, что дома о немъ сожалѣла только одна жена, которой онъ не любилъ. Она въ самомъ дѣлѣ его оплакивала. Не удивительно ли? Ясно, что онъ не внушалъ большой нѣжности, но это была крупная пара рукавовъ (une grande paire de manches), когда онъ не являлся мелочнымъ и скупымъ» [2]). Переписка Фридриха II съ Гриммомъ вызываетъ слѣдующее замѣчаніе: «То, что вы мнѣ сообщаете о вашей перепискѣ съ покойнымъ королемъ прусскимъ, очень странно; я думаю, что вы въ глазахъ его были вдвойнѣ виноваты: были дружны съ принцемъ Генрихомъ и съ вашей покорнѣйшей слугою, а онъ вѣдь не жаловалъ насъ» [3]).

Вотъ сужденія Екатерины о сочиненіяхъ умершаго Фридриха: «Творенія короля Прусскаго прибыли къ намъ давно; я прочла изъ нихъ только 30 страницъ, на которыхъ сдѣлала 27 письменныхъ замѣтокъ. У насъ говорятъ, что его величество лжетъ какъ зубной рвачъ [4]) въ безчисленныхъ мѣстахъ своей книги. Я еще не знаю, правда ли это, но въ томъ немногомъ, что я прочитала, мнѣ показалось, что и здѣсь блестящее красное словцо часто погрѣшаетъ противъ вѣрности факта; но есть и весьма хорошія вещи и ихъ нѣсколько. Братецъ Густавъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ принялъ ихъ къ свѣдѣнію. Но кто глупъ, тотъ ни изъ чего не извлечетъ пользы. Я не видала тѣхъ мѣстъ, которыя касаются принца Генриха и его пребыванія здѣсь; но вѣрно то, что король не всегда уважалъ правду, и онъ же разславилъ, что Генрихъ помѣшался въ ту зиму, какъ окончилась кампанія Тешенскимъ миромъ; этотъ фактъ я слышала отъ графа Панина, который увѣрялъ, что читалъ это мѣсто, написанное собственной рукой короля въ припискѣ (post-scriptum). Я часто

[1]) 380. [2]) 384. [3]) 391.

[4]) Comme un arracheur de dents.

размышляла о томъ, что́ могло заставить его выдумать такую небылицу, и предполагаю, не была ли причиной экономія, чтобъ помѣшать принцу пріѣхать сюда въ третій разъ; но пусть все это останется между нами. Оно ужъ ни къ чему болѣе не годится. Впрочемъ добрыя намѣренія, замѣченныя вами у принца (Генриха), мнѣ очень пріятны; не могу сказать того же о поведеніи господина племянника его, проникнутомъ двуличностью и полнѣйшимъ Маккіавелизмомъ» [1]).

Въ іюлѣ 1781 года Гриммъ увѣдомлялъ Екатерину, что императоръ Іосифъ II собирается провести три дня въ Тріанонѣ съ королевой, своей сестрою, совершенно семейно и подальше отъ взоровъ простыхъ смертныхъ. Самъ же Гриммъ предполагалъ ѣхать въ Спа, куда приглашалъ его принцъ Генрихъ Прусскій, обѣщая ему комнату въ своемъ домѣ. Это путешествіе Генриха въ Спа должно было особенно интересовать императрицу, нѣсколько съ нимъ разошедшуюся и слѣдившую внимательно за всѣмъ что́ происходило въ Европѣ, почему она и ожидала съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Гримма. Онъ написалъ ей изъ Спа длинное письмо, изъ котораго мы приведемъ здѣсь большое извлеченіе, прекрасно характеризующее личный характеръ Гримма и тонъ всей переписки. Въ этомъ письмѣ являются во всемъ блескѣ то игривое остроуміе, та ловкость, съ какими Гриммъ умѣлъ говорить своей царственной корреспонденткѣ самыя пріятныя вещи. Тутъ же обнаруживается и соединявшаяся съ его блестящимъ умомъ и образованіемъ большая доля тщеславія, которое питалось его сношеніями съ единственной повелительницей, единственнымъ *государемъ* Европы, какъ онъ часто называлъ Екатерину; они же доставляли ему почетное положеніе между представителями царствующихъ династій Европы. Это письмо и отвѣтъ на него Екатерины даютъ намъ также ключъ къ разъясненію охлажденія отношеній между Екатериной и принцемъ Генрихомъ, съ которымъ такъ сблизила ее болѣзнь и смерть пер-

[1]) Царствующаго короля—Фридриха II Вильгельма, 470 и 471.

вой супруги Павла Петровича, причемъ онъ показалъ столько участія. «Итакъ я говорилъ вашему императорскому величеству 28-го іюня, то-есть въ годовщину благополучной революціи, что уѣзжаю въ Спа — Царицыно здѣшнихъ странъ, получивъ формальное приглашеніе отъ прусскаго героя, поддержавшаго имя Генриха во всемъ блескѣ, которымъ оно пользуется въ Европѣ съ самаго Наварца, столь мучимаго при жизни, столь возвеличеннаго по смерти. Это приглашеніе сдѣлано было въ формѣ просьбы съ необыкновенной скромностью и деликатностью, и Генрихъ испрашивалъ у меня какъ милости позволенія удостоить меня этой любезности. Вотъ царскосельщина во всей чистотѣ и до жалости. Сколько разъ императрица выводила меня изъ терпѣнія такими пріемами. Подумаешь, что я принесъ величайшую жертву, пріѣхавъ въ Спа провести шесть недѣль съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ людей своего вѣка и провести ихъ самымъ интереснымъ и пріятнымъ образомъ. Ну, при такихъ любезностяхъ невольно пожимаешь плечами. Если я, предпринимая это прелестное путешествіе, былъ чѣмъ-нибудь разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ, такъ только тѣмъ, что не во всѣ Царицыны ѣдутъ черезъ Петербургъ; моя дорога меня вела совершенно просто напросто черезъ Брюссель... Я былъ очень радъ очутиться у ногъ моего покровителя. Въ первую минуту разговоры наши были нѣсколько шумны, смутны и безпорядочны; это было весьма естественно послѣ четырехлѣтняго отсутствія и великихъ событій. Идеи мѣшались, сталкивались между собою, и я не отвѣчаю, если кое-гдѣ оказались контузіи: ибо искуство говорить вдругъ и въ одно время о десяти предметахъ еще до нѣкоторой степени не выработано, а решето, черезъ которое приходилось процѣживать разговоръ, было такъ часто, что я не знаю чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ имя Екатерины вдругъ не привело насъ въ согласіе послѣ перваго столкновенія. Я предоставляю ученымъ критикамъ въ потомствѣ рѣшить, кто изъ двухъ, герой или повѣренный его, первый произнесъ это августѣйшее имя, столько разъ произносившееся въ истекшія 19 лѣтъ; я полагаю однако, что

это былъ Генрихъ. Не безъ великаго смущенія узналъ я, что всякій обмѣнъ писемъ между императрицей Греческой и имъ прекратился. Какъ сознаться ему, что я былъ счастливѣе его и сохранилъ это неоцѣненное преимущество? Онъ увѣрялъ меня, что сожалѣетъ о томъ что потерялъ его не какъ принцъ въ отношеніи къ императрицѣ, а я убѣждалъ его, что я это понимаю тѣмъ болѣе, что самъ огорчился бы такимъ несчастіемъ, не какъ многострадальный передъ императрицей, если ужъ мнѣ суждено отъ этого умереть. Но что дѣлать? прибавилъ я. Прежде, любимымъ препровожденіемъ времени для нея было царапать письма, нынче вкусъ этотъ прошелъ, потому что она удручена недугами. — Вы говорите вздоръ, любезный мой повѣренный, сказалъ мнѣ Генрихъ, никогда она не была такъ здорова. — Да, конечно, но это только съ виду, отвѣчалъ я. Мнѣ извѣстно ея внутреннее состояніе: тамъ все въ очень жалкомъ положеніи: фоліанты и квартанты, юриспруденція и нормальныя школы, азбуки, учредительная манія и множество другихъ тяжкихъ недуговъ хозяйничаютъ въ императорской головѣ какъ полкъ казаковъ; это такое усложненіе болѣзней, среди котораго Роджерсоны, Кельхены и компанія теряютъ свою латынь, свой греческій, англійскій, нѣмецкій языкъ и ту небольшую долю русскаго, которою обладаютъ. Но развѣ нѣтъ никогда роздыха между этими припадками? спросилъ Генрихъ. Я полагаю что да, но вѣроятно гг. Александръ и Константинъ овладѣваютъ сколько могутъ этими промежутками, и въ концѣ концовъ отсутствующіе виноваты, говоритъ пословица. Если я не подпалъ всеобщей реформѣ, то обязанъ этимъ императорскому милосердію. — Ну, отвѣчаетъ Генрихъ, если вы меня увѣряете, что ея молчаніе происходитъ не отъ перемѣны чувствъ, я перестану жаловаться, и даже дамъ вамъ понюхать табачку изъ этой табакерки, точеной ея руками на эрмитажномъ ея станкѣ.—Она! перемѣниться! окончилъ я, цѣлуя эту драгоцѣнную святыню. Никогда, никогда! Скалы могутъ сокрушиться, башни могутъ рушиться, но сердце Екатерины никогда не можетъ сдѣлаться вѣроломнымъ и духъ ея не можетъ измѣниться: ибо хорошее —

хорошо и правое — право. Генрихъ согласился съ этой истиной и утѣшеніе наполнило его великое сердце.

«Пять или шесть дней послѣ моего пріѣзда явился другой странникъ, по имени Іосифъ, который, ни дать ни взять какъ Екатерина, претендуетъ быть вторымъ по своему имени. Іосифъ вступилъ въ Спа пѣшкомъ, слѣдуя въ этомъ обычаю нашего Господа Спасителя, но не по той же причинѣ, а оттого что одна изъ его почтовыхъ лошадей пала. Скоро онъ взялъ фіакръ, и влетѣлъ какъ бомба къ Генриху. Могу увѣрить ваше величество, что по моимъ часамъ, которые идутъ не скорѣе всѣхъ другихъ, они пробыли два съ половиной часа взаперти съ глазу на глазъ. Іосифъ не скрылъ даже, что онъ замедлилъ свое путешествіе въ Спа нарочно, чтобъ встрѣтить тамъ Генриха. Въ этотъ день онъ обѣдалъ у князя Лихтенштейна. Какъ только онъ возвратился въ свою гостиницу, Генрихъ въ свою очередь ввалился къ нему какъ бомба; но на этотъ разъ я очутился въ его свитѣ, и могу сказать, что вовсе не по моей винѣ императрица въ одну секунду примѣшалась къ нашей болтовнѣ. Всеподданнѣйше прошу избавить меня отъ вопроса: не можете ли вы говорить о чемъ-нибудь другомъ? Іосифъ началъ съ похвалы графовъ Румянцовыхъ, вспомнивъ что видѣлъ меня съ ними въ Вѣнѣ, и, сдѣлавъ переходъ отъ подданныхъ къ государынѣ, спросилъ меня давно ли я имѣлъ отъ нея извѣстія. Это былъ самый деликатный способъ сказать мнѣ, что ему извѣстно какъ чрезмѣрны милости моей августѣйшей государыни къ скудельному сосуду ея созданія. Онъ меня увѣрялъ затѣмъ, что имѣетъ извѣстія свѣжѣе моихъ. Мнѣ это показалось очень просто, потому что какъ ни тщеславится скудельный сосудъ, когда онъ твореніе императорское, онъ не лишенъ однако способности сужденія. Но когда Іосифъ сообщилъ мнѣ, что онъ обладаетъ катехизисомъ, составленнымъ для г. Александра, тогда, признаюсь, гнѣвъ зажегъ мнѣ кровь и глаза мои заблистали отъ ярости. Вотъ, воскликнулъ я, роковой ударъ, который судьба готовила мнѣ! Цѣлый вѣкъ я неотступно нищенствую, чтобъ исторгнуть этотъ катехизисъ, и вотъ надо графу Фалькенштейну

пріѣхать въ Спа, будто нарочно чтобъ собщить мнѣ какъ можно получить этотъ катехизисъ помимо меня, такъ что я его и не понюхалъ: это ужъ черезъ-чуръ! Іосифъ расхваливалъ мнѣ его напропалую. Это ли было средство успокоить меня? Онъ увѣрялъ меня, что получилъ его на русскомъ языкѣ, и что велѣлъ перевести его на нѣмецкій у своего посланника. Хороша отговорка! сказалъ я. Развѣ около нея некому велѣть перевести его для меня по-нѣмецки? Развѣ она не можетъ сказать своему оберъ-кухмистеру фактотуму: «вели перевести это для моего многострадальнаго, и чтобъ я объ этомъ больше не слыхала»? При этомъ мы начали по косточкамъ разбирать Греческую императрицу съ ногъ до головы, и Богъ знаетъ, какъ ей досталось отъ Іосифа, Генриха и меня, разгнѣваннаго и пылавшаго яростію скудельнаго сосуда. Продержавъ её такимъ образомъ у купели крещенія почти полтора часа, Генрихъ, чтобъ успокоить меня, сказалъ: отправимся въ театръ. Іосифъ прибылъ вскорѣ въ ложу принца и сѣлъ между Генрихомъ и мною. Онъ назвался на другой день въ качествѣ графа Фалькенштейна обѣдать къ Генриху, который носитъ въ Спа имя графа д'Эльса и назначилъ къ приглашенію, независимо отъ своего спутника, генерала Терзи и особъ свиты принца — многострадальца греко-императорскаго и Рейналя, изгнаннаго по приговору Сегье, которому Генрихъ испросилъ у Іосифа самыя важныя милости, доставивъ ему убѣжище въ Брюсселѣ со всевозможными пріятностями. Эта же потребность великаго сердца внушать себѣ подобнымъ чувства благоволенія, которыя оно испытываетъ, вѣроятно побудила Генриха сдѣлать для меня то же, что́ сдѣлала императрица прошлаго года въ Могилевѣ и Петербургѣ; но такъ какъ меня не было при этомъ, то я и не могу привести тому доказательствъ вашему величеству. Итакъ мы на другой день очутились вокругъ стола въ семь приборовъ, какъ семь мудрецовъ, и недоставало только осьмого: Минервы гиперборейской. За этимъ столомъ оставались около двухъ съ половиною часовъ, Іосифъ направо отъ Генриха, а я направо отъ Іосифа; а вечеромъ въ комедіи, въ ложѣ принца, повтореніе того

же: пьесу же всего менѣе слышали, болтали о многомъ, а Могилевъ, Смоленскъ, Москва, Петербургъ, Царское Село упоминались вкривь и вкось. И зѣваки города Спа, глядя на ложу, бормотали втихомолку: ну ужъ, ей Богу, греко-императорскій многострадальный долженъ однако быть знатная тварь! На слѣдующій за тѣмъ день Іосифъ показывался у всѣхъ источниковъ; на главномъ были танцы. Онъ былъ со всѣми очень любезенъ; но наконецъ, поклонившись всему обществу и обнявъ Генриха, уѣхалъ въ десять часовъ въ Брюссель, откуда уже отправился на недѣлю въ Версаль. Если ваше величество жаловались на несносный звонъ, происходившій въ императорскомъ слуховомъ барабанѣ 19 и 20 іюля, новаго стиля, это не мое дѣло. Я только подчинялся зуду, который чувствовали Іосифъ и Генрихъ, и не мнѣ было сказать имъ: ну, наконецъ довольно, поговоримъ о другомъ. А что касается нашихъ уединенныхъ утреннихъ прогулокъ, то намъ очень въ тягость — великому Генриху и его смиренному повѣренному — что противъ нашей воли императрица примѣшивается ко всякой нашей болтовнѣ, когда мы лазимъ по горамъ и сходимъ съ нихъ, тогда какъ мы могли бы исчерпать столько другихъ предметовъ. На первомъ вселенскомъ соборѣ я предложу, чтобъ для общаго спокойствія и удобства всѣхъ и каждаго, было запрещено говорить про Екатерину II, какъ про буллу о Тайной Вечерѣ, и чтобъ говорили только о Екатеринѣ Сіенской»[1]).

На это письмо Екатерина отвѣчала: «Я получила сегодня вашъ № 55 изъ Спа отъ 12 августа. Да благословитъ Господь моего многострадальнаго за это посланіе въ двадцать-четыре страницы. Я ожидала, что оно прибудетъ, но начинала терять терпѣніе, *какъ и всякій другой*, не имѣя ни слова собственной руки многострадальнаго о свиданіи его съ Іосифами, Генрихами, о которыхъ протрубили всѣ газеты. Мнѣ кажется, что я вижу какъ за столомъ, въ театрѣ вы сидите и болтаете съ ними, а зѣваки города Спа любуются на васъ»... «Но зачѣмъ смѣть такъ много говорить

[1]) Письма Гримма 214—222.

обо мнѣ? Мнѣ самой кажется, что имя мое становится такъ старо, что никто болѣе не хочетъ слышать о немъ. Зачѣмъ вы не говорили о чемъ-нибудь другомъ? По мнѣ, очень странно, что всякій желалъ бы заставить меня безпрестанно писать; отчего же я не жалуюсь, когда ко мнѣ не пишутъ? Смотрите, многострадальный, я едва имѣю время въ нѣсколько мѣсяцевъ написать вамъ маленькое письмо въ 20 страницъ, для котораго я не дѣлаю напередъ чернового и не сочиняю громкихъ фразъ, и хотятъ, чтобъ я мучилась надъ льстивыми оборотами, которые берутъ у меня время и до смерти скучны. Я только Вольтеру и вамъ писала, не кляня необходимости, а всѣ эти Гага и проч. и проч. отнимаютъ множество времени, тогда какъ у меня его остаются самыя крошечные кончики, а еслибъ кромѣ того я сказала вамъ все что знаю, или полагала что знаю, вы не нашли бы ни одного слова въ возраженіе мнѣ и не стали бы ходатайствовать за своихъ протеже: могу ли я писать лицамъ, которыхъ постарались представить мнѣ не узнающими людей ихъ окружающихъ ни по имени и фамиліи, ни даже въ лицо» [1]).

При отъѣздѣ принца Генриха изъ Спа Гриммъ писалъ о немъ: «Генрихъ уѣзжаетъ отсюда, унося сочувствіе и одобреніе различныхъ націй, составляющихъ пестрый, разнообразный и странный конгрессъ въ Спа и его шумную жизнь. Всѣ національности Европы, соединенныя здѣсь, и болѣе или менѣе перессорившіяся въ эту минуту, были единодушны въ своемъ мнѣніи о немъ и во вниманіи, которое ему оказывали. Ни на западѣ, ни на югѣ Европы мы не знаемъ въ высшихъ сферахъ таланта быть любезнымъ при такихъ отличныхъ качествахъ, ни такого соединенія самой высокой репутаціи съ простотою и вѣжливостью, столько же приносящими чести ихъ обладателю, сколько лестныхъ для того, на кого они обращены; особливо же было оцѣнено его сочувствіе ко всякаго рода достоинствамъ. Это сочувствіе въ принцахъ и есть печать ихъ соб-

[1]) Опять намекъ на то, что принца Генриха изъ какихъ-то соображеній представляли ей сумасшедшимъ. *Сб. И. О.* XXIII, 219, 220.

ственнаго достоинства; жаль что многіе забываютъ её, когда являются въ свѣтъ. Что касается до Іосифа и до меня, мы нашли въ Парижѣ его орлиную голову такъ же, какъ привыкли ее знать; поэтому всѣ опасенія мои на счетъ его здоровья исчезли; притомъ здѣшнія воды навѣрно ему принесутъ пользу. Впечатлѣніе имъ произведенное сообщится этой весной въ Парижъ и Лондонъ, и нѣсколько прикроетъ прошлогоднее, оставленное въ Спа племянникомъ Гага (Густавомъ III)» [1]). О посланникѣ Гэрцѣ отзывы императрицы были неизмѣнно одни и тѣ же: она постоянно возмущалась его ледяной холодностью и таинственностью и называла его: la glace, le boutonné.

Въ концѣ 1780 года скончалась императрица Марія Терезія, и на извѣщеніе Гримма, едва только оправившагося отъ болѣзни, государыня писала: «Но знаете ли вы, что пока вы были въ постели, а въ Вѣнѣ все было погружено въ трауръ, ваша покорная слуга ужасно страдала отъ ревматизма въ лѣвой рукѣ, который былъ излѣченъ только шпанскими мушками; но онѣ уничтожили сильныя боли, а движенія этой руки до сихъ поръ еще не вполнѣ свободны, особливо во время бурь, весьма частыхъ въ этомъ году» [2]). Вскорѣ послѣ смерти Маріи Терезіи Гриммъ писалъ: «Когда графъ Фалькенштейнъ находился цѣлые часы съ глазу на глазъ съ нашей августѣйшей нормальной и морской учительницей, онъ вѣроятно не предполагалъ, какое повышеніе ожидаетъ его по возвращеніи и что мы такъ скоро увидимъ и его водицу въ котлѣ. Въ настоящую минуту все, что́ онъ говорилъ на ухо императрицѣ и что́ ваше величество съ такою жестокостью отказались повторить мнѣ, все это разгласится, и прежде конца этого начинающагося года я столько же узна́ю обо всемъ этомъ, какъ будто бы я былъ регистраторомъ въ Могилевѣ и держалъ перо во время императорскихъ греко-римскихъ совѣщаній. Я охотно согласенъ, государыня, чтоъ не шумѣли болѣе о благодѣяніяхъ исторгнутыхъ младшимъ,

[1]) Письма Гримма, 225.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 197.

только съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ этому не придавали важности и не ходили бы болѣе на охоту за этой дичью ни для младшаго, ни для племянниковъ. Я принадлежу къ греческой православной церкви; мы не любимъ государей-поповъ; эта одежда имъ не пристала; наша императрица не сдѣлаетъ своего Константина поповичемъ. Германской конституціи не достаетъ основного закона, который запрещалъ бы государямъ вступать въ капитулы и который предоставилъ бы дворянству пріобрѣтать церковныя владѣнія, пока милосердому Богу не будетъ угодно въ одинъ прекрасный день секуляризовать всѣ епископства, всѣ аббатства, упразднивъ католическую апостольскую римскую церковь. Впрочемъ, если я вѣрно понимаю дѣло, бывшій графъ Фалькенштейнъ заявляетъ себя очень хорошо и миролюбиво, и если онъ будетъ слѣдовать ученіямъ Могилева, Эрмитажа и Царскаго Села, какъ оно кажется, то онъ менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ удвоитъ свое могущество, не проливъ ни капли крови»[1]). Здѣсь, на счетъ Австріи и ея таланта къ даровымъ пріобрѣтеніямъ Гриммъ оказался дальновиднѣе самой императрицы, которая въ то же время заявляла ему, что по смерти Маріи Терезіи Іосифъ началъ смѣлѣе дѣйствовать, противъ притязаній папы: «Мнѣ кажется, что графъ Фалькенштейнъ начинаетъ подергивать за уши святого отца» [2]). Гриммъ также замѣчаетъ это и говоритъ что Іосифъ хочетъ разбить окна у своего стараго папаши, прибавляя: «Но, тысячу разъ Бога ради, что же за дѣла предпринимаетъ прошлогодній нормальный ученикъ Іосифъ съ милымъ своимъ папашей Браски? И что же говорятъ на это господа могилевскіе и полоцкіе плуты? Развѣ день страшнаго суда въ самомъ дѣлѣ у дверей, и развѣ Вавилонская блудница должна абсолютно восторжествовать? Эти обстоятельства меня крайне огорчаютъ, и я говорю съ гораздо болѣе печальнымъ взглядомъ, нежели дармштадтскій бургомистръ: да къ чему же это все клонится? Если Греческая императрица не сжалится надо мной и надъ папашей Браски, и не замолвитъ за насъ сво-

[1]) Письма Гримма 99.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 202.

его материнскаго словечка, то изъ этого можетъ выйти мерзость запустѣнія, потому что г. Іосифъ еще не высказалъ громко всего, что онъ шепталъ на ухо своей божественной нормальной школьной учительницѣ въ Могилевѣ. Ну, да поможетъ намъ Богъ»! [1])

«Совѣтую папашѣ Браски, пока еще не поздно, поставить свою переписку съ римскимъ императоромъ на ту же ногу, какъ и съ Греческой императрицей, то-есть чтобъ они переписывались на языкѣ обоюдно непонятномъ. Все зло въ этомъ мірѣ происходитъ отъ страсти къ объясненіямъ; пока не понимаютъ другъ друга, все идетъ наилучшимъ образомъ и остаются постоянно въ согласіи. Это одна изъ вѣчныхъ истинъ, которыхъ открытіе принадлежитъ мнѣ. Бьюсь объ закладъ, что никогда не произойдетъ неудовольствія изъ-за переписки главы греческой церкви со святымъ отцомъ латинскимъ; множество наушничества съ той и другой стороны — вотъ и все, тогда какъ если папаша Браски будетъ говорить со своимъ сыномъ въ Господѣ Іосифомъ II, какъ Пій (en pie, какъ сорока — каламбуръ), и будетъ писать ему на языкѣ понятномъ для маленькихъ дѣтей, я боюсь что его возлюбленный сынъ выскажетъ ему гораздо болѣе, чѣмъ онъ желалъ бы. Къ счастію, все это не мое дѣло; я держусь своего лютеранизма и пою съ христіанской церковью въ тишинѣ: отъ ужасовъ Полоцка и Могилева и убійства папы сохрани насъ, милосердый Господи Боже»! [2])

Говоря о томъ, какъ мало оплакивали Марію Терезію послѣ ея смерти, Екатерина хвалитъ Іосифа за то, что онъ любитъ выслушивать правду: «Ну ужъ если вы любите тѣхъ, кто ставитъ себя въ возможность быть отдѣлану (étrillé), знайте, что вышеупомянутый ежедневно ставитъ себя въ такое положеніе, и вотъ почему маменька забыта уже черезъ шесть мѣсяцевъ въ Вѣнѣ, хотя она царствовала 40 лѣтъ» [3]). Чтобъ объяснить, что хотѣла она выразить словомъ étrillé, слѣдуетъ припомнить вышеприве-

[1]) Письма Гримма 157.

[2]) Тамъ же 223, 224. Тутъ намекъ на приписываемое Іезуитамъ отравленіе папы Климена XIV.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 218.

денныя слова Гримма о государяхъ, умѣющихъ выслушивать правду.

Надъ отношеніями Гримма къ мелкимъ нѣмецкимъ государямъ Екатерина попрежнему подсмѣивается. «Давно уже я знаю, что вы никогда не бываете такъ счастливы, какъ когда вы возлѣ, вблизи, рядомъ, или когда у васъ спереди или сзади какое-нибудь нѣмецкое высочество, и Богъ знаетъ откуда вы умѣете ихъ откапывать и откуда они падаютъ на васъ какъ обильный дождь. Эта принцесса Мекленбургъ-Шверинская чуть не сдѣлалась моей невѣсткой: она была третья по мѣсту, но признаюсь, такъ какъ я знаю ея отца и дядей, я вовсе этимъ не соблазнилась: вѣроятно она на нихъ не похожа, если вы находите её любезной. Похвала королевы Шарлотты даетъ ей въ глазахъ моихъ репутацію доброй кумушки, вотъ и все; впрочемъ я вблизи видѣла вашихъ любезныхъ, какъ наслѣдный Дармштадскій»[1]).

Англія, Швеція, Турція.

Мнѣніе Екатерины о Георгѣ III намъ уже извѣстно. Эпоха 80-хъ годовъ была самая неблагопріятная для Англіи. Кромѣ войны съ Сѣверной Америкой, въ Лондонѣ вспыхнуло возмущеніе по поводу билля въ пользу католичества, противъ котораго страстно протестовалъ лордъ Гордонъ. Объ этомъ событіи Гриммъ пишетъ въ іюлѣ 1780 года: «Пока ваше величество приковывали взоры Европы къ Могилеву, Лондонъ чуть не испыталъ катастрофы, и я бьюсь объ закладъ, что иноходецъ (Paßgänger) не знаетъ, что это не есть дѣло сумасшедшаго Гордона, но лучшаго изъ гражданъ, какого сотворилъ Господь въ этомъ вѣкѣ»[2]).

Подъ этимъ именемъ гражданина (bourgeois) Георгъ часто является и въ письмахъ самой Екатерины. О причинѣ же, вызвавшей лондонскіе безпорядки, Гриммъ говоритъ: «Когда я увидѣлъ съ какою мудростью прикасались къ этимъ старымъ законамъ противъ католиковъ, гораздо вѣрнѣе упраздненнымъ отъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 270.
[2]) Письма Гримма 27, 28.

измѣненія нравовъ, нежели бы это могло быть произведено какимъ-либо закономъ, я взялъ свою квакерскую шляпу и сказалъ: другъ Георгъ, вотъ прекрасное средство заставить народъ твой ступить шагъ на полтораста лѣтъ назадъ; тебѣ не поздоровится отъ этого, я тебѣ говорю. И вотъ милордъ Георгъ Гордонъ архибезумецъ взялся за исполненіе моего пророчества. Но другъ мой Георгъ никогда хорошенько не понималъ разницы между неловкимъ умомъ, какой былъ данъ ученицѣ г-жи Кардель, и неловкой поступью иноходца, который тридцать лѣтъ будетъ выступать одинаково и никогда не войдетъ въ тактъ. Весьма большое счастіе для этихъ неловкихъ, что имъ нечего дѣлить съ нѣкоторыми неловкими умами, выскочившими изъ кухни госпожи Кардель: ужъ эти послѣдніе дали бы имъ знать; но по счастью они имѣютъ дѣло съ умами самыми прямыми, съ которыми они рискуютъ только покроемъ собственныхъ глупостей: эти прямые умы, какъ мнѣ кажется, желаютъ во что бы ни стало, чтобъ всѣ бѣдствія неловкихъ были единственно ихъ собственнымъ твореніемъ, и стало-быть ни въ чемъ имъ не помогаютъ, чтобъ толкнуть ихъ въ трясину, куда они такъ остроумно сами забрались. Да благословитъ Богъ и прямыхъ и неловкихъ умомъ; они надоѣли мнѣ всѣ, сколько ихъ ни есть. Я довольствуюсь своимъ жребіемъ—своею нормальной школьной учительницей. Это всегда доставляетъ вамъ честь и удовольствіе, и никогда васъ не огорчаетъ» [1]).

Екатерина отвѣчаетъ на это: «Увы, еслибъ вы знали о лондонскомъ шумѣ то, что́ я знаю, вы бы очень удивились. Если такъ, узнайте же, что самый преступный изо всѣхъ здѣсь въ тюрьмѣ въ Петербургѣ [2]), а гораздо менѣе виновные были повѣшены; это были сумасброды, вотъ и все . . . *Но*. . . *но* . . . и это *но* остается. Четыре тысячи даровыхъ школъ не сдѣлаютъ людей умнѣе, проповѣди нравственности тоже: вотъ

[1]) Тамъ же, 46, 47.

[2]) Для опредѣленія, кого именно разумѣла тутъ императрица, нѣтъ никакихъ данныхъ; вѣроятно, рѣчь идетъ о какомъ-нибудь тайномъ агентѣ, пріѣхавшемъ въ Петербургъ для возбужденія смуты и у насъ, чему, какъ извѣстно, бывали примѣры и позднѣе.

все что можно сказать. Прекрасная натура всегда и вездѣ о себѣ заявитъ, г. Бюффону принадлежитъ честь её описывать».... [1])

«Послушайте, не восхищайтесь нынѣшнимъ вѣкомъ», говоритъ она въ другомъ ближайшемъ письмѣ, — «вѣкомъ которому вы боитесь причинить такой вредъ, скрывая отъ него мои письма: этотъ вѣкъ такъ же глупъ, какъ и многіе другіе; а послѣдующій вѣкъ будетъ безуменъ, если Господь не умудритъ его: ибо что такое просвѣщеніе, которое будетъ во всѣхъ родахъ сіять у васъ (во Франціи) и на всемъ югѣ? Все это—братцы Георги въ своемъ родѣ. О Боже мой, Боже мой! сколько братцевъ Георговъ вездѣ, вездѣ! Да благословитъ Богъ братцевъ Георговъ, добрыхъ гражданъ и посредственныхъ иноходцевъ, и потомъ восхищайтесь этимъ вѣкомъ и его произведеніями. Вѣдь въ этомъ вѣкѣ нашлись бездѣльники, которые захотѣли писать какъ Вольтеръ, не имѣя его генія: они думали, что для этого надо только красиво обдѣлывать фразу, или также вкривь и вкось дерзко судить обо всемъ; когда я вижу это, я говорю: о Боже мой! это не то, не то. Не пишите сильно, когда не обладаете душою сильной, не пишите смѣло, когда не имѣете ни генія, ни пріятности! О, какъ они глупы, ваши бездѣльники и всѣ бездѣльники всѣхъ сортовъ... Этотъ вѣкъ есть предвѣстникъ того вѣка, который создадутъ братцы Георги»..... [2]).

Въ разныхъ другихъ мѣстахъ своихъ писемъ Екатерина выражаетъ свое нерасположеніе къ личности и характеру Англійскаго короля, называя его самымъ фальшивымъ изъ людей, негодуя на коварство англійской политики, прикрываемой религіознымъ лицемѣріемъ, о которомъ и Гриммъ отзывается такъ: «Когда я вычиталъ съ большимъ благоговѣніемъ въ послѣднихъ газетахъ, какіе ревностные христіане братецъ нашей императрицы Георгъ и его супруга и съ какимъ стѣсненнымъ сердцемъ и заплаканными глазами они отправляли своего второго сына, пастора Оснабрюкскаго, въ чужбину на богомолье, то я сказалъ:

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 187.
[2]) 192, 193.

ну этакаго честнаго гражданина и отца семейства не отыщется во всей лондонской Сити. Кто же могъ вообразить себѣ, что это тотъ самый человѣкъ, который даетъ предписанія морского разбоя и подписываетъ приказы грабежа, чтобъ обкрадывать своихъ мирныхъ сосѣдей? То, что именуется человѣческой природой, весьма загадочная вещь»[1]).

О политикѣ Англіи въ Америкѣ Гриммъ отзывается такъ: «Мои каролинскіе москотильщики держатся очень хорошо: они всему научатся кромѣ дѣланія золота, потому что христіанамъ нейдетъ быть колдунами; но еслибъ имъ предложили порядочную сумму, я думаю, они давно убѣдили бы суконщиковъ, что ихъ надо оставить въ покоѣ. Большая странность со стороны папаши Жоржа полагать, что онъ можетъ возвратиться въ домъ своихъ дѣтей послѣ того какъ онъ шесть лѣтъ сряду жегъ его. Ну, вѣдь это же совершенная невозможность, говоритъ наша милостивая императрица, а дармштадтскій бургомистръ ударяетъ своими двумя пальцами по серебряной табакеркѣ и говоритъ: «Это будетъ трудновато, даже когда нашъ милостивѣйшій ландграфъ дастъ на то свой батальйонъ»[2]).

Есть въ письмахъ Гримма еще другой характеристическій отзывъ объ англійской политикѣ, по поводу американскаго генерала Арнольда, измѣнника, перешедшаго на англійскую службу и на имя котораго вскорѣ помѣщена была большая сумма денегъ въ лондонскомъ банкѣ. Французы захватили англійскій пакетботъ, отправлявшійся съ депешами отъ лондонскаго двора и между прочимъ съ отчетомъ банкира генералу Арнольду. Гриммъ, описывая этотъ случай, прибавляетъ: «Пусть платятъ за измѣну, пусть поощряютъ и награждаютъ измѣнниковъ; это конечно необходимое зло; но чтобъ измѣннику давали почетную одежду, военный мундиръ, чтобъ его ставили во главѣ экспедиціи и чтобъ британскіе офицеры соглашались служить подъ его начальствомъ, это ново въ лѣтописяхъ исторіи. Я хотѣлъ бы также знать, одоб-

[1]) Письма Гримма 97, 98.

[2]) Тамъ же, 134.

рила ли бы императрица начальника своихъ морскихъ или сухопутныхъ силъ, который, послѣ завоеванія непріятельскаго острова, позволилъ бы тамъ развѣваться непріятельскому флагу, чтобъ заманивать всѣхъ тѣхъ, кто по незнанію попадетъ въ ловушку. Это конечно хитрость ловкихъ людей; но есть ли тутъ чѣмъ хвастаться въ депешѣ, офиціально напечатанной?» [1]).

Послѣ пораженія Корнваллиса императрица пишетъ: «Мой братецъ суконщикъ испытывалъ тридцать-шесть несчастій арлекина». Наконецъ она не разъ проситъ Гримма не говорить ей о Георгѣ, котораго одно имя волнуетъ ей кровь. О принцѣ Вельсскомъ, будущемъ королѣ Георгѣ IV, Гриммъ сообщаетъ слѣдующій слухъ изъ Спа: «Другой фактъ, который я къ великому моему удивленію узналъ здѣсь и съ которымъ согласны всѣ, и оппозиція и партія двора—это поведеніе принца Вельсскаго, утопающаго въ распутствѣ и грязи, и погруженнаго въ нихъ по уши. Это должно быть очень тяжело господину папашѣ, гражданину и христіанину, и мнѣ доброму гражданину также огорчительно» [2]).

Густавъ въ 1780-мъ году путешествовалъ по Европѣ и пожелалъ посѣтить Францію, но пріѣздъ его учтиво отклонили. Тогда онъ отправился на воды въ Спа, гдѣ праздновалъ день св. Александра Невскаго съ бывшими тамъ русскими кавалерами и дамами и гдѣ выигралъ въ «trente et quarante». Екатерина, узнавъ это, шуточно замѣчаетъ: «Графъ Гага (Haga) — подъ этимъ именемъ Густавъ путешествовалъ по Европѣ — выигралъ въ Спа чѣмъ заплатить за свое путешествіе: въ первый разъ подобный выигрышъ обратится въ пользу государства [3]). Въ іюнѣ 1782 г. предполагалось свиданіе между Екатериной II и Густавомъ III въ Фридрихсгамѣ, но оно было отсрочено, и мы читаемъ въ письмѣ государыни отъ 7 іюня: «Вотъ мое фридрихсгамское путешествіе разстроено или отложено, потому что шведскій герой по неловкости и оттого, что онъ плохой наѣздникъ,

[1]) Тамъ же, 134, 135.
[2]) Тамъ же, 226.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 193.

упалъ съ лошади и переломилъ себѣ лѣвую руку накось между плечомъ и локтемъ; съ этимъ прекраснымъ извѣстіемъ онъ прислалъ мнѣ своего камеръ-юнкера. Я велѣла сказать ему, что обошлась бы безъ подобной новости; я люблю хорошія, а не дурныя вѣсти» [1]).

Поѣздка въ Фридрихсгамъ состоялась однако недѣли черезъ двѣ, и государыня въ августѣ писала: «Кажется, я забыла сказать вамъ, что этимъ лѣтомъ я имѣла въ Фридрихсгамѣ свиданіе съ моимъ милымъ братцемъ, дономъ Густавомъ, который явился одѣтымъ по-испански, съ подвязанной рукой, потому что онъ вывихнулъ или сломалъ ее передъ тѣмъ въ своемъ лагерѣ, въ Тавастгусѣ. Болѣе всего казалось мнѣ странно — мнѣ, окруженной мундирами,—что изъ шведскаго лагеря наѣхало множество офицеровъ лучшихъ фамилій Швеціи, которые безпрестанно проходили подъ моими окнами, такъ какъ Фридрихсгамъ длиною не болѣе 260 сажень, и когда я спрашивала шведскаго короля: Что вы мнѣ ихъ не приведете? я бы желала видѣть ихъ поближе, онъ мнѣ отвѣчалъ: «У нихъ нѣтъ приличнаго платья, чтобъ предстать предъ вами». А подъ этимъ приличнымъ платьемъ разумѣлось то, чтобъ снять шведскій мундиръ и надѣть испанскій костюмъ, черный съ пунцовымъ. Мнѣ надоѣли эти фокусы и я поступила вотъ какъ: по мѣрѣ того какъ они проходили, я въ его присутствіи разговаривала съ ними изъ оконъ моихъ комнатъ, которыя были внизу. Я видѣла графа Крейца, пріѣхавшаго изъ Парижа прямо въ Финляндію; у этого не было кармана въ его испанскомъ камзолѣ, такъ что онъ принужденъ былъ класть въ шляпу то, что обыкновенно кладется въ карманы. Самимъ Шведамъ несносенъ этотъ испанскій нарядъ. NB Мои люди имѣли глупость взять со мною только мундирное платье, какое я всегда ношу въ путешествіяхъ; такимъ образомъ дворы россійскій и шведскій представляли полнѣйшую противоположность» [2]).

---

[1]) 280.

[2]) 282, 283.

Лѣтомъ 1784 года Густавъ опять разъѣзжалъ по Европѣ. «Вообразите», говоритъ государыня Гримму, «что пока Густавъ разъѣзжаетъ по Европѣ, не пропуская ни одного бала, въ странѣ его положительно голодъ и въ нѣсколькихъ провинціяхъ въ буквальномъ смыслѣ, множество людей умерло съ голода; наши сѣверныя области могли бы очутиться въ томъ же положеніи, еслибъ не было запасныхъ магазиновъ, которые прокормили весьма многихъ, такъ какъ прошлогодній урожай былъ очень плохъ на сѣверѣ до 56°... Чтожъ вамъ сказать о такомъ королѣ? Вы видите его лицомъ къ лицу; если хотите заставить его зѣвать; говорите съ нимъ о чемъ нибудь серьезномъ, выразите при немъ дѣльное сужденіе; но если хотите овладѣть имъ, станьте спиной къ зеркалу, и говорите съ нимъ о стишкахъ, пѣсенькахъ, о театрѣ и нарядахъ, и онъ, любуясь на себя въ зеркало, долго васъ не покинетъ. Если онъ вамъ станетъ говорить, что любитъ меня, ни вѣрьте ему: мы сходимся какъ кругъ и четырехъугольникъ. Пиковый король разсѣянъ и льстивъ; онъ казался мнѣ не въ своей тарелкѣ и стѣсненъ съ дворомъ шведскимъ гораздо болѣе чѣмъ съ русскимъ» [1]). Когда же Гриммъ сообщаетъ государынѣ лестные отзывы о ней Густава, она отвѣчаетъ: «Вы можете быть увѣрены, что не смотря на все, что г. Гага можетъ сказать обо мнѣ, я для него прескучная особа, скучная до зѣвоты; только онъ не смѣетъ этого высказать, потому что мы имѣемъ слабость показывать, что цѣнимъ тѣхъ, кого другіе цѣнятъ, хотя въ глубинѣ души намъ это наскучаетъ и мы всего менѣе таковы, какими желаемъ казаться. Въ Фридрихсгамѣ мы ежедневно старались отъ 4-хъ до 6-ти часовъ сидѣть взаперти съ вашей покорнѣйшей слугою. И Богъ знаетъ зачѣмъ: чтобъ казаться быть запертымъ съ нею. Мы говорили, говорили, переливали изъ пустого въ порожнее и вашъ покорнѣйшій секретарь, видя его зѣвающимъ, чтобъ положить конецъ болтовнѣ, отворялъ дверь, какъ только чуялъ въ прихожей приближеніе человѣка, чтобъ

[1]) 305.

избавить ихъ величества шведское и русское отъ этихъ скучнѣйшихъ сидѣній съ глазу на глазъ; это заставляло меня потѣть до смерти и не мало способствовало тому, что я прошедшимъ лѣтомъ схватила насморкъ, который продолжался цѣлыхъ шесть дней... Со всѣхъ сторонъ намъ говорятъ, что шведскій король хочетъ завладѣть Норвегіей; если это безумное предпріятіе приведется въ исполненіе, Россія будетъ вынуждена утереть носъ дону Густаву» [1]).

Такое полное неуваженіе къ личности Густава усиливалось еще свѣдѣніями Екатерины о томъ, что онъ получалъ деньги то отъ Франціи, то отъ Турціи и Англіи, чтобъ вредить Россіи по сосѣдству. Во время путешествія его по Европѣ въ 1785 году Екатерина писала Гримму: «Право, если г. Гага выловилъ въ какомъ-нибудь кошелькѣ средства къ покрытію издержекъ на свои путешествія, то только не въ моемъ, а если онъ это сказалъ, то передайте ему, что́ я говорю: — онъ лжетъ какъ зубной рвачъ и не первый разъ я на дѣлѣ ловлю его во лжи» [2]).

Вообще государыня въ своихъ отзывахъ часто соединяетъ Георга и Густава подъ однимъ именемъ Gegu и относится съ глубокимъ презрѣніемъ къ ихъ политикѣ. Такъ въ 1784 году она говоритъ: «Извѣстно, что конторы братьевъ Г. понесли только потери; оттого мы и не смѣшиваемъ своихъ акцій съ акціями этихъ людей» [3]). О своемъ разочарованіи въ Англіи и ея государственныхъ людяхъ она говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Со времени скандаловъ Жоржа Гордона я перехожу къ глубокому молчанію обо всемъ касающемся этой страны, которая была однимъ изъ моихъ коньковъ, какъ говорилъ покойный Тристрамъ Шанди; эти безумцы полагали, что они и у меня могутъ произвести великій скандалъ; кто бы могъ подумать, что у этихъ глубокихъ мыслителей случаются вещи, не имѣющія ни хвоста, ни головы?» [4]).

---

[1]) 312—314.
[2]) 370.
[3]) 297.
[4]) 190, 191.

О современникѣ своемъ Донъ-Карлосѣ испанскомъ Екатерина была невысокаго мнѣнія и не разъ подшучивала надъ его неудачными военными дѣйствіями. Такъ отъ 10-го декабря 1782 г. она пишетъ; «Кто не знаетъ, что король испанскій гнѣвается на Іезуитовъ? его увѣрили, что они распространяютъ, будто онъ незаконнорожденный; но развѣ, онъ все-таки не испанскій король при этомъ? законный ли онъ, или незаконный, я утверждаю, что неправда будто онъ незаконный, потому что обыкновенно незаконныя дѣти лучше выдерживаютъ осады, чѣмъ онъ при Гибралтарѣ; они также бываютъ счастливѣе на войнѣ, нежели онъ былъ въ Африкѣ, противъ Алжира и пр. и пр. Сами дополняйте чего недостаетъ» [1]).

По поводу взятія Англичанами Гибралтара, государыня говоритъ: «Поздравляю васъ съ блестящими побѣдами соединеннаго флота и удачной осадой Гибралтара. Я отъ природы не завистлива, однако завидую братцу Георгу, что онъ имѣетъ Роднея, Гова, и героя Элліота, а у васъ и у Испанцевъ я ничему не завидую» [2]).

Отношенія Россіи къ Турціи за этотъ періодъ времени опять начинаютъ быть натянутыми, и въ апрѣлѣ 1783 г. императрица пишетъ: «Господинъ Абдулъ-Гамидъ дѣлаетъ мнѣ непріятные сюрпризы; онъ распорядился занять Кубань и островъ Тамань и объявилъ всѣхъ жителей своими подданными; это несноснѣйшее дѣло и противное всѣмъ союзамъ: невозможно, чтобъ я позволила у себя на носу такъ хозяйничать. Вы знаете, что никогда ни одинъ нѣмецъ этого не терпитъ и что болѣе всего онъ заботится о своемъ носѣ. Это поглощаетъ все мое вниманіе» [3]).

Англичане, раздраженные противъ Екатерины объявленіемъ вооруженнаго нейтралитета, дѣятельно подстрекали Порту противъ Россіи, такъ что слухи о войнѣ распространялись и въ Петербургѣ, какъ свидѣтельствуетъ сама императрица: «Кстати,

[1]) 265.
[2]) 261.
[3]) 277.

въ городѣ то́ говорятъ что у насъ будетъ война съ Турками, то́ что ея не будетъ: я объ этомъ знаю не болѣе чѣмъ публика; будетъ что будетъ!» [1])

Гримма вѣроятно также тревожили эти слухи, ибо онъ ни о чемъ такъ не хлопоталъ, какъ объ умиротвореніи Европы, и то серьезно, то шутя, всячески старался отклонить мысли государыни отъ новой войны съ Турціей. На его доводы и опасенія императрица отвѣчаетъ: «Ну, господинъ статскій совѣтникъ, за что же вы сердитесь? Совѣтуйте сколько угодно, я ничего противъ этого не имѣю. Но прежде всего я должна поговорить съ вами обстоятельно на счетъ вашего добраго друга и протеже синьора Абдулъ-Гамида, чтобъ вы по крайней мѣрѣ знали дѣло такъ же какъ и я. Онъ можетъ-быть и очень красивый малый, я противъ него не питаю никакой злобы, но вотъ въ чемъ дѣло. По миру въ Кайнарджи я уступила Крымъ и пр. съ условіемъ, чтобъ онъ былъ свободенъ и независимъ. Съ 1774 по 1779 г. Порта не переставала возбуждать волненія въ Крыму и постоянно нарушала эту независимость; доказательство тому конвенція въ Али-Кавакѣ, окончившая въ 1779 г. весь шумъ и вооруженія, которыя при этомъ происходили. Эта конвенція осталась неприкосновенною, за исключеніемъ нѣсколькихъ измѣненій, которыя мы не станемъ перечислять, потому что они того не сто́ятъ; въ 1782 году Порта послала въ Суджакъ, — гдѣ никогда не было паши, — подстрекателя о трехъ бунчукахъ. Черезъ три дня послѣ его прибытія, вдругъ двое братьевъ хана, получивъ разрѣшеніе этого подстрекателя, садятся на коней и подымаютъ знамя возстанія противъ своего брата. Паша, увидѣвъ ихъ на такомъ прекрасномъ пути, посылаетъ тогда на Кубань къ Черкесамъ, въ Тамань объявить всѣмъ этимъ племенамъ, что они впредь будутъ принадлежать султану, его высокому повелителю; въ Тамани онъ приказалъ отрубить голову ханскому агѣ, который былъ посланъ попросить у него объясненія насчетъ всѣхъ

[1]) 280.

этихъ дѣяній. Кажется, невозможно требовать, чтобъ Россія осталась равнодушной зрительницей подвиговъ высокой Порты; надо было каждую минуту вооружаться по прихоти божественнаго властелина суджакскаго паши [1]); Россія пожертвовала Крымомъ и всѣми своими завоеваніями желанію мира; но такое состояніе не есть миръ. Понесенныя издержки не преувеличиваются, когда ихъ оцѣниваютъ въ двѣнадцать милліоновъ; итакъ надо было дать дѣламъ этимъ другой оборотъ; если боятся Россіи, то не надо постоянно интриговать противъ всего, что она предпринимаетъ Этимъ торговымъ союзомъ насъ старались умаслить, тогда какъ пашѣ суджакскому давали полную волю, такъ хорошо снабдивъ его деньгами и оружіемъ, что едва братья хана выступили въ походъ, турецкія деньги нашлись въ изобиліи, — дѣло невиданное съ самаго заключенія мира, а обезоруженные Татары очутились вооруженными. Я не знаю въ чемъ я не соблюла трактатовъ; я никогда не обѣщала давать себя въ обманъ; можетъ-быть, Абдулъ-Гамиду неизвѣстны интриги дивана и компаніи [2]), но меня не проведутъ. Отъ высокой Порты зависитъ вполнѣ окончить все безъ шума, если это ей не по вкусу... Маленькая дура и большая смотрятъ съ великимъ спокойствіемъ на то, будетъ ли миръ или война, только у васъ кричатъ, потому что у васъ не Христіане, а Турки. Бѣдные люди! надо думать что они очень счастливы съ этимъ большимъ другомъ; еслибъ я была на ихъ мѣстѣ, я знаю, что́ бы сдѣлала; я осталась бы христіанкою и получила бы отъ того выгоды; я часто видѣла какъ въ политикѣ, да и во многомъ другомъ, олицетворяется басня собаки и тѣни» [3]).

Послѣ пріѣзда въ Россію графа Сегюра императрица шутила такъ: «Если г. Сегюръ будетъ болѣе любить великаго Турка нежели меня, онъ будетъ совсѣмъ не правъ, потому что я въ самомъ дѣлѣ гораздо любезнѣе этого человѣка; вотъ и теперь, пока этотъ неучь дюжинами снимаетъ головы, посмотрите какія

[1]) Т. е. султана.
[2]) Т. е. происки европейской дипломаціи.
[3]) 287, 288.

я хорошенькія сочиняю газеты; прочтите-ка мои извѣстія, и тогда рѣшайте между Абдулъ-Гамидомъ и мною. Не правда ли я заслуживаю предпочтенія, хотя бы только за это» [1]). «Я очень рада что вы довольны моими деклараціями. Я всегда стараюсь избѣжать двухъ вещей: первое, сказать слишкомъ много, второе, сказать сухо, что́ всѣмъ не нравится и стало-быть не располагаетъ въ мою пользу. Впрочемъ, истинная правда, что призраки, созданные въ насмѣшку и въ воображеніи, должны исчезнуть и хорошо бы было не слишкомъ обращать на это вниманіе. Я очень довольна, что Марабу со своею рѣзней внушили вамъ къ себѣ большое отвращеніе и я тоже его чувствую и требую чтобъ вы любили меня больше нежели ихъ» [2]). На шуточный же совѣтъ Гримма съѣздить въ Константинополь государыня говоритъ въ концѣ 1785 г.: «Въ Херсонъ я надѣюсь ѣхать въ концѣ 1786 г., но о путешествіи въ Константинополь можно ли думать? Туда надо итти въ хорошей и многочисленной компаніи. Одна мысль объ этомъ, какъ неисполнима она ни должна бы казаться, поднимаетъ однако желчь вашихъ политиковъ, отчаянно влюбленныхъ въ Марабу и дружески преданныхъ покровительству имъ. Эти Марабу такъ имъ близки и дороги, что нѣтъ случая, при которомъ они не сообщали бы мнѣ устно и письменно, что они всячески будутъ охранять цѣлость этихъ прелестныхъ Марабу. Думаютъ ли они внушить мнѣ этимъ страхъ, думаютъ ли помѣшать мнѣ дѣлать то, чего требуетъ польза моей имперіи? Что они этимъ производятъ? Они только удаляютъ отъ себя мою душу, и пусть будетъ, что будетъ! И чего могу я ожидать отъ людей, которые безпрестанно твердятъ мнѣ: естественные враги вашего государства—наши самые дорогіе друзья и благопріятели, которыхъ мы обожаемъ, поддерживаемъ. Я на это могу отвѣчать: друзья моихъ естественныхъ враговъ не могутъ быть моими друзьями и я имъ низко откланиваюсь» [3]).

---

[1]) 346.
[2]) 359.
[3]) 370, 371.

Не заключается ли въ этихъ замѣчательныхъ выдержкахъ и въ знаменательныхъ словахъ Екатерины все прошедшее, настоящее и будущее нашего положенія относительно Европы по вопросу о Турціи и Христіанахъ Балканскаго полустрова? «Я не знаю въ чемъ я не соблюла трактатовъ, я никогда не обѣщала давать себя въ обманъ и меня не проведутъ»: вотъ отвѣтъ Екатерины на интриги европейской дипломаціи въ восточномъ вопросѣ, и мирное присоединеніе Крыма доказываетъ, что не твердая, самостоятельная политика вызываетъ войну и заставляетъ проливать потоки крови.

Отстаивая независимое положеніе Россіи на всѣхъ совѣтахъ Европы, Екатерина обращала не менѣе зоркое вниманіе и на всѣ враждебныя выходки противъ Россіи въ разныхъ заграничныхъ изданіяхъ и часто отражала ихъ въ письмахъ къ Гримму, зная конечно, что такимъ образомъ мнѣнія ея всего вѣрнѣе будутъ узнаны и произведутъ должное впечатлѣніе. Такъ напримѣръ, выписывая черезъ Гримма Живописное путешествіе по Греціи, она, по полученіи нѣсколькихъ выпусковъ его въ 1780 г., пишетъ: «Въ этомъ сочиненіи на каждомъ шагу видно враждебное настроеніе Шуазёля и компаніи противъ Россіи. Малѣйшее и невиннѣйшее обстоятельство тотчасъ подаетъ поводъ къ эпиграммамъ и разнымъ нападкамъ, напоминающимъ тѣ сто тысячъ пасквилей, которые противъ насъ печатаютъ и которые однако не помѣшали намъ совершить все то, что мы совершили. Но поднимать глупости значитъ увеличивать ихъ число; надо ихъ презирать. Необходимо только замѣчать изъ нихъ каково настроеніе умовъ, особливо же какова ненависть къ русскому имени» [1]).

Мы уже ранѣе говорили, что императрица, составляя исторію Россіи для внучковъ своихъ, говорила, что это будетъ служить противоядіемъ тѣмъ негодникамъ, которые унижаютъ Россію. Великая монархиня умѣла относиться къ исторіи и судьбамъ своего народа съ тою же горячей любовью, которая вдохновляла

[1]) 180.

позже нашего незабвеннаго исторіографа въ его безсмертномъ трудѣ.

Когда Гриммъ въ 1780 году доставилъ императрицѣ одно политическое посланіе изъ Америки, то она отвѣчала:

«Что касается до вашихъ американскихъ грамотъ, избавляю васъ отъ труда посылать мнѣ ихъ, потому что я ихъ присоединяю къ числу тѣхъ 365 листковъ исполненныхъ лжи и клеветъ, которые еженедѣльно издаются въ Европѣ....

«Благодарю г. Мятлева и васъ за американскую грамоту, исполненную весьма неразумныхъ декларацій и слишкомъ большой и неумѣстной смѣлости; я разъ навсегда знаю чего держаться и не притронусь къ ней; притомъ у меня менѣе чѣмъ когда-либо времени на чтенія почти безполезныя»[1]).

Гриммъ отвѣчалъ такъ: «Ваше величество, не въ укоръ будь сказано, позволяете себѣ нѣсколько неуважительное отношеніе къ моимъ американскимъ грамотамъ. Вотъ благодарность человѣку за то, что онъ, изъ одной чести употребивъ немножко чернилъ и перо, желаетъ сдѣлать въ другомъ полушаріи что-нибудь могущее привлечь взоры Минервы посѣщаемой! Если такъ, то Минерва упрямая не получитъ ничего, ни журнала осады Чарлстоуна, ни другихъ прекрасныхъ вещей, изъ которыхъ могла бы извлечь наслажденіе. Правда, Чарлстоунъ былъ взятъ, и журналъ осады является горчицей послѣ ужина, но дорогая мать родина[2]), кажется нисколько не подвинулась впередъ съ своими непокорными дочерьми. Среди 365 тысячъ лживыхъ слуховъ, распространяемыхъ въ Европѣ и Америкѣ, у многострадальнаго въ головѣ есть нѣсколько вѣчныхъ истинъ, которымъ онъ не измѣнитъ. Напримѣръ: процессъ между маменькой и непокорнымн дочерьми непоправимъ, и маменька вполнѣ заслужила его своей рѣдкой и удивительной глупостью. Если бъ у нея оставалась хоть одна крошка мудрости, она сказала бы: Дѣти мои, мы не должны жить вмѣстѣ. Ваша мать поражена была ослѣпленіемъ и ей есть что

[1]) 183.

[2]) Англія.

оплакивать во всю остальную жизнь свою, но забудьте прош... шее, и посмотримъ не можемъ ли мы — послѣ того, что разстроили свое хозяйство съ отвратительнымъ скандаломъ — быть сосѣдями и жить согласно. Другая истина того же многострадальнаго: что умиротвореніе Европы невозможно безъ приглашенія всемогущей и пресвѣтлѣйшей профессорши вооруженнаго нейтралитета явиться со своимъ морскимъ уставомъ подъ мышкой, открыть его, перелистовать и указать, какимъ способомъ, по ея мнѣнію, могутъ быть впослѣдствіи ограждены права рода человѣческаго. Но, кстати, вотъ русское купеческое судно задержано и взято англійскимъ флотомъ, и стало-быть воруженный нейтралитетъ уничтоженъ. Если онъ воскреснетъ, то не изъ своего пепла, потому что меня увѣряютъ, что русскій корабль уже возвращенъ. Правда, наша императрица, говорятъ люди изъ Риги и изъ Нарвы, самая учтивая женщина на свѣтѣ. Она пальцемъ своимъ вяжетъ для церкви, но никогда никому не грозитъ. Онъ всегда у нея прямо подъ носомъ. Я думаю — чтобъ хорошо кончить на этомъ свѣтѣ, надо держать палецъ прямо, а умъ вкось. Что думаетъ объ этомъ графъ Фалькенштейнъ? [1]).

Въ началѣ 1781 года Гриммъ опять прислалъ императрицѣ слѣдующее сообщеніе изъ Америки, доказывающее какое обаяніе соединялось съ именемъ Екатерины во всѣхъ концахъ міра, и какъ она умѣла привлечь къ себѣ всѣ взоры:

«Я хотѣлъ закончить подвигомъ покаянія и поручить себя императорскому милосердію; но вотъ вдругъ приходитъ посланіе изъ Америки, и еще вполнѣ свѣжее, такъ какъ всего только мѣсяцевъ семь, какъ оно въ дорогѣ. О, на этотъ разъ ваше величество не ускользнете отъ него. Этотъ филадельфійскій корреспондентъ, которымъ я обязанъ единственно своей августѣйшей государынѣ, каждую минуту душитъ меня толстыми пакетами, заключающими журналы конгресса и всего, что́ случается въ этой странѣ, не считая кучи американскихъ газетъ. Я глотаю

[1]) Письма Гримма 66, 67.

все это, пакетъ за пакетомъ, не говоря о томъ ни одного слова вашему величеству; но послѣднее выходитъ изъ границъ смѣха; это не бюллетень, не газета: это грамота. О, императрица пусть попробуетъ этого, хотя только для того, чтобъ дать ему мѣсто въ каминѣ — моемъ архивѣ. Однако это весьма забавная вещь— встрѣтить человѣка не надѣющагося никогда сдѣлаться извѣстнымъ вашему величеству и которому я никогда не пишу, думая тѣмъ отвратить его, а между тѣмъ онъ не находитъ бо́льшаго счастія въ Филадельфіи какъ извѣщать императрицу объ американскихъ дѣлахъ, о которыхъ она, въ свою очередь, ничего не знаетъ. И не странно ли, что американскія амазонки въ порывѣ патріотизма, сославшись на библію, говорятъ между собою, чтобъ подогрѣть себя, о Фалестрисѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ? [1]).

Въ іюнѣ 1781 года Екатерина возвѣстила Гримму о поѣздкѣ великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Феодоровны за границу въ слѣдующихъ словахъ, писанныхъ изъ Царскаго Села: «Вотъ я вернулась сюда и останусь здѣсь долго, чтобъ привить въ сентябрѣ оспу своимъ внучкамъ (великимъ князьямъ Александру и Константину), послѣ чего отецъ ихъ и мать, выразившіе мнѣ большое желаніе путешествовать, съ дозволенія моего поѣдутъ черезъ Москву и Кіевъ въ Вѣну, оттуда въ Италію, потомъ направятся въ Монбельяръ и возвратятся черезъ Дрезденъ кратчайшимъ путемъ въ Ригу... [2]) Прошу васъ сказать аббату Галіани и Рейфенштейну, что они увидятъ въ Неаполѣ и Римѣ графа и графиню Сѣверныхъ (Du Nord). Великій князь и великая княгиня выѣзжаютъ отсюда 16 или 17 (сентября) въ Вѣну, а оттуда поѣдутъ въ Италію» [3]).

Они выѣхали однако только 27 сентября. Когда они направлялись въ Италію, императрица писала: послѣднія письма отъ графа и графини Сѣверныхъ были изъ Болоньи; они ѣхали въ Римъ, а оттуда въ Неаполь. Смотрите пожалуйста, куда сѣвер-

[1]) Тамъ же, 178, 179.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 214.
[3]) 219.

ные люди забираются; я полагаю, что они для своего удобства нигдѣ не обѣдаютъ и не ужинаютъ: въ нашемъ семействѣ не любятъ длинныхъ обѣдовъ и ночныхъ бдѣній; за то мы очень ранія птицы» [1]).

Въ мартѣ 1782 г. Екатерина пишетъ: «Праздники въ Венеціи, данные графу и графинѣ Сѣвернымъ были великолѣпны. Вотъ уже полгода какъ они гуляютъ; но они будутъ очень удивлены по возвращеніи своемъ замѣчательными успѣхами Александра» [2]). Какъ государыня наслаждалась своими внучками въ отсутствіи ихъ родителей и съ какой нѣжной заботливостью входила во всѣ мельчайшія подробности ихъ воспитанія — уже приведено нами годъ за годъ. Рейфенштейнъ оказался боленъ припадкомъ подагры во время пребыванія августѣйшей четы въ Римѣ, и Екатерина выражаетъ сожалѣніе, что онъ не могъ ходить съ ними на колокольни и соборы папской столицы. Въ Парижѣ графъ и графиня, по словамъ Гримма, имѣли большой успѣхъ и государыня отвѣчаетъ на это: «Признаюсь вамъ безъ обиняковъ, то что вы мнѣ писали о ихъ успѣхѣ превзошло мои ожиданія; благодарю васъ за сообщаемыя вами подробности, онѣ доставили мнѣ большое удовольствіе. Правда, что графиня пишетъ, что нашла васъ очень пополнѣвшимъ. Я думаю, и вы бы могли ей отвѣтить тѣмъ же... Очень рада, что вы довольны пріемомъ, который они оказали вашей милой Эмиліи» [3]).

Въ присутствіи великаго князя Павла Петровича и его супруги было въ Парижѣ засѣданіе Французской академіи. Въ немъ Лагарпъ (критикъ), котораго Екатерина считала бездарнымъ, прочелъ свое посланіе (épître à M. le comte du Nord), называя въ немъ своего высокаго гостя Петровичемъ, а аббатъ Арно читалъ характеристику Юлія Кесаря (le portrait de César). Вотъ какъ отозвалась объ этихъ чтеніяхъ императрица. «Вы хорошо выразились, что *потерлись* о безсмертіе на ака-

[1]) 228.
[2]) 231.
[3]) 241, 242, 247.

демическомъ собраніи, открывшемся стихами г. Лагарпа; а онъ *потерся* о гармоническіе стихи, изъ которыхъ ни одного не запомнишь. Ахъ, мой учитель, мой учитель! [1]) Тебя заучивали противъ воли, и запоминался ты и приводился и переписывался даже тѣми, кто бы не раздѣлялъ твоихъ мнѣній. Вотъ что значитъ плѣнять умы, побѣждать мнѣнія! А портретъ Кесаря въ прозѣ — это самый жалкій остовъ, какой я когда-либо читала; позволительно ли унижать душу, которую не понимаешь? Мой учитель возбудилъ бы восторгъ къ великимъ и славнымъ дѣяніямъ и извлекъ бы, высосалъ бы добродѣтель изъ самого порока, а этотъ изображаетъ порочными дѣянія славныя и высокія; это глупо и плохое средство возвышать и окрылять душу; оно напротивъ способно низвести ее ниже посредственности: я не только не чувствую состраданія къ такимъ людямъ, но умъ мой негодуетъ, что подобныя головы являются ораторами, тогда какъ они только риторы. Я бы наговорила имъ дерзостей, еслибъ меня не удерживало размышленіе, что этимъ не образумишь никого. Не эгоистамъ изображать характеры великихъ людей; Кесарь не былъ эгоистомъ; онъ былъ вырванъ изъ узкой сферы себялюбія своимъ геніемъ и мужествомъ. Онъ стремился къ славѣ, не взирая ни на что и поклонялся только этому идолу, а себя не оберегалъ, тогда какъ эгоистъ всегда себя оберегаетъ» [2]). 20 ноября 1782 года императрица извѣщала Гримма о возвращеніи путешественниковъ.

Дѣла внутренняго управленія.

Дѣятельность Екатерины по законодательству и дѣламъ внутренняго управленія съ годами пріобрѣтала все бо́льшую силу и поглощала все болѣе времени, что иногда отражалось и на перепискѣ ея съ Гриммомъ. Не только письма становились все сжатѣе по выраженію мыслей, но они писались постепенно, иногда

[1]) Вольтеръ.
[2]) 248.

только по нѣскольку строкъ въ день и отсылались уже тогда, когда накоплялось достаточно интереснаго матеріала. Случилось разъ, что государыня цѣлыхъ три мѣсяца не писала Гримму, а онъ въ то время былъ очень серьёзно боленъ и послѣ болѣзни писалъ ей слѣдующія строки, которыя кстати привести здѣсь, такъ какъ онѣ чрезвычайно хорошо характеризуютъ тонъ переписки: «Надо теперь отдать отчетъ вашему величеству въ томъ, какъ я прожилъ послѣдніе шесть мѣсяцевъ истекшаго года. По полученіи той императорской грамоты, которая начата была во Псковѣ, продолжалась въ Полоцкѣ и окончена была въ Могилевѣ, и которую я опять таки не иначе могу назвать какъ прелестной, небесной и незабвенной, я конечно исполнился слишкомъ большой гордости, блаженства и тщеславія. Милосердый Богъ не хочетъ, чтобъ дѣти его плавали въ благополучіи. Среди вседневныхъ огорченій, которыми небесная благость заботливо приправляетъ жизнь мою, я обременилъ свою августѣйшую благодѣтельницу множествомъ посланій, докладовъ и другихъ пустяковъ. Не видя отвѣта на свои пошлости, я сначала жилъ всѣмъ запасомъ философіи, который имѣлъ въ своей сумкѣ. Я сказалъ себѣ: послѣ урожайнаго года наступаетъ голодный годъ; это очень просто; надо переносить это съ покорностью и мужествомъ, пока императорскому провидѣнію угодно будетъ оживить тебя благодѣтельнымъ взглядомъ. Она хорошо знаетъ, что можетъ располагать по волѣ своей жизнью и смертью своего многострадальнаго. Я былъ тогда далекъ отъ мысли, что императрица почти каждый день занимается тѣмъ, что пишетъ ко мнѣ страничку или двѣ, и что ея благотворительность изготовляетъ мнѣ новую незабвенную грамоту, безсмертное произведеніе, обнимающее болѣе шести недѣль, и которое одинъ изъ курьеровъ долженъ былъ привезти мнѣ. Не будучи въ состояніи ни предвидѣть, ни предположить такую невѣроятную вещь, я все жилъ своимъ запасомъ философіи, который отъ одного почтоваго дня до другого замѣтно истощался. Когда я остался ни при чемъ, я сказалъ себѣ: ты бѣдный цвѣточекъ долженъ теперь увянуть, по-

тому что твоя небесная садовница тебя забыла. Ко мнѣ привязалась лихорадка, я слегъ и надѣялся окончить свое поприще, благословляя ее. Мой старый гувернеръ Тиръ чуть не доконалъ меня. Онъ явился передо мною неожиданно. Я тогда еще недостаточно поправился, чтобъ кого-нибудь принимать, и люди мои отослали его, не предупредивъ меня. Когда я узналъ это, я велѣлъ бѣжать за нимъ, вернуть его. Имя его меня оживило. Я сказалъ себѣ: вотъ роса небесная, сошедшая освѣжить увядающій цвѣтокъ; рука императрицы съ нимъ... Ничуть не бывало; мой гувернеръ Тиръ пріѣхалъ изъ Штутгарда и Монбельяра, куда графъ Панинъ послалъ его по особому порученію, и съ нимъ не было ни небесной росы, ни императорской руки. Тогда я опять склонилъ голову и сказалъ себѣ: ну, теперь ты долженъ увянуть. Но та, которой благодѣтельный геній поддерживаетъ и пробуждаетъ жизнь величайшаго изъ существующихъ государствъ, сказала тогда: ну нѣтъ, ты не увянешь. И ея небесный и императорскій ангелъ, по имени Принчипати (потому что ангелъ значитъ вѣстникъ), вошелъ ко мнѣ, и при видѣ грамоты непомѣрной толщины я былъ возвращенъ къ жизни. Всего менѣе удивительно то, что садовникъ Троншень приписывалъ себѣ это чудо, сдѣлавъ мнѣ внезапно, ночью, кровопусканіе изъ ноги, хотя онъ величайшій противникъ кровопусканій, какого я когда-либо зналъ. Я не хотѣлъ вывести его изъ этого пріятнаго заблужденія, ни сообщить ему, что еслибъ вѣстникъ Принчипати не появился предо мною на другой день и не оживилъ меня, показавъ моему слабѣющему взору буквы августѣйшаго письма, передъ которымъ я простираюсь ницъ двадцать разъ въ день, чудо садовника Троншеня никакъ не достигло бы своей цѣли [1]).

Получивъ эту іереміаду отъ Гримма, императрица объясняетъ ему, почему она рѣже пишетъ, говоря что зато пишетъ ему не письма, а цѣлыя тетради и при томъ такъ много занимается законодательствомъ, что перо не выходитъ у нея изъ рукъ. Тогда

[1]) Письма Гримма 90, 91, 92.

Гриммъ, убѣдившись въ истинѣ ея словъ, отвѣчаетъ: «А покамѣсть я съ тоскующей душей обращаюсь направо и налѣво и ищу кого-нибудь, кто могъ бы дать мнѣ извѣстіе о той, которой одинъ взглядъ можетъ осчастливить судьбу мою, я съ утѣшеніемъ слышу отовсюду: императрица въ превосходномъ здравіи; она работаетъ съ бо́льшимъ прилежаніемъ и рвеніемъ, чѣмъ когда-либо, ничто не можетъ ни остановить, ни замедлить эту неистощимую ревность къ славѣ и благоденствію имперіи. Да, это мнѣ представляется очень вѣроятнымъ, потому что я всегда зналъ ее за упрямую голову, и гдѣ она разъ закуситъ, тамъ ужъ и продолжаетъ» [1]).

Мы уже ранѣе упоминали, что государыня постоянно сообщала Гримму о ходѣ своихъ законодательныхъ работъ и приготовленіи къ нимъ и разсказала ему, какъ она занемогла, по ея выраженію, «отъ законодательной маніи». Не разъ говоритъ она также, что изученіе датскихъ законовъ изсушило ей мозгъ. Но уже въ самомъ началѣ переписки замѣтно, что англійское законодательство бо́лѣе другихъ увлекало Екатерину. Особенно часто называетъ она писателя Блекстона [2]) своимъ вдохновителемъ и неисчерпаемымъ источникомъ свѣдѣній и мыслей, прибавляя впрочемъ, что ничего не беретъ изъ него готоваго, а только тянетъ оттуда свою нить, которую разматываетъ по своему [3]). Осенью 1779 г. она пишетъ, что въ извѣстныя времена года у нея усиливается законодательная манія и въ этотъ годъ упорнѣе чѣмъ когда-либо. «Императрица чрезвычайно уединяется съ нѣкоторыхъ поръ», говоритъ она о себѣ. «Она не имѣетъ ни минуты свободной. Она суетится, не двигаясь съ мѣста; двадцать-четыре часа для нея слишкомъ коротки. Она много пишетъ и читаетъ, никуда не поспѣваетъ, работаетъ безъ устали, однако менѣе чѣмъ желала бы. Громадное количество бумажнаго хлама занимаетъ

---

[1]) 138.

[2]) William Blackstone профессоръ въ Оксфордѣ по каѳедрѣ гражданскаго и политическаго права, издалъ въ 1765 г. свои лекціи подъ заглавіемъ Записокъ объ англійскихъ законахъ. Это сочиненіе впослѣдствіи много разъ издавалось съ дополненіями и до сихъ поръ пользуется уваженіемъ.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 52.

три полки, ничто не готово, многое переписано, другое только на половину, одна матерія переплетается съ другою, обширные матеріалы собраны со всѣхъ сторонъ и готовы пойти въ дѣло» [1]).

По возвращеніи изъ Бѣлоруссіи осенью 1780 г. государыня пишетъ, что покинула для этого письма толстый фоліантъ, изъ котораго дѣлаетъ выписки: «Не во гнѣвъ вамъ будь сказано, этихъ выписокъ сдѣлано уже восемьдесятъ страницъ. Не думайте спрашивать, къ чему эти выписки, потому что тогда я должна буду сказать вамъ: для того чтобъ выписывать, а потомъ употребить это на другую большую работу. О, зато я работаю какъ оселъ и вотъ три, четыре, пять, шесть лѣтъ какъ это такъ продолжается, а что изъ этого выйдетъ, не знаю» [2]). Въ началѣ 1781 года она опять жалуется, что дѣла законодательныя оставляютъ ей мало свободнаго времени, и Богъ знаетъ какъ еще у нея разрываютъ это время. «Теперь, когда большое дѣло приходитъ къ концу, подробности подробностей принимаютъ такой объемъ, что едва силъ хватаетъ, но я не жалуюсь; я надѣюсь, что все это будетъ хорошо, полезно, разумно и мудро [3]). А покамѣстъ Эмилія (Belzunce) и вы даете балы, на которыхъ всѣ Русскіе и даже княгиня Дашкова присутствуютъ, знайте что я, какъ истый бука, все съ перомъ въ рукѣ, составляю томы, и испуганная толщиной этихъ томовъ, иногда порываюсь бросить ихъ въ огонь; но, правда, это было бы жаль, потому что оно и хорошо и очень обдумано. Вѣроятно, это не можетъ быть короче» [4]).

Плодомъ такихъ приготовительныхъ работъ были многія важныя узаконенія этого времени. Въ маѣ того же года государыня извѣщаетъ Гримма, что въ этомъ мѣсяцѣ она издастъ три законоположенія, изъ которыхъ одно подписано, другое переписывается, а третье проходитъ черезъ очищающій огонь ея секретарей. Подъ этими узаконеніями надо, кажется, разумѣть: новое

[1]) 166.
[2]) 185.
[3]) 196, 197.
[4]) 201.

расписаніе губерній (іюля 13-го), уставъ о соли (іюля 16) и уставъ купеческаго судоходства (іюля 25). При этомъ государыня хвалится, что узаконенія ея прививаются такъ хорошо, что когда законъ принялъ форму и вошелъ въ жизнь, никто болѣе не говоритъ о немъ, всякому кажется, что оно такъ и должно быть и не можетъ быть иначе, потому что законъ никого не тѣснитъ, не тяготитъ. Около этого же времени Гриммъ напоминалъ ей о приближеніи двадцатилѣтія ея царствованія. Онъ даже заранѣе прислалъ ей къ такому празднеству музыку извѣстнаго Филидора (партитура Carmen Saeculare) и совѣтовалъ выбрать день восшествія на престолъ для этого торжества, прибавляя: «Если столѣтнія игры будутъ праздноваться нынѣшній годъ, онѣ ознаменуютъ двадцатый годъ волшебнаго царствованія; если онѣ будутъ отложены до будущаго года, ими будетъ заключенъ этотъ двадцатый годъ; какимъ бы образомъ ихъ ни праздновали, это будетъ празднество не безъ значенія и характера. И если императрица счастливо и славно процарствовала два десятилѣтія, не почувствовавъ даже на четверть часа скуки (что однако есть одна изъ самыхъ обыкновенныхъ царственныхъ болѣзней), неужели она не захочетъ устроить праздника Божественному Провидѣнію[1])? Императрица отвѣчала на это: «Я не думаю праздновать двадцатилѣтіе моего царствованія болѣе, чѣмъ какой-либо другой годъ: праздники, мнѣ въ тягость, если они не происходятъ по какому нибудь особенно выдающемуся случаю, и я вовсе не люблю *себя* праздновать. Когда я издамъ какой-нибудь *хорошій законъ*, то вотъ мой праздникъ и я ему радуюсь. Какъ хотите вы чтобъ я скучала? Я всегда занята, только праздники для меня скучны [2]). Наше двадцатилѣтнее царствованіе отпразднуется только благодарственными молитвами, и вотъ какъ надо праздновать такіе дни; это милосердый даръ еще одного года, и больше ничего» [3]). Свое двадцатитрехлѣтнее царствованіе государыня помянула слѣдую-

[1]) Письма Гримма 142.
[2]) 206.
[3]) 253.

щими словами, писанными изъ Петергофа: «Вотъ двадцать-три года царствованія исполнились. Однако я сегодня встала двумя часами позже чѣмъ въ этотъ день (28 іюня) двацать-три года назадъ, потому что я тогда выѣхала отсюда въ шесть часовъ утра» [1]).

Вотъ какъ изображаетъ она распредѣленіе своего дня: «Отъ 6-ти часовъ утра до 7-и законодательство, потомъ до 11-ти текущія дѣла. Въ 11 являются Александръ и Константинъ. За полчаса до обѣда и полчаса послѣ обѣда мы пишемъ для упомянутыхъ господъ азбучки, сказки, повѣсти; потомъ два часа полнаго отдыха и потомъ полтора часа, чтобъ царапать письма и проч., послѣ чего упомянутые господа приходятъ шумѣть до восьми. Потомъ приходитъ кто хочетъ, до десяти. Итакъ я утверждаю, что вотъ день хорошо употребленный и искусенъ будетъ тотъ, кто найдетъ средство придумывать на него комментаріи» [2])... «Привычка сдѣлала съ нами то, что мы отдыхаемъ только когда голова уже окончательно на подушкѣ, и тутъ еще во снѣ приходитъ намъ на мысль все, что надо было бы сказать, написать или сдѣлать» [3]).

Мудрено ли, что при такомъ изумительномъ трудолюбіи, при такой неутомимой ревности на пользу своего народа, Екатерина съ нѣкоторой гордостью могла сообщить Гримму перечень своихъ дѣлъ за 19 лѣтъ царствованія, составленный гр. Безбородкой въ 1781, съ тѣмъ чтобы впредь каждый годъ пополнять этотъ списокъ:

Губерній, устроенныхъ по новому образцу .	29
Городовъ построено	144
Конвенцій и трактатовъ заключено	30
Побѣдъ одержано	78
Замѣчательныхъ указовъ законодательныхъ и учредительныхъ издано	88
Указовъ для облегченія народа	123
Итого . . .	492

[1]) 344.
[2]) 231.
[3]) 311.

«Все это дѣла государственныя, никакое частное дѣло не попало въ этотъ списокъ, какъ вы видите. Ну, милостивый государь, какъ-то вы довольны нами? Были ли мы лѣнивы?» [1]). Въ іюлѣ 1782 года государыня такъ изображаетъ свое времяпрепровожденіе: «Если хотите знать, что́ она дѣлаетъ, съ чѣмъ обращается, о чемъ думаетъ, то я вотъ что скажу вамъ. Она создаетъ теперь полицейскія и экономическія учрежденія, а время отъ времени занимается заключеніемъ мирныхъ и торговыхъ сдѣлокъ, а потомъ играетъ съ маленькими дѣтьми (внучками) и вытачиваетъ ихъ (drechselt aus sie) и увеличиваетъ число честныхъ людей; она раскрываетъ ихъ пониманіе и направляетъ ихъ сердце на благотворительность, на любовь къ ближнему и человѣчность. Вотъ все что она дѣлаетъ, а потомъ мучитъ своего садовника: онъ долженъ сажать деревья, цвѣты, гдѣ хочетъ и гдѣ не хочетъ» [2]).

Въ концѣ того же года Екатерина опять упоминаетъ о своемъ полицейскомъ уставѣ, который Гриммъ проситъ её прислать ему, но она въ томъ отказываетъ, говоря, что напрасно ей приписываютъ какое-то великое предпріятіе, что уставъ этотъ очень простъ и не мудренъ (schlecht und recht). До какой степени государыня сама изучала каждое новое учрежденіе, вносимое ею въ государственную жизнь, какъ часто она сама прилагала руку къ законоположеніямъ, всего лучше можно прослѣдить въ этой перепискѣ, гдѣ она подъ первымъ впечатлѣніемъ сообщаетъ Гримму всякую новую мысль, новое дѣло. Этими письмами потомство какъ бы вводится въ самую лабораторію ея неустанной дѣятельности. Въ одномъ изъ писемъ вырывается у нея признаніе, что она всю жизнь свою писала только для другихъ и «даже для перваго иноходца [3]), который болѣе чѣмъ кто-либо другой умѣлъ наряжаться въ павлиныя перья» [4]).

---

[1]) 216.

[2]) 240.

[3]) Въ перепискѣ съ Гриммомъ государыня часто называетъ такъ въ насмѣшку государственныхъ людей вообще. Здѣсь подъ именемъ *перваго иноходца* она разумѣетъ графа Н. И. Панина.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 311.

Въ 1785 году Екатерина посылаетъ Гримму уставъ о дворянствѣ и городовое положеніе и спрашиваетъ его, зачѣмъ ему все это и кто же читаетъ такія скучныя матеріи какъ законоположенія, но впрочемъ желаетъ узнать не только его мнѣніе, но и все, что говорится объ этомъ предметѣ по бѣлу свѣту (de par le monde) [1]). Въ томъ же году она пишетъ Гримму, что случайно отыскала въ каталогѣ библіотеки Дидро (уже послѣ его смерти) тетрадь, озаглавленную: *Замѣчанія на наказъ ея величества депутатамъ о составленіи законовъ.* «Эта статья», говоритъ она, «сущая болтовня, въ которой не видно ни знанія дѣла, ни осторожности, не предусмотрительности; еслибъ мой наказъ былъ во вкусѣ Дидро, онъ повернулъ бы все вверхъ дномъ. А я утверждаю, что мой *наказъ* былъ не только хорошъ, но прекрасенъ и хорошо соображенъ съ обстоятельствами, потому что вотъ 18 лѣтъ, какъ онъ существуетъ и не только не повредилъ ни въ одномъ пунктѣ, но еще и все добро, имъ произведенное и всѣми признанное, исходитъ изъ началъ, установленныхъ этимъ наказомъ. Критиковать легко, а создавать трудно, вотъ что можно сказать, читая эти замѣчанія философа, который, кажется, во всю жизнь былъ настолько основателенъ, что нуждался въ опекѣ; должно быть, онъ написалъ это по возвращеніи отсюда, потому что не говорилъ мнѣ никогда объ этомъ» [2]).

Весьма замѣчательно собственное сужденіе государыни о созванномъ ею въ началѣ царствованія собраніи депутатовъ. По поводу химерическихъ финансовыхъ проектовъ Калонна и Неккера, она говоритъ: «Мысль о депутатахъ была превосходна; мое собраніе депутатовъ вышло удачнымъ, оттого что я сказала имъ: — *Знайте, вотъ каковы мои начала.* Теперь вы выскажите свои жалобы. Гдѣ башмакъ жметъ вамъ ногу? Мы постараемся поправить это. У меня нѣтъ системы; я желаю только общаго блага; оно вмѣстѣ съ тѣмъ и мое собственное. Итакъ работайте, соби-

---

[1]) 363.
[2]) 372, 373.

райте матеріалы, создавайте проекты; узнайте чего вы хотите. И они принялись разъѣзжать, собирать матеріалы, разсуждать, мечтать, спорить, а ваша покорнѣйшая слуга слушала и была очень равнодушна ко всему, что не составляло общей пользы и общаго блага» [1]).

И позже, по поводу французской революціи, она много разъ, какъ мы увидимъ, выражала то же сужденіе Гримму, который отвѣчалъ ей въ томъ же смыслѣ, что раскачать машину легко, но надо хорошо знать, сумѣешь ли съ нею справиться.

По поводу дѣлъ въ Польшѣ Гриммъ извѣщалъ государыню какіе толки идутъ на этотъ счетъ въ западной Европѣ, гдѣ всегда особенно любили заниматься польскимъ вопросомъ. Пребываніе въ Парижѣ одной знатной польки давало пищу этимъ толкамъ и разсужденіямъ въ тамошнихъ гостиныхъ и Гриммъ пишетъ объ этомъ: «Мы имѣемъ здѣсь съ начала послѣдней зимы молодую польку, Годскую по-имени, разведенную съ княземъ Сангушко, и которая вышла замужъ въ прошедшемъ году за принца Нассаускаго, посславшагося во Франціи и не признаваемаго въ Германіи. Я видѣлъ эту молодую принцессу въ эпоху ея перваго брака, въ Варшавѣ. Она здѣсь заискивала во мнѣ съ необыкновеннымъ стараніемъ. Я нѣсколько мѣсяцевъ разыгрывалъ жестокаго, и наконецъ она меня таки покорила. Пріятно слышать, какъ она говоритъ объ императрицѣ, и заставляетъ умолкнуть жужжанье жуковъ, которые позволяютъ себѣ толковать напримѣръ о дѣлахъ Польши, не имѣя о нихъ самыхъ первоначальныхъ свѣдѣній. Надо видѣть съ какой легкостью она разгоняетъ, смущаетъ и уничтожаетъ всѣхъ этихъ вралей. Я знаю, что по поводу важныхъ обстоятельствъ, касающихся событій въ Польшѣ, она исправляла свѣдѣнія лицъ, которые по своему положенію должны бы знать дѣло лучше. Она иногда напоминаетъ мнѣ Спасителя, сидящаго въ 12-ти лѣтнемъ возрастѣ среди учителей во храмѣ. Она вдвое старѣе своего Спасителя;

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 403.

но всегда интересно видѣть, какъ молодость и грація даетъ уроки мудрости бородачамъ. Итакъ я не могъ отъ нея отдѣлаться, и несмотря на суровость моего уединенія, я долженъ хотя разъ въ недѣлю, а иногда и два, посѣщать её, чтобъ слышать ея бесѣду объ императрицѣ и самому говорить о ней. Она намедни, при довольно многочисленномъ кружкѣ, характеризовала духъ правительствъ въ трехъ участкахъ Польши. Замѣтивъ, что почва Бѣлоруссіи худшая изъ всѣхъ трехъ, она сказала: «Еслибъ у меня были земли въ прусскомъ участкѣ, я сочла бы за счастье потерять половину для того, чтобъ перенести другую въ Бѣлоруссію, а еслибъ мои земли были въ австрійскомъ участкѣ, я охотно уступила бы три четверти за одну четверть въ Бѣлоруссіи. Потомъ она подробно развила намъ причину этого желанія и его степеней съ такою же ясностью, какъ и краснорѣчіемъ. Увы! что до меня касается, то она проповѣдывала обращенному. Кто лучше меня и рижскихъ обывателей знаетъ, какъ сладко жить подъ владычествомъ Россіи бѣлой, красной или зеленой, малой или великой, какого бы она ни была цвѣта и величины» [1]).

На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ государыни: «По случаю того, что́ вы говорите мнѣ о вашей странствующей рыцаршѣ, проповѣдующей раскаяніе по поводу ложныхъ взглядовъ, укоренившихся на счетъ стараго польскаго вопроса, я должна сказать вамъ любимую поговорку Лифляндцевъ, что съ тѣхъ поръ какъ они находятся подъ владычествомъ Россіи, въ областяхъ ихъ болѣе денегъ и серебра нежели прежде было мѣди, а Бѣлоруссія въ томъ же положеніи: земли ея гораздо лучше обработываются и повысились въ цѣнѣ. Тотъ, у кого не было хижины, строится теперь, а у кого она была, тотъ улучшаетъ её» [2]).

По объявленіи вооруженнаго нейтралитета флотъ сдѣлался предметомъ особенной заботливости Екатерины, и для созданія

---

[1]) Письма Гримма 151.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 207.

и улучшенія его она развернула изумительную дѣятельность: сама присутствовала при спускѣ кораблей, посѣщая петербургскія и кронштадскія верфи и укрѣпленія и подымая тѣмъ духъ и усердіе трудившихся надъ этимъ дѣломъ, какъ объясняетъ одно изъ ея писемъ: «Я сама спустилась съ лѣсовъ на кораблѣ Побѣдославъ, чтобъ показать морякамъ, какъ глазъ нашъ слѣдитъ за ихъ работой и цѣнитъ её»[1]). Еще въ 1780 году она писала Гримму: «Ваше желаніе, видѣть русскій флагъ развѣвающимся не въ одной только сторонѣ, будетъ удовлетворено. Вотъ четыре эскадры и болѣе отправляются въ плаваніе. Остальное будетъ или не будетъ: торговля моя, какъ и города, на бумагѣ и въ воображеніи, но не полагайтесь на это: все это выростетъ какъ грибы, когда менѣе всего будутъ ожидать того»[2]). Въ другой разъ она говоритъ: «Что мѣшаютъ вамъ мои корабли? развѣ не такъ же необходимо строить ихъ, какъ имѣть ногти на пальцахъ?»[3]).

25 іюня 1782 года, пріѣхавъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, чтобъ оттуда отправиться въ Петергофъ, государыня пишетъ: «Сегодня я обѣдала въ Эрмитажѣ, а завтра въ своемъ присутствіи очищаю адмиралтейскія верфи; это значитъ, что будутъ спускать военный 74-хъ-пушечный корабль, послѣ чего я бѣгу тотчасъ въ Петергофъ». Подробности объ этомъ сообщаются уже изъ Петергофа отъ 22 іюня: «Хотите знать, что я дѣлала въ день пріѣзда сюда? Я рыскала по-цыгански (comme un basque), именно: въ одиннадцать часовъ утра, такъ какъ это было воскресенье, я была у обѣдни, потомъ принимала въ аудіенціи г. де-ла-Торре, съ которымъ говорила о своихъ старыхъ знакомыхъ, а именно о г. де-ла-Геррейра и о графѣ Ласси; потомъ принимала саксонскаго министра, потомъ пробѣжалась за своимъ обѣдомъ пѣшкомъ вдоль сада и набережной къ г. Бецкому. Послѣ обѣда я съѣздила въ лодочкѣ въ адмиралтейство: тамъ я полила

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 259.
[2]) 177.
[3]) 226.

дегтемъ и ударила три раза молоткомъ каждый изъ трехъ новыхъ стопушечныхъ кораблей, которые велѣла построить; оттуда я перешла на 74 пушечный корабль, который по приказанію моему спущенъ на воду; пока я сама находилась на немъ, онъ довезъ насъ до невскаго моста: тамъ бросили якорь и мы сошли съ него и на лодкѣ возвратились въ адмиралтейство, черезъ которое прошли пѣшкомъ, чтобъ сѣсть въ карету и проѣхать оттуда на дачу оберъ-шталмейстера (Нарышкина), гдѣ, исходивъ вдоль и поперекъ его рощи и гулянья, мы поужинали и въ $12^1/_2$ часовъ пріѣхали сюда. Ну, что вы скажете о такомъ днѣ? не былъ ли онъ превосходно наполненъ? Увѣряю васъ, что кромѣ меня всѣ выбились изъ силъ» [1]).

Петергофъ, 5-го іюля въ 7 часовъ утра. «Я ѣду отсюда завтра и одна изъ причинъ, почему я не люблю этого мѣста, то что я здѣсь сплю какъ сурокъ и не имѣю ни времени, ни охоты писать: я пишу здѣсь только письма императорскія, королевскія и полукоролевскія. Зато я знатно услаждаю свою лѣнь, пока нахожусь здѣсь; три дня тому назадъ, я ѣздила въ Кронштадтъ противъ вѣтра, что заставляло господъ моряковъ предполагать, что я не доѣхавъ возвращусь; но я упорно продолжала путь и мы черезъ четыре часа вошли въ гавань: мы обошли её пѣшкомъ вдоль доковъ до верфей, построенныхъ въ видѣ креста въ началѣ канала; мимоходомъ произвели мы закладку еще одного стопушечнаго корабля, послѣ чего ходили взглянуть на огнечерпательную машину и потомъ опять также пѣшкомъ пошли пить чай къ адмиралу Грейгу. Чтобы просвѣтить васъ, прибавлю, хотя это менѣе интересно для васъ, чѣмъ для этого порта, — что мы одѣваемъ его внутри и снаружи гранитными плитами, — работа эта начнется въ нынѣшнемъ году и это интересное дѣло насъ очень и очень занимаетъ» [2]). Я разсказывала вамъ всѣ мои подвиги этого лѣта, чтобъ доказать вамъ какимъ хорошимъ здоровьемъ я поль-

---

[1]) 242, 243.
[2]) 245, 246.

зуюсь и какъ я бодра» [1]). «Что вамъ за дѣло до кронштадтскихъ верфей?» пишетъ государыня въ 1785 году: «развѣ г. Густавъ не построилъ на французскія деньги въ четыре года двадцать кораблей? Я строю на собственныя деньги» [2]).

Не меньшую заботливость и вниманіе государыни привлекаетъ черноморскій флотъ. Во время путешествія своего въ Крымъ въ 1787 году она пишетъ изъ Херсони отъ 15 мая: «Сегодня мы спустили на воду три военныхъ корабля; это седьмой, восьмой и девятый, построенные здѣсь» [3]).

Потомъ изъ Севастополя: «Я нашла здѣсь, гдѣ за три года еще ничего не было, довольно хорошенькій городокъ и небольшую, но довольно проворную и ловкую флотилію. Гавань, якорная стоянка и пристань естественно хороши и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ во всемъ этомъ показалъ большую дѣятельность и смѣтливость» [4]).

Весьма знаменательно, что Гриммъ, по поводу случившагося въ 1780 году сильнаго пожара въ Кронштадтѣ, какъ разъ по объявленіи вооруженнаго нейтралитета, писалъ Екатеринѣ: «Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ меня увѣряли, что благонамѣренные (т. е. Англичане) попробовали устроить фейерверкъ изъ кронштадтскаго флота, котораго флагъ такъ развертывается ко всеобщему удовольствію. Я увѣренъ, что это вниманіе со стороны благонамѣренныхъ не будетъ потеряно для императрицы: въ нѣкоторыхъ случаяхъ добрая воля равняется факту» [5]).

Екатерина отвѣчала на это: «То, что вамъ разсказали о поджогѣ Кронштадта, чистѣйшая выдумка; это просто напросто случайность. Я полагаю, что не надо придавать вещамъ бо́льшаго значенія, чѣмъ какое онѣ имѣютъ» [6]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 261.
[2]) 333.
[3]) 410.
[4]) 412.
[5]) Письма Гримма 423.
[6]) *Сб. И. О.* XXIII, 191.

Въ другой разъ (въ 1782 г.) по поводу большого пожара въ гостиномъ дворѣ, который тоже приписывали поджогу, государыня пишетъ: «Пожаръ въ рядахъ произвелъ именно то, что вы говорите: я велѣла пренебречь предразсудкомъ и давней привычкой; будетъ десять рынковъ вмѣсто одного и каждому торговцу дозволено имѣть лавку у себя; на все это представляли много затрудненій; но я настояла, и все устроилось безпрекословно. Меня взяло нетерпѣніе и я сама отправилась посмотрѣть, отчего огонь не прекращается, и скоро съ нимъ справились. Убытокъ гораздо менѣе значителенъ чѣмъ сначала думали; ни одна бездѣлица не вздорожала, а все, что было въ большихъ каменныхъ рядахъ, уцѣлѣло» [1]).

О разныхъ другихъ сооруженіяхъ по предмету улучшенія городскихъ построекъ и путей сообщенія также безпрестанно встрѣчаются упоминанія въ родѣ слѣдующаго: «Невозможно всякій разъ сообщать вамъ о разныхъ пустякахъ, которые мы дѣлаемъ, потому что все это идетъ своимъ чередомъ и послѣ объ этомъ забывается: такъ мы копаемъ каналы, устраиваемъ большія дороги и тридцать-шесть гранитныхъ мостовъ между Москвой и Петербургомъ» [2]). Мы уже упоминали, какъ заботилась Екатерина о народномъ продовольствіи и предупрежденіи голода въ Россіи, для чего она учредила запасные магазины, о которыхъ говоритъ по поводу голода въ Швеціи. Другимъ предметомъ ея заботливости было удаленіе кладбищъ отъ жилыхъ мѣстъ въ городахъ и селеніяхъ, о чемъ она такъ упоминаетъ: «У насъ хоронятъ на кладбищахъ, устроенныхъ внѣ городовъ и селъ для пользы живыхъ, какъ и умершихъ» [3]).

Мы ранѣе говорили ужъ о постройкахъ, способствовавшихъ къ украшенію Петербурга и въ которыхъ самое дѣятельное участіе принималъ архитекторъ Кваренги. Въ 1782 году государыня говоритъ Гримму, что многихъ мѣстъ онъ вовсе не узналъ бы,

[1]) 259.
[2]) 390, 391.
[3]) 362.

какъ напримѣръ окрестностей Фонтанки, которыя чистятся, а набережныя обкладываются гранитными плитами» [1]).

Къ началу 1783 года относится основаніе Георгіевскаго капитула въ Чесмѣ, которую за годъ до того государыня такъ изображаетъ Гримму: «Вчера я была въ Чесмѣ, но эта Чесма, какъ вы можете разсудить, не та, гдѣ дана была морская битва, а та, что построена въ память этого событія и гдѣ есть церковь во имя Св. Іоанна Крестителя, которой первый камень былъ положенъ Густавомъ III, королемъ Шведскимъ и Готскимъ, а на освященіи этой церкви присутствовалъ самолично Іосифъ II, императоръ Римскій (24 іюня 1780), что написано крупными золотыми буквами на мраморной доскѣ у дверей церкви. Не сомнѣваюсь, что разсказъ этотъ очень васъ утѣшитъ, потому что Нѣмцы любятъ надписи этого рода; но такъ какъ вы еще не знаете, гдѣ находится эта новооснованная Чесма, то имѣю честь извѣстить васъ, что она въ Лягушечницѣ» [2]). Такъ переводитъ императрица прежнее финское названіе этого мѣста Кекерекескиненъ — имя которое, какъ тогда объясняли, значитъ лягушечье болото [3]). Объ открытіи самаго ордена разсказано такъ: «Петербургъ, 19 апрѣля 1783 г., въ семь часовъ утра того дня, когда увезли всѣ мои бумаги, потому что я уѣзжаю въ Царское Село; по дорогѣ я открываю Георгіевскій капитулъ въ Чесмѣ въ присутствіи славной чернильницы, отъ которой у васъ нѣкогда столько разъ было удушье» [4]). «Царское Село, 20 апрѣля, въ 7 часовъ утра. Капитулъ Св. Георгія вчера началъ свое хозяйство съ капиталомъ въ двѣсти шестьдесятъ тысячъ рублей, которые господинъ великій магистръ постарался собрать независимо отъ доходовъ ордена» [5]).

По поводу учрежденія ордена св. Владиміра, основаннаго въ 1782 г., государыня пишетъ въ 1783: «Что касается до моихъ святыхъ, я отыскиваю ихъ въ своемъ календарѣ, и когда одинъ изъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 251.
[2]) 242.
[3]) См. Геогр. словарь Максимовича и Щекатова подъ словомъ Чесма.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 273.
[5]) 274.

нихъ мнѣ понадобится, то я ищу между ними такихъ, которые послужили бы государству или роду человѣческому; иногда мнѣ трудно найти ихъ, и тогда я просто беру звучное имя, вотъ и все. Господъ новыхъ кавалеровъ Владиміра я выбрала изъ первыхъ и лучшихъ слугъ государства; и въ этомъ качествѣ они пойдутъ въ рай, если будутъ достойны, но ни въ какомъ другомъ случаѣ. Ужъ если вы меня очень разсердите, то я объявлю вамъ, что св. Владиміръ былъ предокъ королевы Французской, что онъ былъ зять Романа, императора Константинопольскаго; одна изъ дочерей его была замужемъ за Стефаномъ, королемъ Венгерскимъ; по этому вы видите, что онъ былъ государь съ хорошимъ родствомъ и, несмотря на то, вы смѣете у меня спрашивать, откуда я его взяла; къ чему же послѣ того быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ небомъ и землею, если все-таки остаешься неизвѣстнымъ 900 лѣтъ спустя» [1]).

Въ 1786-мъ году и Гримму былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра второй степени, о чемъ государыня извѣщала его: «Такъ какъ мой многострадальный — самый аккуратный человѣкъ въ исполненіи моихъ порученій, то статуты ордена св. Владиміра дозволяютъ и требуютъ, чтобъ онъ былъ принятъ въ число ихъ кавалеровъ, и по этой причинѣ я посылаю вамъ орденъ второй степени, который вы надѣнете на шею и будете носить на груди, и звѣзду, которую вы прикрѣпите прямо на сердце. Да благословитъ васъ Господь» [2]). Первый отвѣтъ Гримма на эту милость не сохранился между его письмами. Но отъ 10-го сентября 1786 г. онъ пишетъ: «Государыня, я все ожидаю манифеста, который бы объяснилъ причины, побудившія ваше величество задушить вашего многострадальнаго видимымъ знакомъ вашего благоволенія, какъ будто онъ недовольно подавленъ въ продолженіе тринадцати лѣтъ бременемъ вашихъ благодѣяній. Я просилъ этого манифеста у графа Безбородки, который въ своемъ качествѣ императорскаго

---

[1]) 271.
[2]) 378.

фактотума могъ имѣть участіе въ этомъ неожиданномъ проявленіи императорскаго могущества; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ чувствовать великую тягость на своей совѣсти; я также просилъ въ томъ отчета у маршала князя Потемкина, моего благодѣтеля по части музыки. Они оба, по близости своей къ престолу, конечно не допустятъ подозрѣнія, что та, которая занимаетъ его 24 года недурно, сдѣлаетъ что бы то ни было безъ причины; а мнѣ очень выгодно знать эти причины, потому что онѣ мнѣ откроютъ множество прекрасныхъ вещей, которыя я творилъ, самъ того не зная, и за которыя ваше величество мнѣ обязаны. Я замѣчу только, что очень важно напечатать этотъ манифестъ, чтобы предупредить войну на перьяхъ, которая пожалуй надѣлала бы столько же шуму, сколько и война господъ Геммингенъ и Домъ, и возникла бы между людьми Гриммы и фактотумами вашего императорскаго величества. Да отвратитъ милосердіе всемогущаго Бога это зло, и да сохранитъ Онъ отъ споровъ и раздора всѣхъ слугъ нашей великой государыни, будь они дѣлатели на всѣ руки или многострадальные. Аминь» [1]).

Осенью 1782 г. послѣдовало открытіе памятника Петра Великаго. Извѣстно, что первая отливка статуи была неудачна. Еще въ 1775 г. упоминается въ одномъ изъ писемъ: «Статуя Петра Великаго при отливкѣ не удалась. Голова императора, его правая рука и голова лошади должны быть передѣланы» [2]). Объ отношеніяхъ императрицы къ художнику Фалконету было ужъ говорено ранѣе. Въ декабрѣ 1782 г. она пишетъ по поводу открытія памятника: «Вы кажется желаете, чтобъ я вступила въ разговоръ съ Петромъ Великимъ и его статуей; но знайте, что я этого не сдѣлаю по недостатку времени». И на другой день: «Петръ Великій, увидѣвъ себя на вольномъ воздухѣ, показался намъ съ виду столь же смѣлымъ, какъ и величественнымъ; какъ будто бы онъ былъ доволенъ своимъ твореніемъ; долго я не мо-

---

[1]) Письма Гримма 239, 240.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 35.

гла на него смотрѣть. Я чувствовала себя растроганною, и когда взглянула вокругъ себя, я увидѣла, что у всѣхъ слезы на глазахъ. Лицо его было обращено въ сторону противоположную Черному морю; но движеніе головы показывало, что онъ не лишенъ зрѣнія ни съ какой стороны (il n'avait la berlue d'aucun côté). Онъ слишкомъ далеко стоялъ отъ меня, чтобы говорить со мною, но казался довольнымъ, что̀ сообщилось и мнѣ, и поощряетъ меня стараться въ будущемъ дѣйствовать, если могу, еще лучше» [1]).

На письмо Гримма 1783 г. (къ сожалѣнію не сохранившееся) Екатерина писала: «Критикуйте слова: — Петру первому Екатерина вторая. — Я сама захотѣла, чтобъ это такъ было, желая чтобъ знали, что я, а не жена его, воздвигла ему памятникъ» [2]). Но вотъ какъ великая Монархиня отзывалась въ то же время на льстивую мысль современниковъ о сооруженіи памятника ей самой. Разсуждая о памятникахъ вообще, она говоритъ:

«Но скажите мнѣ пожалуйста, кому же сооружать статуи, обелиски, если не людямъ отличившимся заслугами? Если же воздвигать ихъ людямъ безъ заслугъ, тогда на памятники станутъ смотрѣть какъ на украшеніе города, а не на награду. . . . . Вы конечно понимаете, что я себѣ не сооружу памятника, оттого что это было бы слишкомъ смѣшно.... Не знаю, будутъ ли Екатерины падать на Россію какъ дождь, но вѣрно то, что если эти берега должны производить только статуи въ честь мою, то я къ этому буду очень равнодушна и охотно откажусь отъ нихъ въ пользу Александра» [3]). «Я не хочу памятника, и если божественный (т. е. Рейфенштейнъ) мечтаетъ о томъ, то я ему въ этомъ удовольствіи не завидую; съ моего вѣдома конечно это не будетъ исполнено: всѣ петербургскія площади заняты» [4]).

---

[1]) 264, 265.

[2]) 272.

[3]) Желаніе императрицы сбылось: памятникъ Александру Благословенному явился многими годами ранѣе ея памятника, 264.

[4]) 284.

Загородные дворцы и постройки, увеселительное путешествіе по каналамъ и въ Москву.

Царское Село оставалось любимымъ мѣстопребываніемъ Екатерины, для котораго она болѣе всего поработала, среди котораго развернулся весь ея геній и изящество вкуса. Она восхищалась и справедливо гордилась имъ, какъ своимъ созданіемъ. Она наслаждалась полной жизнью среди его величественныхъ парковъ и пышной растительности, какъ сама даетъ намъ о томъ знать многими живыми описаніями, встрѣчающимися въ перепискѣ и которыя мы приведемъ здѣсь: «Царскосельскій садъ, по словамъ Англичанъ, разныхъ путешественниковъ изо всѣхъ странъ и нашихъ, побывавшихъ въ чужихъ краяхъ, становится единственнымъ въ своемъ родѣ. Не говорю о комнатахъ; но Кваренги увѣряетъ, что онѣ столь же прекрасны, какъ и своеобразны, и что кто не видалъ ихъ, тотъ не можетъ составить себѣ о нихъ понятія. Напримѣръ, я пишу вамъ въ кабинетѣ изъ массивнаго серебра, отчеканеннаго съ узоромъ изъ красныхъ листьевъ; четыре колонны съ тѣмъ же узоромъ поддерживаютъ зеркало, служащее балдахиномъ дивану, обитому яркой зеленой матеріей съ серебромъ московскаго издѣлія; стѣны состоятъ изъ зеркалъ, которымъ серебряные пилястры съ красными же листьями служатъ рамами. Балконъ выходитъ въ садъ; дверь образуетъ два зеркала, такъ что она всегда кажется раскрытою, хотя бы была затворена. Этотъ кабинетъ очень роскошенъ, блестящъ, веселъ, не обремененъ тяжелыми украшеніями и очень пріятенъ. У меня есть другой, на которомъ, какъ на табакеркѣ, соединены бѣлый и голубой цвѣтъ съ бронзою; бѣлое и голубое —стекло, а узоръ по нимъ—изъ арабесковъ» [1]).

---

[1]) *Сб. И. О* XXIII, 239. Все это— описаніе комнатъ Екатерининскаго флигеля, пристроеннаго къ старому дворцу Елисаветы Петровны и примыкающаго къ знаменитой колоннадѣ.

. . . . . «Всѣ согласны, что Царское Село нынѣшнею весною —рай: съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, у насъ прелестнѣйшая погода и я гуляю сколько могу [1]) . . . . Статуя Вольтера, сдѣланная Гудономъ, вынута и поставлена въ Утреннемъ залѣ [2]); тамъ она окружена Антиноемъ, Аполлономъ Бельведерскимъ и множествомъ другихъ статуй, которыхъ формы привезены изъ Рима, а отлиты онѣ здѣсь. Когда входишь въ эту залу, то, право, духъ захватываетъ и — о чудо! — статуя Вольтера нисколько не теряетъ ото всего её окружающаго. Вольтеръ прекрасно стоитъ тамъ; онъ любуется на лучшія статуи античныя и современныя. Господинъ многострадальный долженъ помнить, что эта зала имѣетъ дверь, выходящую на озеро, другая выходитъ на очень густую аллею; съ тѣхъ поръ какъ тамъ стоитъ Вольтеръ, смотрѣть Утреннюю залу ходятъ караванами. Другая новость: сэръ Томъ Андерсонъ околѣлъ эту зиму и зарытъ подъ плитою съ надписью позади гранитной пирамиды. Я еще не имѣла духу побывать тамъ, и до сегодня не объявляла о его смерти. Онъ дожилъ до 16 лѣтъ» [3]). Черезъ годъ за сэромъ Томомъ послѣдовала Земира — другая особенно любимая собачка императрицы, которая зарыта тамъ же и которой Сегюръ сочинилъ извѣстную эпитафію въ стихахъ, приложенную императрицей къ одному изъ писемъ къ Гримму: «Ici mourut Zémire, et les grâces en deuil» и проч. [4]).

Въ 1786 году государыня возвратилась уже въ іюлѣ въ Царское Село изъ Петергофа, который она вообще не любила. «Дожди выгнали меня изъ Петергофа на прошедшей недѣлѣ», пишетъ она: «какъ только я вернулась сюда, начались жары. Вчера здѣсь играли комедію; послѣ театра вся дипломатическая клика гуляла и ужинала со мной; г. Кюстинъ былъ тоже, и всѣ въ такомъ настроеніи, что находили все прелестнымъ, восхитительнымъ. Чтобъ подразнить васъ, я должна сказать,

---

[1]) 279.

[2]) Бесѣдка въ Царскомъ Селѣ обращенная къ озеру.

[3]) 313, 314.

[4]) 357.

г. кавалеръ, что вы меня здѣсь не легко найдете послѣ обѣда, потому что кромѣ семи комнатъ, украшенныхъ яшмою, агатомъ, настоящимъ и поддѣльнымъ мраморомъ, кромѣ сада, прямо прилегающаго къ моимъ покоямъ, я обладаю громадной колоннадой, которая примыкаетъ къ тому же саду и оканчивается лѣстницей, ведущей прямо къ озеру. И послѣ того ищите меня, если хотите; еслибъ вы когда-нибудь сюда пріѣхали, то развѣ только лай Томасовъ укажетъ вамъ путь, по которому я направляюсь, а иногда лепетъ пяти малютокъ (внучатъ), которые прилипаютъ ко мнѣ какъ репьи и надо мнѣ стряхнуться, чтобъ отогнать ихъ, потому что они никогда бы со мной не разстались» [1]).

Гораздо позже, въ 1791 году, государыня опять такъ описываетъ колоннаду: «14 мая, въ 7-мь часовъ утра, сидя на царскосельской колоннадѣ, откуда я вижу предъ собой Пеллу, хотя отсюда до нея по крайней мѣрѣ 35 верстъ, и кромѣ Пеллы мнѣ видно около ста верстъ вокругъ». Эта колоннада тѣмъ особенно пріятна, что въ холодъ у нея есть всегда одна сторона, гдѣ онъ менѣе чувствителенъ. Средина моей колоннады, стеклянная, имѣетъ 39 саженъ длины; внизу и возлѣ — цвѣточный садъ; низъ моей колоннады занятъ приближенными мнѣ дамами, которыя тамъ какъ нимфы среди цвѣтовъ. На моей колоннадѣ стоятъ бронзовые бюсты величайшихъ людей древности, какъ то Гомера, Демосфена, Платона и проч. Есть нѣсколько другихъ статуй. Геркулесъ Фарнезскій и Флора украшаютъ лѣсницу колоннады, ведущую отъ террасы къ озеру» [2]). . . . . Пишу вамъ это передъ стеклянной дверью, ведущей изъ моихъ комнатъ въ цвѣточный садъ, сего 3-го іюня послѣ обѣда; вы должны еще знать, что трое изъ Томасовъ лежатъ вокругъ меня на зеленомъ сафьянномъ диванѣ, стоящемъ на воздухѣ. Св. Николай [3]) вамъ скажетъ, если вы любопытны, что этотъ диванъ находится въ полуоткрытыхъ сѣн-

---

[1]) 379.
[2]) 540, 541.
[3]) Н. П. Румянцовъ.

цахъ противъ сада и что я здѣсь какъ Крымскій ханъ въ своемъ кіоскѣ, или попугай въ своей клѣткѣ. Вы не имѣете понятія, что́ такое Царское Село, когда стоитъ теплая и ясная погода!» [1]).

16-го августа 1792 г. «Я возвращаюсь съ колоннады, гдѣ я гуляла между бронзовыми бюстами, тамъ стоящими, и если вы любопытствуете знать, кто эти честны́е господа, вотъ вамъ списокъ, который я сдѣлала для васъ, гуляя. Вы не можете себѣ представить, какія прекрасныя мысли внушаетъ подобная компанія; мнѣ нравится быть въ этомъ обществѣ: Юлій Кесарь, Ахиллъ, Цицеронъ, Фоксъ, Демосѳенъ, Сенека, Овидій, Софоклъ, Ѳеокритъ, Геродотъ, Геркулесъ, Карнеадъ, Лизій, Ѳеофрастъ, Питтакъ, Сафо и Фаонъ, Аполлонъ, Гомеръ, Платонъ [2]). Все это бронзовые бюсты, находящіеся въ настоящее время на царскосельской колоннадѣ. Со временемъ ихъ будетъ 82» [3]).

По смерти Ланского императрица Екатерина, преслѣдуемая въ Царскомъ Селѣ грустными воспоминаніями, какъ будто искала новаго загороднаго мѣста, которое могла бы полюбить, и купила (у сенатора Неплюева) землю по шлюссельбургской дорогѣ, предполагая тамъ построить дворецъ и развести англійскій садъ. Это загородное мѣсто называлось Пеллой и скоро тамъ былъ заложенъ богатый увеселительный дворецъ придворными архитекторами Старовымъ и Козловымъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ строеній, соединенныхъ вмѣстѣ аркадами, галереями, колоннадами, и въ главномъ зданіи находилась огромная зала для торжествъ на подобіе залъ въ римскихъ баняхъ, а между зданіями были дворы и сады. Постройки въ Пеллѣ нѣсколько разъ задерживались войнами, и наконецъ это мѣсто было окончательно брошено императоромъ Павломъ.

Въ апрѣлѣ 1785 года государыня пишетъ: «Я поѣду въ Херсонъ, но не нынѣшнимъ лѣтомъ; въ маѣ мѣсяцѣ я съѣзжу въ Боровичи, чтобы осмотрѣть каналы, по которымъ идетъ под-

[1]) 546, 547.

[2]) Этотъ списокъ написанъ карандашемъ на особомъ листкѣ.

[3]) 576.

возъ всего къ Петербургу, и вернусь сюда водою. На землѣ, которую я купила, недостаетъ только дома для житья; тотъ, который тамъ теперь—отвратителенъ. Земля эта лежитъ между Шлюссельбургомъ и Петербургомъ, какъ разъ на жалкихъ невскихъ порогахъ; эта рѣка образуетъ тамъ родъ залива, въ который, саженяхъ во ста отъ дома, впадаетъ Тосна, тоже судоходная рѣка. Мѣстоположеніе прелестное, виды чрезвычайно разнообразные, и будетъ очень удобно украсить все англійскимъ паркомъ» [1]). Пріѣхавъ въ Пеллу 18-го іюля 1785, государыня т. къ её описываетъ: вотъ я прибыла сюда, въ такое мѣсто, о которомъ вы не имѣете понятія; я нахожусь въ 26-ти верстахъ отъ Шлюссельбурга, въ 32-хъ отъ Петербурга, въ 35-ти отъ Царскаго Села, на изгибѣ Невы, ниже здѣшнихъ пороговъ. Въ настоящую минуту эти пороги отъ меня вправо, и на такомъ же разстояніи влѣво я вижу изъ окна своего впаденіе въ Неву рѣчки Тосны. Отъ пороговъ до устья Тосны материкъ образуетъ большой полумѣсяцъ, въ серединѣ котораго находится Пелла. Рѣка Нева, пройдя пороги и образовавъ губу, при которой я нахожусь, изволитъ продолжать свое теченіе противъ самыхъ моихъ оконъ, къ Петербургу. Такимъ образомъ фасадъ Пеллы вовсе не на сѣверъ, а какъ разъ въ сторону рѣки на западъ, надворный же фасадъ на востокъ. По ту сторону противъ Пеллы находится мысокъ, надъ которымъ виднѣются деревни, лѣса и дома, расположенные по обоимъ берегамъ Невы. Черезъ четыре года у меня будетъ прекрасный домъ на этой землѣ; основаніе его уже заложено, а пока я живу въ деревянномъ домѣ прежняго владѣльца, строеніи, которое скорѣй огромно чѣмъ красиво. Нева на этомъ мѣстѣ имѣетъ видъ большого озера; множество судовъ, короче, весь торговый грузъ и строительный матеріалъ Петербурга проходятъ мимо моихъ оконъ, и все въ эту минуту въ движеніи на водѣ и на берегу» [2]). Осенью того же года: «По выходѣ

[1]) 339.
[2]) 346, 347.

изъ Эрмитажа я имѣла долгое совѣщаніе съ синьоромъ Кваренги, которому сегодня въ четыре часа пополудни я поручила заказать, для помѣщенія въ паркъ Пеллы, три колонны бѣлаго мрамора, единственный и замѣчательный остатокъ храма Юпитера Громовержца. Вотъ прихоть, которая овладѣла мною вдругъ въ послѣдніе три дня: у меня явилось какое-то лихорадочное желаніе имѣть эти три колонны, выполненныя въ настоящую величину и во всей ихъ красѣ. Что вы скажете объ этомъ? Если я разсержусь, то изъ этихъ трехъ можетъ выйти больше, но для опыта довольно и трехъ» [1]).

Имя Пеллы государыня объясняетъ съ финскаго, говоря, что въ переводѣ это значитъ пыль. Она даже послала Гримму карту окрестностей Петербурга въ 1786 году, прибавляя: «Ищите Пеллу въ верховьѣ рѣки; противъ Пеллы вы найдете Островки дачу, или, лучше сказать, имѣніе князя Потемкина, мѣстечко прелестное и вблизи Пеллы Петрушкино, имѣніе оберъ-шталмейстера Нарышкина. Когда же я пріѣзжаю въ Пеллу, то въ обоихъ этихъ мѣстечкахъ происходитъ большая суматоха, такъ какъ они находятся противъ самыхъ пороговъ Невы. Когда же вы прочтете на картѣ «Софія», то знайте, что этотъ новый городъ находится противъ царскосельскаго парка, или лучше сказать противъ озера; а чтобъ вамъ все это было яснѣе, я дарю вамъ планъ Царскаго Села и даже два. Но всѣ мои загородныя дворцы только хижины въ сравненіи съ Пеллой, которая воздвигается какъ Фениксъ» [2]).

Каждое лѣто мы видимъ государыню предпринимающею поѣздки по окрестностямъ Петербурга. То возвращается она неожиданно въ городъ, то ѣдетъ въ Кронштадтъ, въ Петергофъ, въ Пеллу, въ Сюстербекъ, то осматриваетъ водяныя сообщенія, то обѣдаетъ на дачахъ у своихъ царедворцевъ, то предпринимаетъ экспромтомъ путешествіе въ Москву. Этой любовью къ независимости, этимъ стремленіемъ освободиться отъ всякой ру-

---

[1]) 364, 365.
[2]) 385.

тины, отъ стѣснительнаго дворскаго этикета, и освѣжать себя впечатлѣніями общечеловѣческими Екатерина истинно возвышалась надъ обыкновеннымъ уровнемъ. Никогда не подчинялась она мысли, чтобъ отсутствіе внѣшней торжественности и церемоніальности могло отнять что-нибудь отъ ея царственнаго величія. При ея подвижности и частыхъ лѣтнихъ переѣздахъ, ей случалось останавливаться и даже проживать цѣлыя недѣли и мѣсяцы въ самыхъ скромныхъ помѣщеніяхъ. Тогда, какъ будто еще горячѣе пробуждались ея поэтическое чувство, ея любовь къ природѣ и та веселость, свѣжесть души и впечатлительность, которыхъ она не утратила до конца жизни.

«Я возвратилась въ городъ вчера,» пишетъ она 20 августа 1785 г. изъ Петербурга, «такъ же какъ и въ прошломъ году неожиданно. Я нахожу это прелестнымъ: никто меня не провожаетъ, никто не принимаетъ. Я проскальзываю какъ котъ, такъ что никто и не замѣтитъ меня, а когда я уже пріѣду, то цѣлые сутки всѣ повторяютъ: она пріѣхала неожиданно! — И вотъ пустые мечтатели и политиканы отыскиваютъ на это причины, до того тонкія и скрытыя, что ихъ можно продѣть скозь игольное ушко. А ваша покорная слуга покамѣстъ бѣгаетъ по Эрмитажу, осматриваетъ картины, играетъ со своей обезьяной, любуется на своихъ голубей, своихъ попугаевъ, своихъ американскихъ пташекъ голубаго, краснаго и желтаго цвѣта и предоставляетъ всякому свободно толковать, подобно городу Москвѣ» [1]).

Послѣ поѣздки въ Сюстербекъ, о которой она извѣщаетъ Гримма, онъ спрашиваетъ её, что́ это еще за новое для него мѣсто. Она отвѣчаетъ: «Сюстербекская фабрика — это заводъ оружія и другихъ желѣзныхъ издѣлій, какъ наприм. рѣшетокъ, кроватей и проч. Онъ находится на новой выборгской дорогѣ по ту сторону рѣки; чтобъ приблизить Выборгъ къ Петербургу мы строимъ на Невѣ второй мостъ на плашкоутахъ, выше литейнаго завода. Инспекторъ этого завода, всегда зависѣвшаго отъ артил-

[1]) 360.

лерійскаго вѣдомства,—генералъ Мюллеръ, командующій артиллеріей. Младшій сынъ покойнаго Эйлера — его директоръ» [1]).

Вотъ еще очеркъ своего образа жизни, который императрица даетъ Гримму: «Хотя я нынѣшнимъ лѣтомъ много странствовала по большимъ дорогамъ, но и осень эту я еще очень подвижна, потому что со дня возращенія моего въ городъ я ежедневно встаю утромъ въ шесть часовъ, пью чашку кофе, а потомъ бѣгу въ Эрмитажъ и тамъ отъ 6-ти до 9-ти верчу и переворачиваю винегретъ, который называю извлеченіями. Затѣмъ является фактотумъ (Безбородко) и всѣ фактотумы; въ одиннадцать я возвращаюсь въ свои комнаты одѣваться и играть съ толпою своихъ внучковъ и внучекъ; одѣвшись, иду обѣдать въ Эрмитажъ. Послѣ обѣда я опять ухожу въ свои покои а оттуда опять въ Эрмитажъ, гдѣ прежде всего кормлю орѣхами бѣленькую векшу, которую сама приручила; потомъ играю нѣсколько партій въ бильярдъ. Затѣмъ я иду разсматривать свои рѣзные камни или какіе-нибудь эстампы, или брожу среди картинъ; послѣ чаю дѣлаю визитъ прелестной своей обезьянкѣ, которую никогда не могу видѣть бѣзъ смѣху, до того она забавна. Въ четыре я возвращаюсь въ свои комнаты, до шести читаю и пишу, въ шесть выхожу для пріемовъ, съ которыми теперь помирилась [2]); въ восемь я поднимаюсь на свои антресоли, куда собирается ко мнѣ болѣе избранное общество, въ одиннадцать ложусь спать. Теперь вы можете прослѣдить за мною шагъ за шагомъ всю зиму, если пожелаете» [3]).

Не въ этомъ ли строгомъ распредѣленіи дня, въ которомъ трудъ такъ умно и гармонически чередовался съ удовольствіемъ, съ семейными и общественными обязанностями надо искать тайну той ясности и послѣдовательности мысли, чуждой всякой односторонности, той бодрости духа и никогда не слабѣвшей дѣятельности, которыя отличали Екатерину?

24 мая 1785 года государыня съ большой свитой выѣхала

---

[1]) 365, 366.

[2]) Послѣ уединенія, вызваннаго смертью Ланскаго.

[3]) 367, 368.

изъ Петербурга на каналы и 1-го іюня писала Гримму изъ Твери: «Я отправилась осматривать водяныя сообщенія, доставляющія Петербургу съѣстные припасы и товары. Посолъ императорскій, посланники французскій и англійскій, пожелавшіе участвовать въ этой поѣздкѣ, находились въ моей свитѣ. Мы ѣхали по большой московской дорогѣ очень весело и въ наилучшемъ здоровьи, направляясь въ Боровичи, гдѣ предполагали пересѣсть на суда. Когда мы доѣхали до Вышняго Волочка, вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ изъ Москвы графъ Брюсъ и начинаетъ уговаривать насъ ѣхать дальше и навѣстить его въ Москвѣ; никто его не слушаетъ, а онъ все толкуетъ свое. Какое дурачество! какъ въ Москву?— Да, въ Москву. — Да, гдѣ же взять лошадей? — Это ужъ мое дѣло. — Но мы хотимъ обѣдать; ужинать, говорятъ путешественники.—Вы все это найдете, — отвѣчаютъ имъ. Начинаютъ свыкаться съ этой мыслью, начинаютъ увлекаться ею; всѣ находятъ, что это будетъ прелестно и поддаются соблазну; графъ Брюсъ кидается въ карету и летитъ какъ молнія. Мы слѣдуемъ за нимъ, и вотъ мы въ Твери, въ чудную погоду, среди мѣстности, представляющей самые живописные ландшафты. Посолъ и посланники французскій и англійскій ѣдутъ въ моей шестимѣстной каретѣ; они всѣ трое очень уживчивы, очень образованы, NB. очень веселы; князь Потемкинъ, графъ Чернышовъ, оберъ-камергеръ, оберъ-шталмейстеръ, графъ Ангальтъ и нѣкоторыя другія лица, всего шеснадцать человѣкъ, сопровождаютъ меня и наперерывъ стараются развеселить общество. Мы ѣдемъ сегодня послѣ обѣдни въ Москву; мы останемся тамъ два или три дня и вернемся, чтобъ опять сѣсть на суда въ Боровичахъ и плыть къ Петербургу. Что скажете вы объ этой шалости и что скажутъ газеты и застегнутые, которые продолжаютъ утверждать, что я при смерти?»

14 іюня: «Вотъ я вернулась изъ Москвы и уже двое сутокъ какъ плыву на судахъ по рѣкѣ Мстѣ, которая должна завтра или послѣзавтра привести насъ въ Новгородъ, по озеру Ильменю, откуда мы войдемъ въ рѣку Волховъ, а эта принесетъ насъ въ

Ладожскій каналъ; потомъ войдемъ въ Неву и высадимся въ Петербургѣ. О настроеніи общества, ѣдущаго со мною, вы можете судить по прилагаемому здѣсь прекрасному литературному произведенію, которое написано подъ вліяніемъ этого настроенія. Надо отдать справедливость г. Сегюру: трудно быть любезнѣе и имѣть умъ пріятнѣе; ему, кажется, пріятно быть съ нами и онъ веселъ, какъ зябликъ. Онъ сочинялъ намъ стихи и пѣсни, а мы отвѣчали ему плохой прозой. Князь Потемкинъ моритъ насъ со смѣху во всю дорогу, да и всѣ другіе, кажется, лѣзутъ изъ кожи помогать ему. Погода превосходная и мы любуемся прелестными видами».

20 іюня, изъ Петергофа. «Третьяго дня доплыли мы по Невѣ до Петербурга, а вчера я сухимъ путемъ прибыла сюда. Посолъ и посланники англійскій и французскій были доставлены каждый до своего дома въ городѣ; ей ей, они бы согласились ѣхать со мною на край свѣта, еслибъ я того пожелала» [1]) .... Здѣсь государыня высказываетъ похвалу Сегюру, нами уже приведенную, и продолжаетъ: «Замѣтьте пожалуйста, что англійскаго посла мы увезли больного; онъ передъ тѣмъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не ѣлъ и не пилъ; боялись даже, чтобъ онъ не впалъ въ мрачную меланхолію, а назадъ мы его привезли выздоровѣвшимъ; онъ ѣстъ, пьетъ, хохочетъ и смѣшитъ другихъ; у него возвратился хорошій цвѣтъ лица и онъ пополнѣлъ. Сообщите мнѣ пожалуйста, какіе до васъ дойдутъ слухи о самомъ веселомъ путешествіи, какое, какъ я думаю, когда-либо предпринималось. По вашему приказанію вотъ вамъ второй курьеръ за три мѣсяца.

«Надо еще вамъ сказать, что въ теченіе всего моего путешествія, около тысячи двухсотъ верстъ сухимъ путемъ и шестисотъ верстъ водою, я нашла удивительную перемѣну во всемъ краѣ, который отчасти видѣла прежде. Тамъ, гдѣ были убогія деревушки, нашла я прекрасные города, отлично отстроенные

---

[1]) 341, 342,

изъ кирпича и камня; гдѣ не было и деревушекъ, тамъ большія села, и вообще благосостояніе и торговое движеніе превзошли мои ожиданія. Мнѣ говорятъ, что это послѣдствіе моихъ распоряженій, которыя уже десять лѣтъ исполняются буквально, а я, глядя на все это, отвѣчала: Очень рада. Это не особенно остроумно, но зато сущая правда» [1]).

Такъ какъ прусскій посланникъ не участвовалъ въ путешествіи, то о немъ высказанъ слѣдующій отзывъ: «Я думаю, что это путешествіе приводитъ въ бѣшенство застегнутыхъ (les boutonnés), доказывая какъ дважды два четыре ихъ лживость и черноту ихъ желчныхъ изліяній» [2]).

Особенно подвижна была государыня въ это лѣто 1785 г., и 4-го іюля писала изъ Царскаго Села: «Наконецъ я вернулась сюда вчера вечеромъ, прорыскавъ шесть недѣль безъ одного дня; изъ Петергофа я ѣздила въ городъ, оттуда отправилась ночевать въ Осиновой рощѣ, оттуда поскакала въ Сюстербекъ и опять вернулась въ городъ; вчера я обѣдала и ужинала съ моими карманными министрами, посломъ императорскимъ, посланниками французскимъ и англійскимъ, у братьевъ Нарышкиныхъ, откуда пріѣхала сюда . . . . . Въ четвергъ я отправлюсь въ Пеллу съ моими тремя карманными министрами, а возвращусь въ понедѣльникъ ко дню Маріи Магдалины» [3]).

Въ Царскомъ Селѣ, 21 іюля. «Вчера въ эрмитажѣ распрощалась я со всей своей путевой компаніей, а при переѣздѣ водою изъ Пеллы въ Петербургъ, мы произвели посла въ короли, а графиню Браницкую въ королевы, потому что они сидѣли рядомъ на одномъ креслѣ. Они представляли короля Дагобера и королеву Берту, а потомъ изъ этого вышли безконечныя дурачества и хохотня, которыя продолжались до самой высадки на берегъ. Что вы объ этомъ скажете?..... Г. Кельхенъ увѣрялъ

---

[1]) 343.
[2]) Тамъ же.
[3]) 346.

насъ въ пути, что нельзя умереть отъ смѣха; я вѣрю этому, потому что никто не умеръ, хотя всѣ хохотали съ утра до вечера [1]).

Къ этому живому и полному веселости описанію путешествія приложены были разныя шуточныя дополненія: описаніе путешествія въ формѣ пародіи, во вкусѣ извѣстій распространявшихся объ императрицѣ и Россіи иностранными газетчиками, также стихи Сегюра, который, какъ извѣстно, имѣлъ даръ сочинять экспромтомъ, и между ними «эпитафія Земирѣ». Пародія же изображаетъ пріѣздъ въ Москву и происшедшій тамъ будто бы заговоръ и бунтъ, въ которомъ участвуютъ не только высшія сословія, но и самъ митрополитъ московскій. Окруженная опасностями, государыня спасается изъ одного дворца въ другой, и наконецъ въ загородные дворцы: Коломенское, Царицыно и вездѣ искусно и ловко ускользаетъ въ минуту опасности. Обратное путешествіе въ Петербургъ, гдѣ также готовится возстаніе, исполнено затрудненій всякаго рода: общество терпитъ нужду въ припасахъ, которыхъ никто не даетъ, при чемъ приведено имя тверского помѣщика Полторацкого во французскомъ переводѣ: «Un et demi». Наконецъ путешественниковъ ожидаютъ опасности на водяномъ пути, обилующемъ разбойниками и пр. Министрамъ и посланникамъ отведены при этомъ каждому своя роль, и шутка продолжается еще на петергофскомъ праздникѣ 29 іюня. Такія шутки и аллегоріи видимо очень нравились императрицѣ и ихъ въ перепискѣ встрѣчается нѣсколько по разнымъ поводамъ. Но всего заботливѣе старается Екатерина поразить ими завистниковъ Россіи и ея славы. Нѣтъ сомнѣнія, что для главы государства такое ясное сознаніе неустанной, направленной противъ Россіи вражды и происковъ иностранцевъ было чрезвычайно важно и вызывало ту твердую политику, которая была залогомъ достоинства и безопасности Россіи.

---

[1]) 347.

Ланскіе, Лагарпъ, графъ Бобринскій, Зельмира.

Въ 1781 году въ первый разъ упоминается имя Ланского въ слѣдующемъ обращеніи къ Гримму: «Царское Село, 31 августа 1781 г. Такъ какъ камергеръ Ланской [1]) посылаетъ своего двоюроднаго брата, подполковника Ланского, въ Парижъ съ курьерскимъ пашпортомъ, то я кончаю это письмо, поручая ему передать вамъ его въ собственныя руки. Рекомендую вамъ этого подполковника и прошу васъ быть ему полезнымъ, давать ему совѣты и изъ моихъ денегъ, которыми вы располагаете, выдать ему до трехъ тысячъ червонцевъ. Вы этимъ одолжите почтенное семейство, которое теперь въ тяжкомъ горѣ, причиненномъ вѣтреностью юноши, испорченнаго и увезеннаго негодяемъ; это братъ камергера Ланского, уѣхавшій изъ Дрездена въ Парижъ, говорятъ, безъ позволенія родителей. Съ нимъ отправился Фонтэнъ, пріѣхавшій сюда съ герцогинею Кингстонъ. За молодымъ человѣкомъ посланъ подполковникъ Ланской, съ тѣмъ чтобы привезти его обратно, или помѣстить его въ науку къ какому-нибудь профессору въ Лозаннѣ или Болоньѣ, и вотъ причина этого путешествія. Прошу васъ, помогите ему подъ рукою въ его поискахъ, и конечно такъ, чтобъ дѣло это производило какъ можно менѣе шуму; нашему повѣсѣ всего только 17 или 18 лѣтъ Еслибъ вы рекомендовали намъ въ Лозаннѣ или Болоньѣ какой-нибудь хорошій домъ, который согласился бы принять молодого человѣка на свое попеченіе, то премного бы насъ одолжили, и когда я сказала, что направлю курьера къ г. Гримму, то лицо брата просіяло удовольствіемъ, что доказываетъ въ какомъ почетѣ г. Гриммъ многострадальный у всѣхъ моихъ приближенныхъ» [2]).

Весьма характеренъ по поводу этой исторіи отзывъ Екате-

---

[1]) Камергеръ Ланской, Александръ Дмитріевичъ, является въ послѣдующихъ письмахъ подъ именемъ генерала Ланского. Двоюродный братъ его, Василій Сергѣевичъ, упоминается ниже подъ именемъ Базиля. Юноша, о которомъ идетъ рѣчь, единственный братъ Александра Дмитріевича—Яковъ.

[2]) 218, 219.

рины о тѣхъ иностранныхъ проходимцахъ, которые тогда уже наводняли Россію и, безъ всякаго разбору, съ улицы принимались въ лучшіе дома въ качествѣ воспитателей юношества: «Еще разъ прошу у васъ прощенія, что надѣлала вамъ хлопотъ письмомъ, котораго податель былъ подполковникъ Ланской. Генералъ Ланской самъ выразитъ вамъ благодарность, которую живо чувствуетъ; онъ очень раскаивается, что отправилъ своего брата въ Дрезденъ; но вѣдь не онъ придумалъ это путешествіе, не онъ откопалъ Фонтэна, но тѣ самые, кто теперь умываетъ себѣ руки въ этихъ событіяхъ, и которые однако были ихъ и первой и второстепенной причиной. Но что же дѣлать? Какъ ни кричи противъ того довѣрія, какое у насъ имѣютъ къ искателямъ приключеній всякаго рода, у насъ это до того вошло въ привычку, что её не выживешь, и развѣ только будущее поколѣніе отъ нея освободится. Вся эта исторія и поведеніе проходимца съ молодымъ человѣкомъ, къ которому онъ былъ приставленъ, должны возбудить ужасъ по отношенію къ подобнымъ людямъ. Опасности которымъ подвергался юноша, легко могутъ имѣть вліяніе на всю его жизнь» [1]). Вслѣдъ за этимъ государыня даетъ совѣты Гримму, какъ освободить молодого человѣка отъ преслѣдованій его Дульцинеи (какой-то Ленхенъ изъ Дрездена) и возвратить его въ повиновеніе родителямъ, предлагая для этого поѣздку въ Италію подъ руководствомъ двоюроднаго брата, который кроткимъ вліяніемъ долженъ былъ стараться обратить юношу на путь истинный. Гримму почему-то показалось что бракъ между этой особой и молодымъ Яковомъ Ланскимъ можетъ состояться, но императрица поспѣшила разувѣрить его въ этомъ и послѣ не разъ возвращалась къ тому же предмету съ живымъ участіемъ въ судьбѣ запутавшагося юноши. Но всего замѣчательнѣе этотъ эпизодъ тѣмъ, что привелъ въ Россію Лагарпа, будущаго воспитателя императора Александра I-го, выбраннаго по указанію Гримма сопровождать молодого Ланского въ этомъ путешествіи. Вотъ

[1]) 223.

какъ впервые является въ этой перепискѣ человѣкъ, который долженъ былъ впослѣдствіи имѣть не малое вліяніе на судьбы Россіи: «Хорошая нравственность, благоразуміе и здравый смыслъ г. Лагарпа такъ плѣнили присутствующихъ и отсутствующихъ, онъ такъ хорошо направилъ все дѣло, что оно идетъ совершенно согласно съ нашими желаніями, и онъ пріобрѣлъ репутацію и благодарность заинтересованныхъ. Итакъ мы не только одобряемъ, что другъ Лагарпъ направился въ Италію съ двоюродными братцами, но мы желаемъ, чтобъ послѣ поѣздки въ Италію, вмѣсто того чтобъ ѣхать въ Штутгардъ, котораго подробныя описанія насъ совсѣмъ разочаровали, они всѣ трое проѣхали бы черезъ Тріестъ, оттуда въ Вѣну, потомъ въ Подолію и Кіевъ и наконецъ потихоньку выѣхали бы на петербургскую дорогу. Будьте такъ добры и выдайте имъ изъ моихъ денегъ до Вѣны тысячу дукатовъ болѣе, чѣмъ я прежде назначила. Тамъ же, если имъ не хватитъ средствъ, князь Голицынъ снабдитъ ихъ» [1]). И въ этомъ же письмѣ прибавлено послѣ: «охотно устроимъ мы Лагарпу приличное положеніе» [2]). Въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ два мѣсяца спустя, сообщается развязка этой исторіи: «Вы знаете или еще не знаете, что вашъ блудный и обрѣтенный сынъ, возвратится прямо сюда послѣ поѣздки своей по Италіи, и стало быть надо надѣятся, что дѣятельная жизнь, которую ему устроили, убережетъ его отъ женщины-змѣи, находящейся подъ вашимъ храненіемъ; вы поймете также, что весьма дурно поступили бы, еслибъ прислали ее къ намъ въ тюкѣ, потому что здѣсь семейство потребовало бы ея отсылки, опасаясь болѣе всего на свѣтѣ брака двухъ влюбленныхъ. Этотъ г. Лагарпъ, не похожій на другого, — хорошая голова» [3]). «Мы держимъ г. Лагарпа про запасъ; а покамѣсть онъ гуляетъ» [4]), говорится въ маѣ 1784 г.

Признательность за спасеніе брата сблизила Александра

---

[1]) 229.
[2]) 230.
[3]) 231, 232.
[4]) 307.

Дмитріевича Ланского съ Гриммомъ и подала поводъ къ дружескимъ отношеніямъ и перепискѣ между ними. Извѣстно какія заботы положила Екатерина на образованіе ума и расширеніе познаній своего любимца, и вотъ какъ откровенно она сама говоритъ объ этомъ Гримму: «Чтобы вы знали, что́ это за молодой человѣкъ, надо вамъ передать слова князя Орлова, сказанныя о немъ одному изъ друзей: «О, вы увидите какого онъ изъ него сдѣлаетъ человѣка! онъ все такъ и поглощаетъ». Началъ онъ съ того, что въ одну зиму поглощалъ поэтовъ и поэмы; въ другую — нѣкоторыхъ историковъ; романы наводятъ на насъ скуку, и мы черпаемъ вкусъ у Альгаротти [1]) и товарищей. Не пройдя серьезной науки, мы пріобрѣтаемъ безчисленныя познанія и намъ нравится только общество лучшихъ и образованнѣйшихъ людей; кромѣ того мы строимъ и сажаемъ, мы благотворительны, веселы, любезны и исполнены кротости» [2]). Говоря о красотѣ Ланского, государыня употребила выраженіе: онъ весь огонь, и душа такъ и искрится изъ глазъ его [3]). Изъ отзывовъ о немъ разсѣянныхъ въ перепискѣ видно, что въ немъ былъ сильно пробужденъ вкусъ къ художествамъ: онъ разыскивалъ камеи, картины и по его желанію пріобрѣтенъ былъ кабинетъ картинъ Бодуэна: «Каждое утро», говорится въ одномъ изъ писемъ, «генералъ Ланской шляется по всевозможнымъ мастерскимъ и у него есть свои многострадальные, которыхъ онъ заставляетъ работать какъ каторжниковъ» [4]). Онъ умѣлъ искусно дѣлать силуэты и доставлялъ нѣкоторые Гримму, заказывалъ для него хорошія копіи съ портретовъ императрицы и ея внучатъ и разными знаками вниманія старался доказывать ему свою признательность. Государыня разсказывала Гримму, что Ланской съ дѣтской радостью получаетъ его письма и потомъ хвастаетъ ими, прибавляя, что вотъ два друга, взаимно

---

[1]) Извѣстный итальянскій писатель и одинъ изъ величайшихъ знатоковъ своего времени въ художествахъ и архитектурѣ.

[2]) 244, 245.

[3]) 299.

[4]) 274.

нѣжно привязанные и не знающіе однако одинъ другого въ лицо. «Я передала генералу Ланскому», говорится въ одномъ письмѣ, «что вы желали бы, чтобъ васъ судьба почаще сталкивала съ кѣмъ-нибудь изъ Ланскихъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что очень радъ, если вы находите ихъ людьми умѣющими исполнять долгъ свой. Я же повторяю ежедневно, что это хорошее племя, но онъ перлъ изо всѣхъ, потому что ни одинъ, даже Базиль, не стóитъ своего двоюроднаго брата» [1]).

Два раза жизнь Ланского была въ опасности: одинъ разъ отъ болѣзни, другой разъ отъ паденія съ лошади. Въ ноябрѣ 1782 г. говорится: «Генералъ Ланской порядочно напугалъ насъ: у него сдѣлалась воспалительная лихорадка, но слава Богу, онъ внѣ опасности и теперь ужъ храбро разъѣзжаетъ въ саняхъ» [2]). Въ августѣ же 1783 сообщено слѣдующее извѣстіе: «Когда генералъ Ланской узналъ, что отъ васъ ускользнула коллекція камеевъ и вы не купили ея, то онъ чуть не упалъ въ обморокъ и не задохнулся; онъ узналъ объ этомъ черезъ нѣсколько дней послѣ ужаснаго паденія вмѣстѣ съ лошадью, которое уложило его на нѣсколько дней въ постель; однако теперь онъ совсѣмъ поправился, хотя сильно помялъ себѣ грудь и харкалъ кровью, но, благодаря своему прекрасному сложенію, онъ повидимому не чувствуетъ отъ того послѣдствій» [3]).

Въ 1784 году письма къ Гримму являются, ради шутки, часто съ подписью Ланского, какъ будто онъ бралъ государыню себѣ въ секретари и заставлялъ писать подъ диктовку. Въ этихъ письмахъ, полныхъ веселости, мы видимъ безпрестанные переходы отъ порученій и интересовъ Ланского къ ея собственнымъ дѣламъ и порученіямъ.

Письмо изъ Царскаго Села отъ 7-го іюня 1784, поразительное своимъ переходомъ отъ самой безпечной веселости къ безгра-

---

[1]) 286.
[2]) 253.
[3]) 282.

ничной горести, такъ замѣчательно, что нельзя не привести его здѣсь цѣликомъ:

«Я встала въ половинѣ седьмого и написала и занесла въ одну записку, которую веду подъ именемъ матеріаловъ, слѣдующее: — монастыри и общины — плохіе наслѣдники: они управляютъ либо дурно, либо ужъ черезъ-чуръ хорошо, такъ что становятся несправедливы. Это прекрасное разсужденіе пробудило во мнѣ внезапное желаніе писать вамъ и сообщить, что я вчера слышала во второй разъ пѣніе удивительной Тоди [1]) и что эта пѣвица, по-моему единственная въ своемъ родѣ, необыкновенно взбудоражила мнѣ голову: она мнѣ доказываетъ, что совершенство имѣетъ свои неоспоримыя права и что права совершенства таковы, что они способны увлечь души и ученыхъ и невѣждъ. Сказавъ вамъ это, попрошу васъ объяснить мнѣ, какъ и почему первая и вторая мысль могли итти рука объ руку и послѣдовать одна за другою въ моей головѣ, такъ какъ я не вижу между ними никакого сродства, развѣ только желаніе сообщить ихъ вамъ могло ихъ связать.

2 іюля. «Когда я начинала это письмо я была въ счастіи и радости, и дни мои летѣли такъ быстро, что я не знала куда они дѣваются. Теперь не то: я погружена въ глубочайшую скорбь и счастье мое отлетѣло: я думала, что сама не переживу невознаградимую потерю лучшаго друга, постигшую меня недѣлю тому назадъ. Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости: онъ усердно трудился надъ своимъ образованіемъ, оказывалъ успѣхи, принялъ всѣ мои вкусы; это былъ мой воспитанникъ, — благодарный, кроткій и добросовѣстный, раздѣлявшій мои огорченія, когда они случались, и радовавшійся моимъ радостямъ; однимъ словомъ, рыдая, объявляю вамъ свое несчастіе: генерала Ланского нѣтъ болѣе на свѣтѣ! Злокачественная горячка, соединенная съ жабой, въ пять сутокъ унесла его въ могилу, и комната

---

[1]) Пѣвица, пріѣхавшая въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Гримма.

моя, гдѣ мнѣ прежде было такъ пріятно, сдѣлалась для меня пустынной пещерой, въ которой я едва двигаюсь какъ тѣнь; и я схватила горловую боль съ жесточайшей лихорадкой наканунѣ его смерти; однако со вчерашняго дня я встала съ постели; но я такъ слаба и болѣзненно поражена, что въ настоящую минуту не могу видѣть человѣческаго лица безъ того, чтобъ рыданія не заглушали словъ моихъ; я не могу ни спать, ни ѣсть; чтеніе нагоняетъ на меня тоску, а писать я не въ силахъ; не знаю, что будетъ со мною, знаю только, что я никогда не была такъ несчастлива какъ теперь, когда лучшій и дорогой другъ мой меня покинулъ. Я открыла ящикъ и нашла этотъ начатый листокъ, написала эти строки, и вотъ силы покидаютъ меня» [1]).

Нужны ли какіе-нибудь комментаріи къ выраженію такой глубоко-человѣчной печали и той чувствительности женскаго сердца, въ которой многіе отказывали Екатеринѣ, считая это свойство несоединимымъ съ ея твердымъ мужественнымъ умомъ и геніальностью.

Такъ какъ письма Гримма отъ 1781 до 1784, за цѣлые три года, не сохранились, то мы и не можемъ привести его отвѣта на это скорбное письмо. Послѣ него переписка прерывается болѣе чѣмъ на два съ половиной мѣсяца, и вотъ какъ государыня сама изображаетъ свое состояніе за первыя недѣли послѣ смерти Ланского:

«Петербургъ, 9 сентября 1784 г.

Мнѣ слѣдуетъ отвѣчать на три письма ваши, изъ которыхъ послѣднее отъ 11 (22) августа требуетъ скораго отвѣта.

Признаюсь, все это время я не въ состояніи была вамъ писать, потому что знала, что это заставитъ страдать насъ обоихъ. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я написала вамъ іюльское письмо, пришли ко мнѣ графъ Федоръ Орловъ и князь Потемкинъ. До тѣхъ поръ я не могла выносить человѣческаго лица; но эти сумѣли взяться за дѣло: они принялись выть со мною, и я почув-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 316, 317.

ствовала при нихъ облегченіе, но надо было итти далѣе, а возбужденная чувствительность сдѣлала меня нечувствительной ко всему, кромѣ одной скорби. Эта скорбь росла и питалась на каждомъ шагу, съ каждымъ словомъ. Но впрочемъ не подумайте, что при такомъ ужасномъ состояніи я пренебрегала малѣйшимъ дѣломъ, къ которому требовалось мое вниманіе: въ самыя тяжкія минуты ко мнѣ приходили за всѣми приказаніями и я давала ихъ аккуратно и сознательно: это особенно поражало генерала Салтыкова. Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло безъ малѣйшаго облегченія; наконецъ наступили перемежки въ нѣсколько часовъ спокойствія, потомъ и цѣлые дни. Осень надвигалась, становилось сыро, понадобилось топить царскосельскіе покои; въ моихъ комнатахъ начало дымить, и такъ сильно, что 5 сентября вечеромъ, не зная куда дѣваться, я взяла карету и невзначай пріѣхала сюда въ городъ, когда никто не ждалъ меня, и прямо въ эрмитажъ. Вчера я въ первый разъ была у обѣдни, и стало-быть въ первый разъ я опять свидѣлась со всѣми, и всѣ меня видѣли; но право, это было такое великое усиліе надъ собою, что возвратясь въ свою комнату, я почувствовала совершенный упадокъ силъ. Другая на моемъ мѣстѣ упала бы въ обморокъ, что со мной никогда въ жизни не случалось». [1]).

«14 сентября 1784.

Мнѣ надо писать вамъ, надо бы перечесть ваши послѣдніе письма, но право я не могу; вы не услышите отъ меня ничего веселаго, потому что я стала существо весьма скучное, говорю только полусловами. Однако мнѣ теперь нѣсколько лучше нежели было, потому что я выхожу и могу выносить человѣческія лица. Посылаю вамъ двѣ тетради Русской исторіи [2]), переведенныя на нѣмецкій языкъ по вашему желанію. Голкондская царица пріѣхала, и все хорошо и прекрасно. Но..... все печалитъ меня..... [3]) А я никогда не любила внушать состраданіе. Видно, отъ подобнаго

[1]) 317, 318.

[2]) Екатерина сама писала Русскую исторію для своихъ внучатъ.

[3]) Оба ряда точекъ и въ подлинномъ письмѣ.

состоянія не умираютъ, потому что я жива и была въ постели только шесть дней. Изо всѣхъ, окружавшихъ больного во время этой злокачественной пятнистой горячки, которая началась съ горловой боли въ среду 19 іюня въ три часа пополудни, только я одна заразилась горловой болью и чуть не умерла отъ нея» [1]).

За этимъ слѣдуетъ подробный разсказъ о всемъ ходѣ болѣзни, о консиліумѣ и усиліяхъ докторовъ спасти больного, наконецъ о его послѣднихъ минутахъ. При этомъ случаѣ былъ призванъ новоприбывшій докторъ Вейкардъ, принятый на русскую службу по рекомендаціи Циммермана. Изъ письма императрицы видно, что, чуждый всякой дворской политикѣ, онъ прямо объявилъ императрицѣ, что у Ланского злокачественная горячка и что онъ долженъ умереть. Когда это предсказаніе сбылось, Вейкардъ поспѣшилъ удалиться отъ двора [2]).

Въ томъ же письмѣ сказано: «Вы знаете, что Лагарпъ опредѣленъ къ Александру. Это швейцарецъ Лагарпъ, который путешествовалъ съ двумя Ланскими и Базилемъ. Онъ находитъ своего ученика Александра даровитымъ».

21 сентября: «Скажу вамъ: что касается до дѣлъ общественныхъ, они пойдутъ своимъ чередомъ попрежнему; но что до меня лично,—я была очень счастлива и теперь лишилась этого счастья; я стараюсь утопить себя въ чтеніи и письмѣ, вотъ и все; во мнѣ осталась только крайняя чувствительность къ невознаградимой утратѣ, которую я испытала» [3]).

26 сентября: «Получила я вашъ № 76, въ которомъ вы спрашиваете о моемъ здоровьи; на это отвѣчу вамъ, что я не больна и не была больна послѣ письма моего отъ 2-го іюля, но чрезвычайно огорчена; да, мнѣ невозможно обѣщать вамъ писать каждую недѣлю, потому что я буду забывать объ этомъ; да я и никогда не умѣла подчинить себя подобному этикету, и потомъ, за-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 319.

[2]) Ср. изданныя докторомъ Вейкардомъ записки: **Denkwürdigkeiten aus der Lebensgeschichte** etc. **Frankfurt und Leipzig.** 1802.

[3]) 320, 321.

чѣмъ такъ акуратно посвящать во все почтовыхъ чиновниковъ? Насчетъ рѣзныхъ камней, говорите тѣмъ, кто будетъ вамъ ихъ предлагать, что я ихъ никогда не покупала для себя, потому что не знаю въ нихъ толку и вовсе не стану покупать ихъ [1]). Если хотите имѣть вѣрное понятіе о моемъ положеніи, то скажу, что вчера исполнилось три мѣсяца, какъ я неутѣшно оплакиваю невознаградимую потерю, постигшую меня, и единственное замѣтное улучшеніе то, что я опять начинаю привыкать къ человѣческимъ лицамъ, однакоже сердце все еще исходитъ кровью, какъ и въ первую минуту. Я исполняю долгъ свой и стараюсь дѣйствовать хорошо, но моя скорбь чрезмѣрна и никогда еще я такой не испытывала; и вотъ уже три мѣсяца какъ я въ такомъ положеніи и адски страдаю» [2]).

Ровно черезъ годъ послѣ смерти Ланского, въ іюнѣ 1785 года, императрица вспоминаетъ и еще разъ изображаетъ свое нравственное состояніе послѣ этой потери. Извѣстно, что послѣ того, какъ первая ѣдкая скорбь ея нѣсколько ослабѣла, она болѣе чѣмъ когда-нибудь углубилась въ умственныя и особенно филологическія занятія, о которыхъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ. Вѣроятно, Гриммъ упрекалъ ее, что она слишкомъ много сидитъ взаперти, и на это она отвѣчаетъ: «Но послушайте, чего вы такъ кричите противъ моего маленькаго кабинета въ десять сажень и моего лексикона на двухстахъ языкахъ? Знаете ли вы, что я никогда не могу видѣть этого маленькаго кабинета, чтобъ не пожелать въ немъ остаться, и что эта зала изо всѣхъ комнатъ мнѣ болѣе всѣхъ нравится еще и теперь? Не проходитъ дня, чтобъ я, не взирая на вѣтеръ и ненастье, не проводила тамъ нѣсколько часовъ, когда я въ городѣ.... Вы находите, что я задыхаюсь подъ своимъ словаремъ, но это не совсѣмъ такъ въ дѣйствительности. Прошедшаго года въ этотъ день я

---

[1]) Изъ этого видно, что вкусъ къ рѣзнымъ камнямъ первоначально явился у Ланского, Мамоновымъ же былъ заимствованъ вѣроятно въ угожденіе императрицѣ, такъ какъ воскрешалъ для нея драгоцѣнныя воспоминанія.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 322.

была больна при смерти и почти безнадежна. Послѣ того, что я двѣ недѣли была между жизнью и смертью, являются къ намъ друзья на помощь: князь Потемкинъ изъ Крыма и графъ Федоръ Орловъ изъ Москвы. Это помогло, но сначала я не могла переносить этой помощи: ни одинъ человѣкъ не былъ въ состояніи сказать слово или выразить мысль, которая была бы намъ по душѣ. Я была печальна, они желали видѣть меня опять веселой по привычкѣ, и все выходило не то. Надо было подвигаться тихо, шагъ за шагомъ, и на каждомъ шагу выдерживать битвы изъ которыхъ одна проигрывалась, другая была выиграна. Время однако не стояло: оно текло, хотя казалось безконечно долгимъ и все было вяло, скучно. Но князь (Потемкинъ) былъ очень хитеръ: онъ ходилъ вокругъ, какъ котъ. Если одно обстоятельство было не подходящее, онъ повертывался въ сторону и являлся съ новымъ предложеніемъ. Наконецъ я стала немножко повеселѣе. Это понравилось господину утѣшителю: тогда онъ принялся еще болѣе развеселять насъ и такъ пробудилъ меня отъ сна смерти» [1]).

Вѣнцомъ этихъ усилій Потемкина разсѣять грусть государыни и было путешествіе по каналамъ и поѣздка экспромтомъ въ Москву, такъ живо ею описанныя.

Заботы Екатерины II о воспитаніи графа Алексѣя Бобринскаго извѣстны. Любопытно однако прослѣдить въ перепискѣ ея съ Гриммомъ, какъ она характеризовала юношу, за судьбой котораго внимательно слѣдила, и какія принимала мѣры, чтобъ выводить его изъ затрудненій и спасти его отъ послѣдствій юношескаго легкомыслія. Раннее дѣтство свое Бобринскій провелъ въ чужихъ краяхъ, а потомъ поступилъ въ сухопутный шляхетный корпусъ, котораго главнымъ начальникомъ былъ Бецкій. Окончивъ свое воспитаніе 20-ти лѣтъ, онъ отправился въ путешествіе, сначала по Россіи, потомъ за границу въ сопровожденіи полковника Бушуева, академика Озерецковскаго и трехъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 344.

товарищей по корпусу: Болотникова, Свѣчина и Борисова. Но какъ скоро Бобринскій попалъ въ Парижъ, онъ уже не захотѣлъ выѣхать оттуда и спутники его были отозваны обратно въ Россію. Освободившись отъ всякой опеки, онъ поселился въ Парижѣ и своею расточительностью навлекъ на себя нѣсколько непріятныхъ исторій. Всѣ приписывали его образъ жизни дурному вліянію бывшаго при немъ съ ранней юности полковника де-Рибаса [1]), приближеннаго къ нему Бецкимъ.

Въ апрѣлѣ 1785 г. государыня спрашиваетъ Гримма: «Что такое это дѣло Бобринскаго? Онъ остался и такъ-сказать основался въ Парижѣ. Этотъ молодой человѣкъ необыкновенно безпеченъ, но я не считаю его ни злымъ, ни безчестнымъ. Онъ молодъ и можетъ быть вовлеченъ въ дурныя общества. Онъ оттолкнулъ отъ себя тѣхъ, кто находился при немъ [2]): однимъ словомъ, ему захотѣлось пожить на волѣ и эту волю ему дали. Впрочемъ онъ весьма въ состояніи платить: у него тридцать тысячъ годоваго дохода и ему посылаютъ деньги по востребованію. Еслибъ вы могли поразвѣдать о положеніи его дѣлъ въ Парижѣ, вы очень одолжили бы меня. Получаетъ ли онъ деньги, или не получаетъ? [3]) Есть ли у него долги? Постарайтесь, если можете, предупредить исторіи подобныя той, какую сообщилъ вамъ Жюинье. Не худо было бы, еслибъ кто-нибудь наблюдалъ за нимъ, но если онъ это замѣтитъ, то я опасаюсь, что недовѣрчивость заставитъ его надѣлать новыхъ промаховъ. Онъ немного своеобразная голова, по крайней мѣрѣ такъ говорятъ. Но онъ не лишенъ ума, знаній и даже дарованій» [4]).

21 апрѣля 1786 г., «Я пользуюсь конвертомъ Бахуса Глуто-

---

[1]) Замѣчательно письмо, въ которомъ самъ де-Рибасъ оправдывается передъ молодымъ Бобринскимъ отъ клеветъ, будто бы возведенныхъ на него врагами и вслѣдствіе которыхъ онъ не былъ избранъ сопровождать его въ новое путешествіе. (См. *Русск. Арх.* 1876, ч. III, стр. 24).

[2]) Полковника Алексѣя Михайловича Бушуева.

[3]) Этотъ вопросъ явно доказываетъ, что до императрицы доходили слухи о расчетахъ его съ де-Рибасомъ и недобросовѣстности Бецкаго.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 332, 333.

новича [1]), чтобъ сказать вамъ, что третьяго дня уѣхалъ курьеръ, везущій вамъ мою громадную депешу, а я съ тѣхъ поръ поразмыслила и узнала кое-какія маленькія обстоятельствв, которыя были мнѣ неизвѣстны насчетъ молодого человѣка, протеже г-на Жюинье. Изъ письма вами присланнаго видно, какъ этотъ послѣдній показалъ ему участіе. Никогда бы вы не отгадали, что это интрига Ирода. Однакоже доказательства у меня въ рукахъ. Итакъ прошу васъ написать г-ну Б. (графу Алексѣю Бобринскому), что вы по моему приказанію сообщаете ему: что банкиръ Сутерландъ откроетъ ему ежегодный кредитъ въ тридцать тысячъ и что онъ Б. вполнѣ воленъ оставаться тамъ, гдѣ ему всего лучше понравится, воленъ также и возвратиться. Надо сказать, что вышеупомянутая проклятая шайка застегнутаго породила въ головѣ Б. призракъ воображаемаго врага, хотя этотъ мнимый врагъ никогда ничьимъ врагомъ не былъ [2]). Вы еще лучше сдѣлаете, если зазовете его къ себѣ и сами поговорите съ нимъ. Посовѣтуйте ему обращаться къ вамъ. Вы увидите, что онъ не глупъ, но очень трудно пріобрѣсти его довѣріе. Прошу извиненія, что утруждаю васъ и предоставляю вамъ дѣйствовать по усмотрѣнію, только бы онъ зналъ, что будетъ получать свой чистый доходъ ежегодно» [3]).

Царское Село, 22 іюля 1786: «Все, что вы мнѣ говорите объ извѣстномъ молодомъ человѣкѣ, не удивляетъ меня, потому что онъ принадлежитъ къ роду людей весьма своеобразныхъ, отъ которыхъ многое наслѣдовалъ, но онъ никакъ не долженъ умирать съ голоду изъ-за прихоти постороннихъ людей, не имѣющихъ никакихъ правъ на него [4]). Онъ совершенно воленъ остать-

---

[1]) Не легко догадаться, кого именно императрица и Гриммъ разумѣютъ подъ этимъ именемъ: судя однакожъ по свойствамъ, которыя Екатерина въ одномъ письмѣ приписываетъ банкиру Сутерланду, мы заключаемъ, что именно онъ и есть Бахусъ Глутоновичъ. (См. *Сб. И. О.* XXIII, 585).

[2]) Мы уже упоминали, что германская политика пыталась воздвигнуть Екатеринѣ врага въ лицѣ Бобринскаго.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 376.

[4]) Ясно, что государыня разумѣетъ тутъ Бецкаго.

ся или возвратиться, и на что бы онъ ни рѣшился, деньги его будутъ ему доставлены. Его годовой доходъ превышаетъ 37,000 рублей; капиталъ положенъ въ воспитательный домъ. Не понимаю, какимъ образомъ случилось, что онъ этого не знаетъ, такъ какъ въ 1782 году я написала ему собственноручное письмо, чтобъ сообщить ему, какъ великъ его капиталъ и доходы. Его разсужденія о Бецкомъ весьма справедливы и разумны; не понимаю, зачѣмъ бы этому послѣднему впередъ вмѣшиваться въ его дѣла, потому что воспитательный домъ долженъ платить проценты съ капитала ему, молодому человѣку, или его повѣреннымъ. Посылаю вамъ при этомъ счетъ всего капитала и копію съ моего распоряженія по этому предмету. Прилагаемая при семъ записка Бецкаго доказываетъ, что онъ опять желалъ къ нему придраться. Я положительно остановила это, написавъ ему, чтобъ проценты были посланы безъ придирокъ и что всякій другой образъ дѣйствій былъ бы несправедливъ и не заслужилъ бы моего одобренія» [1]).

Вотъ записка Бецкаго: «По повелѣнію вашего величества, Сутерланду будетъ уплачено, и это было бы уже сдѣлано, еслибъ онъ намъ представилъ квитанціи гг. Бобринскаго и Бушуева, чтобъ окончить старые счеты по первому векселю и узнать достовѣрно, съ какого числа начать считать 10,000 по третямъ, тѣмъ болѣе что г. Бобринскій, по первымъ приказаніямъ вашего величества, получалъ со всей суммы своихъ капиталовъ 37,645 р. дохода и имѣетъ въ своихъ рукахъ расписку совѣта, которую придется уничтожить, послав ему другую въ 30,000 [2]). Смѣю, наипокорнѣйше представить вашему величеству, что г. Бобринскій, по вышеупомянутому свидѣтельству имѣетъ право получать свои доходывсякимъ другимъ путемъ, какой ему заблагоразсудится.

И. Бецкій.

«19 іюля 1786. Простите великодушно, государыня, мой дрожащій почеркъ».

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 380.

[2]) Здѣсь Бецкій иронически даетъ почувствовать императрицѣ, что доходъ Бобринскаго значительнѣе, чѣмъ она полагала: что она забыла собственное распоряженіе. Это было также средство выставить на видъ свою честность.

На другой сторонѣ записки Бецкаго собственной рукою императрицы написаны слѣдующія строки:

«На эту загиску Бецкаго, въ отвѣтъ на письмо мое отъ 13 іюля, я отвѣчала, что 43,645 рублей должны быть ему доставлены и что всякія крючки возбудятъ мое негодованіе»[1]).

Въ концѣ того же письма отъ 23 іюля сказано:

«Молодой человѣкъ совершенно свободенъ располагать своей судьбою. Такъ какъ въ настоящую минуту военнымъ у насъ не предстоитъ никакого дѣла, то онъ можетъ оставаться, вернуться, дѣлать что́ ему нравится; еслибъ гдѣ-либо открылась нойна, ему можно бы посовѣтовать итти волонтеромъ. Если захочетъ видѣть Англію, и это ему дозволено. Если онъ возвратится, онъ будетъ отправлять службу, пока подойдетъ его очередь выйти въ армію»[2]).

Во время путешествія своего по южной Россіи государыня пишетъ коротенькое письмецо изъ Кіева отъ 16 февраля 1787 года: «Я получила здѣсь два письма Бецкаго, къ которымъ были приложены два другія отъ молодого Бобринскаго изъ Парижа: одно отъ 28 декабря, другое отъ 11 января, гдѣ онъ жалуется, что терпитъ нужду, и проситъ денегъ у перваго, тогда какъ тотъ увѣряетъ, что годовые проценты переданы были Сутерланду банкиру. Прошу васъ не оставлять безъ денегъ молодого Бобринскаго и устроить такъ, чтобъ онъ сосчиталъ или поручилъ сосчитать что́ онъ получилъ и чего не дополучилъ и что́ ему слѣдуетъ получить; онъ можетъ разсчитывать на тридцать семь или тридцать восемь тысячъ рублей въ годъ, которые принадлежатъ ему и составляютъ его состояніе и которыми никто не долженъ и не можетъ располагать, кромѣ него»[3]).

Въ апрѣлѣ того же года государыня говоритъ: «Какъ мнѣ при-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 380, 381.
[2]) 383.
[3]) 405.

скорбно, что Бобринскій входитъ въ долги; онъ знаетъ свой доходъ, который весьма изряденъ; но за тѣмъ у него нѣтъ ничего. Вы пишете, что этотъ господинъ проигралъ свой доходъ за два года и даже болѣе. Ну чтожъ! надо войти въ соглашеніе съ его кредиторами, чтобъ долги его были заплачены, и вотъ какимъ образомъ: ему извѣстно сколько у него годового дохода; пусть они (кредиторы) оставятъ ему тысячу червонцевъ въ годъ, а онъ пускай выдастъ имъ обязательство отдавать имъ доходъ до полнаго погашенія долга. Странно, что такой скряга, какъ онъ, увлекся до подобной растраты своего бюджета. Я могла бы послать кого-нибудь, чтобъ выручить этого господина, но онъ такой дикарь и скрытникъ, что пожалуй встрѣтитъ это съ недовѣріемъ: скажется больнымъ и увернется. Я думаю, всего бы лучше вамъ зазвать его къ себѣ и сказать ему, что я вамъ поручила посовѣтовать ему привести въ порядокъ свои дѣла, да не играть и не биться объ закладъ на такія суммы, которыя превышаютъ его доходъ, а расплатиться съ долгами указаннымъ выше способомъ. Вы тогда услышите, что́ онъ скажетъ; потребуйте отъ него откровеннаго признанія, и если онъ покается, то заставьте его изложить письменно, какъ онъ желаетъ распутаться. Если же онъ напротивъ станетъ скрытничать и будетъ стараться ускользнуть, представьте ему послѣдствія. Скажите ему, что, предвидя его увлеченія, его сначала поручили г. Бушуеву, что ему захотѣлось затѣмъ полной независимости, и ему дали волю. Но послѣдствіемъ этого было то, что въ его рукахъ не хватило огромной суммы, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если впредь станетъ лучше и осмотрительнѣе распоряжаться своими деньгами, а впрочемъ, если хочетъ разоряться, то это его дѣло. Чтобъ выручить его изъ Парижа, я думаю, надо бы ему посовѣтовать ѣхать въ Англію: тамъ найдутся русскіе корабли, на которыхъ онъ, если захочетъ, можетъ сдѣлать морскую кампанію, такъ какъ не предстоитъ сухопутной. Если вы увидите, что онъ неотложно нуждается въ средствахъ къ отъѣзду, вы можете выдать ему на перехватъ до тысячи червонцевъ, но ни копейки сверхъ этого,

потому что, я полагаю, ему будетъ полезно испытать хоть немножко такого рода нужду. Вы должны знать, что при большомъ умѣ и даже отвагѣ, нашъ молодой человѣкъ слыветъ завзятымъ лѣнтяемъ, и умѣлъ пріобрѣсти репутацію рѣдкой распущенности, но ко всѣмъ этимъ недостаткамъ, которые могутъ со дня на день измѣниться къ лучшему, не надо относиться строго: можетъ-быть нужда его исправитъ, потому что основа у него хорошая, но мы не на мѣстѣ. Впрочемъ Сутерландъ давалъ ему взаймы подъ его доходы, и если предоставить, какъ я выше говорила, доходы его кредиторамъ, то я полагаю, что они будутъ довольны»[1]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1787 года, по возвращеніи своемъ изъ путешествія, императрица писала изъ Коломенскаго: «Останавливаюсь единственно на бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится молодой человѣкъ вслѣдствіе надѣланныхъ имъ глупостей, и чтобъ не имѣть никакого дѣла съ его прежнимъ любезнымъ опекуномъ и съ несносными каверзами, которыя происходятъ отъ старческой дряхлости, упрямства и недостатка доброй воли, я приказала фактотуму прислать вамъ 23,000 рублей, въ которыхъ молодой человѣкъ имѣетъ такую крайнюю нужду. Они взяты изъ запаснаго его капитала, о которомъ онъ ничего не знаетъ и не долженъ знать; итакъ вы можете дать этому какой хотите оборотъ, лишь бы вы уплатили или велѣли уплатить то, что необходимо»[2]).

Вскорѣ послѣ того государыня опять справляется о положеніи Бобринскаго и говоритъ: «Надѣюсь, что молодой человѣкъ выпутался изъ бѣды, потому что кромѣ 23,000 ему посланныхъ, я приказала письмомъ г. Бецкому послать ему 51,426 рублей, которые онъ просилъ и которыми тотъ увеличилъ его капиталъ. Итакъ вотъ у него въ рукахъ 51,426 + 23,000 = 74,426 рублей, кромѣ третныхъ денегъ. Коли онъ не хочетъ разориться, то

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 401, 402.
[2]) 412, 413.

хорошо сдѣлаетъ, если не часто будетъ предаваться подобнымъ кутежамъ, которые не принесутъ ему ни чести, ни радости»[1]).

Въ октябрѣ 1787 года: «Скажите или напишите молодому человѣку, что рѣшено не принимать никакихъ волонтеровъ въ армію, ни своихъ, ни чужихъ, и стало-быть онъ можетъ оставаться въ отпуску тамъ, гдѣ находится, заплатить свои долги и тратить свой доходъ. Премного благодарю васъ за ваши старанія устроить дѣла его. Не захочетъ ли онъ сѣсть въ Англіи на одинъ изъ нашихъ кораблей, отправляющихся въ Средиземное море?»[2]).

Въ ноябрѣ того же года: «Благодарю васъ за всѣ хлопоты ваши по дѣламъ молодого человѣка. Не правда ли, что это голова, которая постоянно страшится, чтобъ кто-нибудь не присвоилъ себѣ право руководить её, и изъ боязни чтобъ ея не направили вправо, беретъ всегда влѣво, а потомъ говоритъ про себя: — О! я таки никому не позволилъ распоряжаться собою; мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть. Слава Богу, что онъ заплатилъ долги и вы съ этимъ покончили. Я полагаю, что вы хорошо сдѣлаете, если уплатите остальные 15 тысячъ ливровъ, и отошлете мнѣ расписки, какъ предлагаете. Что при этомъ всего страннѣе въ молодомъ человѣкѣ, такъ это то, что онъ въ сущности очень скупъ. Вы будете имѣть насчетъ этого дѣла особое утвержденіе. Но какъ хотите вы, чтобъ я подобнаго мота (panier percé) поставила во главѣ полка? У него нѣтъ еще ни опытности, ни даже простого здраваго смысла»[3]).

Вотъ обѣщанное офиціальное утвержденіе израсходованныхъ для расплатъ за Бобринскаго суммъ:

«Господинъ баронъ Гриммъ! Одобривъ употребленіе, сдѣланное вами изъ переданныхъ вамъ до сего числа суммъ насчетъ гвардіи капитанъ-лейтенанта Бобринскаго, пишу къ вамъ это

---

[1]) 415.
[2]) 418, 419.
[3]) 424, 425.

письмо, чтобъ оно служило вамъ общею квитанціею во всѣхъ сказанныхъ суммахъ. Затѣмъ молю Всевышняго, дабы Онъ сохранилъ васъ подъ святымъ Своимъ покровомъ. Екатерина» [1]).

Гриммъ дѣйствительно выпроводилъ Бобринскаго въ Англію, куда писалъ ему письма, предостерегая отъ новыхъ опасныхъ связей, которыя въ Англіи еще губительнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Затѣмъ онъ передавалъ Бобринскому желаніе императрицы, чтобъ онъ ѣхалъ въ Средиземное море, говоря что она особенно цѣнитъ морскую службу, такъ какъ ей принадлежитъ слава возрожденія мореходства, созданнаго въ имперіи Петромъ Великимъ [2]).

Надо полагать, что дѣла Бобринскаго дали поводъ къ разнымъ сплетнямъ и пересудамъ, особливо за границей, такъ какъ государыня въ апрѣлѣ 1788 г. пишетъ Гримму: «Императрица ни изъ какихъ другихъ источниковъ не платила долговъ повѣсы, какъ только изъ доходовъ съ имѣнія, которымъ онъ здѣсь владѣетъ» [3]).

Тогда, вѣроятно чтобъ прекратить всѣ толки, она рѣшилась выписать его въ Россію и, чтобъ окончательно распутать его дѣла и спасти его отъ разоренія, назначила къ нему опекуномъ Завадовскаго, о чемъ извѣстила Гримма: «Молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Ригу, откуда я его отправила въ Ревель. Туда же поѣхалъ его опекунъ, чтобъ съ нимъ уладить его дѣла и вывести все на чистую воду; теперь мы сдаемся на капитуляцію. Онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе что разорился; я сказала, что если у него осталось столько, что ему есть съ чѣмъ ѣхать въ армію, пусть ѣдетъ» [4]).

Замѣчательное по силѣ, твердости и правдивости письмо Екатерины къ Бобринскому, выражающее вмѣстѣ съ тѣмъ и ту истинную нѣжность, которая хочетъ прежде всего душевной пользы и исправленія любимаго существа, и отвѣтъ полный раскаянія

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 435.
[2]) См. *Рус. Арх.* 1876, III, стр. 32.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 447.
[4]) 448.

заблудшаго юноши напечатаны были вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами Бобринскаго въ *Русскомъ Архивѣ*[1]). Гриммъ, зная слабость человѣческаго сердца, конечно думалъ быть пріятнымъ императрицѣ, ходатайствуя, чтобъ Бобринскому данъ былъ полкъ. Честный же и энергическій отвѣтъ Екатерины доказываетъ, что она ни на минуту не забывала своей царственной отвѣтственности и умѣла, гдѣ нужно, ставить пользы своего государства выше своихъ частныхъ интересовъ.

Екатерина выдержала свой характеръ и скоро въ Бобринскомъ добрыя наклонности взяли верхъ надъ увлеченіями. Благодаря стараніямъ графа Завадовскаго, дѣла его были распутаны и онъ купилъ себѣ имѣніе Оберъ-Паленъ, а потомъ женился на женщинѣ высокихъ качествъ, баронессѣ Унгернъ-Штернбергъ, но кажется, оставался въ Эстляндіи до конца жизни Екатерины. Послѣ смерти ея онъ былъ внезапно взысканъ милостями императора Павла Петровича и вызванъ въ Петербургъ.

Замѣтную роль въ перепискѣ съ Гриммомъ играетъ родственная молодая чета: братъ великой княгини Маріи Феодоровны Фридрихъ, впослѣдствіи король Виртембергскій, женившійся на Августѣ, принцессѣ Брауншвейгской, которая является въ письмахъ подъ вымышленнымъ именемъ Зельмиры.

Уже въ началѣ ихъ брака и пребыванія въ Россіи возникли между супругами семейные раздоры. Въ распространеніи слуховъ о томъ императрица подозрѣвала прусскаго посланника Гёрца и не становилась сначала ни на ту, ни на другую сторону; но, по свойственному душамъ благороднымъ и высокимъ безпристрастію, относилась къ обоимъ супругамъ безъ предубѣжденій, стараясь найти хорошія и примиряющія качества въ обоихъ. Такъ въ іюлѣ 1782 года государыня пишетъ изъ Царскаго Села: «Я охотно становлюсь на сторону Зельмиры, потому что возможно ли наконецъ вмѣнять человѣку въ преступленіе, если онъ не находитъ любезнымъ то, что ему таковымъ не кажется? Но я хочу пого-

[1]) *Рус. Арх.* 1876, III, стр. 13, 14.

ворить съ вами о мужѣ Зельмиры, въ пользу котораго я вовсе не предупреждена, но котораго, мнѣ кажется, оклеветали несправедливо. Мы нашли его здѣсь: толстая масса и ничего больше. Мы далеки были отъ того, чтобъ считать его жестокимъ, подозрѣвать его въ жестокомъ и безчеловѣчномъ обращеніи. Мы видѣли его въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ онъ обнаруживалъ сострадательность, большое благодушіе и даже благородство въ образѣ мыслей. Онъ два раза былъ въ ссорѣ со своимъ зятемъ [1]) изъ-за пустяковъ и вышелъ изъ этого положенія съ достоинствомъ. Разъ, заставъ женщинъ своей сестры въ слезахъ, онъ упрекалъ её зачѣмъ она бранитъ ихъ, и много было такихъ случаевъ, которые говорятъ болѣе въ его пользу нежели противъ него. Но, сознаюсь вамъ откровенно, что я сильно подозрѣваю ледянаго и застегнутаго, не пролилось ли тутъ его желчи, такъ какъ онъ часто лжетъ изъ любви къ ремеслу. Мнѣ случалось видѣть въ свѣтѣ, какъ часто выставка высокихъ чувствъ и доброты сердечной прикрываютъ злобу и самую жестокую клевету: фальшивость надѣваетъ всякія маски, а когда ей нечѣмъ прикраситься, то называетъ свои козни и происки политикой и ловкостью. Это — обыкновенная уловка эгоистовъ, на которыхъ я болѣе чѣмъ когда-либо сердита съ тѣхъ поръ какъ они признали эгоистомъ Кесаря, который былъ менѣе всего эгоистомъ. И это оттого, что такіе господа никакъ не могутъ выйти изъ узкаго маленькаго кружка своего *я*, который онѣ себѣ создали, и имъ хочется захватить въ этотъ кругъ Кесаря. Это называется глупостью въ полномъ смыслѣ слова» [2]).

О принцессѣ Августѣ государыня отзывается такъ: «Зельмира пріѣхала и ведетъ себя очень хорошо; я даже тщательно старалась разобрать, кто изъ двухъ, мужъ или жена, болѣе виновенъ, и мнѣ кажется что мужъ могъ бы имѣть обхожденіе менѣе грубое; однако теперь говорятъ, что семейныя отношенія улучшились противъ

---

[1]) Вел. княземъ Павломъ Петровичемъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 249. Юлій Кесарь былъ любимымъ героемъ Екатерины II.

прежняго» [1]). «Такъ какъ Зельмира лежитъ, то очень трудно сказать, что́ она такое: она рта не раскрываетъ. Я все на свѣтѣ дѣлала, чтобъ она почувствовала себя со мной не стѣсненною, но мнѣ это не удалось; посмотримъ, не будетъ ли она сообщительнѣе лѣтомъ» [2]). «Видите ли: по правдѣ сказать, у насъ Зельмира слыветъ не очень умной, но такъ какъ мнѣ удается разсмѣшить её до упаду и она любитъ всѣ живыя упражненія, то я не могу согласиться съ большинствомъ. Но я полагаю, что ея бука внушилъ ей такой страхъ, еще поддерживаемый золовкою [3]) въ отсутствіи буки, который въ Херсони съ мая мѣсяца (NB онъ вернулся [4]), что Зельмира боится говорить; впрочемъ она очень молода и никого не знаетъ; я подозрѣваю, что мать [5]) не такого орлинаго ума, какъ отецъ. Зельмира не такъ выработана, какъ можно бы ожидать: у насъ ее не находятъ ни умной, ни любезной, потому что она все мечтаетъ и молчитъ» [6]).

Два года спустя, въ апрѣлѣ 1785: «Вы мнѣ пишете о Зельмирѣ и поручаете мнѣ её отъ имени родителей. Я должна прежде всего сказать вамъ, что она ведетъ себя превосходно и что её рѣшительно не въ чемъ упрекнуть; но бездѣльникъ мужъ ея—человѣкъ совершенно невозможный, который такъ грубо и неуважительно съ нею обходится, что онъ уморитъ съ горя эту бѣдняжечку, и я даже не могу сказать, безопасны ли съ нимъ ея жизнь и здоровье. У нихъ произошла на прошедшей недѣлѣ возмутительная сцена, о которой всѣ знаютъ: онъ билъ её, таскалъ за волосы и потомъ заперъ её на ключъ въ своемъ домѣ. Родная сестра, зять, всѣ рѣшительно на сторонѣ жены. Какъ только я узнала объ этомъ, то, щадя жену и тѣхъ кто въ ней принимаетъ участіе, я, чтобъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 263.
[2]) 271.
[3]) Великой княгиней Маріей Феодоровной.
[4]) Приписано послѣ.
[5]) Августа, дочь принца Фридриха Вельсскаго.
[6]) *Сб. И. О.* XXIII, 289, 290.

не огласить дѣла, выслала мужа въ его губернію [1]) подъ предлогомъ спѣшнаго порученія; при отъѣздѣ они слегка помирились, но надо предвидѣть, что миръ не будетъ проченъ; она поѣдетъ со мной на дачу, куда я переѣзжаю послѣ-завтра: господинъ супругъ ежечасно повторяетъ ей, что онъ её терпѣть не можетъ; это самое нѣжное привѣтствіе, какое ей приходится слышать отъ него. Я полагаю, полезно было бы для бѣдняжки чтобъ родители ея знали, въ какомъ она несчастномъ положеніи, и безъ малѣйшей вины съ ея стороны; но надо бы внушить имъ, чтобъ они не оглашали этого. Она вовсе не знаетъ, что я вамъ объ этомъ пишу, а пишу я потому, что предвижу, что рано или поздно придется развести ихъ, если не захотятъ уморить её. Вы сдѣлаете изо всего этого такое употребленіе, какое вамъ покажется лучшимъ. Если будетъ возможно, мы постараемся отвращать всякій случай, который могъ бы нарушить миръ, но съ такимъ бѣшенымъ человѣкомъ это будетъ трудненько» [2]).

Черезъ два мѣсяца послѣ того государыня пишетъ Гримму: «Послушайте же, вѣдь я ужъ писала вамъ о Зельмирѣ и ея несчастномъ положеніи; я держала ея сердитаго мужа цѣлыхъ два мѣсяца вдали отъ нея; теперь я не имѣю на это болѣе приличнаго предлога: онъ вернулся сюда; сестра и зять опасаются возобновленія сценъ. Эта бѣдная женщина замѣтно таетъ; передали ли вы отцу Зельмиры, какъ я васъ о томъ просила, о несчастномъ положеніи его дочери? Если вы этого еще не сдѣлали, прошу васъ довести до свѣдѣнія ея родителей то, что я вамъ сообщила и, кромѣ того, что для спокойствія сестры и зятя я вынуждена буду скоро выслать бездѣльника домой. Что же тогда станется съ бѣдной, невинной Зельмирой? Какъ послѣдовать за такимъ человѣкомъ, отъ котораго она можетъ ожидать только жестокаго обращенія? Я бы желала, чтобъ отецъ Зельмиры согласился сговориться со мной, какъ облегчить судьбу этой несчастной женщины.

---

[1]) Онъ былъ губернаторомъ въ Выборгѣ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 340.

Отецъ погрозилъ, что онъ запретъ её, если она вздумаетъ покинуть мужа, но не хочетъ ли папаша самъ попробовать пожить съ этимъ неучемъ? Онъ увидѣлъ бы, что отъ него можно ждать только брани, да побоевъ. Я думаю, что Зельмира недолго протянетъ съ этимъ дуралеемъ; даже дѣти его, какъ они ни малы, смертельно его боятся. По-моему, надо выбрать и предпринять три способа помочь дѣлу, если оно дойдетъ до развязки, то-есть если этотъ уродъ будетъ высланъ отсюда, гдѣ всѣ его ненавидятъ и питаютъ къ нему отвращеніе какъ къ гадинѣ: 1) чтобъ Зельмира возвратилась спокойно къ своимъ родителямъ; 2) если родители на это несогласны, пусть она останется здѣсь, или ѣдетъ и поселится въ другомъ мѣстѣ; 3) чтобъ дѣти не были отданы отцу, а сыновья были поручены виртембергскому правительству, дочери же были бы оставлены у матери, которая безукоризненнаго поведенія. Короче, повторяю въ сотый разъ, я обѣщала Зельмирѣ свое покровительство: я ей дала слово, что не покину ея; я очень желаю, чтобъ отецъ и мать знали это, и не допущу, чтобъ она тѣмъ или другимъ способомъ сдѣлалась еще несчастнѣе. Я хочу, чтобъ въ случаѣ, если ей нельзя будетъ оставаться съ грубьяномъ, она имѣла спокойное убѣжище, и объявляю вамъ начистоту, что я не позволю Зельмирѣ покинуть Россію, пока не удостовѣрюсь надлежащимъ и вѣрнымъ образомъ, что она будетъ въ полнѣйшей безопасности. Слышите ли? Ясно ли вамъ все это и поговорите ли вы объ этомъ, какъ слѣдуетъ, съ папашей, или нѣтъ? И если вы не можете говорить съ нимъ объ этомъ, я заставлю говорить другихъ; но такъ какъ онъ васъ употребилъ, чтобъ поручить мнѣ свою дочь, то я полагаю, что вы бы и могли сказать ему все, что я вамъ говорю для блага его дочери» [1].

Въ концѣ этого же письма прибавлено: «Бука немножко лучше обращается съ Зельмирой; зять и сестра читаютъ ему мораль» [2].

Въ сентябрѣ 1785: «Зельмира уѣхала со своимъ букой въ

[1]) 344, 345.
[2]) 347.

Финляндію [1]), гдѣ дѣтямъ ихъ привили оспу; письма отца и матери у меня; я передамъ ихъ ей только въ случаѣ надобности. Она пишетъ золовкѣ, что они хороши между собой, и если онъ будетъ продолжать съ ней такъ же хорошо обращаться, то она будетъ довольна. Онъ, кажется, намѣренъ возвратиться во-свояси будущею весною; его терпѣть не могутъ какъ гадину въ его губерніи и, по мнѣнію зятя и сестры, ни минуты нельзя расчитывать на это примиреніе [2]).

Въ ноябрѣ 1785 г. императрица пишетъ о Гэрцѣ и женѣ его: «Около мѣсяца, какъ старый брюзга (Krippenbeißer [3]) убрался отъ насъ. Право, этотъ человѣкъ олицетворенная жолчь; онъ служилъ своему господину не ревностно только, а бѣшено; онъ задавался задачей быть злымъ; если это называется быть пріятнымъ при дворѣ, право нѣтъ награды, которой бы онъ не заслуживалъ; не наговорилъ ли онъ мнѣ самой ужасовъ о бѣдной Зельмирѣ? Надобно думать, что жена его зла не менѣе его, потому что она всѣми возможными способами старалась повредить бѣдняжкѣ въ мнѣніи свекрови и ужъ мой сынъ и моя невѣстка обличили эту гадкую женщину и удалили ее отъ Зельмиры. . . .

«Зельмира и мужъ ея возвратились изъ Выборга; она увѣряетъ, что это лѣто нельзя было на него жаловаться; вотъ ужъ три недѣли какъ они здѣсь. Сегодня она у меня обѣдала. Я не отдала ей писемъ ея родителей и отдамъ ихъ только, когда сочту нужнымъ. Зельмира молода, небпытна и, кажется мнѣ, слабохарактерна: и она не столько застѣнчива, сколько подавлена горемъ. Такъ какъ они въ ладахъ, то я не хочу разбудить задремавшаго звѣря; но если несогласіе возникнетъ опять, я пущу въ ходъ письма, и родители могутъ быть увѣрены, что я не покину ея, пока она будетъ находиться въ моихъ владѣніяхъ. Она была въ Царскомъ Селѣ этимъ лѣтомъ безъ мужа, и осенью она ѣз-

---

[1]) Въ Выборгъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 363.

[3]) Въ собственномъ смыслѣ Krippenbeißer означаетъ лошадь, имѣющую привычку грызть ясли; въ переносномъ — злого и сварливаго человѣка.

дила къ нему на шесть недѣль въ Выборгъ по собственному желанію, чтобъ привить оспу дѣтямъ.... Мнѣ было очень пріятно узнать изъ письма министра Зельмирина родителя, что палочная расправа прирожденна въ семействѣ супруга; это мнѣ подтвердило мою догадку: именно, что всѣ они очень дурно воспитаны: своимъ пристрастіемъ къ палкѣ они хотятъ выказать себя превосходными военными; оттого я всѣхъ ихъ считаю отпѣтыми капралами. Если братъ его Людвигъ не перестанетъ колотить свою Польку [1]), я полагаю, что она не проживетъ съ нимъ долго. Женщины этой страны не очень-то выносливы, и онъ останется безъ жены и богатства, какъ братъ его датчанинъ, остался безъ слугъ послѣ франкфуртской палочной расправы. Не старый брюзга очернилъ Зельмиру передъ отцомъ, а старая вѣдьма (Krippenbeißerin), потому что эта злая женщина, съ паклей вмѣсто волосъ, то и дѣло всѣмъ нашептывала на ухо о Зельмирѣ самыя ужасныя вещи, такъ что, какъ я ужъ прежде сказала, зять и золовка были до того возмущены, что вмѣстѣ съ свекровью стали на сторону Зельмиры» [2]).

Вполнѣ угадала императрица, что миръ между супругами продлится недолго, и вотъ что читаемъ въ письмѣ отъ 17 декабря 1786 года: «Дѣла Зельмиры дошли до послѣдней крайности и повидимому мнѣ придется дня черезъ два обратиться прямо къ отцу. У меня, вотъ ужъ недѣля, дѣлается родъ лихорадки, когда я о ней думаю. Говорите же послѣ того, если можете, что я не принимаю участія въ чужой судьбѣ».... И далѣе, отъ 26 декабря: «У насъ въ Эрмитажѣ дней десять какъ обрѣтается заколдованная принцесса. Зельмира укрылась у меня, находясь въ смертельной опасности у своего негодяя супруга. Нѣтъ такой жестокости и такого позора, которыхъ бы она не испытала и не могла ожидать; я воспользовалась благопріятнымъ случаемъ, и велѣла сказать бѣснующемуся негоднику, чтобъ онъ убирался отсюда. Онъ на-

---

[1]) Урожденная княжна Радзивиллъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII. 367, 368, 369.

писалъ мнѣ бѣшеное письмо, но долженъ былъ однако уложить свои пожитки и въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ въ прошедшій вторникъ. Онъ объявилъ, что ѣдетъ прямо къ тестю, и Зельмира дрожитъ, чтобъ онъ не очернилъ ея въ глазахъ родителей. Все общество возстановлено противъ негодяя. Самые близкіе [1]) его не оправдываютъ, но недовольны, зачѣмъ она не къ нимъ обратилась; а она, сказать по совѣсти, не могла къ нимъ обратиться. — Я думаю, на меня тоже дуются, но сами будутъ имѣть двойной трудъ посердиться и перестать сердиться (se fâcher et se défâcher). Мое положительное и точное намѣреніе — отправить Зельмиру обратно къ родителямъ, и во всей этой исторіи я поступала, поступаю и буду поступать такъ, какъ велитъ долгъ. Я не могу дождаться здѣсь отвѣта родителей, такъ какъ ѣду 2-го января [2]). Не могу отправить Зельмиру на авось; а отсюда увезу её, такъ какъ оставаться здѣсь ей тоже нельзя. Въ эту минуту не могу сказать вамъ опредѣленно, въ какомъ мѣстѣ она будетъ ждать рѣшенія своей участи, потому что это будетъ зависѣть отъ помѣщенія, и я теперь разослала по разнымъ мѣстамъ поискать ей удобное и приличное убѣжище; затѣмъ я дала ей слово, что безъ ея воли и не убѣдившись, что судьба ея улучшится противъ теперешняго грустнаго положенія, её не заставятъ покинуть уединенія или временнаго пріюта, гдѣ мы пока устроимъ её. Мнѣ кажется, что все это по-человѣчески и прилично; сколько было возможно, я постаралась прикрыть молчаніемъ всѣ ужасы, а на другой день послала курьера и написала отцу Зельмиры, прося его войти со мною въ дружелюбное соглашеніе. Я нахожу, что Зельмира далеко не глупа; въ ней довольно мужества и твердости духа, и она надѣется, что я её не оставлю. И конечно я этого не сдѣлаю. Она желала бы остаться въ Петербургѣ и именно у меня, но этому кажется не бывать, потому что у насъ очень рады будутъ забыть всю эту непріятную исторію. Надо сознаться, что родъ Зельми-

[1]) Т. е. В. К. Павелъ Петровичъ и В. К. Марія Феодоровна.
[2]) Въ знаменитое крымское путешествіе.

рину не посчастливилось въ Россіи: вотъ осьмая или девятая особа страдаетъ здѣсь [1]). Сообщите мнѣ, что́ вы узнаете о чувствахъ Зельмирина отца: доволенъ ли онъ мною, или недоволенъ? Не могу допустить, чтобъ негоднику удалось заставить его забыть, какъ онъ золъ; я слишкомъ хорошаго мнѣнія объ умѣ одного изъ героевъ вѣка. А негодникъ — герой злости. Говорятъ, что онъ поселится въ Швейцаріи. Онъ самъ сказалъ Зельмирѣ, что онъ врагъ безпощадный и не понимаетъ, какъ можно прощать; не правда ли, какой милый характеръ?» [2]).

О дальнѣйшей судьбѣ Зельмиры говорится: «Никогда котелъ такъ не кипѣлъ, какъ эти двѣ, три недѣли: прилагаемое письмо познакомитъ васъ со всѣми непріятностями по поводу Зельмиры; и я должна была посвятить этому дѣлу не пол-вниманія, а полтора. Золовка ребячится; всего ей нельзя сказать, она такова, какова есть, и въ ней нѣтъ того, чего нѣтъ; вотъ почему всего разумнѣе и осторожнѣе было поступить такъ, какъ я поступила. Но все это для васъ однихъ» [3]).

И въ путешествіи, среди новыхъ впечатлѣній Екатерина не забывала несчастной страдалицы и переписывалась съ ней и объ ней, не уступая ея мучителю и не переставая защищать её и заботиться о ея участи. Изъ Кіева государыня писала въ февралѣ: «Я въ разумныхъ переговорахъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ; онъ прислалъ мнѣ курьера, а я ему вчера обратила другого. Я выдамъ мою принцессу только тогда, когда увѣрюсь, что всѣ злобныя внушенія ея мужа не повредили ей въ глазахъ родителей, чего она очень боится; когда я кому покровительствую, то дѣлаю это́ различными способами и хочу чтобъ моей принцессѣ послѣ столькихъ страданій и оскорбленій было въ будущемъ обезпечено тихое и спокойное существованіе. И вотъ, до тѣхъ поръ она будетъ жить

---

[1])-Тутъ конечно императрица припоминаетъ несчастное семейство Антона Ульриха и Анны Леопольдовны Брауншвейгскихъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 387, 388, 389.

[3]) 390.

въ своемъ убѣжищѣ. Это должно быть такъ, а не иначе и я это написала папенькѣ. Такъ какъ я писала мужу съ перваго же дня, что не буду судьей въ его дѣлѣ, то и стою на этомъ. Но если онъ будетъ очень заноситься, мы будемъ защищаться, я надѣюсь, и тогда посмотримъ кто будетъ доволенъ»[1]). Отъ 1 апрѣля 1787 г. «Я получила письмо отъ Зельмиры, въ которомъ было вложено письмо отъ отца, доказывающее, что несмотря на его обѣщанія, рѣчи бѣшенаго супруга возымѣли на него дѣйствіе. Этотъ бѣшеный по крайней мѣрѣ столько же разбѣшенъ на меня, сколько на жену, за то что я ей оказала покровительство. Хорошо бѣшеному, что я укрыла его мерзости, но если онъ меня выведетъ изъ терпѣнія, я въ свою очередь заговорю, и тогда увидятъ, кто изъ насъ двухъ правъ. Я очень хорошо вижу по послѣднему письму, написанному мнѣ отцомъ Зельмиры, что онъ, кажется, болѣе скрытенъ со мною, нежели вначалѣ; я это приписывала первому движенію послѣ шестичасоваго разговора съ зятемъ, но письмо, написанное имъ дочери, доказываетъ что этотъ разговоръ пускаетъ корни. Зельмира въ смертельномъ страхѣ, чтобъ ея не возвратили къ мужу; я не могу этому повѣрить; зная дѣло какъ я его знаю, я нахожу, что это была бы страшная жестокость. Я буду молчать пока смогу, и никогда не заставлю Зельмиру покинуть убѣжище, гдѣ она и безопасна и свободна, развѣ сама она будетъ внутренно убѣждена и успокоена, что судьба ея улучшится и что ей болѣе нечего бояться. Послушайте, я говорю съ кашей во рту, потому что скажу свое слово только тогда, когда увижу, что необходимо его сказать. Сдѣлайте изо всего этого по отношенію къ отцу такое употребленіе, какое заблагоразсудится; я буду очень довольна, если меня не вынудятъ говорить»[2]).

«Я нахожу въ вашемъ донесеніи отъ 12 декабря, что вы говорите о мнимомъ спокойствіи въ домѣ Зельмиры, потому что въ моей большой депешѣ, посланной съ Кашкинымъ, упоминается

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 394.
[2]) 394, 395.

только вначалѣ о нѣкоторыхъ неистовыхъ сценахъ. Во-первыхъ невозможно же требовать, чтобъ я постоянно записывала всѣ сцены, которыя происходили между Зельмирою и мужемъ къ великому соблазну всего Петербурга и Финляндіи, когда они тамъ жили. Во-вторыхъ было много такихъ сценъ, о которыхъ я узнавала уже по прошествіи нѣкотораго времени. Въ-третьихъ я не всегда и упоминала о нихъ, потому что это мнѣ надоѣло и я вовсе не подряжалась вести имъ списокъ. Но это замѣчаніе съ вашей стороны тѣмъ болѣе поражаетъ меня въ настоящую минуту, что и отецъ говоритъ дочери, будто до ея переѣзда отъ мужа ко мнѣ тишина и спокойствіе царствовали въ ея домѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но это пахнетъ упрекомъ и дочь этимъ очень огорчилась. На самомъ же дѣлѣ Зельмира клялась мнѣ, что въ теченіе семи лѣтъ брачной жизни она среднимъ числомъ никогда не имѣла и шести недѣль спокойствія; да и тутъ еще двѣ недѣли прибавила я, а она увѣряла, что не наберется и четырехъ. Въ Финляндіи, къ великому соблазну цѣлаго края, было множество сценъ за столомъ въ присутствіи мѣстныхъ служащихъ, такъ что приглашеній на ихъ обѣды боялись какъ чумы. Я не покину Зельмиры, но она опасается что папаша выдастъ её тирану. Впрочемъ все, что сдѣлаютъ въ пользу Зельмиры, очень порадуетъ меня, потому что я принимаю искреннее участіе въ несчастной молодой женщинѣ, которой участь могла бы быть совершенно иною, еслибъ её не выдали за этого полоумнаго, у котораго жолчь, кажется, помрачаетъ разсудокъ, потому что онъ злится на весь родъ человѣческій безъ исключенія. Я не могу прямо вмѣшаться въ разводъ, потому что съ перваго же дня заявила бѣшеному супругу, что я не судья его, и счастье его, что это такъ. Этотъ же отвѣтъ свой я сообщила герцогу Брауншвейгскому; но если онъ, или владѣтельный герцогъ Виртембергскій пожелали бы моего добраго содѣйствія, то графъ Румянцовъ во Франкфуртѣ уполномоченъ оказать имъ таковое. Итакъ я покамѣстъ ограничиваюсь тѣмъ, что стараюсь быть какъ можно болѣе полезной Зельмирѣ, которая въ уединеніи переноситъ свое горе съ твердостью и му-

жествомъ философа, и оказалась гораздо умнѣе чѣмъ я думала, когда она была запугана. Желаю, чтобъ молодая вдовица, которую вамъ не удалось выдать замужъ года полтора тому назадъ, была счастливѣе, чѣмъ жоны двухъ старшихъ братьевъ [1]). Зельмира говоритъ мнѣ: «они всѣ большіе охотники жениться». Мнѣ конечно понятна причина: это бѣдность. Такъ какъ вы увѣряете меня, что мать не ослѣплена насчетъ кого бы то ни было изъ дѣтей, то когда увидите её, постарайтесь вывѣдать, извѣстны ли ей подвиги старшаго сына и тотъ позоръ и огорченія, которыя онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ причинялъ сестрѣ, и какое онъ, несмотря на то, имѣетъ вліяніе на сестру; она конечно боится его болѣе вблизи чѣмъ издали; но однако я отнюдь не требую, чтобъ вы дѣлали всѣ эти разоблаченія въ ущербъ ея зарождающемуся благоволенію къ вамъ. Ея наивное признаніе, что она питала къ вамъ большое отвращеніе, полагая что вы у меня въ милости, неоцѣненно» [2]).

Во все время своего путешествія императрица энергически переписывалась объ интересахъ Зельмиры: «Вы правы», говоритъ она Гримму, «что дѣло Зельмиры интересуетъ меня не вполовину, а въ полтора раза. Я особенно занята ея судьбой. Я не разъ чувствовала искушеніе исписать отцу ея цѣлыя тетради насчетъ ея положенія, но удержалась только потому, что сказала себѣ: «но развѣ ты забыла, что объявила сама, что не желаешь быть судьею въ этомъ дѣлѣ? или ты хочешь записаться въ адвокаты и впутаться въ это болѣе чѣмъ слѣдуетъ?» Во мнѣ не произошло никакой перемѣны по отношенію къ дѣлу Зельмиры. Но Зельмирѣ кажется, что такая перемѣна произошла въ умѣ свѣтлѣйшаго родителя, что послѣдній поддался убѣжденіямъ бѣшенаго мужа, чтобъ ему выдали её, и вотъ Зельмира такъ поражена, что нельзя и выразить. Полагаю, что если отецъ дастъ мнѣ честное

---

[1]) Виртембергскій принцъ Людвигъ, братъ Фридриха, женатъ былъ на дочери князя Адама Чарторыскаго Маріи, съ которою онъ развелся въ 1792 году, а въ 1797 онъ женился на Нассауской принцессѣ Генріэттѣ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 397, 398.

слово не принуждать нисколько Зельмиру съѣхаться съ мужемъ, отъ котораго она всего можетъ опасаться, то я легко могла бы убѣдить её возвратиться къ родителямъ, и, сообразивъ все, я назначаю срокомъ къ тому время моего возвращенія въ Петербургъ, полагая, что къ той порѣ отецъ и мужъ успѣютъ сговориться насчетъ ея содержанія. Еслибъ ему обѣщали дочь, то это могло бы быть приманкой, но я вижу что у нихъ эта статья уже улажена. Изъ пунктовъ или статей соглашенія, предложеннаго мужемъ отцу, я вижу что онъ ей предлагаетъ 7000 флориновъ ежегодно; но конечно они будутъ плохо выплачиваться, потому что петербургскіе кредиторы свидѣтельствуютъ, что почтенный супругъ никогда не платитъ. А если вы хотите знать чистый доходъ Зельмиры, самое вѣрное — это доходъ съ дома, который я ей подарила въ Петербургѣ, да и то надо стараться его продать, потому что мужъ запустилъ его страшно, такъ какъ онъ не ему принадлежалъ, и онъ никогда не хотѣлъ ни гроша истратить на его поддержку»[1]).

Между тѣмъ Зельмира нашла тихій пріютъ въ небольшомъ имѣніи Лоде, принадлежавшемъ императрицѣ въ Эстляндіи, и проживала тамъ въ ожиданіи рѣшенія своей участи. Жизнь ея тамъ изображается въ одномъ изъ писемъ: «Зельмира пишетъ мнѣ изъ своего убѣжища, что въ жизнь свою она не была такъ спокойна и счастлива; она видится только съ добрыми и честными людьми, которыхъ я при ней поставила; она читаетъ, работаетъ, гуляетъ, занимается музыкой и кажется здорова. Она кротка, показываетъ твердость духа, и я сдѣлалась ея идоломъ; и вправду я ни за что её не покину. Мужъ ея употребляетъ всевозможныя усилія, чтобъ вездѣ чернить её: и въ самомъ дѣлѣ она ужасно виновата, что не обожаетъ изверга»[2]).

Но и отецъ продолжалъ сурово относиться къ дочери; государыня пишетъ съ галеры на Днѣпрѣ: «Послушайте же: отчего это брауншвейгскій папаша наводитъ такой страхъ на свою дочку?

---

[1]) 404.
[2]) 406.

эта бѣдная женщина пишетъ мнѣ изъ своего имѣнія Лоде въ Эстляндію, будто она видитъ изъ писемъ отца, что онъ очень на нее сердится; за что, скажите этотъ гнѣвъ? Развѣ за то на нее дуются и сердятся, что она не могла выдержать жестокаго обхожденія мужа? Такъ зачѣмъ же ей не дали лучшаго? Если хотятъ имѣть её у себя, не надо показывать ей гнѣва, потому что иначе невозможно будетъ выгнать её изъ Лоде, гдѣ она живетъ очень уединенно. Ей хочется возвратиться въ Петербургъ, но это не входитъ въ мои планы; когда я вернусь, то надѣюсь, что дѣла ея успѣютъ уладиться, и тогда я бы желала даже её отправить; иначе что будетъ она дѣлать у меня? Но если мнѣ возвратятъ её запуганною и предубѣжденною, какъ могу я устроить ея отъѣздъ по доброй волѣ, а право безъ ея доброй воли и увѣренности, что участь ея обезпечена спокойствіемъ, я не могу совѣтовать ей отважиться на такое путешествіе. Итакъ моя крошка (ma petite), у которой я одна и есть на свѣтѣ и которая держится за меня такъ же крѣпко какъ репей, не такъ виновата и въ томъ, что она предпочитаетъ замокъ Лоде, гдѣ она спокойна, разнымъ другимъ непріятностямъ. Мнѣ также кажется, что папенька на меня немножко дуется, потому что о немъ что-то не слышно съ февраля; все это происходитъ отъ того, что я не разболтала все что знала, и что я дѣйствовала съ рѣдкой мудростью, до того, что сама себѣ удивляюсь; это можетъ-быть развязываетъ языкъ ея отвратительному мужу, который кажется овладѣлъ ушкомъ папеньки и шепчетъ въ него не вѣсть что. Но еслибъ я рѣшилась пустить въ ходъ свой товаръ, то подуло бы противнымъ вѣтромъ на мужа, котораго подвиги я предала забвенію, объявивъ что я ему не судья. NB. NB. NB. Вотъ чему подвергаешься, когда говоришь оракуломъ и дѣйствуешь съ удивительной осторожностью и мудростью. Мужья прячутся, папеньки дуются, а бѣдняжки (les petites) не могутъ добиться спокойной жизни. Ну, чтожъ, дѣйствуйте же наконецъ! Вы, съ вашимъ высокимъ даромъ развитія, дѣйствуйте и направьте это на такой путь, чтобъ всѣ были довольны; тогда и мы будемъ довольны я, и моя маленькая протеже»....

Въ томъ же письмѣ нѣсколько дней спустя писано изъ Бахчисарая: «Дни два три тому назадъ, я получила письмо отъ папаши изъ Брауншвейга съ копіей окончательныхъ условій, которыхъ подлинникъ, по словамъ его, посланъ дочери для подписанія. Онъ проситъ меня совѣтовать ей въ этомъ духѣ; но когда все рѣшено и посылаютъ условія на подписаніе, чего же еще совѣтовать? Я—въ Крыму, Зельмира—въ Лоде; нуженъ по крайней мѣрѣ еще мѣсяцъ, чтобъ сговориться; я теперь буду ожидать, чтобъ она чистосердечно сказала мнѣ, что́ думаетъ обо всемъ этомъ, и тогда мнѣ легче будетъ дать ей совѣтъ. Но, по теоріи вѣроятностей, я предвижу, что мужъ не дастъ ей ни копейки, несмотря на свои обѣщанія, и что если папаша ей ничего не дастъ, то у нея ничего и не будетъ. Остается узнать, будетъ ли моя протеже довольна ничѣмъ, когда она теперь имѣетъ вполнѣ обезпеченное содержаніе. Если она мнѣ это скажетъ, то я не буду знать, что ей отвѣтить, развѣ папаша обѣщаетъ намъ, что если мужъ не будетъ платить, то папенька вмѣсто него заплатитъ за наше содержаніе, потому что умереть съ голоду, когда не удалось умереть съ горя—это участь слишкомъ печальная и непріятная, и я бы не удивилась, еслибъ одна перспектива такой будущности положила въ постель мою протеже, тѣмъ болѣе что она мнѣ всегда казалась чахоточною» [1]).

Наконецъ, доведенная до крайности бездушнымъ отношеніемъ родителей къ страдалицѣ дочери, императрица пишетъ на обратномъ пути изъ Москвы слѣдующее энергическое и полное негодованія письмо:

«Отецъ Зельмиры [2]) находится въ настоящую минуту въ странѣ и во главѣ дѣлъ, въ которыя я бы никакъ не желала, чтобъ сказали, что я малѣйшимъ образомъ вмѣшиваюсь; потому я не нахожу приличнымъ, чтобъ мои курьеры разъѣзжали туда и оттуда, и лучше выскажу *вамъ* все, что касается Зельмириныхъ дѣлъ.

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 409, 10, 11, 12.

[2]) Король Вильгельмъ, герцогъ Брауншвейгскій, съ 1773 г. находившійся на службѣ въ прусской арміи и умершій 1806 отъ раны, полученной при Ауэрштадтѣ.

Она, несмотря на всѣ мои убѣжденія, не показываетъ ни малѣйшаго желанія возвратиться на родину. Она говоритъ во-первыхъ, что не можетъ ожидать тамъ ничего кромѣ горя и притѣсненій, и такъ какъ содержаніе ея должно зависѣть отъ мужа, то считаетъ несомнѣннымъ, что онъ не станетъ ей давать ничего, что она будетъ только въ тягость своимъ родителямъ, они же будутъ ежедневно приставать къ ней съ совѣтомъ возвратиться къ мужу, а это значитъ не имѣть даже простой безопасности. Изъ этого слѣдуетъ, что она предпочитаетъ оставаться тамъ, гдѣ она укрыта отъ всякихъ напастей, и хотя живетъ очень скромно, но вполнѣ спокойно. Если вы хотите знать настоящую суть этого дѣла, я вамъ объясню его и скажу свое мнѣніе. Зельмира уѣхала отсюда въ маленькое имѣніе, мнѣ принадлежащее въ Эстляндіи, которое называется Лоде. Это было за три или четыре дня до моего отъѣзда въ Кіевъ, въ концѣ прошедшаго года, и она твердо вознамѣрилась ждать тамъ окончательнаго устройства своего дѣла, предоставленнаго, по ея и моему желанію, благоусмотрѣнію ея отца, къ которому я послала курьера. Родитель ея нашелъ нужнымъ по пріѣздѣ послѣдняго имѣть нѣсколько свиданій съ супругомъ Зельмиры. Странно конечно, что отецъ оскорбленной и несчастной дочери имѣетъ свиданія съ бѣшенымъ мужемъ и допускаетъ отводить себѣ глаза, а Зельмира заключаетъ изъ этого и убѣждается окончательно, что отецъ ея даетъ полную вѣру всему, что́ любезному муженьку угодно будетъ наговорить на нее. Правда, что письма ея отца и особливо прибытіе нѣкоего г. Шрэдера, находящагося въ настоящую минуту на службѣ у мужа и присланнаго отъ самого папеньки съ письмомъ къ дочери въ Лоде, во время моего отсутствія, достаточно доказываютъ, что папенька не дѣйствуетъ тутъ съ благородствомъ, свойственнымъ великому характеру, какимъ я себѣ его до сихъ поръ представляла. Мнѣ слѣдовало бы жаловаться на недостатокъ искренности со мною герцога; я дала ему это почувствовать и онъ довольно неловко выпутался изъ обвиненія, почти обойдя этотъ пунктъ моего письма. Вообразите, что пока отецъ посылаетъ этого Шрэдера съ

грознымъ письмомъ къ дочери и *приказываетъ* ей подписать въ присутствіи Шрэдера условія, для нея весьма невыгодныя, мнѣ онъ пишетъ письмо въ Кіевъ, по которому проситъ меня ей совѣтовать. По-моему, это значитъ смѣяться надъ людьми. Онъ приказываетъ дочери *подписывать* въ Лоде, тогда какъ я за тысячу и болѣе верстъ, а меня просятъ *совѣтовать*! Ясно, что или она подпишетъ безъ моего совѣта, или, не послушавъ отца, обратится за совѣтомъ ко мнѣ, а я, ничего не зная о приказаніяхъ ею полученныхъ, изволь давать совѣты! Но коса нашла на камень. Шрэдеръ не видалъ Зельмиры. Другъ мой г. Польманъ, завѣдующій маленькимъ хозяйствомъ Зельмиры, очень учтиво спровадилъ посланнаго отъ супруга и папаши, и сказалъ ему, что безъ моего особаго приказанія никто не можетъ быть принятъ въ аудіенціи у Зельмиры. Тогда Шрэдеръ вытащилъ письмо папеньки и оно было передано Зельмирѣ. Это громоносное посланіе привело бѣдняжку въ отчаяніе: она заболѣла и слегла въ постель. Между тѣмъ я возвратилась сюда, и такъ какъ я была извѣщена о ея горестномъ положеніи, то обмѣнялась съ нею нѣсколькими письмами и, высказавъ ей все что я находила разумнымъ, чтобъ убѣдить её возвратиться къ родителямъ, я однако почувствовала къ ней такую жалость, что, вы можете быть увѣрены, я не сдѣлаю болѣе ни одного шага въ этомъ направленіи какъ относительно Зельмиры, такъ и господина ея батюшки. Зельмира останется въ Лоде сколько ей заблагоразсудится, и возвратится къ родителямъ тоже когда ей захочется, и такъ какъ она рада остаться въ Эстляндіи, я тоже довольна. А если папенькѣ угодно слушать рѣчи изверга мужа, и если тотъ внушаетъ ему болѣе довѣрія чѣмъ Зельмира и я, пусть его слушаетъ и питается его рѣчами, толстѣя или худѣя отъ нихъ на здоровье. Такъ какъ у Зельмиры только я одна на свѣтѣ, клянусь вамъ какъ свидѣтелю, что не покину её. Она кротка какъ агнецъ въ Лоде, и её обожаютъ тѣ немногіе, которыми она окружена. Польманъ сдѣлался ея другомъ; госпожа Вильде тоже; люди ея души въ ней не чаютъ. Она читаетъ, или работаетъ, или занимается музыкой, или гуляетъ и

при этомъ съ мужественной твердостію переноситъ свое положеніе»[1]).

Въ ноябрѣ того же 1787 г. государыня такъ дополняетъ это письмо: «Вы должны теперь уже знать все, что я сообщила по поводу Зельмиры. Совершенно вѣрно, что Донъ-Феросъ-де-Монбельяръ[2]) донесъ мнѣ что по страстной любви къ россійскому оружію онъ желаетъ служить, и я отвѣчала, что обстоятельства, вызывавшія его удаленіе отсюда остались неизмѣнны, а потому я и не могу согласиться на его желаніе; на это онъ объявилъ мнѣ, что подаетъ въ отставку, и я распорядилась выключить его изъ службы имперіи. Что касается Зельмиры, то она будетъ проводить лѣто въ Лоде, въ своей деревнѣ[3]), а зиму въ Ревелѣ»[4]). И въ другомъ мѣстѣ: «Моя Зельмира совершенно рѣшилась остаться въ Эстляндіи и дѣлаетъ очень хорошо; я получила письмо отъ нея— и она кажется совершенно спокойной и довольной. Донъ-Феросъ хотѣлъ вернуться и служить въ арміи, а я сказала: nego — не хочу. Когда же его жена узнала, что таково было его намѣреніе и что ему было отказано, она сказала, что за сто миль отъ нея онъ будетъ всегда казаться ей еще слишкомъ близкимъ»[5]).

«Что касается вашего свиданія въ Делисѣ (aux Délices) съ Дономъ-Феросомъ-де- Монбельяромъ, я очень тому смѣялась. Это была сцена, достойная кисти художника. Но каковъ сплетникъ тесть! Онъ выболталъ зятю то, что поручалъ вамъ сказать мнѣ по отношенію къ дочери. Право, кто бы подумалъ, что они подружатся въ Берлинѣ, что станутъ повѣрять другъ другу все, что до тѣхъ поръ тщательно другъ отъ друга скрывали! Если хотите узнать правду, то скажу что я была лучшаго мнѣнія о свѣтлѣйшемъ тестѣ, чѣмъ какое теперь вынесла о немъ изо всего этого дѣла: онъ фальшивъ и безсердеченъ. Какъ рѣшился бы человѣкъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 416, 417.

[2]) Мужъ Зельмиры.

[3]) По тому, что государыня называетъ иногда Лоде имѣніемъ Зельмиры, надо думать, что оно было подарено ей.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 422.

[5]) 431.

съ сердцемъ обращаться съ мучителемъ своей дочери, какъ съ ближайшимъ другомъ? А со мною онъ дѣйствовалъ съ такимъ двоедушіемъ, какого я никакъ не могла ожидать. Замѣтьте, что мнѣ всегда казалось, что дочь весьма мало вѣритъ въ правдивость папаши, и часто она говорила: о, онъ обманываетъ мою мать, но собственно это не такъ. Но объ этомъ пожалуйста никому ни слова, чтобъ не поставить ихъ на ножи» [1]).

Очень любопытно было бы прослѣдить по письмамъ Гримма какую роль онъ игралъ среди всей этой исторіи, но, какъ мы уже говорили, переписка его за эти годы не отыскалась. Однако въ одномъ изъ писемъ императрицы мы читаемъ: «Я очень рада, что вы довольны всѣмъ, что я сдѣлала для Зельмиры, и что другъ мой Польманъ, котораго осторожность вамъ извѣстна, разрушилъ замыслы папаши и супруга» [2]).

«Поведеніе родителей Зельмиры съ нею и со мной», вспоминаетъ государыня въ одномъ письмѣ два года спустя, «было и очень фальшиво и очень необдуманно. Мать всегда говорила ей нѣжности, совѣтовала ей ко мнѣ обращаться, часто казалась несогласна съ мужемъ и разоблачала его тайны; а потомъ критиковала и не одобряла образъ дѣйствій дочери; папенька дѣйствовалъ заодно съ мужемъ, а мнѣ говорилъ, что полагается на мои совѣты Зельмирѣ. Но Зельмира боялась возвращенія, боялась выпустить кусокъ въ виду тѣни. Она была достаточно умна и тверда, и у нея была своя хозяйка-головка; она совершенно рѣшилась жить независимо, и въ Лоде завоевала любовь всѣхъ окружавшихъ ее» [3]).

Несчастная Зельмира скончалась въ Лоде и императрица такъ описываетъ смерть ея, отъ 24 января 1790 года: «Повидимому г. Феронсу [4]) любопытно узнать, что́ я вамъ писала о смерти Зель-

---

[1]) 428.
[2]) 440.
[3]) 472, 473, 480.
[4]) Первый министръ герцога Брауншвейгскаго.

миры: но что могу я сказать, кромѣ того что Зельмира умерла? Я послала ея отцу копію съ письма, которое мнѣ написалъ Польманъ. «Г. Феронсъ проситъ фактотума сообщить мнѣніе докторовъ или описаніе ея смерти. Прежде всего фактотумъ обратился въ Лоде. Докторъ сообщилъ, что Зельмира посылала за нимъ нѣсколько разъ, чтобъ совѣтоваться съ нимъ о своемъ здоровьи, что онъ ей прописывалъ лѣкарство отъ болѣзни, которая унесла её, а въ минуту смерти ея онъ былъ въ отсутствіи: за нимъ послали, но когда онъ пріѣхалъ, она уже скончалась, такъ какъ она была больна всего нѣсколько часовъ. Теперь папенька хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ постарался сохранить для внучатъ то немногое, что осталось послѣ Зельмиры, т. е. сорокъ или пятьдесятъ тысячъ рублей и брильянты. Грубьянъ требуетъ, чтобъ все отдали ему, а тогда дѣтямъ не видать ни порошинки, если все ему попадетъ въ руки, потому что это дырявый мѣшокъ и онъ по уши въ долгахъ» [1]).

Объ отцѣ Зельмиры государыня въ послѣдній разъ упоминаетъ въ концѣ того же года: «Говорятъ, что отецъ Зельмиры въ эту минуту принялъ бразды правленія надъ головой своего двоюроднаго братца». Его поведеніе въ дѣлѣ Зельмиры открыло мнѣ вполнѣ что̀ онъ такое, и я увидѣла въ немъ гораздо болѣе коварства чѣмъ простодушія» [2]).

Приближенные Екатерины.

Среди богатаго матеріала для исторіи Екатерины II и ея времени, представляемаго ея перепиской съ Гриммомъ, всего замѣчательнѣе набросанныя ею самою характеристики лицъ, окружавшихъ её: часто нѣсколькими мѣткими словами она опредѣляла ихъ свойства и значеніе съ такою выразительностью, что они какъ живые возстаютъ предъ нами. Особенно краснорѣчивы тѣ

[1]) 479, 480.
[2]) 495.

страницы, гдѣ она, послѣ потери нѣкоторыхъ изъ своихъ государственныхъ сподвижниковъ, очерчиваетъ ихъ мастерской рукою, и конечно, чѣмъ болѣе дѣятельность ихъ была отмѣчена рѣзкими чертами энергіи и величія, подходившими къ характеру самой государыни, тѣмъ портреты выходятъ удачнѣе.

О смерти Бибикова императрица упоминаетъ только вскользь, на самыхъ первыхъ страницахъ переписки: «Оренбургъ освобожденъ, но меня постигла весьма чувствительная утрата: генералъ Бибиковъ умеръ на тринадцатый день отъ желчной горячки, за сто верстъ отъ Оренбурга» [1]).

Отзывы Екатерины о гр. Румянцовѣ, о его побѣдахъ, щедрыхъ наградахъ ему пожалованныхъ, рѣчи къ нему митрополита Платона были уже приведены нами въ самомъ началѣ этого очерка.

По возвышеніи Потемкина въ 1775 году князь Григорій Орловъ предпринялъ путешествіе за границу, и императрица писала Гримму: «Появленіе князя Орлова въ Парижѣ вѣроятно было вамъ пріятно, потому что вы, какъ кажется, принимаете участіе въ людяхъ, которые къ вамъ пріѣзжаютъ отъ насъ. Если вы еще увидите его въ Парижѣ, скажите ему пожалуйста, что герцогъ Браганцскій поѣхалъ въ Константинополь, чтобъ видѣть тамъ аудіенціи и пріемъ князя Репнина» [2]). Я читала, какъ князь Орловъ описываетъ Парижъ; онъ очень похваляется сдѣланнымъ ему пріемомъ, и я полагаю, что онъ туда вернется» [3]).

Черезъ недѣлю послѣ того говорится: «Князь Орловъ, покинувъ васъ, (т. е. Парижъ) чуть не утонулъ подъ Кёльномъ въ Рейнѣ. Одно описаніе этого происшествія приводитъ въ содроганіе» [4]).

По возвращеніи своемъ въ Россію Орловъ привезъ съ собою отзывъ экономистовъ о Екатерининскомъ наказѣ, и вотъ какъ государыня приняла это: «Что бы тамъ ни было, ужъ конечно не эконо-

---

[1]) 2.
[2]) 33.
[3]) 35.
[4]) 36.

мисты будутъ руководить мною; я безъ ума полюбила французскій парламентъ со времени безсмысленныхъ преній, на которыхъ толковали, надо ли ихъ считать сектою, или сектою *вредною для государства* [1]). Здравый смыслъ, по-моему, заключался въ трехъ подчеркнутыхъ словахъ. Еслибъ вы знали, какъ эти дураки бомбардируютъ меня книгами! Они комментировали мой наказъ такимъ образомъ обработанный прислали мнѣ его черезъ князя Орлова, вѣроятно, чтобъ придать ему вѣсу, но я его читать не стану [2]).

О вліяніи Орлова на Екатерину она сама дѣлаетъ такое признаніе по поводу сужденія, высказаннаго Гриммомъ о людяхъ геніальныхъ: «Вы говорите мнѣ о великомъ Гюберѣ (живописцѣ) эти замѣчательныя слова: *Онъ, какъ и всѣ геніальные люди — дитя, которое надо водить на помочахъ, но никогда не давая ему этого почувствовать. Безъ этакой предосторожности дитя потеряется и не будетъ знать куда итти.* Знаете ли вы, какое дѣйствіе произвели на меня эти слова? Мнѣ бы хотѣлось, прочитавъ ихъ, счесть себя геніемъ: отчего? Оттого что я всегда чувствовала въ себѣ большую наклонность отдаваться въ руководство людямъ, знающимъ болѣе нежели я, подъ условіемъ однако, чтобъ они не давали мнѣ чувствовать, что имѣютъ желаніе и претензію быть моими руководителями, потому что тогда я убѣгаю отъ нихъ со всѣхъ ногъ. Изо всѣхъ людей, способныхъ приходить на помощь этой моей склонности, я не знаю никого, кто бы такъ отвѣчалъ ей, какъ князь Орловъ; голова его естественна и идетъ своимъ ходомъ, а моя слѣдуетъ за нею; это для меня тотъ же Блэкстонъ, разматывающій мою нить» [3]).

Въ одномъ мѣстѣ переписки государыня передаетъ Гримму мнѣніе Орлова о королѣ неаполитанскомъ [4]): «По словамъ князя

---

[1]) Тогдашніе выдающіеся представители ученія экономистовъ, принявшаго политическій оттѣнокъ, были Тюрго и Мирабо.

[2]) 44.

[3]) 56, 57.

[4]) Фердинандъ IV, изъ дома испанскихъ Бурбоновъ, род. въ 1751, впослѣдствіи съ 1812 король обѣихъ Сицилій († 1825).

Орлова—NB, котораго онъ такъ полюбилъ, что предложилъ играть съ нимъ въ шары—онъ не дуракъ, а шаль [1]), а это по-русски значитъ человѣка, который попускаетъ себя такъ таки потихоньку, да понемножку дѣлать все то, что приходитъ ему на умъ, не принимая въ соображеніе ничего другого, кромѣ удовлетворенія своихъ желаній» [2]).

Что Орловъ по возвращеніи своемъ въ Россію продолжалъ оставаться близкимъ къ государынѣ, доказываютъ многія мѣста ея писемъ. Такъ напримѣръ въ 1778 году, когда Гриммъ разъ прислалъ императрицѣ по обыкновенію разные маленькіе подарочки, она шутливо отвѣчаетъ: «Сколько подарковъ: спаржа изъ Тура, она очень хороша, я занимаюсь ея истребленіемъ; леденцы Море: такъ какъ это специфическое средство противъ кашля, котораго у меня нѣтъ, то Леди (собачка) его употребляетъ; я нахожу что у нея катарръ. Пара чулокъ изъ кроликовой шерсти валяется на столѣ; князь Орловъ хотѣлъ завладѣть ими и только разсужденіе, что они будутъ ему коротки и узки, удержало его отъ этого» [3]). Въ иныхъ письмахъ она сообщаетъ, что Орловъ, такъ же какъ и Потемкинъ, хвалитъ записку о ея царствованіи, ею самою написанную; въ другихъ приводитъ отзывы Орлова о маленькомъ внучкѣ ея Александрѣ Павловичѣ (въ 1779), о Ланскомъ (1782) и проч.

Въ 1780 году Орловъ ѣздилъ на воды въ Спа, городъ, который тогда былъ самымъ моднымъ сборнымъ мѣстомъ для путешественниковъ всѣхъ странъ, и Гриммъ такъ характеризуетъ его: «Въ этой общей европейской кофейнѣ всѣ живутъ братьями и пріятно видѣть дамъ изъ Парижа, Лондона, Дублина, Амстердама, Гаги, танцующихъ вальсъ и обнимающихся какъ сестры» [4]).

Шведскій король, прибывши изъ Спа въ Парижъ, сообщалъ

---

[1]) Слово *шаль*, нынѣ забытое, было очень употребительно въ 18 вѣкѣ. Значеніе его близко къ слову *шальной*.

[2]) 60.

[3]) 74.

[4]) Письма Гримма 233.

Гримму, что онъ служилъ какъ будто русскимъ посланникомъ при князѣ и княгинѣ Орловыхъ, знакомя ихъ съ парижскими дамами. Вслѣдъ за этимъ Гриммъ пишетъ: «Я, Государыня, очень недоволенъ всѣмъ, что узнаю о князѣ Орловѣ. Говорятъ, что онъ отдался въ руки англійскаго доктора, живущаго въ Брюсселѣ, шарлатана, никому неизвѣстнаго. Этотъ человѣкъ даетъ ему лѣкарства, способныя умертвить лошадь. Онъ ихъ употребляетъ, чувствуетъ себя отъ нихъ все хуже, и продолжаетъ. Къ чему же послужило ему пройти школу Екатерины II, если онъ въ ней не научился, что медицина послѣ теологіи самая безполезная изъ наукъ, и что надо быть безумнымъ, чтобъ отдать свое тѣло на шарлатанскіе опыты? Говорятъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ очень измѣнился, и я о томъ сожалѣю. Умоляю ваше величество приказать ему какъ можно скорѣе пріѣхать ко мнѣ на поклонъ въ Парижъ, чтобъ я могъ побранить его и передать его на руки Троншена, который можетъ-быть и не вылѣчитъ, но навѣрное не уморитъ его. Маркизъ де Кастри провелъ четыре или пять дней въ Спа, и только двѣ недѣли какъ вернулся оттуда, когда сдѣланъ былъ министромъ. Военный объѣздъ для осмотра полковъ, стоящихъ на границѣ, привелъ его въ Спа, гдѣ были знакомыя ему дамы, и онъ посѣтилъ ихъ. По возвращеніи онъ много говорилъ со мною о князѣ Орловѣ, такъ какъ друзья мои знаютъ, что меня ничѣмъ нельзя такъ осчастливить и обласкать, какъ разговоромъ о Россіи» [1]). Государыня около того же времени даетъ слѣдующее порученіе Гримму: «Если увидите князя Орлова въ Парижѣ, кланяйтесь ему отъ меня и скажите, что прелестная табакерка, которую онъ мнѣ прислалъ изъ Спа, постоянно у меня на столѣ вмѣстѣ съ его античными барельефами» [2]).

Въ январѣ 1781 года Гриммъ опять сообщаетъ слѣдующія извѣстія объ Орловѣ: «У насъ нѣсколько дней гостилъ здѣсь князь Орловъ, который поѣхалъ провести лѣто въ южныя провинціи. Онъ

---

[1]) Письма Гримма 87.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 193.

по обычаю и обязанности сдѣлалъ только два визита: первый Дидероту, второй мнѣ. Онъ былъ у меня въ самый день появленія ангела Принчипати[1]); я былъ еще очень боленъ, но императорская грамота находилась въ моемъ карманѣ. Я далъ ему выписку того мѣста, которое касалось его табакерки, и очень возгордился тѣмъ, что исполнилъ приказаніе августѣйшей моей покровительницы относительно князя генералъ-фельдцейхмейстера. Я нашелъ, что здоровье его лучше, чѣмъ я полагалъ; напротивъ, княгиня жалуется, что очень больна, хотя этого и не замѣтно. Я думаю, что еслибъ они оба захотѣли отказаться отъ лѣкарствъ и шарлатановъ, то были бы здоровы; но княгиня воображаетъ, что лѣкарства помогутъ ей произвести на свѣтъ маленькаго князя Орлова. Князь обѣщалъ мнѣ пріѣхать опять будущимъ лѣтомъ, повидавшись съ лѣкаремъ-крестьяниномъ, швейцарцемъ Мишелемъ. Я спросилъ его, какъ не стыдно путешествовать отъ шарлатана къ шарлатану»[2]).

«Если князь Орловъ въ Парижѣ», отвѣчала государыня, «то поклонитесь ему отъ меня и скажите, чтобъ онъ по возвращеніи сюда привезъ маленькаго князя Орлова видимаго или невидимаго; по газетамъ, докторъ его Мишель умеръ»[3]).

Въ іюлѣ того же года Гриммъ пишетъ: «Если князь Орловъ не зналъ графа Каліостро въ Россіи, я смѣлъ бы почти льститься надеждою видѣть его въ Парижѣ въ погонѣ за графомъ, какъ за неутомимымъ охотникомъ до шарлатановъ. До сихъ поръ, насколько я знаю, князь или, лучше, княгиня бѣгаютъ за здоровьемъ и плодородіемъ по Швейцаріи, и въ этомъ вѣкѣ безвѣрія, — отребьи всѣхъ вѣковъ, — уже не вѣрою въ разныя священныя и мірскія чудеса пріобрѣтается потомство; это обыкновенно случается, когда о томъ не думаютъ, и безпрестанно объ этомъ думать есть весьма худое средство достигнуть желаемаго»[4]).

На это Екатерина отвѣчаетъ приведеннымъ ранѣе мѣстомъ:

---

[1]) Одинъ изъ курьеровъ.
[2]) Письма Гримма 100, 101.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 198.
[4]) Письма Гримма 187.

что князь Орловъ, противъ своего обыкновенія, вовсе не былъ почитателемъ Каліостро (см. стр. 56), и въ этомъ же письмѣ она освѣдомляется о здоровьи князя: «Если вамъ что-нибудь извѣстно о здоровьи князя или княгини, прошу васъ написать мнѣ объ этомъ: графъ Алексѣй и старшій братъ его поѣхали въ Лозанну и здѣсь увѣряютъ, будто онъ очень боленъ» [1]). Въ августѣ того же 1781 г. Гриммъ сообщаетъ: «Узнаю, что князь Орловъ послѣ своего несчастія [2]) направился въ Петербургъ, а графы Иванъ и Алексѣй выѣхали ему навстрѣчу» [3]). Въ сентябрѣ государыня извѣщаетъ о ихъ возвращеніи въ Петербургъ.

Черезъ годъ, въ ноябрѣ 1782 года, государыня писала: «Кромѣ всѣхъ трудовъ я еще до смерти огорчена состояніемъ князя Орлова. Онъ ѣздилъ на царицынскія воды [4]) и только что началъ употреблять ихъ, какъ у него обнаружились припадки умственнаго разстройства; послѣ лѣченья водами онъ вернулся въ Москву. Тамъ онъ нашелъ способъ ускользнуть отъ надзора своихъ братьевъ; они успѣли обогнать его лишь на нѣсколько часовъ: онъ пріѣхалъ сюда и я видѣлась съ нимъ три раза. Онъ кротокъ и тихъ, но слабъ, и мысли у него не вяжутся, сохранилась только непоколебимая привязанность ко мнѣ. Представьте себѣ все что я вынесла, увидѣвъ его въ этомъ положеніи; теперь онъ въ постели, и полагаютъ, что его разстройство есть слѣдствіе удара, и, стало-быть, не остается никакой надежды на выздоровленіе» [5]).

Январь 1783: «Князю Орлову все хуже и онъ ужъ подъ опекою своихъ братьевъ» [6]). 20-е апрѣля того же года, изъ Царскаго Села: «Пріѣхавъ сюда, я узнала прискорбное извѣстіе о смерти князя Орлова, скончавшагося въ Москвѣ ночью съ 12-го

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 211.

[2]) Смерти жены.

[3]) Письма Гримма 233.

[4]) Царицынскія воды были въ большой модѣ при Екатеринѣ; она сама сбиралась не разъ туда ѣхать и старалась видимо поднятіемъ этого мѣста для лѣченья противодѣйствовать стремленію Русскихъ на заграничныя воды.

[5]) *Сб. И. О.* XXIII, 252.

[6]) 267.

на 13-е этого мѣсяца. Хотя я и очень была подготовлена къ этому горестному для меня событію, увѣряю васъ, что я испытываю живѣйшую печаль; я теряю въ немъ друга и человѣка, которому обязана величайшей признательностью, такъ какъ онъ оказалъ мнѣ самыя существенныя услуги. Что бы мнѣ ни говорили и что бы я сама ни говорила себѣ въ подобномъ случаѣ, одни рыданія мои служатъ отвѣтомъ на все это, и я жестоко страдаю съ той минуты, какъ пришло это роковое извѣстіе; только работа развлекаетъ меня, а такъ какъ со мною нѣтъ еще моихъ бумагъ, то я пишу вамъ, чтобъ облегчить себя. Генералъ Ланской выбивается изъ силъ, чтобъ помогать мнѣ переносить это горе, но это меня только еще болѣе растрогиваетъ. Есть что-то странное въ этой смерти князя Орлова: именно, что графъ Панинъ умеръ недѣли двѣ ранѣе его [1]), и что одинъ не зналъ, а другой не могъ знать о смерти другого. Эти два человѣка, постоянно противоположныхъ мнѣній, не любившіе другъ друга, очень удивятся, свидясь на томъ свѣтѣ. Правда, что вода и огонь не столько представляютъ различія, сколько эти люди. Я долгіе годы жила съ этими двумя совѣтниками, наѣвавшими мнѣ съ двухъ сторонъ, каждый свое, и однако дѣла шли и шли большимъ ходомъ. За то, часто была я вынуждена поступать, какъ Александръ — съ Гордіевымъ узломъ, и тогда мнѣнія приходили къ соглашенію. Смѣлость ума одного и умѣренная осторожность другого и ваша покорная слуга выступающая курцъ-галопомъ между ними придавали изящество и мягкость дѣламъ величайшей важности. Вы скажете мнѣ: — какъ теперь быть? — На это я вамъ отвѣчу: какъ сможемъ. — Всякая страна способна доставлять людей, необходимыхъ для дѣла, и такъ какъ все на этомъ свѣтѣ есть дѣло человѣческое, то люди, стало-быть, могутъ и съ этимъ управиться. Геній князя Орлова былъ очень обширенъ; его мужество было верхомъ мужества. Въ минуту самую рѣшительную ему приходило въ голову именно то, что могло направить

[1]) 31 марта 1783 г.

дѣло въ ту сторону, куда онъ хотѣлъ его обратить, и въ эту минуту онъ проявлялъ такую силу краснорѣчія, противъ которой никто не могъ устоять, потому что оно озадачивало умы, и только онъ одинъ никогда не терялся. Но при этихъ великихъ качествахъ, ему недоставало послѣдовательности въ томъ, что ему казалось не стоящимъ вниманія, а онъ только немногіе предметы удостоивалъ своего вниманія или, лучше сказать, труда, потому что вниманіе было для него трудомъ; отъ этого онъ часто казался небрежнымъ и презрительнымъ, гораздо болѣе чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Природа избаловала его, и, на все, что не мгновенно приходило ему въ голову, онъ былъ лѣнивъ. Графъ Панинъ былъ отъ природы лѣнивъ, и обладалъ искуствомъ выдавать эту лѣность за обдуманную осторожность; отъ природы онъ не былъ ни такъ добръ, ни такъ прямодушенъ какъ князь Орловъ; но онъ больше жилъ между людьми и лучше умѣлъ скрывать свои недостатки и свои пороки, а они у него были великіе» [1]).

Въ іюнѣ того же года государыня писала изъ Царскаго же Села: «Мнѣ очень нуженъ былъ отдыхъ послѣ всѣхъ горестей, которыя я испытала отъ понесенныхъ потерь [2]): съ 14 октября я не имѣла ни минуты покоя, и потеря князя Орлова уложила меня въ постель съ такою сильной лихорадкой и такимъ бредомъ ночью, что мнѣ должны были пустить кровь 1-го мая въ двѣнадцать часовъ. Я не говорю съ вами о вашей потерѣ [3]), потому что не надо питать грустныхъ мыслей и безпрестанно возвращаться къ нимъ. Будьте увѣрены, что я раздѣляла ваше горе, такъ же какъ я убѣждена, что вы раздѣляли мое. Каково здоровье Эмиліи? Гдѣ она? Баста» [4]).

21 сентября: «Не только не нахожу что́ возразить противъ вашего царапанья, но меня очень радуетъ ваше довѣріе ко мнѣ,

---

[1]) 274, 275.

[2]) Князя Орлова и генерала Бауера, еще за годъ слишкомъ до смерти Ланскаго.

[3]) Госпожи д'Эпинэ.

[4]) 279.

и я искренно раздѣляю вашу горесть, такъ же какъ и вы раздѣляли мою по поводу невознаградимыхъ утратъ князя Орлова и генерала Бауэра, мною понесенныхъ. Я не могу вспомнить о нихъ, чтобъ не залиться слезами. Я сдѣлала уговоръ съ королемъ шведскимъ, еще до отъѣзда въ Фридрихсгамъ, чтобъ онъ со мной не говорилъ о нихъ»[1]).

Года три спустя, государыня хлопочетъ о томъ, чтобъ получить изъ рукъ родственниковъ Орлова хорошій портретъ его и пишетъ Гримму: «Но гдѣ же я достану этотъ портретъ князя Орлова, съ котораго вы имѣете копію; онъ можетъ быть только въ рукахъ его братьевъ, но у котораго? Кто-то изъ нихъ живетъ въ окрестностяхъ Саратова. Вещи въ Москвѣ подъ ключемъ; какъ достать ихъ? Это возьметъ время. Надо будетъ здѣсь снять съ него копію. Вообразите, какія хлопоты!» [2]).

О братьяхъ Орловыхъ, Алексѣѣ и Федорѣ, упоминается нѣсколько разъ только вскользь. Эти мѣста уже были приведены нами: о первомъ по поводу его дружбы съ Кириллой, а о второмъ по случаю участія, выказаннаго имъ къ горести императрицы послѣ смерти Ланского. Объ участіи его и многихъ другихъ приближенныхъ при этомъ случаѣ государыня говоритъ такъ: «Какъ вы видите, я не умерла, что́ бы тамъ ни говорили газеты. Не осталось и никакихъ слѣдовъ моей болѣзни, только я до сихъ поръ была существомъ неодушевленнымъ, прозябавшимъ, неподвижнымъ; но въ это время я увидѣла и узнала, сколько у меня истинныхъ друзей и часто ихъ дружба была мнѣ въ тягость. Однако многое сумѣли они обратить мнѣ на пользу, и, право, это ужъ не малая заслуга. Баста: вотъ все, что я хотѣла вамъ сказать» [3]).

Генералъ-инженеръ Федоръ Васильевичъ Бауэръ (1731—1783 г.), умершій почти въ одно время съ княземъ Орловымъ, служилъ въ арміи Фридриха Великаго, въ 1769 г. былъ пригла-

[1]) 285.
[2]) 380.
[3]) 326.

шенъ Екатериною II въ русскую службу и въ званіи генералъ-квартирмейстра со славою участвовалъ въ первой Турецкой войнѣ. По заключеніи мира онъ занимался устройствомъ водяныхъ сообщеній въ С.-Петербургской и смежныхъ губерніяхъ, и ему Москва обязана Мытищенской водой. Онъ же строилъ въ Петербургѣ Большой театръ, открытый въ 1783 году, и государыня говоритъ въ ноябрѣ 1782. «Бауэръ окончилъ Большой театръ и готовился дать ему видъ и форму, которые были бы по вкусу и мнѣ и публикѣ; вмѣсто того онъ въ постели вотъ ужъ три мѣсяца, и Богъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ»[1]). Какъ высоко она цѣнила его, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ переписки по поводу его болѣзни. 15 ноября 1782: «Многострадальный, надо чтобъ ты зналъ мои радости, такъ же какъ и печали: сегодня утромъ я получила извѣстіе, что графъ и графиня Сѣверные пріѣхали 12-го этого мѣсяца въ Ригу; только что я прочла ихъ письмо, какъ мнѣ приносятъ письмо генерала Бауэра, больного и очень больного здѣсь, съ начала августа мѣсяца. Вчера, почитая себя умирающимъ, онъ написалъ мнѣ письмо до того трогательное, что кажется камень прослезился бы, и вотъ я плачу и рыдаю отъ страха потерять этого вѣрнаго слугу. Онъ одаренъ геніальными способностями и я за него охотно отдала бы болѣе десятка глупцовъ, лишь бы не мнѣ пришлось выбирать ихъ. Является Роджерсонъ и докладываетъ мнѣ, что ему не такъ худо. О! онъ пришелъ кстати: я сказала ему, что ни одинъ докторъ не умѣетъ вылѣчить даже отъ укушенія клопа, и жестоко отдѣлала весь факультетъ, который не въ состояніи никого вылѣчить, хотя они по три мѣсяца держатъ людей въ постели. Я успокоилась только, когда онъ сознался, что онъ и вся его братія невѣжды, никого не умѣющіе вылѣчить. Смягчившись отъ этой истины, я сказала: — довольно, идите! и принялась писать многострадальному, чтобъ облегчить себя. Между-прочимъ имѣю вамъ сказать, чтобъ вы не умирали, чтобъ вы были здоровы, потому что почти ужъ мѣсяцъ,

[1]) 256.

какъ я мучусь бѣдами и болѣзнями людей, въ которыхъ принимаю участіе»[1]). Въ тетради писемъ къ Гримму сохранился и списокъ со слѣдующаго собственноручнаго письма императрицы къ Бауэру, писаннаго въ тотъ же день, какъ она получила его письмо:

«Господинъ генералъ Бауэръ! Я утвердила распоряженія, которыя вы, какъ добрый мужъ и добрый отецъ, сочли нужнымъ сдѣлать. Отъ всей души желаю, чтобъ это осталось только предосторожностью; молю Небо насколько можно удалить и отодвинуть эту минуту. Мнѣ было бы въ высшей степени горестно лишиться такъ рано вашей вѣрной службы, которую я цѣню вмѣстѣ съ вашими дарованіями такъ высоко, какъ только можетъ внушить истинное достоинство. Будьте увѣрены, что я сочту счастливой минутой ту, когда увижу васъ въ совершенномъ здоровьи; не сомнѣвайтесь, что я во всякомъ случаѣ оправдаю довѣріе, которое вы мнѣ всегда оказывали. Екатерина. Сего 15 ноября 1782 г.»[2]).

Въ январѣ 1783: «Генералъ Бауэръ плохо поправляется, а я обременена работой и разстроена болѣзнью людей, которыхъ люблю и уважаю. Итакъ не надо хворать; кто имѣетъ уши, пусть слышитъ. Слышите ли вы»?[3])

Незадолго до смерти Бауэра, императрица написала ему еще письмо, копію съ котораго Гриммъ пожелалъ имѣть, и генералъ Ланской долго отыскивалъ его въ бумагахъ императрицы. Оно также сохранилось между письмами ея къ Гримму. Вотъ оно: «Господинъ генералъ Бауэръ. Я только что получила ваше письмо и сочиненіе о дорогахъ, присланное вами. Предоставляю себѣ подробнѣе отвѣчать вамъ, когда прочту сочиненіе. Но меня удивляетъ, что вы работаете такъ усидчиво, выдержавъ такую сильную болѣзнь. Вы знаете, какое я принимаю участіе въ вашемъ здоровьи, и весьма серьёзно прошу васъ беречь себя, чтобъ

[1]) 253.
[2]) Тамъ же.
[3]) 267.

вполнѣ поправиться. Признаюсь, что я очень обрадовалась, увидѣвъ вашу подпись. Желаю имѣть удовольствіе видѣть васъ совершенно выздоровѣвшимъ. Прощайте. Въ 5 часовъ сего 18 января». Но Бауэръ вскорѣ послѣ того скончался и въ мартѣ государыня пишетъ: «Я была очень опечалена смертью генерала Бауэра. Я проклинаю докторовъ, хирурговъ и весь факультетъ. Они еще уморили мнѣ одного человѣка, который былъ при мнѣ тридцать-три года [1]); наконецъ я не кончила бы, еслибъ разсказала вамъ, сколько горя они причинили мнѣ въ этомъ году».

Свое нерасположеніе къ докторамъ государыня вскорѣ опять высказывала такъ: «Но послушайте, не надо быть больнымъ, а ужъ если заболѣли, то вы хорошо дѣлаете, когда стараетесь освободиться отъ болѣзни, какъ я, не прибавляя къ ней еще другого зла, то есть доктора. Зло и — докторъ у меня сдѣлались синонимами. Эти жалкіе люди много разъ морили меня, но никого не вылѣчивали. У меня, два мѣсяца тому назадъ, чуть не сдѣлалась горячка. Недѣлю я пролежала въ постели, но ни одинъ эскулапъ не переступилъ моего порога» [2]).

Уже и ранѣе этого, съ самаго начала переписки, разсѣяны разныя выходки противъ докторовъ, которыхъ Екатерина вообще весьма не жаловала; такъ напр. она говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Доктора, какъ и авгуры должны бы при всякой встрѣчѣ другъ съ другомъ смѣяться надъ своимъ невѣжествомъ и надъ легковѣріемъ людскимъ» [3]).

20 сентября 1783: «Мнѣ очень прискорбно, что этотъ годъ былъ для васъ такимъ же роковымъ, какъ и для меня. У меня былп

---

[1]) 268. Это сказано вѣроятно по поводу смерти камердинера императрицы Брозинскаго, про котораго она позже пишетъ Гримму: «Потеря Брозинскаго незамѣнима; это былъ умный и достойный человѣкъ; когда я бывало прочитаю хорошую книгу, то ему даю прочесть ее; никогда никто мнѣ такъ не служилъ, какъ этотъ человѣкъ; потому я считала потерю его — одною изъ самыхъ тяжкихъ. Но мнѣ не нравится то, что вы мнѣ говорите по этому поводу; и потому избавьте меня отъ труда отвѣчать на это». См. стр. 383.

[2]) 276.

[3]) 165.

то болѣзни, то горести попеременно; всѣ, къ кому я чувствовала расположеніе, не разъ доставляли мнѣ безпокойство. Среди лѣтней жары я сама схватила такой кашель, что чуть не впала въ чахотку. Князь Потемкинъ былъ при смерти, генералъ Ланской чуть не сломилъ себѣ шею. При такихъ прекрасныхъ предзнаменованіяхъ родилась Александра Павловна. . . . Еще угрожаетъ мнѣ потеря фельдмаршала князя Голицына, котораго состояніе здоровья мнѣ вовсе не нравится. Онъ хорошій, честный человѣкъ, и я къ нему привыкла, я его люблю и уважаю» [1]). И въ самомъ дѣлѣ ровно черезъ мѣсяцъ мы читаемъ: «Фельдмаршалъ, князь (Александръ Михайловичъ) Голицынъ, скончался вчера; вотъ еще новая потеря, очень для меня чувствительная». . . [2]).

Въ томъ же 1783 году умерли оба знаменитые ученые, Эйлеръ и Миллеръ: первый 7 сентября, а второй 4 октября, и о нихъ упоминается такъ: «Мы только что потеряли великаго Эйлера; исторіографъ Мюллеръ тоже умеръ» [3]). Такимъ образомъ съ полнымъ правомъ императрица называла этотъ годъ роковымъ для себя и говорила: «Пока дѣла Тавриды [4]) устроивались, я очень принимала къ сердцу ваши огорченія. 1783 годъ, если взять его въ цѣлости, былъ и для меня и для васъ несчастливымъ годомъ. Вообще я замѣтила, что величайшія горести являлись у меня рядомъ съ событіями радостными и славными. Госпожа Таврида стоила мнѣ много слезъ тѣми утратами, которыя я претерпѣла или которыя мнѣ угрожали» [5]). Это было сказано ровно за годъ до смерти Ланского.

Вскорѣ послѣ смерти Бауэра государыня, извѣщая Гримма о пріѣздѣ доктора Вейкарда, прибавляетъ: «Я видѣла также другого новопріѣзжаго родственника, друга и школьнаго товарища покойнаго генерала Бауэра. Его имя — Канкренусъ. Мы искусно

---

[1]) 283.
[2]) 289.
[3]) 288.
[4]) Присоединеніе Крыма.
[5]) 302.

похитили этого — для нашихъ соляныхъ копей, изъ стороны Аншпаха. Ахъ, сколько въ Германіи въ эту минуту людей замѣчательныхъ, и какъ хорошо оттуда черпать!» [1])! Этотъ Канкренусъ былъ отецъ знаменитаго впослѣдствіи министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкрина. Изъ этого отзыва видно, что не только высокіе и безпристрастные умы и выдающіеся таланты въ Европѣ пользовались признаніемъ и горячимъ сочувствіемъ Екатерины, которая имъ благотворила, но она не пренебрегала иногда вызывать и въ Россію иностранцевъ, подобныхъ генералу Бауэру, вышеупомянутому Канкренусу, Ангальту и пр., ставя имъ однако въ первую обязанность безкорыстно и вѣрно служить своему новому отечеству. Даже, говоря о самой себѣ какъ государынѣ иностраннаго происхожденія, она въ предисловіи своемъ къ «Запискамъ» о русской исторіи выражаетъ слѣдующую замѣчательную мысль: *„Собиратель сихъ записокъ не въ числѣ змѣй вскормленныхъ за пазухой“*.

Мнѣніе государыни объ оберъ-камергерѣ И. И. Шуваловѣ мы уже приводили, говоря о художествахъ. Его нерѣшительный характеръ совсѣмъ не подходилъ къ свойствамъ и вкусамъ императрицы, отчего она всегда говорила о немъ съ нѣкоторой ироніей и часто надъ нимъ подсмѣивалась, хотя Шуваловъ видимо старался угождать ей и быть пріятнымъ. Такъ по возвращеніи его изъ за границы, въ 1777 году, государыня пишетъ: «Знаете ли, что я совсѣмъ возгордилась съ тѣхъ поръ какъ Шуваловъ, вернувшись изъ чужихъ краевъ, сказалъ мнѣ, что итальянскіе художники вовсе не затруднены дѣлать мой профиль, что они просто берутъ бюстъ, медальйонъ или медаль Александра (Македонскаго) и производятъ изображеніе весьма на меня похожее; есть камей, сдѣланный такимъ образомъ, который всѣ охотники до моей физіономіи хотятъ скопировать. Этотъ случай заставляетъ меня пріосаниться» [2]).

---

[1]) 300.
[2]) 70.

Въ другой разъ императрица пишетъ, что Шуваловъ хвалитъ записку о ея царствованіи и находитъ, что это вещь академическая. Но это не мѣшало ей находить его медлительнымъ и лишеннымъ вкуса въ художествахъ, а позже преданнымъ ханжеству подъ вліяніемъ святоши — иностранца графа Карамана.

О его безвкусіи государыня говоритъ такъ: «Это оберъ-камергеръ распускаетъ слухи, что Рейфенштейнъ будто все покупаетъ дорого, потому что онъ, оберъ-камергеръ, никогда ничего не покупаетъ кромѣ дряни, но за то дешево. И эту дрянь онъ пробовалъ выдавать намъ за превосходныя вещи. Удивительно впрочемъ, какъ, проведя столько лѣтъ въ Римѣ, онъ такъ мало образовалъ свой вкусъ и пониманіе. Знайте, что онъ въ дружбѣ съ тремя, четырьмя старыми герцогинями, которымъ онъ разсказываетъ эти жалкія вещи»[1]).

О ханжествѣ его мы приводили выписки и прежде. Вотъ еще подобные же отзывы: 1 іюля 1779 г. изъ Петергофа: «Г. оберъ-камергеръ поѣхалъ въ Москву, а по дорогѣ заѣзжалъ на всѣ богомолья. Онъ молился день и ночь до истощенія силъ; онъ блѣденъ и изнеможенъ, непонятно отчего, а при этомъ ему хочется поддержать прежнюю репутацію любезности и еще Богъ знаетъ чего, а втихомолку онъ себя въ этомъ упрекаетъ. Все это заставляетъ вздыхать и дѣлаетъ насъ болѣе чѣмъ когда-нибудь нерѣшительными. Право, страдаешь за него, когда его видишь»[2]). «Если хотите, рядомъ съ той кафедрой, которую вы мнѣ совѣтуете создать, я хочу основать кафедру науки нерѣшительности, гораздо болѣе мнѣ свойственной чѣмъ думаютъ, а первымъ профессоромъ ея по справедливости будетъ оберъ-камергеръ[3])... Онъ заказываетъ въ Римѣ вкривь и вкось, тогда какъ его самого здѣсь нѣтъ и онъ пасетъ гусей въ одномъ изъ имѣній сестры въ Калужской губерніи за двѣсти верстъ отъ Москвы по дорогѣ въ Украйну»[4])

---

[1]) 209.
[2]) 146.
[3]) 153.
[4]) 162.

Вскорѣ послѣ того, въ январѣ, государыня возвѣщаетъ его возвращеніе: «Г. оберъ-камергеръ вернулся по этому холоду изъ Москвы блаженнымъ и несчастнымъ и являлся ко мнѣ съ комедіями г-жи Жанлисъ подъ мышкой: это было ужъ совершенно противоположно Тартюфу» [1]).

Генералъ-прокуроръ, князь А. А. Вяземскій, какъ управлявшій государственными доходами, былъ для Екатерины источникомъ тѣхъ средствъ, которыя требовались для заказовъ и различныхъ порученій Гримму. Поэтому онъ очень часто упоминается въ перепискѣ и, замышляя о какомъ-нибудь новомъ пріобрѣтеніи, государыня подшучиваетъ насчетъ впечатлѣнія, которое этотъ сюрпризъ произведетъ на генералъ-прокурора. «Я очень соблазняюсь рѣзными камнями бальи де-Бретэля. . . Я подстерегу добрую минутку у Олсуфьева или генералъ-прокурора, чтобъ предложить имъ эту покупку. Напримѣръ, первому я предложу ее къ моимъ именинамъ, когда онъ мнѣ покупаетъ всегда какую-нибудь дрянную тряпку» [2]).

На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Какъ только князь Барятинскій уѣдетъ, я примусь за переговоры о кабинетѣ рѣзныхъ камней бальи де-Бретэля, который только что возвратился съ водъ. Я полагаю, что генералъ-прокуроръ или г. Олсуфьевъ не прочь купить маленкій букетъ императрицѣ ко дню ея именинъ. Она заслуживаетъ хоть время отъ времени маленькаго подарочка и при этомъ нельзя сказать: у меня нѣтъ денегъ; а надо знать сначала, сто́итъ ли подарокъ тѣхъ денегъ» [3]). «Я совершенно покоенъ, что г. Олсуфьевъ и г. генералъ-прокуроръ настроены такъ же какъ и я, и весьма расположены поднести императрицѣ на ея деньги подарки, ею заслуженные» [4]).

Когда италіянскій банкиръ Сантини дѣлаетъ выдачи Рейфен-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 167.
[2]) 178.
[3]) Письма Гримма 42.
[4]) Тамъ же 60, 61.

штейну на покупки, она велитъ ему адресовать всѣ счеты къ князю Вяземскому или Безбородкѣ, прибавляя, что эти господа лучшіе плательщики какихъ она знаетъ и дѣлая замѣчаніе, что князь Вяземскій любитъ во всѣмъ опредѣленность [1]).

Въ 1782 г. государыня пишетъ къ Гримму: «Генералъ-прокуроръ только что открылъ вамъ новый кредитъ на 25 тысячъ рублей и въ первый разъ, какъ я его увижу, я предложу ему, чтобъ онъ вамъ открылъ кредитъ неограниченный. Но это слово навѣрно будетъ ему стóить припадка удушья, и несмотря на все мое вліяніе на него, мнѣ не добиться этого безъ особаго моего повелѣнія; у него же сдѣлается біеніе сердца, которое, какъ я опасаюсь, увеличитъ его начинающуюся одышку, а вы согласны со мною, что необходимо беречь здоровье человѣка, который, кромѣ другихъ своихъ хорошихъ и почтенныхъ качествъ, имѣетъ еще и то, что у него всегда находятся готовыя деньги на всевозможныя непредвидѣнные случаи, да еще для такого поглотителя и мота какъ я» [2]). Въ апрѣлѣ 1783 г.: «Г. генералъ-прокуроръ будетъ менѣе чѣмъ когда-либо страдать удушьемъ, потому что я ему доставлю на этихъ дняхъ маленькое денежное подкрѣпленіе, противъ своей обыкновенной привычки давать глотать эти послѣднія 8 лѣтъ одни слабительныя» [3]). Въ октябрѣ 1785: «Что касается до г. генералъ-прокурора, то онъ не жалуется теперь ни на какія выдачи: онъ такъ привыкъ къ нимъ, что въ настоящую минуту даетъ самымъ любезнымъ образомъ и часто самъ подаетъ проекты, могущіе способствовать опустошенію его кассъ. Но на это есть маленькая причина — та, что средства его увеличились немножечко, а затрудненія уменьшились, потому что мы склонны считать себя чрезвычайно благоразумными и всѣ царапины злорѣчиваго пера многострадальнаго нисколько не задѣваютъ и не огорчаютъ насъ. Надо давать ему

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 194, 200.
[2]) 236, 237.
[3]) 277.

свободу говорить и выражать свое мнѣніе, какъ городу Москвѣ, и пусть таки онъ идетъ своей дорогой»[1]).

Это не мѣшаетъ однако Екатеринѣ, дѣлая свои заказы Гримму, не разъ повторятъ ему: «постарайтесь купить какъ можно дешевле, чтобъ не увеличить удушье князя Вяземскаго»[2]).

Хотя мы не можемъ знать, какой именно выходкой Гримма было вызвано замѣчаніе государыни о его злорѣчивомъ перѣ, потому что письма его за этотъ годъ не сохранились, но можно привести здѣсь другое мѣсто по поводу ея заграничныхъ покупокъ, которое доказываетъ, что Гриммъ любилъ иногда пересыпать свои шутки довольно грубоватой солью, перемѣшивая её и съ тонкой лестью, чтобъ смягчить впечатлѣніе.

«Со всѣми добрыми и вѣрными слугами вашего величества радуюсь отъ глубины души мужественной рѣшимости, принятой императрицею болѣе ничего не покупать. Когда я увидѣлъ, что она отказывается отъ Корреджіо, я сказалъ: о, на сей разъ это ужъ вѣрно; немедленно я сталъ на колѣни, чтобъ благодарить Небо, я три раза перекрестился, и воскликнулъ: Боже, поддержи Свою Помазанницу въ такихъ назидательныхъ, христіанскихъ чувствахъ, и это сдѣлаетъ Тебѣ великую честь. Правда, что я былъ немножко сконфуженъ, замѣтивъ между первыми и послѣдними листками божественной грамоты, то есть менѣе нежели въ мѣсяцъ, большую разницу, потому что, послѣ рѣшительныхъ словъ: Я болѣе ничего не покупаю, — съ нѣкоторымъ удивленіемъ читаешь: — Надо, чтобъ божественный скорѣе прислалъ то и другое, — и затѣмъ слѣдуетъ нескончаемый списокъ. И я еще простерся и сказалъ: Господи, Робинъ помнитъ свою дудку; подумаешь, что рѣшенія Твоей Помазанницы шатки, и это не сдѣлаетъ тебѣ большой чести[3]). Что до меня, бѣдняка, мое дѣло только повиноваться. Если я не напишу тотчасъ божественному, если онъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 365.

[2]) 396.

[3]) Читатель долженъ помнить, что эта легкомысленная шутка выходитъ изъ устъ энциклопедиста XVIII вѣка.

не поспѣшитъ притти на помощь къ Твоей помазанницѣ, она будетъ упрекать меня, что я подвергъ опасности дни ея, что я не захотѣлъ спасти ей жизнь, и разумное мое противодѣйствіе сдѣлаетъ меня пугаломъ для всего моего вѣка. Да, Господи, это слишкомъ дорого обойдется. Ты хвалишься круглый годъ, что держишь сердца королей и императрицъ въ рукѣ Своей; это Твое дѣло, выпутывайся изъ этого какъ Тебѣ угодно; я умываю себѣ въ томъ руки. Послѣ этой набожной и усердной молитвы, я скажу вашему величеству, что безполезно, взявъ доброе и твердое намѣреніе, кричать во всю мочь: — я болѣе ничего не покупаю. — Это слишкомъ похоже на трусовъ, которые поютъ ночью на улицахъ, чтобъ доказать, что они не боятся, или лучше изъ боязни, что струсятъ. Слѣдуетъ только сказать положительно и искреннно: многострадальный, охота покупать у меня прошла; я забавляюсь только тѣмъ, что царствую, дѣлаю свои народы счастливыми и воспитываю имъ маленькаго Александра въ хлопочкахъ для той же цѣли; итакъ мнѣ ничего не нужно. А я на это отвѣчаю: вотъ тутъ-то лучшая минута, чтобъ дѣлать предложенія императрицѣ, потому что она наотрѣзъ откажется и мы одержимъ побѣду: г. генералъ-прокуроръ, мудрость и я, и императрица будетъ намъ за то безконечно благодарна, потому что послѣ побѣды она скажетъ: однако я сама не поддалась искушенію; я героиня, не только когда ношу императорскую корону на головѣ: я остаюсь такова и въ шлафрокѣ и это очень граціозно; и тотъ кто сказалъ, что никто не герой для своего камердинера, солгалъ. Стало-быть, чтобъ доставить вашему величеству такое постоянное довольство собою и славу мнѣ отказывать, я всегда буду дѣлать вамъ кой-какія маленькія предложенія» [1]).

Знатные Русскіе, пребывавшіе въ Парижѣ, не только были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Гриммомъ, но въ торжественные дни рожденія, тезоименитства и восшествія на престолъ государыни онъ приглашалъ къ себѣ ихъ молодежь, сверстниковъ Эмиліи Бель-

[1]) Письма Гримма 189, 190, 191.

зѣнсъ, удостоенной отъ государыни фрейлинскаго шифра, и такъ описывалъ эти празднества: «Мы празднуемъ всѣ праздники императрицы. Всѣ маленькія удовольствія, даже всѣ забавы относимъ мы къ императрицѣ. Былъ прелестный балъ въ домѣ многострадальнаго. И вся русская молодёжь блистала на немъ. Шуваловы, Строгоновы, Салтыковы, Чернышевы, и къ концу бала явилась княгиня Дашкова въ сопровожденіи своего сына и дочери» [1]).

Въ апрѣлѣ того же 1781 года ко дню рожденья государыни Гриммъ пишетъ: «Если эта грамота придетъ въ должную минуту, она напомнитъ вашему императорскому величеству, что въ то время, когда пожеланія цѣлой Россіи раздаются на улицахъ, въ воздухѣ, въ императорскомъ дворцѣ,—лачуга многострадальнаго вся перевернута вверхъ дномъ; всѣ дѣвчонки засуетились по поводу торжественнаго дня. Всѣ эти дѣвчонки съ каждымъ годомъ понемножку перестаютъ быть дѣвчонками; онѣ выходятъ замужъ одна за другой подъ носомъ многострадальнаго; но это не отнимаетъ у нихъ охоту чествовать ту, имя которой чтится отъ береговъ Невы за предѣлы теченія рѣки Амазонской: это только налагаетъ на нихъ долгъ произвести другихъ дѣвчонокъ, чтобъ передать имъ обычай праздновать 2-е мая изъ рода въ родъ. Зная, какой шумъ онѣ произведутъ у меня, я желалъ бы очутиться за восемьсотъ льё отсюда, какъ напримѣръ въ Петербургѣ въ свитѣ г. Александра, въ качествѣ носителя его верхняго платья, или носителя *шлейфа*, когда онъ въ парадной формѣ пойдетъ привѣтствовать императрицу. Вотъ съ чѣмъ я на худой конецъ весьма охотно бы примирился; но г. Александръ говоритъ, что онъ пойдетъ къ императрицѣ и безъ носителя верхняго платья, и отсылаетъ меня стеречь верхнее платье моихъ дѣвчонокъ» [2]).

Въ іюнѣ того же года Гриммъ собирается праздновать въ Спа восшествіе на престолъ, и пишетъ: «Мы не на шутку те-

---

[1]) Письма Гримма 125, 126.
[2]) Тамъ же 136, 137.

ряемъ все племя Шуваловыхъ: они возвращаются прямо въ Петербургъ. Совѣтую вашему величеству имѣть большое уваженіе къ своему многострадальному. Это единственный человѣкъ во Франціи, къ которому княгиня Дашкова удостоила взять рекомендательное письмо изъ Англіи. Правда, она надѣется, что я скажу много хорошаго о ея дѣтяхъ передъ царскимъ треножникомъ, и въ самомъ дѣлѣ ея дѣти заслужили всеобщее одобреніе. Ея сынъ, кажется, очень воспользовался своимъ долгимъ пребываніемъ въ Шотландіи, и я всегда очень радъ, когда могу сказать что-нибудь хорошее о комъ-либо изъ подданныхъ вашего величества»[1]).

На это государыня отвѣчаетъ: «Я очень довольна, что вы хорошо отзываетесь о сынѣ княгини Дашковой; я всегда интересовалась этимъ ребенкомъ, потому что мнѣ казалось, что у него очень доброе сердце»[2]).

Замѣчательно еще одно мѣсто изъ писемъ Гримма, касающееся русскихъ путешественниковъ въ Парижѣ и той репутаціи, которую они пріобрѣли за границей вслѣдствіе своихъ займовъ и неаккуратныхъ платежей своимъ кредиторамъ:

«Мнѣ стóитъ большаго усилія надъ собой начать съ вашимъ величествомъ разговоръ объ одномъ щекотливожъ дѣлѣ, которое вовсе меня лично не касается. Но послѣ того, что я 18 мѣсяцевъ избѣгалъ вмѣшательства въ него, я расчелъ, что сами заинтересованныя стороны будутъ мнѣ благодарны, если я доведу это дѣло до свѣдѣнія вашего величества, чтó гораздо лучше, нежели допустить, чтобы оно дошло до васъ посредствомъ мемуара, который хотѣли представить по этому случаю г-ну Верженну. Только увидѣвъ, что такое рѣшеніе близко къ исполненію, я остановилъ его, сказавъ, что беру на себя это дѣло. Ваше величество знаете, можетъ-быть, съ какою заботливостью и даже съ какими издержками 84 лѣтній маршалъ герцогъ Бирон принимаетъ иностран-

---

[1]) Тамъ же 213.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 218.

цевъ всѣхъ націй, а особливо Русскихъ. Графъ Петръ Разумовскій и его супруга были постояннымъ предметомъ его вниманія во время ихъ пребыванія во Франціи, и они никогда не могли бы покинуть Парижа безъ отмѣнной услуги, которую онъ имъ оказалъ. Онъ имъ повѣрилъ на слово 52 тысячи французскихъ ливровъ, чтобы дать имъ возможность заплатить свои долги и благополучно достигнуть отечества. Подобную же услугу онъ оказалъ адмиралу Роднею, долги котораго безъ помощи маршала задержали бы его во Франціи на все время войны, а это для него конечно не могло быть безразлично. Маршалъ за такія услуги никогда не получаетъ ни росписокъ, ни благодарности; выходитъ, что это долгъ чести еще болѣе священный. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи графа Петра г. маршалъ Разумовскій письмомъ выразилъ маршалу Бирону благодарность за отмѣнную услугу, оказанную его сыну, безъ которой онъ никогда не вырвался бы изъ Парижа, и обѣщалъ заплатить долгъ тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ. Шесть лѣтъ прошло съ той поры и маршалъ не получилъ обратно своего капитала, что́ не помѣшало ему давать другимъ русскимъ путешественникамъ денежныя ссуды, правда менѣе значительныя, но также невозвращенныя. Маршалъ говоритъ, что въ его годы нельзя и не надо ждать долѣе, и полагаетъ, что какъ только императрицѣ будетъ сдѣлано это сообщеніе, онъ тотчасъ получитъ свои деньги; а я этого желаю изъ привязанности къ русскому имени: мнѣ каждый разъ вонзаютъ кинжалъ въ сердце, когда разсказываютъ исторіи такого рода. Я кончаю этотъ листъ, присоединяя къ нему письмо добраго Ваньера, которое я не хочу оставить безъ отправки, и приношу къ подножію вашего императорскаго величества выраженіе моего величайшаго благоговѣнія»[1]).

Въ 1782 г. княгиня Дашкова возвратилась въ Россію и государыня, говоря съ Гриммомъ объ аббатѣ Рейналѣ, прибавляетъ: «Онъ долженъ былъ производить превосходный эффектъ между

[1]) Письма Гримма 236, 237, 238.

княгиней Дашковой, которая возвратилась къ намъ на дняхъ, и графомъ Сакеномъ [1]): этотъ, сказать мимоходомъ, всегда былъ для меня противнымъ существомъ, котораго я избѣгала [2]).

«Кто такая эта госпожа княгиня, которая не желаетъ, чтобъ изъ за нея страдали»? восклицаетъ государыня въ другомъ письмѣ: «Ахъ, какъ она добра! Тьфу пропасть, да я думаю, что это моя директриса! (т. е. княгиня Дашкова) клянусь, что она не называла своего имени съ тѣхъ поръ, какъ у нея Академія въ умѣ и передъ глазами» [3]).

Въ началѣ 1783 г. государыня извѣщала Гримма о томъ, что въ Петербургѣ началъ выходить журналъ *Собесѣдникъ*, который издавала княгиня Дашкова, говоря что этотъ журналъ есть смѣсь весьма забавныхъ вещей и что она помѣстила тамъ первую эпоху написанной ею для внуковъ исторіи Россіи. Кромѣ того она помѣщала тамъ свои Были и Небылицы,—сатирическія замѣтки, въ которыхъ задѣвала смѣшныя стороны современнаго общества и лицъ ей близко извѣстныхъ. Въ концѣ же года она сообщаетъ что «авторы поссорились съ издателями» [4]), то есть заявляетъ о прекращеніи своего участія въ журналѣ, по крайней мѣрѣ въ сатирической его части, вслѣдствіе того, что княгиня Дашкова обидѣлась помѣщенной государынею статьей «Общества незнающихъ ежедневная записка». Это была пародія на засѣданія Россійской академіи, приписанная государыней Л. А. Нарышкину. Княгиня Дашкова, какъ президентъ академіи, серьёзно оскорбилась и возникли недоразумѣнія. Вотъ какъ разсказываетъ про этотъ случай сама императрица: «Чтобъ развеселить васъ, я желала бы прислать вамъ нѣсколько шуточныхъ переводовъ изъ этого ералашнаго журнала. Между прочимъ тамъ есть «общество незнающихъ», раздѣленное на двѣ палаты; первая съ

---

[1]) Вѣроятно, баронъ Іоаннъ Густавъ, бывшій долгое время саксонскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 247.

[3]) 277.

[4]) 291.

чутьемъ, вторая безъ чутья. Эти двѣ палаты судятъ обо всемъ вкривь и вкось, вторая однако судитъ по здравому смыслу, а первая доставляетъ ей матеріялъ. И все это такъ серьёзно, такъ правдоподобно, что читатель помираетъ со смѣху, и есть черты, которыя обратятся въ пословицы. Но, видно, это было слишкомъ хорошо, потому что авторы поссорились съ издателями; и послѣдніе только потеряютъ при этомъ, потому что это составляло восторгъ и города и двора»[1]).

Графъ и графиня Брюсъ часто упоминаются въ перепискѣ и всегда тономъ благоволенія, особливо первый: сначала при встрѣчѣ въ Римѣ молодой четы графа и графини Сѣверныхъ, потомъ при свиданіи императрицы съ Густавомъ III въ Фридрихсгамѣ, гдѣ онъ былъ начальникомъ войскъ тамъ расположенныхъ, и наконецъ во время неожиданнаго путешествія въ Москву при посѣщеніи каналовъ, когда онъ былъ уже московскимъ генералъ-губернаторомъ. Позже, во время путешествія въ Крымъ, государыня пишетъ Гримму, что она три раза въ недѣлю «отдаетъ отчетъ въ своемъ поведеніи графу Брюсу, чтобъ и его вызвать на то же, что́ впрочемъ онъ всегда и исполняетъ»[2]). О смерти графини Брюсъ, урожденной Румянцовой, — сестры Задунайскаго, она такъ сообщаетъ въ апрѣлѣ 1785 г.: «Семейство Румянцовыхъ понесло весьма чувствительную потерю въ лицѣ графини Брюсъ, скончавшейся въ Москвѣ на прошедшей недѣлѣ. Невозможно не сожалѣть о ней тому, кто хорошо зналъ её, потому что она была очень любезна. Лѣтъ шесть, семь тому назадъ это меня еще болѣе огорчило бы, но съ тѣхъ поръ мы противъ прежняго нѣсколько́ удалились другъ отъ друга и были разлучены»[3]).

Но всѣхъ чаще и при всякомъ почти случаѣ, касающемся заказовъ, расплатъ, выписки художниковъ, при сообщеніяхъ государыни о ея дѣятельности законодательной и учредительной, является имя ея *фактотума*, графа Безбородки. Въ 1779-мъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 291.
[2]) 408.
[3]) 330.

году онъ представилъ Екатеринѣ записку о 17-ти лѣтнемъ ея царствованіи и вотъ какъ она отзывается объ этомъ: «Г. Безбородко вздумалъ составить списокъ событій и достопамятныхъ общественныхъ дѣлъ за послѣднія семнадцать лѣтъ; онъ принесъ намъ все это въ первый день нашего восемнадцатаго года. Этотъ списокъ довольно объемистъ; но я удивилась, что въ немъ далеко не все, и чтобъ убѣдиться что нѣтъ опущеній, я велѣла каждому вѣдомству представить то, чего недоставало: напримѣръ, тамъ не было упомянуто о работахъ на Двинѣ въ Ригѣ, которыя однако не настолько маловажны, чтобъ не могли занятъ уголокъ въ спискѣ» [1]).

Черезъ два года Безбородко составилъ списокъ за 19 лѣтъ царствованія, уже приведенный нами, который онъ ежегодно долженъ былъ дополнять, а государыня перевела этотъ списокъ на нѣмецкій языкъ для Гримма.

Въ томъ же 1779 году государыня проситъ препроводить къ Безбородкѣ контракты съ архитекторами Тромбарой и Кваренги, а позже и самихъ архитекторовъ, такъ же какъ и выписанныхъ прядильщиковъ Миллера велитъ адресовать къ нему же [2]).

Всѣ счеты по расплатамъ Гримма, всѣ пожалованья, подарки, патенты иностраннымъ знаменитостямъ проходили черезъ его руки. Наконецъ ему же переданы были и суммы на особыя издержки государыни [3]), такъ что она проситъ Гримма сообщить банкиру Сантини, чтобъ онъ всѣ свои счеты, по сдѣланнымъ за нея уплатамъ, адресовалъ или прямо къ генералъ-прокурору Вяземскому, или къ Безбородкѣ, потому что они лучшіе плательщики въ мірѣ. Въ 1783 г. государыня писала, что Ланской, признательный за спасеніе брата, желая одолжить Гримма, готовитъ ему копію ея портрета не съ Бромптона, а съ прекраснаго портрета русскаго художника Левицкаго, сдѣланнаго для фактотума

[1]) 148.
[2]) 163.
[3]) 186.

(Безбородки), который онъ ставитъ гораздо выше перваго. Этотъ знаменитый портретъ воспѣлъ Державинъ въ одѣ «Видѣніе мурзы». Копія съ него находится въ Императорской публичной библіотекѣ.

О Бецкомъ и его отношеніяхъ къ Бобринскому уже было говорено выше, но о немъ еще упоминается въ письмахъ какъ о чтецѣ. Такъ въ 1779 году онъ читаетъ государынѣ комедію французскаго писателя Седэна и она пишетъ объ этомъ: Бецкій не знаетъ ни откуда эта пьеса, ни чья она. Онъ равнодушно прочиталъ первое дѣйствіе, послѣ чего нашелъ, что у Реймона мало соображенія, и что онъ могъ сказать, что получилъ пьесу по почтѣ; я давала ему говорить. Г. Гаводанъ ему понравился, но замѣтилъ онъ,—вѣдь это значитъ давать уроки государямъ.—Кто же можетъ это взять на себя? Я молчала, онъ продолжалъ и прочелъ въ этотъ день только три дѣйствія. Онъ ворчалъ сквозь зубы: —Это оскорбительно для многихъ. — Я притворилась что не обращаю вниманія на его замѣчаніе; онъ же принималъ живое участіе въ томъ, что читалъ: ни одного слова не ускользало отъ него, что́ не бываетъ съ нимъ, когда онъ читаетъ то, что ему кажется скучнымъ. На другой день онъ поспѣшилъ возвратиться къ чтенію и кончить его; время отъ времени онъ сердился читая, а по окончаніи объявилъ: эту пьесу поставить нельзя, потому что она задѣнетъ слишкомъ многихъ; я ему замѣтила, что она написана сильно, что это прекрасная пьеса. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что комедія должна веселить и забавлять зрителей, а такое представленіе при дворѣ было бы непріятно для присутствующихъ и набольшій играетъ въ ней роль слишкомъ мало почетную. Я отвѣчала ему:—я хотѣла бы, чтобъ ее сыграли, хотя бы для того, чтобъ показать, что я пользуюсь у себя бо́льшимъ авторитетомъ чѣмъ Реймонъ. — Онъ возразилъ мнѣ: — хорошо, но пріятно ли вамъ будетъ въ кругу людей, гдѣ каждый будетъ чувствовать себя оскорбленнымъ? На это я должна была замолчать. . . Эта пьеса заставляетъ задуматься [1]).

Въ томъ же 1779 году государыня помышляла замѣнить Бец-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 129.

каго, какъ чтеца, Ваньеромъ, секретаремъ Вольтера, и говорила: Бецкій старѣетъ и начинаетъ читать очень невнятно и читаетъ лѣниво. Но Ваньеръ, долго прохворавъ въ Петербургѣ, не остался въ Россіи. По поводу разныхъ дѣлъ въ Академіи художествъ и желанія нѣкоторыхъ иностранцевъ напр. Клериссо, Седэна быть принятыми въ ея члены, государыня обращаетъ Гримма къ Бецкому, такъ же какъ и по случаю исторіи нѣкоего француза Жиллэ, служившаго въ Академіи и получавшаго оттуда пенсію по переселеніи своемъ въ Парижъ. По ходатайству Гримма государыня пожаловала этому Жиллэ шесть тысячъ ливровъ, а случай съ нимъ или, лучше, исторію его съ Академіей Гриммъ разсказываетъ такъ:

«Добродушный Жиллэ приходилъ ко мнѣ поплакать, когда я ему сказалъ, что императрица обѣщала мнѣ прислать шесть тысячъ ливровъ для него. Это пролило бальзамъ на рану, сдѣланную собственной его вѣтреностью. Я не знаю, по какому случаю императорская Академія распорядилась уплатить ему здѣсь пенсію два раза, черезъ двухъ различныхъ банкировъ, на растояніи немногихъ мѣсяцевъ. Добрякъ подписалъ обѣ расписки, поданныя ему банкирами, не поглядѣвъ ихъ, и принялъ деньги, полагая, что ему платятъ за два года вмѣсто одного. Когда эти двѣ расписки прибыли въ Петербургъ, замѣтили, что онъ получилъ два раза за тотъ же годъ, разгнѣвались, вспыхнули и отняли у него пенсію, чтобъ научить его впредь не обманывать. Но еслибъ онъ имѣлъ намѣреніе обманывать, то своею дважды повторенною подписью онъ самъ доставилъ бы доказательство своего обмана, и эта двукратная подпись напротивъ очевидно доказываетъ его невинность. Гораздо труднѣе объясняется, какимъ образомъ могли ему сдѣлать двойной платежъ по тому же предмету, чрезъ двухъ различныхъ банкировъ. Впрочемъ, бѣднякъ нашелъ теперь ходатаевъ за себя у г. Бецкаго и ожидаетъ отъ его правосудія, что онъ возвратитъ ему пенсію немедленно. Не надо даже, чтобъ императрица знала объ этомъ, ни чтобъ она въ это вмѣшивалась, развѣ захотятъ ей представить Жиллэ плутомъ, который беретъ обѣими

руками. Я вовсе не оставилъ ему надежды насчетъ шести тысячъ ливровъ, о которыхъ онъ черезъ меня ходатайствовалъ. Его радость и признательность тѣмъ болѣе были велики, что кромѣ непріятностей по двойной распискѣ, банкиръ, которому онъ повѣрилъ половину своего состоянія, обанкрутился. Сколько ваше величество заставляете проливать слезъ благодарности во всѣхъ уголкахъ земли»! [1])

О графѣ Панинѣ, котораго государыня такъ живо изобразила, сопоставляя его съ Орловымъ, она прибавляетъ въ одномъ письмѣ слѣдующую характеристическую черту: «Я очень рада», говоритъ она, «что у васъ приходится натыкать публику носомъ на самыя интересныя вещи, иначе она бы ихъ не замѣтила. Никто не зналъ этого искуства лучше графа Панина: въ одну минуту онъ умѣлъ украсить свое платье чужими перьями, и чѣмъ менѣе оно ему принадлежало, тѣмъ болѣе онъ восхвалялъ его, чтобъ повѣрили его отеческой нѣжности къ ребенку, тогда какъ ребенокъ былъ чужой» [2]).

Литературные труды Екатерины. Исторія и политическая мудрость.

Упомянувъ объ изданіи Собесѣдника, въ которомъ дѣятельное участіе принимала сама Екатерина, мы постараемся прослѣдить по ея письмамъ и другія ея литературныя занятія, которымъ она отводила столько времени среди трудовъ правленія. Между ними, кромѣ дѣтской литературы, являющейся въ перепискѣ подъ именемъ библіотеки Александро-Константиновской, первое мѣсто принадлежитъ Исторіи Россіи подъ заглавіемъ: «Записки касательно Россійской исторіи». Онѣ занимаютъ почти половину журнала Собесѣдникъ и изданы потомъ отдѣльно въ 6-ти

[1]) Письма Гримма, стр. 41.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 330.

частяхъ, съ именемъ императрицы. Эта исторія выдержала три изданія, послѣднее было напечатано въ 1801 году въ Собесѣдникѣ. «Записки» доведены до 1224 г., въ отдѣльномъ же изданіи продолжены до 1276 года. Этотъ трудъ былъ начатъ ею для внуковъ, о воспитаніи которыхъ она такъ много заботилась, а позже она имѣла въ виду и потребности создаваемыхъ ею нормальныхъ школъ. О первоначальной мысли, побудившей ее заняться русской исторіей, свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто одного письма 1782 года: «Кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ, вотъ г. Александръ требуетъ у меня одного чтенія за другимъ. На дняхъ онъ познакомился съ Александромъ Великимъ. Онъ попросилъ, чтобъ я его лично съ нимъ познакомила и ужасно былъ пораженъ, когда узналъ, что тотъ умеръ. Онъ очень о немъ сожалѣлъ»[1]).

Естественно, что начавъ съ внучкомъ бесѣды о предметахъ историческихъ, Екатерина должна была чувствовать, что для него всего важнѣе знакомство съ судьбами своего родного края, а такъ какъ никакихъ популярныхъ и учебныхъ книгъ по этой части еще не было, то императрица и рѣшилась сама заняться этимъ дѣломъ. Она поручила разнымъ лицамъ, между-прочимъ Мусину-Пушкину[2]), а въ Москвѣ профессорамъ Чеботареву и Барсову, дѣлать для нея выписки изъ лѣтописей и доставлять эти матеріалы прямо къ ней. Уже самая мысль составить исторію изъ свода лѣтописей — для того времени замѣчательна. Собрать же и объединить эти лѣтописи, облечь ихъ въ общедоступную форму историческаго разсказа, дать имъ воспитательное значеніе, какъ для своихъ внуковъ, такъ и для всего общества — этотъ трудъ Екатерина взяла на себя и выполнила съ истинною и не лицемѣрною любовью къ своему народу и его исторіи. Но это не было еще единственною цѣлью государыни. Она вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 252.

[2]) Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, извѣстный любитель древностей, род. въ 1774 † 1817.

стремилась уронить тотъ укоренившійся на Западѣ высокомѣрный взглядъ на нашу исторію, который утверждалъ, что собственно исторіи въ нравственномъ смыслѣ слова у русскаго народа нѣтъ, что русская исторія есть какое-то сцѣпленіе случайныхъ и часто дикихъ фактовъ безъ всякаго внутренняго значенія. Мнѣніе это еще не такъ давно смѣло повторялось иностранцами, призывавшимся къ воспитанію нашего русскаго юношества въ высшихъ сферахъ общества и даже нашло отголосокъ въ нѣкоторыхъ серьезныхъ сочиненіяхъ нашего времени.

Въ противоположность этому взгляду, Екатерина, прилежно занявшись изученіемъ русской исторіи по выпискамъ изъ лѣтописей, старалась отыскать въ ея событіяхъ тотъ нравственный смыслъ, въ которомъ иностранные историки имъ отказывали. По выраженію Добролюбова [1]) она умѣла «набросить на всѣ темныя явленія русской жизни и исторіи какой-то свѣтлый, даже отрадный колоритъ».

Мы уже приводили слова негодованія, которыми государыня встрѣтила исторію Леклерка, француза, долгое время прожившаго въ Россіи и возымѣвшаго желаніе познакомить иностранцевъ съ русской жизнью. Множество невѣрностей, искаженій и завѣдомой лжи были отличительными чертами этого многотомнаго сочиненія. Оно произвело самое тяжелое впечатлѣніе на русскихъ читателей, и членъ Россійской академіи Болтинъ написалъ на эту исторію обширныя примѣчанія. Вотъ какой отвѣтъ даетъ подобнымъ хулителямъ Россіи Екатерина въ предисловіи къ своему труду.

«Сія записка касательно Россійской исторіи сочинена для юношества въ такое время, когда выходятъ на чужестранныхъ языкахъ книги подъ именемъ исторіи Россійской, кои скорѣй именовать можно сотвореніями пристрастными, ибо каждый листъ свидѣтельствомъ служитъ, съ какою ненавистью писанъ, каждое обстоятельство въ превратномъ видѣ не токмо представлено,

---

[1]) См. изслѣдованіе его «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» въ Современникѣ 1856 года за августъ.

но къ онымъ не стыдилися прибавить злобные толки. Писатели тѣ, хотя сказываютъ, что имѣли Россійскихъ лѣтописцевъ и историковъ передъ глазами, но или оныхъ не читали, или языкъ русской худо знали, или же перо ихъ слѣпою страстью водимо было. Безпристрастный читатель да возьметъ трудъ сравнить эпоху Россійской Исторіи съ исторіями современниковъ великихъ князей каждаго вѣка [1]), усмотритъ ясно умоначертанія всякаго вѣка и что родъ человѣческій вездѣ и по вселенной одинакія имѣлъ страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ не рѣдко одинакіе способы. Всѣ европейскіе народы до святаго крещенія, бывъ погружены въ суевѣріе, въ идолопоклонство, имѣли правила и права иныя; получивъ просвѣщеніе евангельское, получили правила до того имъ неизвѣстныя, кои не иначе могли перемѣнить обычай, мнѣніе и мысли людей стариной занятыя, какъ мало по малу».

Не менѣе замѣчательна и выноска къ этому предисловію: «Собиратель сихъ записокъ касательно Россійской Исторіи не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за пазухой; онъ вѣкъ свой тщился исполнить долгъ благодарнаго сердца. Онъ думаетъ, что похвальное не останется безъ хвалы, непохвальное безъ опороченія, добраго же умалять доброту или порочнаго умножать дурноту и тѣмъ подобиться неискусному врачу, либо невѣжествомъ наполненному дѣтскому учителю, не есть дѣло его».

Изъ послѣднихъ словъ видна благородная, патріотическая цѣль государыни заставить русское юношество, искалѣченное иностраннымъ воспитаніемъ, полюбить свою родную исторію и высоко цѣнить ея изученіе и знаніе.

Мы сочли нужнымъ для ясности пониманія предпослать это вступленіе тѣмъ выпискамъ, которыя будутъ слѣдовать.

9 марта 1783 государыня пишетъ Гримму, что она для него должна была бросить на своемъ столѣ вторую эпоху русской

[1]) Для такого сравненія въ концѣ исторіи каждаго князя приложена таблица современныхъ ему государей европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ и африканскихъ.

исторіи для употребленія гг. Александра и Константина. Радуясь что ея трудъ заслужилъ одобреніе такихъ взыскательныхъ судей какъ: князь Потемкинъ, княгиня Дашкова, г. Фактотумъ и многіе другіе, она прибавляетъ: «А это одобреніе подстрекаетъ насъ къ продолженію любимаго труда и мы уже довершили жизнь и дѣянія св. Владиміра, который на зло вамъ и басурманамъ, былъ человѣкъ не дюжинный. А! г. многострадальный, не правда ли, что это заставляетъ васъ подымать носъ, чтобъ пронюхать какъ бы достать переводъ? Надѣйтесь, но не такъ скоро, потому что я убѣждаюсь въ совершенствѣ изображенія одной эпохи, только по мѣрѣ того, какъ подвигаюсь въ другихъ» [1]).

«Я пишу Исторію, раздѣливъ ее на пять частей и начавъ ее съ 480 г. Итакъ вотъ тысячу триста лѣтъ предстоитъ обозрѣть. Дай Богъ хорошихъ желудковъ ребятамъ, которымъ придется это переваривать; теперь мы на 988 году; остается почти столько же» [2]).

Ославъ Гримму первую эпоху своей Исторіи въ переводѣ на нѣмецкій языкъ лѣтомъ 1783 года, государыня спрашиваетъ его: «Что скажете вы о первой эпохѣ Русской Исторіи? Прислать ли вамъ остальное? Или она показалась вамъ скучною?... Я пишу исторію древняго періода и дошла до 1137 года. У меня въ головѣ шевелится мысль, что исторія всѣхъ современниковъ по вѣкамъ могла бы бросить большой свѣтъ на событія, какъ они происходили, и особливо на древнюю исторію» [3]).

«Я сунула первую эпоху Русской Исторіи въ журналъ (*Собесѣдникъ*) и ею кажется изрядно довольны. NB. Такъ говорится по скромности, потому что успѣхъ кажется полный» [4]). «Я пишу исторію въ свободные часы, а когда должна писать письма, то откладываю въ сторону исторію; это очень просто, не правда ли? Эта Исторія печатается въ русскомъ журналѣ, который не

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 269. [2]) 268.
[3]) 280. [4]) 281.

ударитъ лицомъ въ грязь и выходитъ каждый мѣсяцъ. Столько-то царствованій въ мѣсяцъ — это ее даетъ въ руки каждому, и я не могу отрицать, что она имѣетъ успѣхъ: ее находятъ самою сносною изъ существующихъ до сихъ поръ и оцѣниваютъ въ ней искреннюю ревность къ отечеству, которая согрѣваетъ чувство» [1]). «Не кричите; надѣюсь прислать вамъ часть второй эпохи Русской Исторіи въ компаніи съ этимъ письмомъ» [2]).

«Я могла бы написать вамъ цѣлый томъ о всѣхъ открытіяхъ, которыя ежедневно дѣлаю, когда пишу и порчу вторую эпоху Русской Исторіи; но я помѣщу большую часть своихъ размышленій въ нѣкотораго рода обозрѣніи, которое будетъ заключеніемъ, и послѣ этого обозрѣнія окончу свой трудъ, потому что въ Москвѣ, въ архивѣ, уполномоченные покойнаго Мюллера пишутъ для нормальныхъ школъ Русскую Исторію гораздо лучше моей; можетъ-быть я послѣ къ каждой эпохѣ возьму на себя трудъ сдѣлать обозрѣніе въ своемъ вкусѣ: что вы объ этомъ скажете? Вѣроятно, вы не скажете ничего, потому что еслибъ я вздумала составить списокъ всего о чемъ я васъ спрашивала и на что вы не отвѣчали, то списокъ вышелъ бы длинный. Мнѣ кажется, я отсюда вижу какъ вы на это возражаете, что я напрасно васъ обвиняю; но все это безполезно, потому что вамъ уже давно прощено, что вы не отвѣчали на всѣ жалкіе вопросы, которые я вамъ часто задавала... Знаете ли что, несмотря на господина Леклерка, который по-моему не имѣетъ здраваго смысла, исторія Россіи болѣе наполнена фактами и движеніемъ, чѣмъ какая либо другая исторія въ мірѣ. Вотъ въ главныхъ чертахъ планъ обозрѣнія, который я приму для второй эпохи:

1) Замѣчательные перевороты.
2) Постепенное измѣненіе въ порядкѣ вещей.
3) О народонаселеніи и финансахъ.
4) Трактаты и документы.

---

[1]) 286.
[2]) 289.

5) Примѣры ревности или небрежности государей и ихъ послѣдствія.

6) Примѣчанія о томъ, чего можно было избѣжать.

7) Примѣры мужества и выдающихся добродѣтелей.

8) Примѣры пороковъ, каковы жестокость, неблагодарность, невоздержность и ихъ послѣдствія» [1]).

«Мнѣ сказали, что Гарди уѣзжаетъ», пишетъ государыня въ мартѣ 1784 г., «онъ будетъ подателемъ этой депеши и нѣмецкой тетради Русской Исторіи. У г. Фрид. Николаи въ Берлинѣ ея еще нѣтъ. Итакъ вотъ вы опередили его и не имѣете повода ворчать» [2]).

«Вы говорите что я по природѣ проныра, а я вамъ объявляю, что я сдѣлалась настоящей архивной крысой» [3])

«Мы собираемъ по годамъ доблестные подвиги Славянъ изо всѣхъ возможныхъ исторій» [4]).

«Такъ какъ ея величество получила ободреніе отъ г. многострадальнаго на полное составленіе Россійской Исторіи, то весьма возможно, что окончивъ заключеніе второй эпохи и сокращенный обзоръ, параллельно съ каждымъ царствованіемъ, современныхъ ему царствованій, она примется за третью эпоху. Это для нея трудъ любезный и вполнѣ увлекательный, тѣмъ болѣе, что она употребляетъ на него часы досуга, и я полагаю, что трудно полезнѣе для государства употреблять свой досугъ, какъ распутывая и разработывая его исторію. Но кстати, ты долженъ знать, г. многострадальный, что господа Московскаго архива употребляютъ въ дѣло наши тетради не хуже чѣмъ всякія другія. При этомъ ваше превосходительство найдете приложенною еще толстую тетрадь, которою можете позабавиться или оставить ее въ покоѣ, какъ вамъ заблагоразсудится, потому что лишь бы мы писали, намъ все равно, прочтутъ ли насъ или нѣтъ; но когда

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 291, 292.

[2]) 297. Фридрихъ Николаи, берлинскій книгопродавецъ и писатель, котораго Екатерина удостоивала многихъ порученій учено-литературнаго характера.

[3]) 303. [4]) 294.

человѣкъ какъ вы удостоиваетъ насъ чести прочтенія, и говоритъ еще, что это хорошо и исполнено силы и сочности (Kraft und Saft), тогда, о тогда — мы пріосаниваемся. Съ нѣмецкаго не трудно будетъ велѣть перевести на французскій. Фридрихъ Николаи только что напечаталъ всю библіотеку Александро-Константиновскую въ двухъ маленькихъ томикахъ» [1]).

«Кстати, вы должны узнать, что ея императорское величество любезнѣйшая императрица вчера изобразила всю первую эпоху своего царствованія въ медаляхъ, и что генералъ Ланской, увидѣвъ ея набросокъ, нашелъ, что это прехорошенькая работа, потому что генералъ этотъ становится викаріемъ многострадальнаго, то есть когда хотятъ чѣмъ-нибудь похвастаться, то показываютъ это генералу-викарію» [2]).

Ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ того, въ сентябрѣ 1784 г., то есть уже послѣ смерти Ланского, государыня пишетъ изъ Петербурга: «Я слаба и Богъ знаетъ сколько разныхъ горячекъ я вынесла въ эти два съ половиной мѣсяца. А покамѣстъ я прочитала съ полдюжины русскихъ лѣтописей и три тома Monde primitif (Первобытный міръ)» [3]). Это было знаменитое въ ученомъ мірѣ обширное филологическое сочиненіе Куръ де Жебеленя, о которомъ государыня отзывалась такъ: «Я смотрю на эту всемірную грамматику какъ на одно изъ лучшихъ сочиненій, появившихся въ этомъ вѣкѣ» [4]).

Какъ внимательно Екатерина читала и съ какимъ умѣніемъ дѣлала выписки изо всего что поражало её, тому доказательства видимъ мы на каждомъ шагу въ ея перепискѣ. Мы приведемъ одну замѣчательную выписку ея изъ сочиненія Куръ де Жебеленя. Эти строки живо рисуютъ намъ, какое вдохновеніе обхватывало Екатерину всякій разъ, когда она нападала на какую-нибудь возвышенную мысль или чувство. И тотчасъ относила она её къ славѣ и судьбамъ Россіи, тотчасъ примѣняла её къ характеру

---

[1]) 305. [2]) 312.
[3]) 318. [4]) 321.

или исторіи своего народа, которыхъ смыслъ и сущность она такъ хорошо постигла. Отъ 22 апрѣля 1785 года она пишетъ:

«Знайте, милостивый государь, знайте что никогда Россійская имперія не будетъ разрушена. Вотъ что говоритъ авторъ «Первобытнаго міра»:

«Всякая исторія имѣла свою причину, какъ всякое слово свое основаніе.

«Возвышеніе, долговѣчность, слава или паденіе государствъ не зависятъ отъ страстей или отъ мѣстныхъ и преходящихъ случаевъ. Такія событія всегда были необходимымъ и поддающимся расчету послѣдствіемъ хорошаго или дурного примѣненія великихъ началъ всякаго общества; мелкія страсти или обстоятельства только пользовались состояніемъ дѣлъ но никогда не производили этого состоянія. Бури конечно могутъ опрокинуть зданіе, поставленное на зыбкомъ основаніи. *Но то, которое поставлено твердо, смѣется ихъ усиліямъ.* Какъ! люди, соединенные въ общества, государства, имперіи будто бы не могутъ расчитывать на свою долговѣчность, не могутъ утвердить свое благосостояніе, не могутъ сдѣлаться такъ же устойчивы, какъ почва подъ ихъ ногами! И потому что мы видѣли царства, исчезавшія какъ паръ, разносимый вѣтромъ, воображать что такая же судьба неизбѣжно ожидаетъ всякое государство, всякую имперію! Нѣтъ! Ничто не происходитъ безъ причины, безъ повода, безъ неизмѣннаго закона: есть одна такая причина, которая навсегда упрочиваетъ благоденствіе народовъ и царствъ: это исполненіе своего долга. Есть точно такъ же только одна, которая можетъ привести ихъ къ паденію! Это нарушеніе долга, извращеніе тѣхъ началъ, которымъ эти народы и царства были обязаны своимъ возвышеніемъ и счастіемъ. Всѣ націи, пользовавшіяся благоденствіемъ, дошли до процвѣтанія только тѣмъ, что были внимательны къ голосу порядка и подчинялись его требованіямъ. Законодатель былъ поистинѣ великъ и полезенъ своимъ современникамъ и міру лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ усвоивалъ себѣ порядокъ, и законы свои умѣлъ сообразовать съ нимъ. Имперіи

начинаютъ клониться къ упадку какъ скоро онѣ заводятъ, такъ сказать, деревни въ городахъ, а города въ одной обширной, громадной столицѣ, пучинѣ государственныхъ богатствъ и могилѣ поколѣній настоящихъ и грядущихъ. Истинное величіе государства заключается въ томъ, чтобъ быть великимъ и могущественнымъ не въ одномъ только мѣстѣ, но вездѣ и вездѣ проявлять силу, энергію и порядокъ».

«Все имѣетъ свою неизмѣнную и вѣчную причину; царства, какъ и малѣйшее хлѣбное зернышко: общества стоятъ на однихъ или другихъ началахъ: изъ этого вытекаютъ тѣ или другія права, тѣ или другія обязанности. Будутъ эти права соблюдаемы, эти обязанности исполняемы, и общества будутъ процвѣтать, а имперіи будутъ навсегда незыблемы въ своихъ основаніяхъ и порядокъ будетъ постоянно въ нихъ царствовать. Я переписала вамъ все это мѣсто по причинѣ его отмѣнной красоты; скажите, что вы объ этомъ не сожалѣете».

«Сего 25 апрѣля. Итакъ Россійское государство не можетъ пасть, потому что мы добиваемся порядка, находимъ и утверждаемъ его. Онъ пускаетъ корни и пусть попробуютъ сокрушить его, и надо сознаться, что это государство стоитъ твердо» [1]).

Отвѣтъ Гримма на это письмо не сохранился, но, по тому, что государыня пишетъ ему въ августѣ того же года, можно заключить, что онъ отнесся скептически къ этой выпискѣ, сомнѣваясь, точно ли въ «Monde primitif» государыня прочла это мѣсто. Вотъ отвѣтъ ея: «То, что я привела вамъ изъ «Первобытнаго міра», и чѣмъ вы восхищаетесь такъ же какъ и я, найдете вы въ 8-мъ томѣ, на LVIII страницѣ *Общаго взгляда;* на двѣнадцатой строкѣ начинается мѣсто, вынисанное вашей покорнѣйшей слугою, которая не во снѣ видитъ, какъ покойный Дидро и не читаетъ въ книгахъ иного, какъ то, что въ нихъ есть. Многотомная книга Куръ де Жебеленя наполнена такими мѣстами и многимъ другимъ любопытнымъ и драгоцѣннымъ, чего ни у кого иного не встрѣ-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 335, 336.

тишь... Извѣстности сочинителя помѣшало, я полагаю, то, что не всякій въ силахъ одолѣть 9-ть томовъ in-quarto, но никогда Франція не имѣла человѣка столь основательно-ученаго. Его всеобщая грамматика есть совершенство въ своемъ родѣ; кромѣ того авторъ имѣетъ особенную способность вызывать движеніе въ головахъ своихъ читателей» [1]).

Государыня такъ увлекалась своими историческими работами, что сознавалась лѣтомъ 1786 года, что Русская Исторія довела её до кашля, точно такъ же какъ три года ранѣе она схватила кашель отъ многописанія, а отъ усиленныхъ законодательныхъ работъ чувствовала разстройство всего организма. Что занятія русской исторіей не были только преходящимъ увлеченіемъ Екатерины, видимъ мы изъ того, что она продолжаетъ ихъ до конца жизни. Въ 1793 году она пишетъ: «Я погружена въ исторію, или, лучше сказать, въ лѣтописи русскія, которыя люблю до безумія»... «У меня одинъ уголъ стола занятъ вашими письмами, требующими отвѣта, и чтобъ не забыть этого, я положила старую ливонскую лѣтопись на эти письма. Но я не имѣю времени отвѣчать вамъ, потому что составляю вторую часть генеалогіи къ русской исторіи, NB: всѣ, кто прикасался къ русской исторіи, впадали изъ ошибки въ ошибку, потому что не имѣли этой родословной таблицы, которую мы теперь имъ составимъ. Первый томъ уже напечатанъ и получилъ репутацію книги классической, съ которою долженъ справляться на всякомъ шагу тотъ, кто занимается русской исторіей; томъ этотъ оканчивается 1224 годомъ, а затѣмъ начинается второй, который продолжается до настоящаго времени. О, какъ эта номенклатура прелестна! это работа въ самомъ дѣлѣ для лѣниваго ума, не имѣющаго ни одной мысли. Г. Елагинъ [2]), который изображалъ русскую исторію въ стилѣ восклицательномъ, потому что онъ краснорѣчивъ и скученъ, чинитъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 359.

[2]) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, оберъ-гофмейстеръ, родился въ 1725 г. Сочиненіе о которомъ здѣсь говорится, озаглавлено: *Опытъ повѣствованія о Россіи;* оно доведено только до 1389 года.

теперь свою исторію по нашей генеалогіи. Я же нахожу въ этой генеалогіи все, что относится до исторіи, точно также какъ Вестрисъ видѣлъ истинное благополучіе Франціи въ менуэтѣ тогдашняго дофина [1]).

12 января 1794: «Небо, кажется, опредѣлило этотъ день на то, чтобъ я принесла вамъ свои поздравленія съ новымъ годомъ, такъ какъ до сихъ поръ я не находила для этого ни минуты, благодаря дѣламъ и старымъ лѣтописямъ. Дошедъ до 1321 года, я пріостановилась и дала переписать почти восемьсотъ страницъ царапанья. Вообразите, какая ярая страсть писать о старыхъ событіяхъ, которыми никто не интересуется; и читать ихъ, я увѣрена, никто не станетъ кромѣ двухъ педантовъ: одного, по имени Фолькнера, моего переводчика, другого—Буссе, академическаго библіотекаря; этотъ тщится хвалить мою аккуратность и проч. въ такихъ журналахъ, которые не будутъ прочитаны даже четырьмя лицами въ Европѣ, а я довольна, что привела въ порядокъ все, что можетъ служить пособіемъ къ исторіи, лучше нежели это было до сихъ поръ сдѣлано. Подумаешь, мнѣ за это платятъ, столько я вношу сюда старанія, труда, пониманія и мудрости, и когда окончу страницу, то восклицаю: «ахъ, какъ это прекрасно, восхитительно»! но я остерегаюсь сказать это какой-нибудь живой душѣ, кромѣ васъ, потому что надо мною смѣялись бы, какъ вы можете понять. Но многострадальный повѣренный: все это не отвѣтъ на ваши грамоты, скажете вы. Сознаюсь въ томъ, но историческая блажь увлекла перо мое . . . Что касается Елагина, то онъ умеръ, и исторія его вѣроятно останется не конченною» [2]).

«Я читаю только лѣтописи за 500 лѣтъ тому назадъ, но, со времени прибытія вашихъ грамотъ, я ихъ отложила въ сторону. Понимаете ли великость этой жертвы? Я такъ же влюблена въ лѣтописи, какъ нѣкій джентльменъ въ нѣмецкихъ принцевъ», го-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 584, 585, 586.

[2]) 589. Показаніе митрополита Евгенія и Бантышъ-Каменскаго, что Елагинъ умеръ въ 1796 году оказывается невѣрнымъ.

воритъ государыня въ другомъ письмѣ.... «Ахъ мои милыя лѣтописи, вы спокойно отдыхаете. Когда-то я опять начну тормошить васъ? Я дошла до 1368 и 1369 года»[1]).

Въ 1794 году государыня говоритъ Гримму, что Фолькнеръ старъ и переводитъ тихо, и прибавляетъ: «Пятый томъ Записокъ весь состоитъ изъ генеалогіи, а шестой доходитъ до жизни Св. Александра включительно. Седьмой уже въ работѣ, и я полагаю, что онъ дойдетъ до Дмитрія Ивановича, прозваннаго Донскимъ по причинѣ побѣды его надъ Татарами при рѣкѣ Донѣ, иначе Танаисѣ; этотъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Ни одна исторія не представляетъ лучшихъ и болѣе великихъ мужей, какъ наша; я люблю эту исторію до безумія»[2]).

Въ 1795 году государыня, задѣтая сужденіями Герцберга о принадлежности Западнаго края къ Польшѣ, пишетъ: «Этотъ дуракъ Герцбергъ заслуживаетъ, чтобъ его порядкомъ поколотили: у него столько же познаній въ исторіи, сколько у моего попугая. Онъ смѣетъ говорить, что Россія не могла доказать своихъ правъ, присоединяя Полоцкъ; онъ могъ бы сказать, что Россія не придаетъ никакого значенія устарѣлымъ доказательствамъ, потому что Полоцкъ былъ отданъ Владиміромъ I старшему сыну его Изяславу. А послѣдній былъ старшій изъ двѣнадцати сыновей Владиміра I, между которыми отецъ раздѣлилъ свои владѣнія, когда женился на Аннѣ, дочери Греческаго императора, и, принявъ крещеніе, отослалъ своихъ шестерыхъ женъ и ихъ дѣтей въ назначенныя имъ владѣнія. А замѣтьте, что отъ этого старшаго сына Владимірова произошли князья Полоцкіе. Позже Владиміръ I, какъ великій князь литовскій, далъ Литву своему сыну Святославу, не имѣвшему потомства. Пятый сынъ Ольгерда Ягеллонъ или Яковъ, въ 1386 г., сдѣлался королемъ Польскимъ, и принялъ латинство подъ именемъ Владислава, женившись на Ядвигѣ, королевѣ и наслѣдницѣ Польши. Итакъ онъ соединилъ Литву съ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 598, 604.
[2]) 609.

Польшею; но глупый, невѣжественный министръ вовсе этого не знаетъ; высокомѣріе доводитъ его до того, что онъ невѣжественъ, глупъ и грубъ, какъ померанскій быкъ. Неоткормленный (покойный король морилъ его съ голоду, по собственному его признанію) не знаетъ, что не одинъ Полоцкъ, но и вся Литва во всѣхъ округахъ до 17-го вѣка производила всѣ дѣла свои на русскомъ языкѣ, что въ литовскихъ архивахъ всѣ акты написаны на русскомъ языкѣ и русскими буквами, что лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра велось по нашему церковному обычаю, и что даже греческіе церковные индикты всякій разъ при этомъ обозначены. Что же это доказываетъ? что до 17-го вѣка греческое исповѣданіе не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ было господствующимъ и между князьями и великими князьями, что даже всѣ церкви, особливо соборы, строились съ алтаремъ на востокъ, по обычаю Восточной церкви; если вамъ надобны еще доказательства, можете требовать: правду доказать не трудно. Кромѣ того, Полоцкъ и Литва разъ двадцать переходили изъ рукъ въ руки, и ни одного договора не было заключено безъ того, чтобъ та или другая сторона не требовала или одной части, или цѣлаго, смотря по обстоятельствамъ. Глупый государственный министръ можетъ быть еще сильнѣе побитъ при случаѣ за свое незнаніе народовъ, приписываемыхъ имъ къ владѣніямъ его глупаго господина. Оселъ! Вы видите, что въ этомъ разсужденіи учтивость уступила желанію васъ посмѣшить; впрочемъ споры педантовъ не всегда учтивы, когда гнѣвъ или ревность увлекаютъ ихъ, какъ вы это очень хорошо знаете, а я ужъ навострилась во всемъ этомъ, перебирая архивы и лѣтописи, какъ это вамъ тоже не безызвѣстно» [1]).

Въ 1795 году къ іюльскому письму присоединена собственноручная записка императрицы слѣдующаго содержанія. «Изъ *напечатаннаго въ Академіи* я нашла только это, и скажу вамъ что́ это такое: не смѣя включить мои догадки о Рюрикѣ въ исторію, потому что онѣ были основаны только на нѣкоторыхъ тёмныхъ

[1]) 620, 621.

словахъ Нестора въ его хроникѣ и на одной выдержкѣ изъ Далина въ его исторіи Швеціи, и читая тогда Шекспира по-нѣмецки, мнѣ пришло въ голову въ 1786 году выразить въ драмѣ мои догадки, и её напечатали [1]). Никто не обратилъ вниманія на это странное произведеніе, которое никогда не было играно, и я поѣхала въ Крымъ. Въ 1792 году покойный Болтинъ [2]), черезъ Пушкина, синодальнаго прокурора [3]), прислалъ мнѣ свою критику на князя Щербатова и его Исторію Россіи, и такъ какъ они много занимались русской исторіей, я очень была рада подвергнуть суровой критикѣ Болтина то, что я царапала по исторіи. Я разъ сказала Пушкину, что эта драма заключаетъ въ себѣ мои догадки, но никто не обратилъ на нихъ вниманія, и оказалось что ни Болтинъ, ни Пушкинъ никогда этого не читали и не видали. Когда эта драма попала въ руки Болтина, онъ началъ ее объяснять и просилъ меня позволить напечатать съ его комментаріемъ, что́ и сдѣлалъ; слова же Нестора [4]) говорятъ, что Гостомыслъ, князь славянскій, княжившій въ Новгородѣ, завѣщалъ умирая призвать на его мѣсто князей, покрывшихся славою въ прошедшихъ войнахъ: Рюрика, Синеуса и Трувора. Это были его внуки по старшей дочери.

«Далинъ говоритъ, что на Сѣверѣ считалось встарину стыдомъ не только для князей, но и для всякаго человѣка знатнаго рода не служить на морѣ. Стало-быть, надо искать въ седьмомъ вѣкѣ, когда были главнѣйшія морскія войны, нашихъ трехъ князей, легко занявшихъ здѣсь видное мѣсто».... Вотъ вамъ жизнеописаніе Св. Александра, написанное Туманскимъ. Но оно не самое лучшее. Жизнь Св. Александра, напечатанная, но можетъ быть еще не переведенная, въ шестомъ томѣ моего сборника, который

---

[1]) Подъ заглавіемъ: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика, подражаніе Шекспиру».

[2]) Ив. Никитичъ Болтинъ, членъ Росс. Академіи, родился въ 1735 г., умеръ 6-го октября 1792 г.

[3]) Извѣстный любитель древностей графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ Пушкинъ.

[4]) Не Нестора, но Іоакимовской лѣтописи.

г. Буссе озаглавилъ *Записками* (Aufschreibungen), потому что онъ такъ названъ по-русски, далеко оставляетъ назади первое изъ нихъ, и въ самомъ дѣлѣ, попробуйте найти здѣсь болѣе чѣмъ тамъ о немъ сказано»[1]).

Прослѣдивъ въ перепискѣ историческія занятія Екатерины, считаемъ не лишнимъ привести здѣсъ нѣкоторые, высказанные ею по разнымъ поводамъ, общіе взгляды на этнографію, исторію и будущность русскаго народа. Такъ, получивъ еще въ 1777 году черезъ Шувалова сочиненіе Неккера о торговлѣ зерновымъ хлѣбомъ, она говоритъ Гримму, что включила это сочиненіе въ число своихъ классическихъ книгъ, удостоивая его чести отмѣтокъ краснымъ карандашемъ, и прибавляетъ: «Я очень люблю главу, начинающуюся на стр. 136, особливо то, что онъ говоритъ о сѣверѣ; не могу только съ нимъ согласиться. Не бывъ никогда на сѣверѣ, онъ не довольно знаетъ его особенности, судитъ слишкомъ рѣзко и обобщаетъ слишкомъ неопредѣленно. Еслибъ я знала Неккера, я въ иномъ вступила бы съ нимъ въ споръ. Напримѣръ, я бы сказала ему: сѣверныя страны имѣютъ и южныя провинціи, самыя плодородныя и ни въ чемъ не похожія на берега Ледовитаго моря. Если эти берега мало населены, знайте что въ другихъ мѣстахъ земли не хватаетъ. Терпѣніе: черезъ нѣсколько лѣтъ вы увидите карты Россіи, которыя дадутъ о ней вѣрное понятіе; много такихъ ошибокъ происходитъ отъ того, что столицы построены подъ непривѣтливыми небесами»[2])... «Я люблю страны еще невоздѣланныя», говоритъ она въ другомъ мѣстѣ: «вѣрьте мнѣ, это лучшія страны. Я вамъ повторяла тысячу разъ: я годна только въ Россіи, помните это. — Въ другихъ странахъ уже не найдешь священной природы (sancta natura); все столько же искажено, сколько чопорно»[3]).

Во время волненій въ Крыму, вызванныхъ подстрекательствомъ западныхъ державъ, особливо Франціи, и при заключеніи

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 639.
[2]) 66.
[3]) 70.

Тешенскаго мира Екатерина писала въ 1779 году: «Вы согласитесь со мной, что въ вознѣ съ Марабу у меня будетъ болѣе работы чѣмъ когда-либо. На Россію угрожаетъ свалиться весьма толстый in-quarto [1]), наполненный тысячами вещей о которыхъ слѣдовало бы забыть, чтобъ машина могла итти сама, силою ей даннаго толчка столько же въ головахъ какъ и въ книгахъ; это такъ и будетъ, когда дѣло будетъ устроено просто и естественно, такимъ образомъ чтобъ всякій предметъ стоялъ именно тамъ гдѣ надо, не мѣшая другому. Вотъ развитіе сотворенія міра, которое не можетъ быть разстроено однимъ толчкомъ» [2])... «Надо сознаться, что у васъ иногда странныя мысли», писала государыня Гримму въ 1782 году: «Вотъ вы мнѣ пишете диссертацію, чтобъ сдвинуть меня съ сѣвера, Богъ знаетъ куда. Да кто же занимаетъ сѣверъ, если не мы, которые отъ Риги до Камчатки составляемъ поясъ вокругъ сѣвернаго полюса? Мои сосѣди Китайцы называютъ себя *Серединной Имперіей*; я ни о чемъ не спорю, я ихъ тамъ оставляю, но зачѣмъ же мой многострадальный хлопочетъ о томъ, чтобъ перемѣстить меня? Кого же онъ поставитъ на мое мѣсто? И зачѣмъ говорить сѣвернымъ людямъ о востокѣ, который до нихъ не касается» [3])? Вскорѣ послѣ того государыня пишетъ: «Такъ какъ вы мнѣ столько твердите о границахъ имперіи, я должна съ вами поговорить о восьмидесяти и болѣе народахъ, обитающихъ въ этой имперіи. Только что вышла по этому предмету книга одного профессора академіи, по имени Георги [4]), самая любопытная въ мірѣ, потому что въ ней описаны всѣ жилища отъ Мраморнаго дворца до пещеры, и точно такъ же соединены въ ней всѣ вѣрованія и секты, такъ что вамъ стоитъ только пріѣхать къ намъ, чтобъ узнать о постройкахъ, языкахъ и вѣрова-

[1]) Намекъ на акты Тешенскаго мира.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 139.

[3]) 246.

[4]) Іоаннъ Готлибъ Георги, профессоръ естественной исторіи и химіи въ Академіи наукъ, напечаталъ въ 1782 году второе изданіе своего сочиненія Beſchreibung ſämmtlicher Rußland bewohnender Völkerſchaften. Эта книга была издана также въ переводахъ русскомъ и французскомъ.

ніяхъ все что вамъ только пожелается: вы все тамъ отыщете. Но такъ какъ вы руководите востокомъ и сѣверомъ, съ вашимъ прекраснымъ способомъ доказательствъ, вы Богъ знаетъ что́ докажете. Но госпожа Сибилла вина не пьетъ» [1]).

Въ 1791 году, говоря о Мирабо и его. чудовищности, какъ человѣка, государыня высказываетъ такое сужденіе: «Надо бы перелистовать страницы исторіи, чтобъ увидѣть, была ли какая-нибудь страна спасена кѣмъ-либо инымъ, какъ человѣкомъ истинно *великимъ*, и смотря по этому открытію, я предсказала бы что́ будетъ съ Франціей. Вотъ Персія болѣе пятидесяти лѣтъ разрушается, и такой спаситель еще не являлся. Россія, при пресѣченіи рода Рюрикова, была спасена отъ сорокалѣтняго междоусобія тремя людьми: однимъ богатымъ, другимъ мужественнымъ, третьимъ искуснымъ политикомъ, и эти трое обладали всѣми нужными качествами, чтобъ имѣть успѣхъ въ свое время. Только что первый князь изъ дома Романовыхъ вступилъ на престолъ, все кончилось, потому что не о чемъ было и ссориться, мѣсто было занято. Этому князю было только 16 лѣтъ, и отецъ его патріархъ управлялъ за него; такимъ искуснымъ для своего времени политикомъ былъ онъ» [2]).

18 сентября 1785 г.: «Я совершенно согласна съ мнѣніемъ шотландскаго пэра на счетъ Петербурга. По ходу русской исторіи обладатели сѣверной имперіи легко становились повелителями юга имперіи. Владѣтели же южные, безъ сѣвера, всегда были слабы и немощны въ своемъ могуществѣ. Но сѣверъ очень хорошо обходился безъ юга или южныхъ провинцій. Итакъ столица этой имперіи, по моему разумѣнію еще не найдена, и вѣроятно не мнѣ найти её. Но еслибъ во время шведской войны я не была здѣсь, намъ надо бы болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ лишняго войска, чтобъ защититься отъ этого стремительнаго нападенія. Аналогія бычачьей кожи имѣетъ нѣсколько истолкованій:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 261.
[2]) 520, 521.

мое — вотъ какое: когда восточный властелинъ сѣлъ въ серединѣ, то всѣ четыре конца кожи поднялись разомъ» [1]).

Финансовые взгляды Екатерины отличались простотой и видимымъ желаніемъ оградить Россію отъ европейской спекуляціи и установить въ ней кредитъ самостоятельный, сообразный съ ея гораздо менѣе сложными формами жизни, чѣмъ на западѣ Европы. Она не любила также никакихъ внутреннихъ стѣсненій торговли, никакихъ мелкихъ фискальныхъ пошлинъ, монополій и особливо никакой эксплуатаціи русскихъ богатствъ иностранцами. Однако пользу нѣкоторыхъ пошлинъ, установленныхъ съ цѣлями благодѣтельными для страны, она признавала, и жалѣла напримѣръ объ уничтоженіи городского акциза при Елисаветѣ, о чемъ писала Гримму еще въ 1776 г.: «Я не расположена къ стѣсненіямъ, однако полагаю, что нѣкоторыя изъ нихъ были установлены во избѣжаніе важныхъ неудобствъ, и весьма неосторожно и дерзко къ нимъ прикасаться. У насъ, напримѣръ, городскіе акцизы были уничтожены въ царствованіе покойной императрицы Елисаветы, и изъ этого вышло, что все равно стало жить въ деревнѣ или въ городѣ по отношенію къ дороговизнѣ. Это привлекло множество народа въ города, дороговизна оттого увеличилась, но никто не хотѣлъ возвратиться въ деревню, входили въ долги и разорялись, а деревни опустѣли, и дѣло было уже непоправимо. Вы знаете что́ можетъ произвести неограниченная свобода въ вывозѣ хлѣба и проч. Я вамъ привожу только факты и не хочу входить въ умозаключенія» [2]). Когда въ 1778 году Гриммъ совѣтовалъ дать какую-то исключительную торговую привилегію одной голландской компаніи въ Россіи, государыня отвѣчала: «Я не особенно люблю предпріятія этого рода. Русскія гавани открыты для всѣхъ, кому желательно въ нихъ торговать, вотъ и все. Я страшно боюсь монополій, не люблю все регламентировать, а еще менѣе стѣснять. Предпріятія такого рода рискованы, съ подоб-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 648, 649.
[2]) 44.

ными компаніями всегда много возни. Я какъ Базиліо въ «Севильскомъ цирюльникѣ»: у меня есть кое-какія маленькія правила которыхъ я держусь и которыя прилагаю съ извѣстнымъ разнообразіемъ [1]). Ваши финансовыя дѣла — это искуство, котораго я не понимаю. У насъ всякая община платитъ свои подати два раза въ годъ въ уѣздное казначейство. У насъ только водка на откупу. Я учредила казенныя палаты (chambres de finances) въ каждой губерніи. Казначеи имъ подчинены, и до всего этого, само собою разумѣется, что архіепископу нѣтъ никакого дѣла» [2]). 1779-го года: «Я не читала записки о торговлѣ, потому что насъ душатъ подобными произведеніями люди, которые понятія не имѣютъ о мѣстныхъ условіяхъ, а мое правило таково, чтобъ всякая торговля развивалась свободно, какъ она сама можетъ, только бы эту торговлю, какъ и все другое, не подшибать подъ ноги. Въ свидѣтели призываю послѣдствія такихъ подшибовъ, заключающіяся въ новыхъ, присланныхъ мнѣ Панкукомъ, тетрадяхъ. Я отдала предпочтеніе рецепту противъ полевыхъ мышей, потому что онъ по крайней мѣрѣ коротокъ и разуменъ, но у насъ все это считается слишкомъ мелкимъ, благодаря размѣрамъ и различію произведеній и климатовъ. Записка о Китаѣ говоритъ, что маленькая Европа и понятія не имѣетъ о неизмѣримости Китая и всего, что онъ въ себѣ вмѣщаетъ. Ну, и мы въ томъ же точно положеніи относительно васъ» [3]). «Я вовсе не люблю фискальнаго духа, ни изобрѣтенія ничтожныхъ источниковъ дохода, которые только надоѣдаютъ людямъ, а приносятъ очень мало» [4]).

Лотерей государыня не любила и не допускала у себя. Мы говорили по поводу предпріятія Бомаршэ, что она объявляла Гримму, какъ она ненавидитъ лотереи столько же внутреннія, сколько и иностранныя. О проектахъ и прожектерахъ она замѣчала при чтеніи книги Неккера, что она не любитъ ни тѣхъ, ни

---

[1]) 94. [2]) 100, 101.
[3]) 138. [4]) 338

другихъ и что изо ста проектовъ рѣдко найдешь одинъ годный и приложимый къ дѣлу [1]).

Гриммъ однако очень часто давалъ императрицѣ финансовые совѣты. Такъ банкиръ Сантини, дѣлавшій за нее расплаты въ Италіи, сообщалъ черезъ Гримма мысль объ установленіи прямыхъ торговыхъ сношеній между Россіей и Италіей по плану, имъ предложенному, и Гриммъ прибавлялъ: «Предметъ обширенъ и стóитъ вниманія, независимо отъ сбереженій, которыя мы сдѣлаемъ императрицѣ на векселя и размѣнъ; это можетъ со временемъ способствовать расширенію торговли на Черномъ морѣ. Стóитъ только вначалѣ итти потихоньку. Маленькій удачный опытъ вызываетъ другихъ на то же, и вотъ какъ былъ созданъ міръ» [2]). Въ 1781 году, по случаю паденія нашего курса за границей, онъ писалъ: «Я знаю, что конечно не покупки вашего величества, можетъ-быть и не огромное количество русскихъ путешественниковъ вліяютъ на положеніе курса; во всемъ виною эта смѣшная и гадкая война, разоряющая купеческое мореходство почти всѣхъ странъ Европы, и вынуждающая ихъ сокращать или вовсе прекращать свои обороты до заключенія мира. Чортъ побери воюющихъ!.. Но пока осуществится это благое дѣло, многострадальный мечтаетъ въ своей мурьѣ о способахъ поднять курсъ, не дожидаясь мира. Я уже видѣлъ съ удовольствіемъ, что ваше величество дозволили вывозъ поташу: чѣмъ болѣе откроется источниковъ вывоза, тѣмъ ближе будутъ къ лѣкарству. Графъ Шуваловъ утверждаетъ, что вывозъ мѣди не представитъ никакого неудобства, а напротивъ, большія выгоды. Такъ какъ повѣтріе подбивать суда мѣдью сдѣлалось общимъ въ королевскихъ и военныхъ флотахъ, то навѣрное эта отрасль торговли должна имѣть значительное примѣненіе. Я, въ качествѣ мухи императорской кареты, желалъ бы сдѣлать заемъ въ Голландіи и можетъ-быть въ Генуѣ, не имѣя другой цѣли, какъ предупредить паденіе курса;

---

[1]) 372.

[2]) Письма Гримма 80.

а такъ какъ при заключеніи мира этотъ курсъ непремѣнно возвысится пропорціонально своему паденію, я выбралъ бы эту минуту для возвращенія капиталовъ. Императрица можетъ-быть скажетъ мнѣ: «Многострадальный, кто просилъ тебя нести вздоръ о курсѣ и надоѣдать мнѣ твоимъ вздоромъ»? Кто мнѣ это позволилъ, государыня? Развѣ я даромъ коллежскій совѣтникъ, и не въ самомъ ли существѣ совѣтника давать совѣты вкривь и вкось»?[1]) Этому италіянскому банкиру Сантини, о которомъ упоминалось выше, Рейфенштейнъ черезъ Гримма старался выхлопотать титулъ консула, или банкира ея императорскаго величества. Государыня отвѣчала: «О, объ этихъ титулахъ банкира и консула лучше не говорите мнѣ. Мы имѣемъ дѣла съ цѣлой Европой и наши титулы будутъ похожи на тѣ, которые жалуетъ курфирстъ Кёльнскій то есть люди станутъ бѣгать отъ тѣхъ, кто ихъ носитъ»[2]). Гриммъ не переставалъ однако заботиться о нашемъ курсѣ и писалъ: «Я все мучусь въ своемъ кабинетѣ, какъ бы поднять курсъ, но мои мученія на него нисколько не дѣйствуютъ. Графъ Шуваловъ говоритъ, что ваше величество могли бы и должны бы послать часть мѣди изъ вашего банка въ Голландію. Я этого хорошенько не разумѣю, потому что не понимаю, или не понимаю хорошенько, потому что не разумѣю. Но я, который не вижу далѣе своего носа въ этихъ дѣлахъ, желалъ бы, чтобъ императрица имѣла кассу и кассира въ Амстердамѣ. Пока размѣнъ въ Россіи былъ бы въ хорошемъ состояніи, кассиръ размѣнивалъ бы капиталы своей кассы на хорошія бумаги, которыя давали бы проценты; но только что курсъ вздумалъ бы опуститься, онъ продалъ бы свои бумаги и сталъ бы на стражѣ, чтобъ помѣшать паденію. Я полагаю, что человѣкъ умный и свѣдущій въ денежной стряпнѣ предотвратилъ бы этимъ способомъ всякое чувствительное и невыгодное измѣненіе курса, и доставилъ бы другимъ мѣрамъ, къ которымъ бы мудрость вашего величества прибѣгла, время необходимое,

---

[1]) Тамъ же, 116, 117.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 209.

чтобъ произвести свое дѣйствіе. Эта касса могла бы составиться сначала изъ открытыхъ займовъ, потому что, слава Богу, мы имѣемъ болѣе кредита, чѣмъ нуждъ: вотъ рѣшенія слѣпого, судящаго о цвѣтахъ. Я тоже узналъ недавно, что Франція въ состояніи доставить Россіи піастры дешевле чѣмъ Голландія» [1]).

«Оставьте курсъ въ покоѣ», отвѣчала государыня: «Нельзя всегда быть въ барышахъ. Г. Шуваловъ кричитъ о курсѣ, не имѣя другого предмета, на что излить свою желчь. Когда курсъ достаточно упадетъ, то онъ опять поднимется. Всѣ эти люди сами все на свѣтѣ дѣлаютъ, чтобъ уронить его, а потомъ кричатъ: курсъ упалъ» [2]).

Мы уже по поводу французскихъ финансовъ приводили замѣчаніе государыни, что поправленіе финансовой системы не есть дѣло одного года. Гриммъ хорошо понималъ, какую вредную роль въ финансахъ играютъ жиды, и потому писалъ о нихъ: «Это люди такого закала, о которомъ нельзя даже дать и приблизительнаго понятія нашей государынѣ, такъ какъ въ Россіи нѣтъ настоящихъ финансистовъ, ибо жиды, могущіе представлять ихъ образъ, нетерпимы въ ней» [3]).

Въ 1787 году Екатерина заключила торговый союзъ съ Франціей и такъ извѣщала о томъ Гримма: «Сего 2-го апрѣля. Я пишу вамъ тѣмъ самымъ перомъ, которымъ подписала ратификацію торговаго союза съ Франціей» [4]). О внѣшнихъ займахъ государыня всегда отзывалась неблагопріятно, даже когда говорила о чужихъ министрахъ финансовъ, напр. Калоннѣ: «Мнѣ никогда не приходился по вкусу г. Калоннъ: одни его займы должны возбуждать къ нему ненависть» [5]). Мы приведемъ еще выдержку, доказывающую какъ государыня понимала, что къ намъ ни въ чемъ нельзя прилагать мѣрку европейскую, и отклоняла пред-

---

[1]) Письма Гримма 204.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 216, 217
[3]) Письма Гримма 241.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 395.
[5]) 415.

ложенія иностранныхъ услугъ для поднятія у насъ земледѣлія, не довѣряя опытамъ, обыкновенно не приводившимъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ на нашихъ громадныхъ пространствахъ. 13-го мая 1796 года: «Боже мой, Боже мой! Когда бы вы знали какое отвращеніе я питаю къ агрономамъ и хлѣбопашцамъ, никогда не имѣвшимъ сохи въ рукахъ, что вы бы ни говорили мнѣ о г. Янишѣ и о г. Финдлэтерѣ. Вдобавокъ и русскіе крестьяне еще болѣе ихъ ненавидятъ нежели я, и не безъ причины. То, что можетъ быть пригодно на клочкѣ земли величиною съ мою комнату, не можетъ быть хорошо для громадныхъ пространствъ: у насъ привыкли имѣть безъ большихъ усилій все что нужно, и мы снабжаемъ лошадьми и скотомъ многія страны. Мы ужъ видѣли такихъ хлѣбопашцевъ изъ Англичанъ; но никто и не подумалъ подражать имъ: ни обстоятельства, ни климатъ не одинаковы. Знаете, что случилось бы съ такъ называемымъ хлѣбопашцемъ Янишемъ, еслибъ онъ сдѣлался управляющимъ казенными землями? Крестьяне убили бы его съ его хваленой агрономіей, вотъ и все: предоставьте насъ самимъ себѣ: мы болѣе воздѣлываемъ и продаемъ хлѣба, чѣмъ вся остальная Европа вмѣстѣ, и какъ хотите вы, чтобъ обработка земли маленькой Англіи была для насъ пригодна? Это бы значило надѣть платье карлика на великана. Кромѣ того, нигдѣ народонаселеніе такъ не увеличивается въ деревняхъ и городахъ, какъ у насъ. Я не смѣю утверждать того, но вѣрно, что оно удвоилось въ мое царствованіе; у насъ умираютъ отъ объяденія, а никогда отъ голода. У насъ вовсе не видно людей худыхъ и ни одного въ лохмотьяхъ, а если есть нищіе то по большей части это лѣнивцы: Это говорятъ сами крестьяне, которые впрочемъ гостепріимны какъ нигдѣ»[1]).

Въ этой выпискѣ ясно выразилось не только сознаніе, что всякое развитіе и улучшеніе должно исходить у каждаго народа изъ него самого, изъ собственныхъ его потребностей, усилій и

[1]) 676.

опытовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нежеланіе отдавать русскаго человѣка въ школу иностранныхъ проходимцевъ, которые, за рѣдкими исключеніями, болѣе радѣютъ о своемъ карманѣ, чѣмъ объ успѣхѣ дѣла въ странѣ для нихъ чуждой.

Отъ историческихъ и финансовыхъ взглядовъ государыни мы перейдемъ къ обще-государственнымъ. Вотъ какъ судила она о прогрессѣ, когда онъ выражается не въ улучшеніи уже существующаго, а во всеобщей ломкѣ, въ стремленіи молодыхъ поколѣній превзойти своихъ предшественниковъ чѣмъ-нибудь совершенно новымъ, что такъ обуяло Францію конца 18-го вѣка и было предвѣстникомъ губительной для нея революціи: «Всѣ младшія головы въ Европѣ», говоритъ государыня, «соединились въ одну партію, такъ же какъ и головы старшія. Духъ партіи младшихъ головъ заключается въ томъ, чтобъ быть парадоксальнымъ въ отношеніи къ своимъ старшимъ, по той же причинѣ, которая часто заставляетъ дѣтей принять образъ дѣйствій совершенно противоположный тому, какого держатся родители: хотятъ дѣлать лучше, но на самомъ дѣлѣ *могутъ* дѣлать лучше только тѣ, которые имѣютъ въ себѣ средства сдѣлать лучшее, а дѣлаютъ хуже всѣ тѣ, которые, вмѣсто того чтобъ подражать хорошему, хотятъ превзойти другихъ самыми крайними парадоксами» [1]). Здѣсь кстати будетъ припомнить вѣрное сужденіе Екатерины о духѣ партій, приведенное нами по поводу Кириллы. Сожалѣя, что новый Римъ воздвигъ множество памятниковъ глупцамъ, обладавшимъ только духомъ партій, она говоритъ, что этотъ духъ производитъ и добродѣтели только модныя, а настоящія добродѣтели остаются въ тѣни и теряютъ цѣну. «Это конечно средство имѣть людей *какихъ хочешь*, но никакъ не способствуютъ къ проявленію *великаго*», прибавляетъ государыня [2]).

Вотъ мнѣніе государыни о системахъ и страсти къ доктринѣ: «Тотъ, кто создаетъ системы, старается включить въ нихъ и то, что хорошо сходится, и то, что вовсе не сходится, а потомъ са-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 127.
[2]) 56.

молюбіе переходитъ въ любовь къ системѣ, что́ порождаетъ упрямство, нетерпимость, преслѣдованіе, всю дрянь, отъ которой мой учитель (Вольтеръ) совѣтуетъ воздерживаться»[1]).

Взглядъ Екатерины на восемнадцатый вѣкъ мы уже приводили, такъ же какъ и ея мнѣніе, что подражатели великихъ людей почти всегда искажаютъ ихъ мысли и что во Франціи желавшіе писать какъ Вольтеръ, не имѣя его генія, думали, что достаточно красиво обдѣлывать фразу и вкривь и вкось дерзко судить обо всемъ. «Не пишите сильно», восклицаетъ она, «когда не имѣете духа силы, не пишите смѣло, когда не обладаете ни геніемъ, ни пріятностью»[2]). «Да», говоритъ она, въ другомъ мѣстѣ, «много дурныхъ дѣлъ, а между прочимъ и святая инквизиція запачкали 18-й вѣкъ. Но что дѣлать, міръ ужъ таковъ, что онъ немногаго сто́итъ; покойный пасторъ Вагнеръ говорилъ: — «На половину — все наслѣдственный грѣхъ! —»[3]) Послушайте: я нахожу, что свѣтъ становится гораздо менѣе чувствителенъ къ достоинству вообще и даже къ великому достоинству, и мнѣ кажется, что всѣ дрянные писатели, принимающіе фразу за дѣло, злость за остроуміе и отвлеченныя умствованія за геніальность, не мало способствовали такому упадку»[4]).

Мы уже говорили какъ Екатерина сожалѣла, что подъ личиной просвѣщенія люди съ кривымъ и превратнымъ умомъ бросаютъ среди общества ложные взгляды и понятія и болѣе портятъ чѣмъ просвѣщаютъ. (См. выше стр. 37).

Но особенно разочаровалась она въ своемъ вѣкѣ послѣ ужасовъ французской революціи: «Я вчера вспомнила», говоритъ она въ 1794 г., «что вы мнѣ говорили не разъ: — этотъ вѣкъ есть вѣкъ приготовленій. А я прибавлю, что приготовленія эти состояли въ томъ, чтобъ приготовить грязь и грязныхъ людей разнаго рода, которые производятъ, производили и будутъ производить безконечныя несчастія и безчисленное множество не-

---

[1]) 217. [2]) 193.
[3]) 124. [4]) 221, 222.

счастныхъ» [1]). О второй половинѣ 18 вѣка говорится, что это царство Сатаны на землѣ».... «Половина изъ всѣхъ оставшихся на землѣ людей — сумасшедшіе или бѣшеные. Живите-ка съ этими людьми, если можете» [2])! Объ упадкѣ французской литературы государыня соболѣзновала не разъ и писала въ 1782 году: «Бѣдные люди (т. е. Людовикъ XVI)! У нихъ нѣтъ ни одной книжки, на которую можно бы указать, съ тѣхъ поръ какъ умеръ мой учитель. Жалкія, спутанныя головы и мудрые пустомели съ мастерами на всѣ руки, ничему не учившимися основательно и однако выдающими свои разнообразныя ребячества за послѣднее слово мудрости, — вотъ эти-то у него во множествѣ! Право чудный вздоръ былъ у нихъ читанъ на публичныхъ, ученыхъ собраніяхъ въ маѣ или началѣ іюня. Благослови Боже этихъ несравненныхъ мастеровъ! У насъ былъ два года тому назадъ бравый и честный человѣкъ, который падалъ въ обморокъ, когда ему читали глубокомысленно ученый вздоръ, казавшійся ему непереваримымъ» [3]).

Вотъ какъ Екатерина въ 1791 году взглянула на готовившуюся французскую конституцію, которую считали способною уврачевать всѣ раны и умиротворить возбужденныя народныя страсти: «Лучшая изъ конституцій не стоитъ дьявола, потому что она дѣлаетъ гораздо болѣе несчастныхъ, чѣмъ счастливыхъ, что прямые и честные люди отъ нея страдаютъ и только для злодѣевъ она выгодна, такъ какъ имъ наполняютъ карманы и никто ихъ не наказываетъ. Вотъ образецъ, который предлагается къ подражанію цѣлой Европѣ; но прежде она, кажется, должна сойти съ ума. Да извинятъ меня французскіе демократы, но ими овладѣло безуміе» [4]). Всѣ эти слова получаютъ еще бо́льшій вѣсъ въ устахъ государыни, которая во дни своей молодости сама вѣровала въ силу и справедливость началъ, приведшихъ Францію къ прискорбнымъ крайностямъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія мнѣніе Екатерины объ адвокатахъ, — учрежденіи, которому она

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 601. [2]) 516.
[3]) 247. [4]) 539.

приписывала бѣдствія французской революціи. Вотъ что она говоритъ о нихъ въ 1790 году: «Противъ ябедниковъ во всѣхъ странахъ придумываютъ законы, и даже очень строгіе, а во Франціи эти шавки возведены въ роль законодателей. Эта сволочь похожа на маркиза Пугачева, про котораго я всегда говорила, что никто лучше его самого не знаетъ какой онъ злодѣй. Эти адвокаты, соображаясь съ тѣмъ когда и какъ имъ заплатили, поддерживаютъ то правду, то ложь, то справедливое, то несправедливое. Я бы прежде всего удалила этихъ людей и не стала бы бороться по частичкамъ съ тѣмъ, что они натворили или творятъ; это пришло бы послѣ, но говорятъ, что хозяину [1]) нравится эта буржуазія. Жаль Государства и людей здравомыслящихъ! Что до толпы и ея мнѣній, то имъ нельзя предавать большаго значенія [2]). Въ другомъ мѣстѣ, разсказывая Гримму, какъ щедро она награждаетъ заслуги отечеству, Государыня прибавляетъ: «Главная тому причина, что адвокаты и прокуроры у меня не законодательствуютъ, и никогда законодателями не будутъ, пока я жива, а послѣ меня будутъ слѣдовать моимъ началамъ» [3]). О юстиціи государыня говорила, что она любитъ только ту, «въ которой каждый поставленъ судьею» [4]), то есть прямо сознавала необходимость гласнаго суда.

Въ 1793 году, когда Гриммъ, уже удрученный несчастіями, конечно самъ сознавалъ, что легкомысленныя ученія философовъ 18 вѣка были одною изъ главныхъ причинъ бѣдствій Франціи, государыня, вѣроятно желая мысленно защитить Вольтера, отвѣчала ему: «Послушайте! на первыя двѣ страницы вашего № 65 я скажу вамъ, что французскіе философы, которыхъ обвиняютъ, что они подготовили французскую революцію, впали только въ одну ошибку. Они полагали, что проповѣдуютъ людямъ съ добрымъ сердцемъ и доброй волей, а вмѣсто того прокуроры, адвокаты и

---

[1]) Людовику XVI.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 489.
[3]) 497.
[4]) 382.

всѣ злодѣи, прикрываясь ихъ принципами, и подъ этимъ плащемъ, который они впрочемъ скоро сбросили, производили все, что только возмутительнѣйшее нечестіе могло придумать самаго неистоваго. И эта парижская сволочь, порабощенная самыми звѣрскими преступленіями, смѣетъ называть себя свободною, тогда какъ она никогда не испытывала болѣе жестокой и безсмысленной тиранніи» [1]).

«Вы правы», говоритъ государыня Гримму въ 1794 году, разсуждая о свободѣ и власти, «вы правы, что никогда не хотѣли быть причтены къ иллюминатамъ, мечтателямъ и философамъ, потому что у нихъ всѣхъ, какъ доказываетъ опытъ, была одна цѣль — разрушать. Но что бы они ни говорили и ни дѣлали, міръ никогда не обойдется безъ власти и все-таки лучше для него временное неразуміе *одного*, чѣмъ безуміе *множества*, приводящее двадцать милліоновъ людей въ ярость за одно слово *свобода*, которой они не имѣютъ и тѣни и за которою эти безумцы бѣгутъ, никогда ее не достигая» [2]).

О постоянномъ и всеобщемъ мирѣ Екатерина высказываетъ слѣдующее сужденіе: планъ постояннаго мира — это прекрасная мечта, способная опоить водою не одну посредственную голову, но кто же, будучи хозяиномъ у себя, и имѣя свою собственную шапку, потерпитъ, чтобъ ему воткнули голову въ шапку, куда всунуто ужъ нѣсколько головъ, которыя всѣ сталкиваются и вѣчно будутъ сталкиваться?» [3]).

Въ прекрасныхъ строкахъ вылился взглядъ ея на силу нравственнаго вліянія и на истинную славу: «Въ жизни моей я не полагала славы въ дѣйствіяхъ всего болѣе превозносимыхъ. Всякій превозноситъ или не превозноситъ, смотря по собственному интересу. Но не здѣсь правда! Мнѣ нравится та слава, которая часто менѣе всего превозносится. Это та слава, которая

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 587.
[2]) 593.
[3]) 514.

не только въ настоящемъ производитъ благо, но создаетъ въ будущемъ безчисленныя поколѣнія добрыхъ! Эта слава посѣвается иногда однимъ словомъ, одной строчкой, прибавленной или убавленной. Это та слава, которой самые ученые люди иногда ищутъ съ фонаремъ въ рукѣ, и, наткнувшись на нее носомъ, ничего не понимаютъ въ ней, если у нихъ недостаетъ генія, способнаго къ развитію. Ахъ, милостивый государь, одна капля такой славы затмеваетъ въ глазахъ моихъ всѣ маленькія славы, о которыхъ говорятъ мнѣ» [1]).

Размышляя о дѣлахъ, вокругъ нея происходившихъ, Екатерина говоритъ: «На свѣтѣ все идетъ постарому, будетъ итти какъ шло, а шло такъ же какъ идетъ теперь» [2]). Еслибъ вы мнѣ объяснили, что такое этотъ міръ, вы бы очень меня одолжили. Г. Александръ спрашивалъ меня о томъ, уже не разъ» [3]). О загадочности самого человѣка у нея вырывается слѣдующее размышленіе: «Я часто опускаю голову на все что дѣлаю, потому что человѣкъ — существо, на дѣянія котораго не стóитъ слишкомъ обращать вниманія, такъ какъ мы сами не очень хорошо понимаемъ, что мы такое» [4]).

О значеніи верховной власти въ выборѣ государственныхъ людей, призванныхъ окружать престолъ, также высказаны замѣчательныя мысли: «Скажите мнѣ, многострадальный, выбиралъ ли какой другой государь своихъ министровъ и прочихъ чиновниковъ болѣе съ голоса общества, чѣмъ Людовикъ XVI? А мы видѣли, чтó случилось. По-моему ни одна страна не имѣетъ недостатка въ людяхъ: дѣло не въ томъ, чтобъ ихъ искать, а въ томъ, чтобъ умѣть употреблять тѣхъ, кто подъ рукою. Про насъ постоянно говорили, что у насъ недостатокъ въ людяхъ: несмотря на это, все дѣлалось. У Петра Великаго были такіе сподвижники, которые не умѣли ни читать, ни писать. И развѣ дѣла шли дурно? Стало-быть, нѣтъ недостатка въ людяхъ: ихъ множество, но надо

---

[1]) 165, 166. [2]) 184
[3]) 241. [4]) 160.

умѣть управлять ими. Все пойдетъ, когда будетъ та сила, которая двигаетъ. Какъ поступаетъ твой кучеръ, многострадальный, когда ты засядешь въ карету?[1]). . . Конечно, людей съ достоинствомъ довольно во всякое время, потому что люди совершаютъ дѣла, а дѣла образуютъ людей. Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые мнѣ служили и по большей части служили хорошо. Кромѣ того я въ иное время люблю людей новыхъ. Они очень пригодны *вмѣстѣ* съ самыми старыми и *возлѣ* нихъ: Это новые собесѣдники, которые, когда кстати брошены на сцену, только оживляютъ дѣйствіе и мѣшаютъ ржавчинѣ останавливать колеса. Это также шпоры для иноходцевъ»[2]). . . Еще гораздо ранѣе, въ 1782 году, Екатерина открываетъ намъ тайну того счастливаго выбора людей, который прославилъ ея царствованіе: «Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что чье-нибудь достоинство можетъ испугать меня. На противъ, я бы желала имѣть вокругъ себя однихъ героевъ, и я все на свѣтѣ употребляла, чтобъ сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ я видѣла малѣйшее къ тому призваніе»[3]). . . «Я люблю, когда достоинство получаетъ доброе, хорошее мѣсто, такъ какъ Богъ намъ свидѣтель, что мы, круглые невѣжды, не имѣемъ никакой особенной склонности къ дуракамъ на высокихъ мѣстахъ, а ихъ много на этомъ свѣтѣ, и мнѣ кажется, что число ихъ увеличивается»[4]).

Вотъ какъ она разсуждаетъ о счастіи и несчастіи по поводу гибели французскаго короля, который, по ея мнѣнію, самъ способствовалъ торжеству порока, злобы и всѣхъ ужасовъ, которые ихъ сопровождаютъ: «Каковы средства, таковъ и результатъ. Счастье и несчастье каждаго въ характерѣ человѣка. Этотъ характеръ заключается въ правилахъ имъ принятыхъ. Успѣхъ же — въ выборѣ средствъ, употребленныхъ для достиженія цѣли; если человѣкъ колеблется въ своихъ правилахъ, если онъ оши-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 607, 608.
[2]) 624.
[3]) 255.
[4]) 409.

бается въ средствахъ имъ избранныхъ, то въ планахъ его ужъ не можетъ быть послѣдовательности. Путь же людей порочныхъ долженъ быть гораздо труднѣе, такъ какъ имъ, кромѣ труда, положеннаго на предпріятіе, необходима еще маска, чтобъ прикрыть его... Но я начинаю чувствовать, что я похожа на Шаха-Багама, который всегда оканчивалъ свои разсужденія словами:—не моя вина, если вы меня не понимаете, а я самъ себя очень хорошо понимаю»[1]). О людяхъ, дѣйствующихъ интригой черезъ другихъ, искусно скрываясь за ними, Екатерина говорила, что она ихъ очень хорошо понимаетъ, и разъ полученное ею впечатлѣніе никогда не сглаживалось: «Вы вполнѣ правы, что у меня голова не податливая», говоритъ она: «когда какая-нибудь личность меня поразила, то, будь ихъ хоть тридцать того же имени, я приписываю всѣ ихъ дѣянія, если они не ясно обрисовываются, тому, кто ударилъ по наковальнѣ»[2])

Какъ твердая и энергическая представительница верховной власти, Екатерина не любила слабости и безначалія, и приводитъ Гримму слѣдующую пословицу въ поученіе: «Котъ изъ дому, мыши расплясались по столамъ и стульямъ; котъ домой, и мыши попрятались въ норы», и другую поговорку: «Часто надо только ногой топнуть, и все придетъ въ порядокъ»[3]).

Правило государыни сохранять присутствіе духа и не унывать ни въ какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ выражено ею такъ: «Древніе полагали высшее мужество въ томъ, чтобъ переносить и исправлять несчастія; тутъ-то обнаруживали они истинное величіе души и сильный закалъ своего ума и характера. Современные герои должны бы имъ подражать, они должны бы питать душу чтеніемъ древнихъ. Это бы ихъ укрѣпляло и поддерживало въ нихъ необходимыя качества для великихъ дѣлъ»[4]).

Отзывы императрицы объ усердіи русскаго народа, его послушаніи голосу порядка, его покорности Промыслу, о храбрости

---

[1]) 595, 596. [2]) 163.
[3]) 596. [4]) 496.

и стойкости русской арміи приведены будутъ нами въ послѣдней части нашего труда по поводу войнъ шведской и второй турецкой. Здѣсь же въ заключеніе очертимъ взглядъ императрицы на русскую православную Церковь.

Несмотря на вліяніе французскихъ философовъ, особливо въ молодые годы, государыня во всей своей перепискѣ является искренно вѣрующею. На циническія выходки Гримма противъ религіи она отвѣчаетъ почти всегда глубокимъ молчаніемъ. Духъ христіанства она понимаетъ во всей его чистотѣ, какъ ученіе любви къ ближнему по преимуществу, о чемъ свидѣтельствуетъ весь характеръ ея отношеній къ людямъ и то, какую цѣну она придаетъ добротѣ сердечной. Христіанство — это «бѣдность и любовь», опредѣляетъ она его, говоря о пышности папскаго двора. Въ нашей русской церкви она охуждаетъ только суевѣріе, характеръ праздности въ монастыряхъ и ихъ управленіе: то черезъ чуръ плохое, то слишкомъ хорошее въ смыслѣ эгоистическомъ и мало христіанскомъ. По веселости своего характера она иногда шутитъ надъ нѣкоторыми черезъ чуръ первобытными сторонами въ нравахъ духовенства, напримѣръ надъ тѣмъ, что архіерейскіе дома рѣдко провѣтриваются. Во время посѣщенія Воскресенскаго монастыря, иначе Новаго Іерусалима около Москвы, императрица писала въ 1775 году: «Пишу вамъ, сидя на диванѣ настоятеля этого монастыря, то есть, выражаясь учтиво — празднаго человѣка. Я подозрѣваю, что это мѣсто никакого вліянія на воображеніе не имѣетъ, и вотъ мое доказательство: этотъ монастырь до сихъ поръ не славился ни явленіями, ни особенными чудесами. Онъ довольствуется прекрасными зданіями и совершеннымъ сходствомъ своимъ съ храмомъ Св. Гроба Господня въ Іерусалимѣ; по этой причинѣ большое количество любопытныхъ посѣщаетъ его, и такъ какъ монахамъ есть что показать, то они только и дѣлаютъ что разсказываютъ. Можетъ-быть вы полюбопытствуете узнать, милостивый государь, отчего я вамъ пишу: тому причиною праздность, такъ какъ у меня рѣшительно нѣтъ съ собою ни одной бумаги и никакого дѣла, и все для того, чтобъ я могла на-

слаждаться полнымъ бездѣльемъ. Но, увидѣвъ у себя на столѣ хорошее перо, очень чистенькую чернильницу и бѣлую бумагу, я поддалась демонскому искушенію, потому что пословица гласитъ: «случай создаетъ вора» [1]).

Вообще императрица не очень жаловала монастыри, особливо католическіе, и нельзя упустить изъ виду, что въ эту эпоху наши монастыри подпали нѣсколько подъ вліяніе католическаго духа стяжанія и мало по малу уклонились отъ своего первоначальнаго характера — строгаго смиренія и подвижничества. Мы уже приводили одно мѣсто ея письма, гдѣ она объясняетъ Гримму, какъ высоко цѣнитъ въ архипастырѣ доброту сердечную, но въ другомъ мѣстѣ она еще поясняетъ эту мысль: «люди съ добрымъ сердцемъ и обширнымъ умомъ скорѣе принимали истину христіанскую, нежели глупцы и злые люди: причину тому я ищу въ нравственномъ ученіи о любви къ ближнему» [2]). Обряды церкви Екатерина исполняла съ усердіемъ и когда Гриммъ позволялъ себѣ издѣваться надъ ними, она горячо ихъ отстаивала, исправляла его предубѣжденія и лжетолкованія. Но къ ханжеству и лицемѣрію Екатерина чувствовала искреннее отвращеніе и боролась всѣми силами съ ханжами и обманщиками, употреблявшими набожность орудіемъ для достиженія цѣлей человѣческихъ. Свидѣтельствомъ тому служатъ ея отзывы о гр. Караманѣ, объ Ив. Ив. Шуваловѣ, ея споры съ масонами и духовидцами, наконецъ ея рѣшимость перенести эту борьбу на театръ, чтобъ изобразить ее нагляднѣе. Присутствованіе св. Синода на этихъ представленіяхъ не можетъ быть предметомъ соблазна, когда мы вспомнимъ, что Екатерина была движима высокой мыслію защиты православія отъ всякихъ западныхъ лжеученій, врывавшихся къ намъ изъ просвѣщенной и всегда неблаговолившей къ намъ Европы и на которыя наше такъ называемое образованное общество всегда было такъ падко. Мы уже приводили поразительно вѣрныя мысли

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 34.
[2]) 272.

ея, что *ханжество дѣлаетъ душу задхлою* и что *ханжи никогда себя не забываютъ*. Передъ чистотою же православнаго ученія, которое она признавала истинно апостольскимъ и не искаженнымъ страстями и ошибками человѣческими, Екатерина глубоко преклонялась. Такъ у нея невольно вырвалось въ одномъ изъ наиболѣе задушевныхъ писемъ къ Гримму: «Вы хорошо дѣлаете, что любите греческое исповѣданіе. Оно первое въ мірѣ! Перейдите въ греческую церковь». О широкой терпимости православнаго ученія она говорила, что мать Святая Греческая Церковь во всѣхъ видитъ людей и всѣхъ принимаетъ въ свое лоно (см. выше II, стр. 60). Въ концѣ же своего царствованія, утомленная зрѣлищемъ продолжительныхъ европейскихъ войнъ и коварства, отличавшаго взаимную политику государствъ, Екатерина опять восклицаетъ: «Предлагаю всѣмъ протестантамъ присоединиться къ Греческой Церкви, чтобъ предохранить себя отъ языческаго безвѣрія, безнравственнаго, анархическаго, злодѣйскаго и дьявольскаго, враждебнаго Богу и престоламъ. Наша церковь одна апостольская и истинно христіанская. Это дубъ съ глубокими корнями» [1]).

Филологія, словари, пословицы.

Въ связи съ историческими трудами Екатерины является въ ней интересъ къ филологическимъ занятіямъ, обнаруживающій не только изумительную многосторонность, но и проницательность ея ума, такъ какъ она своими филологическими трудами, хотя слабыми въ научномъ отношеніи, выдвинула однако впередъ вѣрную мысль о важности сравнительнаго языкоученія, что́ признавали заграничные ученые критики, отнесшіеся къ ея предпріятію серьёзно и безпристрастно. Подробная оцѣнка этихъ трудовъ Екатерины сдѣлана нами въ статьѣ: «Филологическія занятія Екатерины II» [2]); здѣсь мы напомнимъ только сущность этого изслѣдованія.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 597.

[2]) *Русскій Архивъ* 1877 г., кн. IV.

Интересъ къ филологическимъ соображеніямъ пробудился въ Екатеринѣ еще въ то время, когда она была великой княгиней, конечно болѣе всего при изученіи русскаго языка. Уже тогда она приглашала бывшаго въ Петербургѣ пасторомъ британской факторіи Дюмареска составить общесравнительный словарь, опытъ, который и явился подъ заглавіемъ *Comparative vocabulary of the Eastern languages*, но къ сожалѣнію нигдѣ не сохранился, потому что вѣроятно былъ изданъ въ маломъ количествѣ экземпляровъ. Мысль о составленіи общесравнительнаго словаря съ особенной живостью возобновилась въ умѣ императрицы въ эпоху потери Ланского, лѣтомъ 1784 года, когда печаль заставила её искать развлеченія въ какомъ-нибудь новомъ и постоянномъ занятіи. Незадолго до того прислано было государынѣ знаменитое въ ученомъ мірѣ обширное филологическое сочиненіе умершаго въ 1784 году Куръ-де-Жебеленя. Особенно заинтересовала императрицу смѣлая мысль этого ученаго, что всѣ языки могутъ быть выведены изъ одного коренного. Ей показались славянскими многія слова, которыя авторъ выдавалъ за кельтскія, и, предполагая во многихъ случаяхъ связь съ языками и нарѣчіями, употребительными въ обширномъ русскомъ царствѣ и отчасти только въ немъ, она захотѣла познакомить ученыхъ съ такими языками, которые были имъ еще неизвѣстны. Кромѣ этой заманчивой мысли, Екатерину могло побуждать и желаніе сдѣлать для науки что-нибудь такое, что далеко превышало бы средства частнаго человѣка. Подъ вліяніемъ этихъ размышленій государыня начинаетъ сама составлять словарь всѣхъ извѣстныхъ языковъ и осенью 1784 г. пишетъ Гримму: «Я велѣла доставить себѣ столько лексиконовъ различныхъ языковъ, сколько можно было отыскать ихъ, между прочимъ: финскій, черемисскій, вотяцкій, и всѣ мои столы ими завалены; кромѣ того я собрала множество свѣдѣній о древнихъ Славянахъ, и скоро буду въ состояніи доказать, что они дали имена большему числу рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ и мѣстностей Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ странъ»[1]).

[1]) 318.

Что впрочемъ государынѣ еще ранѣе смерти Ланского приходило на мысль заниматься филологіей, какъ наукой соприкасавшейся съ ея историческими и лѣтописными разысканіями, видно изъ слѣдующихъ строкъ, писанныхъ еще весною того же года: «Такъ какъ вы придаете большое значеніе моимъ способностямъ къ этимологіи, вы получите этимологическій рагу, который чего-нибудь да стóитъ, но только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ онъ едва явился на русскомъ языкѣ, а переводъ возьметъ время» [1]). Даже въ концѣ 1783 г. мы уже видимъ первые слѣды занятій ея корнесловіемъ и попытки объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ собственныхъ именъ на различныхъ языкахъ.

Но со смертью Ланского потребность, по собственному выраженію императрицы, *утопить* свое горе въ умственныхъ занятіяхъ, заставила её усидчиво заниматься приготовительными работами къ задуманному словарю. До чего разнообразны и часто серьёзны были ея чтенія, тому свидѣтельство находимъ мы на каждомъ шагу. Такъ въ ту же осень 1784 года она пишетъ: «Прошу васъ взглянуть на приложенные листки: они были написаны послѣ прочтенія исторіи астрономіи г. Бальи; онъ много говоритъ въ этомъ сочиненіи о первобытномъ народѣ, который будто бы существовалъ въ Сибири. Книга его произвела то, что мы начинаемъ дѣлать разысканія, которыя могли бы пролить свѣтъ на его предположеніе, одинаковое съ мнѣніемъ г. Бюффона. Если тотъ и другой поинтересуются тѣмъ, что заключается въ этихъ листкахъ, вы можете сообщить имъ эти слабые опыты. Если эти господа пожелаютъ прислать намъ свои вопросы, доставьте ихъ мнѣ. Но вотъ это для васъ однихъ, потому что оно можетъ-быть не довольно основательно: — Салійцы и законъ Салическій, Хильперикъ I, Кловисъ и весь родъ Меровинговъ были Славяне, точно такъ же какъ и всѣ вандальскіе короли Испаніи; ихъ имена обличаютъ ихъ и ихъ движеніе тоже. Величайшіе враги Славянъ были

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 305.

итальянскіе монахи; они были ихъ врагами по причинѣ язычества и различія христіанскаго исповѣданія. Итакъ не удивляйтесь, если французскіе короли присягаютъ на славянскомъ евангеліи при своемъ коронованіи въ Реймсѣ [1]). Хильперикъ I былъ лишенъ престола за свое желаніе, чтобъ Галлы, принявшіе римскую азбуку, прибавили къ ней три буквы греко-славянскія, именно Th или Ч, Х, которое произносится херъ, и Ѱ, которое произносится пси.

«Еслибъ Куръ-де-Жебелень зналъ по-русски или по-славянски, онъ еще болѣе сдѣлалъ бы интересныхъ открытій» [2]).

Вслѣдъ за тѣмъ государыня пишетъ Гримму на трехъ, четырехъ страницахъ цѣлую этимологическую диссертацію, перемѣшанную съ историческими замѣчаніями насчетъ переселенія и движенія Славянъ, связывая все это съ исторіей, особенно норманскихъ походовъ. Она говоритъ о Славянахъ, что «вездѣ куда они только приходили, они строили деревни, села и города. Стало-быть, это былъ народъ не пастушескій, не кочевой? Славяне были народъ свободный и любили свободу. Рабами были у нихъ только военноплѣнные» [3]). Точно такъ же государыня видитъ Славянъ и въ воинственныхъ Норманнахъ, потомкахъ Одина, пришедшаго съ Дона, или Танаиса. Но совершенно вѣрно помѣщаетъ она ихъ въ Саксоніи, въ Лужицѣ и въ Пруссіи, и съ запальчивостью говоритъ о Герцбергѣ: «Онъ тщится задушить историческія истины, доказывая что Славянъ въ земляхъ его короля и господина никогда не было, тогда какъ всѣ ихъ города и села носятъ имена славянскія, такъ же какъ ихъ рѣки, озера и горы» [4]). Для насъ всего драгоцѣннѣе въ этомъ

---

[1]) Такъ называемое Реймское Евангеліе, найденное первоначально въ Сазаво-эмаусскомъ монастырѣ въ Прагѣ. Въ царствованіе императора Николая оно было напечатано въ Парижѣ на счетъ русскаго правительства. Подлинникъ находится нынѣ въ библіотекѣ г. Реймса.

[2]) 321.

[3]) 325.

[4]) 331.

историко-филологическомъ увлеченіи государыни не ученая заслуга ея, но горячая любовь къ своему народу. Она вѣрила въ высокія судьбы и способности славянскаго племени, которому Европа, гордая своей цивилизаціей, отказывала въ правахъ на самостоятельное существованіе, прикрывая этотъ взглядъ обвиненіемъ ихъ въ варварствѣ и неспособности къ европейской культурѣ. Никто изъ русскихъ государей такъ ревностно и сознательно не отстаивалъ правъ Россіи на независимое отъ Европы развитіе и существованіе; никто такъ не поработалъ для этой идеи какъ Екатерина, и однимъ этимъ она уже заслужила безпредѣльную признательность Россіи и имя великой. Конечно филологическія и этимологическія догадки Екатерины были во вкусѣ любимыхъ пріемовъ тогдашней филологіи, и основывались на чисто внѣшнихъ признакахъ, но Екатерина и не придавала имъ значенія непреложныхъ истинъ. Она замѣчательно трезво судила о своей неподготовленности къ такимъ ученымъ трудамъ и даже о непригодности слишкомъ сухой научной работы для женскаго ума. Такъ у нея невольно вырывается слѣдующее признаніе: «Первобытный міръ, первобытные словари дьухсотъ нарѣчій превратили меня въ существо до крайности скучное; я хотѣла свою тоску потопить въ этомъ хламѣ, а этотъ хламъ сдѣлалъ меня печальною и скучною»[1]). Въ своемъ незнаніи грамматики государыня откровенно сознается Гримму и часто шутитъ сама надъ собою. Когда онъ однажды позволилъ себѣ замѣтить, что у нея свой собственный языкъ, она отвѣчаетъ: «Знаете ли, откуда происходитъ языкъ Като? Оттуда,—что она незнаетъ правильно ни одного языка[2]). Послушайте: не подумайте, что я, занявшись языками и грамматиками, въ дѣйствительности сдѣлалась отъ этого ученѣе. Нѣтъ, я сохранила свое невѣжество непочатымъ»[3]).

«Неотступно прошу васъ оставить мое невѣжество неприкосновеннымъ. Шталмейстеръ Нарышкинъ и я, мы невѣжды по реме-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 326.
[2]) 329, 330.
[3]) 346.

слу и своимъ невѣжествомъ приводимъ въ бѣшенство оберъ-камергера Шувалова и графа Строганова, который членъ 24-хъ академій по крайней мѣрѣ и, вдобавокъ, Россійской академіи: Отчасти, чтобъ ихъ подразнить и показать имъ, что они должны сообразовать свой русскій словарь съ мнѣніемъ невѣждъ, мы собрали словарь Богъ знаетъ во сколько языковъ, и этотъ трудъ есть трудъ невѣжественнѣйшихъ ребятъ (ignorantissimi bambinelli»[1]). Въ этомъ трудѣ Екатеринѣ помогалъ сначала иностранный ученый, берлинскій книгопродавецъ и писатель Николаи, котораго она просила составить для нея обозрѣніе всѣхъ извѣстныхъ языковъ и нужнѣйшихъ для изученія ихъ пособій, что и было исполнено. Еще въ 1785 году Николаи прислалъ составленный имъ толстый рукописный фоліантъ подъ заглавіемъ «Tableau général de toutes les langues du monde etc. fait par ordre d. S. M. l'Impératrice de toutes les Russies» («Общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра и пр. Составлено по повелѣнію Ея В. Всероссійской Императрицы»). Этимъ рукописнымъ трудомъ Екатерина сама пользовалась при составленіи своихъ списковъ[2]), а потомъ онъ вмѣстѣ со всѣмъ, что она успѣла написать по словарю, переданъ былъ академику Палласу. Для окончанія задуманнаго словаря Екатерина избрала Палласа, какъ человѣка съ громкимъ европейскимъ именемъ, и отчасти лингвиста. Знаменитый путешественникъ уже давно собиралъ лингвистическіе матеріалы для извѣстнаго петербургскаго библіографа Лудвига Бакмейстера (издателя Russische Bibliothek), предпринявшаго трудъ однородный съ трудомъ, позднѣе задуманнымъ Екатериной. Бакмейстеръ составилъ планъ собиранія матеріаловъ для сличенія всѣхъ языковъ земного шара, но трудность дѣла и другія занятія не позволили ему исполнить это предпріятіе. Палласъ же воспользовался всѣми собранными имъ для Бакмейстра матеріалами, когда ему пришлось

[1]) 367. Извѣстно, что Екатерина въ своихъ «Былях и Небылицахъ» въ шутку называетъ членовъ общества незнающихъ: ignoranti bambinelli.

[2]) Главное собраніе черновыхъ работъ Екатерины по словарю хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ.

быть исполнителемъ плана Екатерины. Онъ не могъ отказаться отъ этого почетнаго порученія, хотя оно не вязалось съ главнымъ его предметомъ, и вотъ что онъ самъ писалъ Аделунгу, въ послѣдній годъ своей жизни: «Не мнѣ вообще слѣдовало поручать такое дѣло, но я принялъ его на себя по особенной преданности къ столь милостивой государынѣ, и долженъ былъ спѣшить изданіемъ, чтобъ не слишкомъ раздражать нетерпѣніе, съ какимъ ожидали каждаго новаго листа изъ типографіи».

Содержаніе и планъ словаря очень просты: для сравненія взято 285 русскихъ словъ, изъ которыхъ 130 помѣщено въ 1-мъ томѣ, а 155 во второмъ. Каждое русское слово поставлено въ видѣ заглавія, подъ которымъ въ одномъ и томъ же порядкѣ помѣщены переводы на 200 языковъ (при каждомъ переводѣ означено названіе языка), которые слѣдуютъ одинъ за другимъ произвольно безъ особенной системы.

Отовсюду государыня выписывала себѣ матеріалы для своего словаря. Она сообщала Гримму, что маркизъ Лафайетъ уже прислалъ ей часть своего вклада. Черезъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго она посылала въ его копорскія деревни записывать слова у тѣхъ мужиковъ, «кои себя варягами называли»; черезъ графа Безбородко отправила списокъ русскихъ словъ къ нашему посланнику въ Константинополѣ Я. И. Булгакову, чтобъ онъ «черезъ посредство патріарховъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго, или какимъ-нибудь другимъ путемъ, по своему усмотрѣнію, досталъ переводъ ихъ на абиссинскій и эфіопскій языки и на разные ихъ діалекты, и чтобъ всѣ сіи слова написаны были не только литерами, тѣмъ языкамъ свойственными, но и русскими и латинскими буквами, для показанія, какъ которое читать или произносить должно».

Когда же государыня передала трудъ Палласу, то онъ 22 мая 1785 г. поспѣшилъ издать на французскомъ языкѣ, для свѣдѣнія всей Европы, объявленіе о задуманномъ словарѣ. Въ этомъ замѣчательномъ объявленіи, которое выражаетъ конечно мысли самой государыни, развитыя и изложенныя знаменитымъ ученымъ, Пал-

ласъ говоритъ, что остроумныя и глубокія изслѣдованія многихъ достойныхъ ученыхъ и историковъ того вѣка придаютъ нынѣ особенную прелесть и болѣе рѣшительное направленіе наукѣ (филологіи), которая умамъ поверхностнымъ казалась до тѣхъ поръ сухою, неблагодарною и даже безплодною, и что, просматривая книгу Куръ-де-Жебеленя изумляешься блестящимъ выводамъ, къ которымъ пришелъ авторъ. Но тутъ же выражается сожалѣніе, что онъ не могъ примѣнить своей методы ко всѣмъ языкамъ міра и указывается на значеніе Россіи въ отношеніи къ новымъ открытіямъ еще болѣе интереснымъ, къ громадному количеству языковъ и нарѣчій, которые заключаетъ въ себѣ эта держава не только въ европейской части своей, но также на Кавказѣ, въ Сибири, Камчаткѣ и пр. Говоря о томъ, что никто до сихъ поръ не обнималъ совокупности языковъ, онъ объявляетъ что это обширное предпріятіе, которое можетъ привести къ рѣшенію вопроса о существованіи одного первобытнаго языка, было предоставлено 18-му вѣку. Екатерина II удостоила посвятить часы своего досуга на подготовленіе начала *всеобщаго сравнительнаго глоссарія* всѣхъ языковъ. «Ея Императорское Величество», сказано далѣе «сама составила списокъ словъ наиболѣе необходимыхъ и употребительныхъ у самыхъ мало образованныхъ народовъ... По этому превосходному образцу собраны сперва всѣ языки и нарѣчія обширнаго Русскаго царства; потомъ еще большее число иностранныхъ языковъ, такъ что этотъ трудъ, продолжаемый только съ начала года, является уже выше всего, что было испробовано въ тѣхъ же видахъ, и безпрестанно еще пополняется матеріалами всякаго рода»..

На другой годъ изданъ былъ образчикъ собиранія словъ съ переводами (Modèle du vocabulaire qui doit servir à la comparaison de toutes les langues). Этотъ образчикъ былъ разосланъ во всѣ мѣстности русской имперіи и ко всѣмъ нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, съ просьбою доставить, въ самомъ скоромъ времени, сколько можно болѣе переводовъ на малоизвѣстные языки. Въ Россіи ко всѣмъ губернаторамъ были

отправлены циркулярныя предписанія чрезъ Императорскій Кабинетъ и притомъ наказано исполнить высочайшее повелѣніе со всевозможнымъ тщаніемъ. Въ слѣдствіе того списки словъ по губерніямъ составлялись большею частію оффиціальными переводчиками и были посылаемы за подписями не только ихъ самихъ, но также секретарей губернскихъ канцелярій, а часто даже губернаторовъ и намѣстниковъ. И посланники усердно пополняли матеріалы переводами на языки и нарѣчія тѣхъ странъ, гдѣ они находились. Изъ Лондона, Гаги, Мадрида списки словъ были отосланы въ Китай, Сѣверную Америку и Бразилію. Замѣчательно отнесся къ этому король испанскій, что́ и приводитъ въ одномъ изъ писемъ своихъ Екатерина. «Странная ревность короля католическаго велѣла отказать мнѣ въ словаряхъ Мексики и Перу. Они отвѣчали, что эти языки государственная тайна» [1]). И тутъ же она прибавляетъ: «Нѣтъ ни одного человѣка, противъ кого бы его такъ возстановили, какъ противъ меня, и нѣтъ страны, въ которой онъ такъ много расходовалъ бы на шпіоновъ какъ здѣсь; предоставляю вамъ судить, какъ много отъ этого пользы. Всѣ эти люди служатъ для того, чтобъ предупреждать во́-время; но, честное слово, ни король католическій и никто другой не можетъ помѣшать тому, что намъ покажется нужнымъ» [2]). Въ Соединенныхъ Штатахъ Вашингтонъ поручилъ это дѣло губернаторамъ. Ученымъ, лицамъ собиравшимся въ экспедиціи, всѣмъ были розданы списки для собиранія матеріаловъ, и собранное со всѣхъ сторонъ передано было Палласу для редакціи на первый случай отдѣла европейскихъ и азіятскихъ языковъ, который долженъ былъ состоять изъ двухъ томовъ. Тогда государыня писала Гримму: «Вотъ мой милый словарь скоро будетъ напечатанъ. Это можетъ-быть трудъ самый полезный, какой когда-либо совершаемъ былъ для всѣхъ языковъ и для всѣхъ словарей, и особливо для русскаго языка, для котораго Россійская ака-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 333.

[2]) 333.

демія предприняла было словарь: но на это, по правдѣ сказать, у нея не хватило знаній. А мой трудъ — это яркій свѣтильникъ и про него-то можно сказать: кто имѣетъ уши чтобъ слышать и глаза чтобъ видѣть, будетъ слышать и видѣть. А кто рожденъ слѣпымъ и глухимъ, тотъ такимъ и останется.... Когда вы будете имѣть мой словарь всѣхъ языковъ, то сдѣлаете много новыхъ открытій; сто словъ уже напечатаны на двухстахъ языкахъ; когда ихъ будетъ стопятьдесятъ, то выйдетъ первый томъ въ четвертку (in quarto)» [1]). Первый томъ, совсѣмъ отпечатанный, былъ поднесенъ императрицѣ наканунѣ ея отъѣзда въ Крымъ, 6 января 1787 года, и тотчасъ за тѣмъ вышелъ подъ заглавіемъ: «Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіятскіе языки. Часть первая. Въ С.-Петербургѣ печатано въ типографіи Шнора 1787 года». Это же заглавіе повторено и въ книгѣ на латинскомъ языкѣ. Равнымъ образомъ и предисловіе, гдѣ не умолчано о личномъ участіи императрицы въ трудѣ, написано и по-русски и по-латыни. Словарь, напечатанный въ числѣ 500 экземпляровъ, не былъ предназначенъ для продажи. Только книгопродавецъ Вейтбрехтъ, получившій отъ государыни въ подарокъ 40 экземпляровъ, могъ торговать ими; нѣкоторое число было отослано въ даръ по ея повелѣнію иностраннымъ дворамъ и ученымъ.

Съ точки зрѣнія нынѣшней науки Екатерининскій словарь конечно не выдерживаетъ критики. Онъ былъ составленъ поспѣшно, безъ всякихъ научныхъ пріемовъ, и для выполненія такого обширнаго труда нужно бы не только гораздо болѣе свѣдущихъ сотрудниковъ, но, по мнѣнію французскаго критика Вольнея, нужна была бы цѣлая академія съ обильными средствами, которая посвятила бы ему всю свою дѣятельность, вступила бы въ обширныя сношенія и употребила бы на это дѣло по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ. Но, несмотря на всѣ его недостатки, отно-

[1]) 344, 382.

сительное достоинство и польза этого словаря, замѣтно оживившаго успѣхи сравнительнаго языкоученія, были признаны даже строгими его критиками, и онъ остается однимъ изъ знаменательныхъ памятниковъ и великаго ума составительницы, и смѣлыхъ стремленій 18-го вѣка.

Второе изданіе Словаря, усовершенствованное и пополненное недостававшими языками Африки и Америки, поручено было извѣстному Янковичу де Миріево, вызванному изъ Австріи для устройства народныхъ училищъ, и вѣроятно объ этомъ-то словарѣ второго изданія упоминаетъ Екатерина въ одномъ письмѣ къ Гримму отъ іюня 1792 года: «Я бы охотно послала вамъ словарь коренныхъ словъ на всѣхъ языкахъ для библіотеки короля, еслибъ книгамъ этой библіотеки не угрожала судьба быть разграбленными и обращенными въ бумагу для ассигнацій. Но чтобъ показать вамъ въ какомъ видѣ существуетъ этотъ словарь, посылаю вамъ два тома перваго и четыре тома второго изданія»[1]).

При такомъ внимательномъ изученіи языка и исторіи своего народа Екатерина конечно не упустила изъ виду богатаго запаса народной мудрости, заключенной въ его пословицахъ. Она даже примѣнила ихъ къ педагогическимъ цѣлямъ, такъ какъ въ библіотекѣ Александро-Константиновской являются *Выборныя россійскія пословицы*, какъ воспитательный матеріалъ, знакомящій учащагося съ народнымъ языкомъ и народнымъ духомъ. Но кромѣ того, по порученію императрицы были собраны и напечатаны Богдановичемъ всѣ русскія пословицы отдѣльной книгой. Часть ихъ она велѣла перевести и послала въ назиданіе Гримма, такъ какъ постоянно старалась знакомить его, а черезъ него и Европу, со всѣмъ что дѣлалось въ Россіи. Въ одномъ изъ писемъ она говоритъ ему: «Увѣряю васъ, что не только эти пословицы для васъ переведенныя, которыя я вамъ послала, существовали первоначально по-русски, но всѣ онѣ безъ исключенія извлечены

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 568, 569.

изъ книги написанной по русски, въ которой ихъ заключается четыре тысячи съ нѣсколькими сотнями. Стало-быть, тамъ еще очень много такихъ же прекрасныхъ» [1]). Очень часто въ своихъ письмахъ, желая доказать какую-нибудь истину, государыня опирается на русскія пословицы, напр. по поводу Германской политики она высказываетъ разсужденія, въ подкрѣпленіе которыхъ приводитъ нѣкоторыя пословицы, и прибавляетъ: «Еслибъ покойный Санхо Панса зналъ русскій языкъ, онъ нашелъ бы въ немъ столько пословицъ, что прибавилось бы еще нѣсколько книжекъ къ тѣмъ шести, въ которыхъ заключается жизнеописаніе знаменитаго Донъ-Кихота и его конюшаго Санхо Пансы» [2]).

Театръ и педагогика.

Всѣ, занимавшіеся изученіемъ литературныхъ занятій Екатерины, приходили къ одному заключенію: что историческіе и драматическіе труды были предпринимаемы ею съ цѣлью воспитательною, и нельзя отрицать, что для тогдашняго общества они дѣйствительно имѣли просвѣтительное значеніе. «Знаете ли», говоритъ она Гримму, «что мы дѣлаемъ много хорошаго и идемъ быстрымъ ходомъ къ разлитію просвѣщенія» [3])? Изъ этихъ словъ видно, что государыня задавалась мыслію направлять развитіе молодого русскаго общества и, то стараясь исправлять сатирой темныя стороны его нравовъ, то возвышая его любовь къ родинѣ знакомствомъ съ отечественной исторіей, устремляла его къ лучшему и болѣе разумному порядку вещей. Такъ она нападала на невѣжество и грубость, прикрытыя лоскомъ французскаго образованія, на безотчетную привязанность ко всему чужеземному, соединенную съ такимъ же презрѣніемъ ко всему русскому, на иностранныхъ учителей, взятыхъ изъ поваровъ или скороходовъ

[1]) 276.
[2]) 596.
[3]) 301.

въ качествѣ воспитателей и разыгрывавшихъ послѣ роль шутовъ въ семействахъ своихъ воспитанниковъ, на то унизительное положеніе, какое выпадало вообще на долю домашняго учителя, на ханжество, развившееся подъ вліяніемъ чуждыхъ нашей церкви ученій и прикрывавшее часто разные пороки и даже самое нехристіанское отношеніе къ ближнему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не менѣе подвергаетъ осмѣянію и закоренѣлую превратность нѣкоторыхъ сторонъ русскаго воспитанія, встарину переходившую у насъ по преданію отъ одного поколѣнія къ другому. Она осмѣиваетъ суевѣріе, невѣжество, грубость и часто жестокость, отличавшія женщину-хозяйку въ ея домашнемъ быту, излишнюю приверженность къ старинѣ, проявлявшуюся въ коснѣніи, неподвижности и безусловномъ осужденіи всякой новизны. Не менѣе остроумно издѣвается она и надъ модной страстью къ путешествіямъ въ чужіе края, исходящею не изъ любознательности, а изъ желанія не отстать отъ другихъ, покутить и помотать на свободѣ и вывезти къ себѣ домой новый покрой платья и обуви, умѣнье завить кудри по послѣдней модѣ, также новыя карточныя игры, въ которыхъ поудобнѣе было бы обыграть другихъ. Самыя имена ея лицъ: Промотаевы, Ханжаковы, Вѣстниковы, Чудихины, Ворчалкины, Потачкины, по господствовавшему тогда обычаю, часто указываютъ на ихъ отличительный характеръ. Комедіи Екатерины, не имѣя серьёзнаго художественнаго значенія, отличаются однако веселостью и замѣчательною для того времени легкостью языка, который совершенно близокъ къ разговорному. Приблизить къ живой рѣчи тяжелый и неуклюжій въ то время письменный языкъ было также одною изъ задачъ геніальной государыни. Кромѣ того, легко и быстро набросанныя въ часы досуга театральныя пьесы ея удовлетворяли той врожденной веселости, которая была господствующею чертою ея характера. Вотъ какъ она сама опредѣляетъ Гримму цѣль своихъ драматическихъ упражненій, которымъ предавалась съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ занятіями исторіей и филологіей: «Если вы меня спросите, зачѣмъ я пишу столько комедій, я отвѣчу вамъ, какъ и Пинсэ (Pincé):

по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что это меня забавляетъ; во-вторыхъ, потому что я желала бы поднять національный театръ, который за неимѣніемъ новыхъ пьесъ находится въ нѣкоторомъ пренебреженіи; въ-третьихъ, потому что слѣдовало хорошенько потормошить духовидцевъ, которые начинаютъ подымать носъ. Теперь они опять нырнули, покрытые стыдомъ. *Обманщикъ* и *Обольщенный* имѣли громадный успѣхъ: московская публика въ концѣ масляницы не хотѣла видѣть другихъ пьесъ, и когда объявляли другую, то громко требовала одну изъ вышеупомянутыхъ. Всего забавнѣе было то, что на первомъ представленіи вызвали автора, который у насъ сохранялъ строжайшій инкогнито, несмотря на свой огромный успѣхъ. Каждая изъ этихъ пьесъ принесла въ Москвѣ предпринимателю десять тысячъ въ три представленія» [1]).

Еще заслуживаетъ быть упомянутымъ по поводу комедіи *Обманщикъ* одинъ эпизодъ, разсказанный Гримму о великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ въ томъ же письмѣ отъ 18 марта 1785 г., стало-быть, когда ему только что минуло 8 лѣтъ: «Надо вамъ дать отчетъ въ томъ, что совершилъ сегодня г. Александръ. Сдѣлавъ себѣ изъ куска ваты круглый парикъ, и пока мы съ генераломъ Салтыковымъ любовались тѣмъ, что его хорошенькое личико не было вовсе обезображено такимъ нарядомъ, онъ объявилъ намъ: — Прошу васъ менѣе обращать вниманія на мой парикъ, чѣмъ на то, что я буду дѣлать. — Вотъ онъ беретъ комедію *Обманщикъ*, лежавшую на столѣ, и начинаетъ разыгрывать сцены изъ трехъ лицъ, представляя всѣхъ троихъ одинъ и давая каждому тонъ и мимику, свойственные характеру лица. Никогда ни Калифалькгерстонъ, ни Самблинъ, ни его дворецкій не были представлены естественнѣе и правдивѣе и вдобавокъ съ тою граціей, которую этотъ удивительный ребенокъ обнаруживаетъ во всемъ, за что ни возьмется. Мы были поражены тѣмъ что онъ производилъ, и притомъ хохотали до упаду. Никогда никто не училъ его

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 328.

играть на сценѣ. Но эту зиму онъ какъ-то пристрастился къ моему эрмитажному театру. Онъ очень часто посѣщалъ его и слушалъ съ большимъ вниманіемъ и охотно прочитывалъ, или заставлялъ себѣ прочитывать пьесу до представленія. Увѣряю васъ, что я была поражена дарованіями, которыя этотъ мальчуганъ обнаруживаетъ. Я побьюсь объ закладъ, что этотъ — будетъ удаченъ; онъ идетъ самъ собою, да еще какъ»[1])!

Какъ и всѣ прочія произведенія государыни, комедіи ея переводились по-нѣмецки, и она посылала ихъ Гримму; вѣроятно онъ хвалилъ нѣкоторыя изъ нихъ, потому что государыня отвѣчаетъ ему: «Ахъ, и вы прочли *Обманщика* отъ начала до конца, и хорошо о немъ отзываетесь. Вы скрѣпляете драматическій талантъ автора. Я не премину угостить этимъ свое самолюбіе»[2])...

«Для развлеченія нѣтъ ничего лучше какъ писать комедіи; съ марта мѣсяца я ихъ написала двѣ, но онѣ навѣрно не скоро появятся на театрѣ, потому что слишкомъ хороши. Что вы не пишете комедій? Это бы васъ развеселяло. Я читаю свои двумъ-тремъ лицамъ, а потомъ прячу ихъ въ свой портфель; онъ такъ же наполненъ комедіями, какъ и законами. Публика съ ума сходила бы отъ двухъ послѣднихъ, — но она ихъ не получитъ»[3]).

«Комедіи *Обманщикъ* и *Обольщенный*», говоритъ государыня въ февралѣ 1786 года, «имѣли необыкновенный успѣхъ и то хорошее дѣйствіе, что удержали и остановили прыть обманщиковъ и обманутыхъ. Въ дѣлѣ находится еще комедія *Февей* комическая опера, и *Шаманъ Сибирскій*, комедія. Все это будетъ весело до нельзя: Шаманъ — это теозофъ (богомудрый), который продѣлываетъ всѣ шарланства собратій Парацельса. Посмотрите на статью *Теозофъ* въ Энциклопедіи; и вы получите секретъ нашихъ комедій, масонства и модныхъ сектъ. Св. Синодъ былъ на послѣднемъ представленіи и не въ одиночку, а во всемъ составѣ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 327.
[2]) 332.
[3]) 361.

они смѣялись до упаду и хлопали до безумія... Мы теперь работаемъ за седьмой пьесой въ теченіе года»[1])...

Лѣтомъ 1786 года государыня пишетъ: «На нашемъ столѣ разложена 9-я пьеса для театра, и мы такъ хорошо подали тонъ и согрѣли стряпню, что теперь дождемъ падаютъ пьесы со всѣхъ сторонъ; надо только желать, чтобъ дождь не былъ такъ холоденъ какъ сегодня, когда только три градуса тепла... Циммерманъ съ ума сходитъ отъ *Обманщика*; я подозрѣваю, что онъ далъ разыграть эту пьесу въ Гамбургѣ» [2])... Въ годъ девять пьесъ, что вы скажете объ этой драматической причудѣ? Отвѣчайте же, вы, который по страсти къ многописанію никогда не отвѣчаете на то, что у васъ спрашиваютъ» [3]). «Я написала десять комедій, пишу одиннадцатую, но это не называется работать... Эти сочинители комедій теперь пишутъ историческія пьесы въ подражаніе Шекспиру, котораго мы прочли понѣмецки въ переводѣ Эшенбурга: девять томовъ уже поглощены. Одна изъ такихъ пьесъ скоро послѣдуетъ за *Шаманомъ*, котораго играютъ сегодня вечеромъ. А эти подражанія Шекспиру очень удобны, потому что, не будучи ни комедіями, ни трагедіями и не имѣя другихъ правилъ, кромѣ чувства сноснаго для зрителя, я считаю ихъ ко всему подходящими. Надо только избѣгать скучнаго и сухаго; наши пьесы будутъ имѣть историческую достовѣрность, насколько она не будетъ поражать непріятно; много для зрѣлища, прекрасныя души съ возвышенными чувствами, когда онѣ будутъ кстати, какъ можно менѣе выставки ума со стороны самого писателя, величавые сюжеты и положенія лицъ какъ можно болѣе интересныя. О первой изъ этихъ пьесъ тѣ, кто читалъ её и видѣлъ ея репетиціи, говорятъ уже, что ее примутъ какъ родственную каждому, такъ она интересна. Это очень странно. Вы мнѣ скажете: — Чортъ побери проклятую страсть сочинять комедіи!—Но меня оно забавляетъ, что бы вы тамъ ни говорили,

[1]) 374, 375.
[2]) 377.
[3]) 379.

а вѣдь это изо всего самое лучшее» [1]). «Ну, скажите же, скажите, что наши комедіи плохи; право, никто за это не станетъ сердиться. Однако многія изъ нихъ произвели то дѣйствіе, котораго отъ нихъ ожидали» [2]). «Находите ли вы, что *Шаманъ Сибирскій* съ братіей хороши или дурны, какъ драматическія произведенія? Ожидаю категорическаго отвѣта» [3]).

По возвращеніи своемъ изъ крымскаго путешествія въ Москву, государыня пишетъ Гримму, что князь де-Линь посылаетъ ему *пословицу* на половину своего, на половину же ея сочиненія. «Пьесы эти льются у насъ какъ дождь, и это единственное средство установить на театрѣ хорошую комедію» [4]). Гриммъ, какъ кажется, критиковалъ нѣкоторыя изъ театральныхъ пьесъ Екатерины, такъ какъ она пишетъ ему: «Ну вотъ драматическія произведенія истолчены въ порошокъ, неправда ли? Совсѣмъ нѣтъ, я утверждаю что они все-таки довольно хороши тамъ, гдѣ нѣтъ лучшихъ, и такъ какъ ихъ всѣ бѣгали смотрѣть и хохотали, и такъ какъ они пріостановили сектаторское возбужденіе, — значитъ, это такія пьесы, которыя, несмотря на свои недостатки, имѣли успѣхъ самый желанный. Пусть напишетъ кто можетъ лучше, и когда этотъ человѣкъ отыщется, мы болѣе не будемъ писать, но будемъ забавляться его пьесами» [5]). И въ другомъ письмѣ: «Что касается до моихъ бѣдныхъ драматическихъ произведеній, которыя вы поставили такъ низко, и такъ сильно презираете, хотя публика бѣгаетъ ихъ смотрѣть, а дирекція получила на нихъ въ эту зиму отъ десяти до двѣнадцати тысячъ чистаго барыша, то чтобъ побѣсить васъ, посылаю вамъ послѣднюю пьесу, отъ которой публика была безъ ума: она переведена на нѣмецкій языкъ и, несмотря на вашу критику, я утверждаю что она хороша, даже очень хороша» [6]).

Весною 1791 года государыня писала: «Знайте, что эта зима была вообще зима хоровъ, музыки и танцевъ и что съ 8 сентября до 1-го мая, когда я бѣжала изъ города, только и дѣлали

[1]) 383, 384. [2]) 391. [3]) 403.
[4]) 418. [5]) 432. [6]) 439.

что танцовали, да пѣли хоромъ. Историческая пьеса Олега подала къ тому сигналъ: хоры Олега въ высшей степени прекрасны и большею частію композиціи Сарти; всѣ греческія мелодіи соединены въ нихъ. Послѣ этого не слѣдовало бы говорить о бѣдномъ маленькомъ дивертисментѣ, данномъ въ эрмитажѣ, и который имѣлъ самый рѣшительный успѣхъ на городскомъ театрѣ: это *Федулъ*, въ комическихъ хорахъ; милостивому государю прислана будетъ музыка обоихъ, какъ скоро она явится, и я надѣюсь, что она будетъ сопровождать эту грамоту. Слова въ *Федулѣ* — это старыя русскія пѣсни и пословицы, сшитыя вмѣстѣ авторомъ *Олега*. *Олегъ* же составленъ изъ подлинныхъ словъ исторіи; пришиты только хоры и сцена изъ Еврипида, хоры послѣдняго дѣйствія взяты изъ одъ Ломоносова; въ третьемъ же актѣ они составлены изъ старинныхъ русскихъ пѣсень» [1]).

На историческіе сюжеты въ комедіяхъ императрица конечно наведена была своими занятіями по исторіи, и здѣсь замѣчательно то же чувство любви къ русской исторіи, которое она проявила сознательнѣе и горячѣе, нежели кто либо изъ ея подданныхъ и вообще изъ ея современниковъ.

Понятія свои о театрѣ и игрѣ актеровъ императрица выражаетъ въ слѣдующихъ напримѣръ строкахъ, по поводу игры знаменитаго тогда французскаго актера Офрена (Aufresne). Изъ трагедій Корнеля она болѣе всего любила *Цинну*, и послѣ представленія его съ участіемъ этого знаменитаго актера въ Царскомъ Селѣ, въ августѣ 1785 года пишетъ: «Передъ отъѣздомъ изъ Царскаго я видѣла какъ игралъ Офренъ. Онъ играетъ съ благородной простотой и помнитъ, когда играетъ въ *Циннѣ*, что онъ Августъ: по-моему это прекрасный актеръ. Но товарищи его метались какъ угорѣлые, и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ понятія о томъ, что такое Римлянинъ временъ Августа. Надо было бы ежеминутно подсказывать Циннѣ, что онъ внукъ Помпея. Я думаю, по правдѣ сказать: для того, чтобъ хорошо играть ту или

[1]) 525, 526.

другую роль въ трагедіи, надо бы читать исторію и никогда не подражать жестамъ другихъ актеровъ; когда чувство вѣрно, мнѣ кажется, что и мимика дѣлается тоже вѣрна. Я въ жизнь свою не видала болѣе вѣрной мимики, болѣе естественной и граціозной, какъ у г. Александра: онъ отъ природы большой мимикъ [1]).

Изъ французскихъ современныхъ авторовъ комедій Екатерина особенно любила Седэна, и заказывала ему пьесы для эрмитажнаго театра. Лѣтомъ 1779 года она писала: «Скажите Седэну, что если онъ напишетъ вмѣсто одной двѣ или три пьесы, сто пьесъ, я всѣ ихъ прочту съ жадностью. Вы знаете, что послѣ пера патріарха, нѣтъ другого, за которымъ бы я такъ любила слѣдить какъ за Седэномъ; когда я говорю «слѣдить», это значитъ, что въ чтеніи какъ и въ представленіи я люблю слѣдить за ходомъ мыслей автора; но вы не говорите этого Седэну, изъ опасенія чтобъ это не заставило его вдумываться въ ходъ своихъ мыслей и не повредило его естественности; а она-то именно и драгоцѣнна. Въ комедіяхъ Фернейскаго патріарха я такъ люблю слѣдить за этой работой головы: въ его пьесахъ есть сто тысячъ вещей, которыя ускользаютъ отъ множества умныхъ и образованныхъ людей, и остаются незамѣченными. Еслибъ мнѣ когда-нибудь пришлось очутиться возлѣ васъ во время представленія одной изъ такихъ пьесъ, я вступила бы съ вами въ разсужденія, которыя помѣшали бы вамъ слушать пьесу и слѣдить за ней, но вы согласились бы что я права... Дайте Седэну двѣнадцать тысячъ ливровъ изъ суммъ, имѣющихся въ Парижѣ и которыми я могу располагать; его пьеса вовсе не упала: она очень хороша, но не была представлена изъ предосторожности, чтобъ помѣшать воркунамъ ворчать [2]); это учтивость, вотъ и все, но пьеса хороша, и очень хороша. Пусть онъ вамъ даетъ все что родитъ его голова: я увѣрена, что это доставитъ удовольствіе и мнѣ и дру-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 360.

[2]) Подъ воркуномъ императрица разумѣетъ Бецкаго, читавшаго ей вслухъ комедію Седэна.

гимъ» [1]). «Дайте же намъ поскорѣе Седэна, Седэна веселаго, потому что я не люблю печальнаго» [2]).

Въ апрѣлѣ 1781 года Седэнъ прислалъ государынѣ одну изъ своихъ пьесъ и она пишетъ: «Комедія г. Седэна очень хороша и ее сейчасъ же разыграютъ на театрѣ въ Царскомъ Селѣ, куда я хочу переѣхать будущее воскресенье; я читала ее съ величайшимъ удовольствіемъ, и авторъ сдѣлаетъ мнѣ подарокъ, если пришлетъ свою трагедію въ прозѣ: *Спасенный Парижъ*, и если онъ желаетъ, я тоже велю сейчасъ разыграть её, съ рискомъ не избѣгнуть посвященія» [3]).

«30 апрѣля. Комедія г. Седэна была играна третьяго дня здѣсь (въ Ц. С.) и ей апплодировали безъ конца, но всего забавнѣе, что городъ, не видавшій комедіи, говоритъ, что она написана мною» [4]).

«Комедію Седэна играли безконечно и меня обвиняли, что я её написала!.. Вы можете сказать г. Седэну, что его пьесу играли и повторяли и требовали еще и еще, и представленія ея были очень посѣщаемы. Я получила его трагедію, которую прочту прежде всего; письмо её сопровождающее прелестно» [5]).

Когда Гриммъ прислалъ государынѣ драматическіе досуги нѣкоего Троншеня, то она писала: «Что́ касается драматическихъ досуговъ г. Троншеня изъ Делисъ, который не докторъ [6]), увы! я не могу читать ихъ, по причинѣ, которую я высказала вамъ на третьей и четвертой страницѣ длиннаго произведенія, озаглавленнаго письмомъ, начатымъ 7 декабря 1779 г. Я вамъ сказала: Люблю Корнеля: онъ мнѣ всегда возвышалъ душу, и не терплю, чтобъ кто-нибудь прикасался къ твореніямъ людей геніальныхъ. Это я пишу очень маленькими буквами, чтобъ оно оставалось между вами и мною. Пусть всякій самъ дѣлаетъ какъ знаетъ, но только автору принадлежитъ право исправлять свои творенія. Итакъ я присѣдаю г. Троншеню, и если онъ можетъ,

---

[1]) Письма Гримма, 146, 147. [2]) 150. [3]) 201. [4]) 204. [5]) 206, 215.

[6]) Былъ въ Парижѣ извѣстный докторъ Троншень, распространявшій оспопрививаніе во Франціи. Онъ былъ и домашнимъ докторомъ Гримма.

то пусть дастъ намъ что-нибудь свое, и мы будемъ его читать» [1]).

Въ числѣ педагогическихъ сочиненій Екатерины видное мѣсто занимаетъ ея инструкція князю Салтыкову по воспитанію императора Александра I-го. Многочисленныя упоминанія о самыхъ разнообразныхъ и непрерывныхъ чтеніяхъ, разсѣянныя во всей перепискѣ, свидѣтельствуютъ что не только государыня прилежно изучала всѣ замѣчательнѣйшія произведенія мысли, но и была знакома съ лучшими педагогическими сочиненіями и взглядами того времени. Приведенныя нами выше выписки о дѣтствѣ Александра Павловича служатъ краснорѣчивымъ тому подтвержденіемъ. Всѣ умственныя свѣтила не только того времени, но и прежнихъ временъ (напр. Плутархъ) были ея постоянными собесѣдниками; въ чтеніяхъ она не останавливалась на пустомъ и посредственномъ, но никогда не забывала ничего истинно замѣчательнаго и тотчасъ опредѣляла ему цѣну. Зорко слѣдя за современнымъ умственнымъ движеніемъ и обращеніемъ новыхъ идей въ воспитаніи, она изучала Монтеня, Локка, Руссо, Базедова и критически отнеслась къ крайнимъ увлеченіямъ, слишкомъ рѣзко противорѣчившимъ основнымъ началамъ общественной жизни; но въ то же время она приняла за основаніе своей инструкціи мысли первыхъ двухъ педагоговъ, сильно вооружившихся противъ небрежности въ воспитаніи дѣтей и мертвящаго формализма въ обученіи. Основными положеніями ея инструкціи были: *свобода развитія,* избѣгающая всякихъ сильныхъ принудительныхъ мѣръ, и *самостоятельное образованіе посредствомъ упражненія*, другими словами *самодѣятельность*. Воспитатель долженъ явиться только помощникомъ и руководителемъ воспитанника, облегчающимъ эту самодѣятельность, указывающимъ ему цѣль для стремленій и путь къ ея достиженію. Цѣль же эта есть чисто нравственная: «наклоненіе къ добру». При этомъ конечно нельзя упустить изъ виду то, что здѣсь рѣчь идетъ о частномъ, домашнемъ воспитаніи, гдѣ

[1]) Письма Гримма, 167.

воспитатель можетъ быть вполнѣ знакомъ съ духовной природой своего воспитанника, и что такое отношеніе къ каждому отдѣльному субъекту конечно трудно осуществимо въ воспитаніи общественномъ, гдѣ общія правила, общая дисциплина всегда будутъ неизбѣжны, какъ бы ни были различны харектеры и способности воспитывающихся.

Понятно, какъ новы были, особливо для нашего общества, такіе взгляды императрицы на воспитаніе и какъ она въ этомъ стояла выше своего вѣка. Локкъ, изучившій медицину, сильно выдвинулъ впередъ мысль о физическомъ воспитаніи и укрѣпленіи тѣла, и эту мысль Екатерина также приняла въ своей инструкціи. Но по тому, какъ она отзывалась о непрактичной мечтательности Руссо и Дидро, о неудачномъ опытѣ Базедова, болѣе всего обнаруживается самостоятельность ея сужденія, не позволявшая ей отдавать свое сочувствіе рѣзкимъ крайностямъ, способнымъ потрясти нравственныя основанія въ обществахъ и бѣдственно отразиться на молодыхъ поколѣніяхъ. «Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру» составляютъ все воспитаніе, сказано во введеніи къ ея инструкціи. Умственное же образованіе государыня считаетъ только приложеніемъ къ воспитанію нравственному: «ученіе же или знаніе да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію». Что такимъ образомъ нравственное воспитаніе ставилось Екатериной выше всего остального, доказываетъ и слѣдующая мысль, высказанная ею въ одномъ изъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ *Запискахъ первой части,* гдѣ опредѣляются обязанности родителей и воспитателей: «Должность ихъ исправлять, указывать, учить, остерегать и показывать дѣткамъ, какъ имъ быть должно, дабы какъ выростутъ велики и имѣвъ неравно пороки, не могли пенять: вы насъ не исправляли, вы насъ не учили, вы насъ не остерегали, вы намъ не указывали путь, по которому итти»[1]). Не менѣе замѣчательна

[1]) *Соч. Екатерины II.* Т. III, стр. 158.

еще одна мысль государыни, высказанная въ инструкціи, что воспитаніе должно сообразоваться съ назначеніемъ и кругомъ дѣйствія тѣхъ, кому оно дается, что общечеловѣческое воспитаніе, въ томъ широкомъ значеніи какъ понималъ его Руссо, есть непримѣнимая утопія. «Во-первыхъ мыслимъ мы», сказано въ инструкціи, «что всякое доброе воспитаніе учреждено быть должно, смотря на того, кому оно дается»... Такое убѣжденіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что находится въ противорѣчіи съ пущенными тогда въ ходъ идеями *Эмиля* Руссо въ пользу общечеловѣческаго воспитанія, которое пытался практически осуществить Базедовъ въ своемъ Филантропинѣ. Общій же духъ инструкціи Екатерины дышитъ кротостью, любовью къ дѣтямъ, сохраненіемъ въ нихъ веселости и свободнаго самообладанія. Изъ воспитанія изгнаны всѣ деспотическіе пріемы, способные сломить волю ребенка, но не направить её къ добру. Напротивъ, широкое мѣсто отведено нравственному вліянію, привлеченію дѣтей къ сознанію своихъ проступковъ и раскаянію, хотя вездѣ поддерживается мысль о необходимости послушанія въ дѣтяхъ, о твердости и послѣдовательности въ образѣ дѣйствій воспитателя, какъ главномъ условіи его авторитета.

Что касается собственно обученія, то и здѣсь государыня высказываетъ многія замѣчательныя мысли: для дѣтскаго возраста она не допускала слишкомъ однообразныхъ и строго опредѣленныхъ пріемовъ, ни строго опредѣленныхъ часовъ. Занятія должны отличаться живостью, свѣжестью и разнообразіемъ, согласно съ характеромъ дѣтской природы. Предписывалось «отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ», стало-быть познаніе Россіи выдвинуто на первый планъ, какъ средоточіе для занятій великихъ князей, и это правило проведено въ преподаваніе географіи, гражданскихъ законовъ и наконецъ русской исторіи, для которой сама императрица столько потрудилась. Первое мѣсто въ ряду предметовъ обученія занимаетъ Законъ Божій *„какъ первая добродѣтель“*. Приставникамъ внушается говорить съ должнымъ почтеніемъ о религіи, и самое ихъ обращеніе и отношеія ихъ къ вос-

питаннику должны быть приведены въ связь съ уроками Закона Божія. Такъ смотрѣла развившаяся въ свободомысліи писателей 18-го вѣка Екатерина на важность религіознаго воспитанія. Кромѣ языковъ живыхъ: нѣмецкаго и французскаго, великихъ князей обучали и языкамъ латинскому и греческому. Послѣдній изъ этихъ языковъ, по объясненію императрицы, долженъ былъ почитаться главнѣйшимъ изъ тѣхъ языковъ, которые ихъ высочествамъ полезны быть могутъ. Причины тому приведены въ самой инструкціи: — во-первыхъ, неудовлетворительность переводовъ, въ которыхъ всегда болѣе или менѣе утрачивается красота подлинниковъ. Во-вторыхъ, изъ греческаго языка заимствованы общепринятыя техническія слова для наукъ и художествъ, указывающія на существо самой вещи. Въ-третьихъ, языкъ этотъ отличается пріятною гармоніей, игрою мысли и изобиліемъ [1]). Во всей инструкціи повторяется наставленіе отнюдь не обременять память воспитанниковъ заучиваніемъ наизусть. Изъ дѣтскихъ книгъ и руководствъ, написанныхъ самою Екатериною для внуковъ, мы уже упоминали кромѣ азбучекъ и первыхъ книжекъ для чтенія: *Сказки о царевичѣ Хлорѣ* и *царевичѣ Февеѣ*, *Выборныя россійскія пословицы*, *Гражданское начальное ученіе*, *Продолженіе начальнаго ученія* и *Записки первой части*. Мы уже сказали, что въ мартѣ 1785 года государыня извѣстила Гримма, что ея внуки перешли въ мужскія руки и въ воспитаніи ихъ установлены «неизмѣнныя правила». Здѣсь именно и разумѣется инструкція. Изъ предметовъ обученія музыка была исключена какъ занятіе, отнимающее слишкомъ много времени, и государыня говорила въ письмѣ къ Гримму, кажется предлагавшему покупку инструментовъ: «Не надо фортепіанъ. Господа Александръ и Константинъ не будутъ учиться музыкѣ; они будутъ скрыпѣть или играть, если хотятъ, самоучкой» [2]). Въ письмѣ отъ 22 апрѣля 1789 г. государыня говоритъ: «господа Александръ и

[1]) См. превосходную статью «О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой», соч. Николая Лавровскаго, Харьковъ. 1856 года.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 234.

Константинъ переданы на руки генерала Салтыкова, который, такъ же какъ и прочіе окружающіе, слѣдуетъ во всѣмъ пунктахъ моимъ началамъ и предписаніямъ, и въ самомъ дѣлѣ они восхитительно хороши собою, рослы, сильны, здоровы, разумны и послушны; видѣть ихъ—наслажденіе. Я увѣрена, что Александромъ будутъ всегда отмѣнно довольны: онъ обладаетъ удивительной ровностью духа, соединенною съ привѣтливостью, рѣдкою въ его возрастѣ; лицо у него открытое, веселое и полное благоволенія; воля его всегда хороша: онъ стремится къ успѣху и успѣваетъ во всемъ не по возрасту; онъ учится ѣздить верхомъ, читаетъ и пишетъ на трехъ языкахъ; рисуетъ и его ни къ чему не принуждаютъ. Онъ пишетъ или изъ исторіи, или изъ географіи, или избранныя поученія или что-нибудь веселое; сердце у него предоброе»[1]...

«По поводу вашего подарка, бронзоваго Геркулеса, господамъ Александру и Константину, скажу вамъ, что не проходитъ дня, чтобъ Александръ не занимался разсматриваніемъ эстампювъ, особливо когда ему сколько-нибудь не здоровится: тогда онъ обложитъ себя ими кругомъ и, пока онъ забавляется разсматриваніемъ ихъ, проситъ чтобъ кто-нибудь изъ окружающихъ взялъ книгу и громко читалъ ему, такъ какъ мы хотимъ быть постоянно заняты по вкусу и наклонности. Что вы объ этомъ скажете»[2]?

Въ августѣ 1785 года: «Господа Александръ и Константинъ въ эту минуту очень заняты бѣленіемъ снаружи царскосельскаго дворца подъ руководствомъ двухъ шотландскихъ штукатуровъ, и Богъ знаетъ какими мастерствами они не занимались»[3].

Въ маѣ 1786 года: «Я сегодня утромъ пріѣхала сюда изъ Царскаго Села съ моими двумя внуками; одна комната отдѣляетъ меня отъ нихъ; стало-быть они живутъ у меня и шумятъ ужасно: я должна была ихъ прогнать, чтобъ имѣть хоть минуту покоя; и они ушли, напѣвая оперный маршъ и ведя каждый за лапку свою

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 336, 337. [2]) 338, 339. [3]) 358.

собачку, вмѣсто принцессы. Вы можете по этому судить, какой мы беремъ тонъ; эти мальчуганы прелестны. Но конецъ бабушкинымъ сказкамъ»[1]).

О характерѣ великаго князя Константина Павловича государыня часто отзывается, что у него умъ и голова своеобразныя и надо давать ему свободу развиваться по-своему, и находитъ въ чертахъ лица его сходство съ Петромъ Великимъ[2]). Она успокоиваетъ Гримма, что при великомъ князѣ нѣтъ никакихъ греческихъ кадетовъ и тутъ нечего пронюхивать, что все это злая ложь Фридриха II, котораго она при этомъ называетъ старымъ хитрымъ котомъ (der alte, tückische Kater[3]).

Извѣщая Гримма лѣтомъ 1783 года о рожденіи первой великой княжны, Александры Павловны, государыня объявляетъ, что она гораздо болѣе любитъ мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Въ это лѣто Екатерина сильно простудилась и схватила упорный кашель; многіе изъ ея любимыхъ приближенныхъ были также серьёзно больны, и она, сообщая Гримму свои тревоги, говоритъ: «Вотъ прекрасныя предзнаменованія, при которыхъ родилась Александра Павловна. Все это не имѣетъ никакого смысла»[4]). Тою же осенью она пишетъ: «Дѣвица Александра Павловна существо очень некрасивое, особливо по сравненію съ своими братцами»[5]).

Елена Павловна родилась въ декабрѣ 1784 года, въ то самое время, когда государыня, подавленная горемъ — потерей Ланского, — на цѣлые полгода прервала переписку съ Гриммомъ. Въ первомъ же письмѣ послѣ того, отъ марта 1785 года, она говоритъ: «Прекрасная Елена названа удачно, потому что она необыкновенно красива, и вотъ почему я назвала её Еленой». И далѣе: «Прекрасная Елена процвѣтаетъ и въ шесть мѣсяцевъ, увѣряю васъ, показываетъ болѣе смысла и живости, чѣмъ старшая, которой на будущей недѣлѣ минетъ два года»[6]). Марія Павловна родилась въ началѣ февраля 1786 года. Го-

[1]) 377. [2]) 313. [3]) 254. [4]) 283.
[5]) 288. [6]) 326, 346.

сударыня извѣщаетъ Гримма о ея рожденіи письмомъ отъ 4-го февраля. Невѣстка моя вчера родила дочь, которую назвали Маріей. Она не хороша, но очень велика»[1]). Лѣтомъ 1786 года государыня уже наслаждается всѣми пятью внучками въ своихъ царскосельскихъ садахъ и говоритъ Гримму, что отыскать её тамъ можно развѣ только по лаю Томасовъ и щебетанью пяти малютокъ, которыя «прилипаютъ къ ней какъ репьи»[2]).

Въ апрѣлѣ 1787 г. она пишетъ изъ путешествія въ южный край: «Александръ и прекрасная Елена въ отсутствіи моемъ были больны корью, такъ же какъ всѣ сестрицы и братцы, да еще тотчасъ послѣ вѣтреной оспы, и такъ какъ надо опасаться, чтобъ они не схватили натуральной оспы (то есть дѣвочки, потому что мальчикамъ она была привита), то теперь же привьютъ её прекрасной Еленѣ и ея сестрамъ»[3])

Палласъ и экспедиція Биллингса. Галіани, Рейналь, Бальи. Смерть Дидро и д'Аламбера. Аэростаты. Разныя мелкія замѣтки и происшествія.

Имя Палласа встрѣчается въ перепискѣ не только по поводу словаря всѣхъ нарѣчій, но и по разнымъ другимъ случаямъ. Такъ въ 1779 году государыня пишетъ Гримму: «Ваше письмо къ г. Палласу было доставлено Безбородкой по назначенію. Господинъ герцогъ-географъ для меня слишкомъ ученъ, и я полагаю, что ни г. Палласъ и никто здѣсь не можетъ сказать ему, что́ находится между Алеутскими островами и Америкой, такъ какъ у насъ никто не плавалъ далѣе этихъ острововъ и не причаливалъ къ Америкѣ. Алеуты говорятъ, что есть на значительномъ разстояніи отъ нихъ большая земля, вотъ и все»[4]).

Въ 1782 году мы видимъ, что Палласъ участвуетъ въ составленіи учебниковъ для нормальныхъ школъ, создаваемыхъ въ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 374. [2]) 379. [3]) 399. [4]) 141.

Россіи. Въ 1785 Екатерина посылаетъ Гримму его «Россійскую флору» (Flora Rossica) и черезъ нѣсколько времени послѣ того пишетъ: «Г. Палласъ удержалъ изрядное количество экземпляровъ для охотниковъ до россійской флоры, но я сомнѣваюсь, чтобъ они пошли въ продажу» [1]). Въ томъ же году, подъ предсѣдательствомъ Палласа, составлена была комиссія для снаряженія географической и астрономической экспедиціи въ сѣверныя моря, которая надѣлала въ Европѣ много преувеличеннаго шума, вслѣдствіе чего государыня писала Гримму: «Когда васъ станутъ разспрашивать о мнимомъ двѣнадцатитысячномъ отрядѣ съ академиками, философами, натуралистами и проч. и проч., вы можете отвѣчать, что все это ограничивается очень немногимъ и когда у васъ говорили, что они уже уѣхали отсюда, еще не было назначено ни одного человѣка, кромѣ офицера, командующаго судномъ и ѣдущаго съ цѣлью открытій, или, вѣрнѣе сказать, провѣрки ранѣе сдѣланныхъ открытій. Этотъ планъ составленъ Палласомъ и его собратьями. Офицеръ этотъ (Биллингсъ) служилъ на кораблѣ Кука, и между ихъ наблюденіями и нашими есть нѣкоторое различіе; эта экспедиція и рѣшитъ тяжбу»...[2]) «По газетамъ г. де-Лаперузъ не уѣхалъ, ни сэръ Биллингсъ тоже. Послѣдній еще ѣдетъ въ Камчатку, чтобъ тамъ сѣсть на корабль» [3]).

Въ слѣдующемъ же 1786 году говорится: «Г Ледіардъ [4]) хорошо сдѣлаетъ, если возьметъ другой путь нежели черезъ Камчатку, потому что такимъ образомъ нѣтъ возможности догнать экспедицію. Впрочемъ все напечатанное объ этой экспедиціи — совершенная ложь и пустое мечтаніе. Никакого нѣтъ дессантнаго отряда, и все ограничивается экспедиціей капитана Биллинг-

---

[1]) 381. [2]) 330. [3]) 359.

[4] Ледіардъ былъ американецъ, задумавшій, по увѣренію Кастеры, проникнуть пѣшкомъ къ Чукчамъ, чтобъ съ ними перейти Беринговъ проливъ и дойти до англійскихъ поселеній въ Гудзоновомъ заливѣ, и по подозрѣнію въ шпіонствѣ, захваченный въ Якутскѣ и отправленный черезъ прусскую границу обратно въ Англію О высылкѣ этой говорится и въ *Дневникѣ* Храповицкаго, стр. 58.

са и экипажа, выбраннаго имъ и Палласомъ»[1]). Этой экспедиціи сопутствовалъ членъ академіи наукъ, гидрографъ Сарычевъ, который въ 1802 году напечаталъ описаніе своего путешествія и сверхъ того издалъ извлеченіе изъ Биллингсовыхъ записокъ, съ словаремъ двѣнадцати нарѣчій дикихъ народовъ.

Въ 1794 году государыня пишетъ, что Палласъ собирается переѣхать на житье въ Крымъ.

Сношенія Екатерины съ неаполитанскимъ аббатомъ Галіани и отзывы о немъ безпрестанно встрѣчаются въ ея письмахъ. Этотъ Галіани былъ авторомъ нѣсколькихъ сочиненій политико-экономическаго содержанія, отличающихся оригинальностью и остроуміемъ. Въ качествѣ секретаря неаполитанскаго посольства онъ долго жилъ въ Парижѣ, гдѣ сблизился съ энциклопедистами, особливо съ Гриммомъ и Дидро. Онъ также былъ замѣчательнымъ антикваріемъ и одинъ изъ первыхъ началъ разработывать археологическія богатства Геркуланума. Еще въ 1776 году Екатерина пожелала имѣть его изданія и писала: «Я велѣла послать въ Ливорно Ганнибалу (адмиралу) 5,750 французскихъ ливровъ на книги аббата Галіани. Перешлите мнѣ ихъ пожалуйста и примите мою благодарность за предложеніе»[2]). Когда Гриммъ переслалъ къ ней одно изъ писемъ Галіани, она пишетъ: «Письмо аббата Галіани прелестно. Присылка его книгъ доставитъ мнѣ большое удовольствіе, потому что я безъ ума люблю книги по архитектурѣ. Вся комната моя наполнена ими, и мнѣ все еще мало»...[3]) «Еслибъ вы черезъ аббата Галіани или кого-нибудь другого могли достать мнѣ изображеніе Везувія, Помпеи и Геркуланума и все, что неаполитанскій дворъ издалъ по этимъ предметамъ, вы бы доставили мнѣ истинное блаженство»[4]). Получивъ всѣ эти изданія государыня пишетъ: «Библіотека Галіани очень часто утѣшаетъ меня; за часъ до обѣда я иду посѣтить ее и какъ маленькія дѣти разсматриваю тамъ ея эстампы, чтобъ вынести оттуда меду въ свой улей. На переплеты я никогда не

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 378. [2]) 47. [3]) 53. [4]) 67.

смотрю: мнѣ до нихъ нѣтъ нужды. Я пошлю аббату Галіани медаль (бронзовую), которая будетъ служить ему портретомъ»[1]). Послѣ того государыня спрашиваетъ Гримма, что́ дѣлаетъ аббатъ Галіани и опять благодаритъ его за присылку другого его прелестнаго письма. Когда же Галіани, вѣроятно, по полученіи медали, написалъ письмо самой императрицѣ, то она нашла его слишкомъ офиціальнымъ. «Оно отзывается тѣмъ, что сочинено для священнаго величества. Скажите ему, что ея священное величество получила его письмо и благодаритъ его, что она очень любитъ людей достойныхъ, а онъ къ этому качеству присоединяетъ еще репутацію большого ума; также—что я очень высоко цѣню его Разговоръ о хлѣбѣ[2]) что я никогда не читала Горація и вѣроятно прочту его только, когда онъ напишетъ къ нему объясненія, и тогда, ужъ во что бы ни стало, у насъ онъ будетъ переведенъ, что книга его о Монетѣ[3]) уже теперь возбуждаетъ мое любопытство, что я у него не выпрашиваю ее, а постараюсь овладѣть ею, только что она будетъ напечатана»[4]).

Екатерина чрезвычайно высоко цѣнила умъ и способности Галіани и говорила о немъ: «Какъ жалко, что голова этого человѣка безъ пользы пропадаетъ въ Неаполѣ, что тамъ даже не знаютъ его сочиненій и издаютъ указы въ старинномъ вкусѣ, не пользуясь имъ, ни его умными мыслями. Этотъ тоже не на мѣстѣ»....[5]). «Объ аббатѣ Галіани можно сказать, что отечество его не оцѣнило».... [6]). Его пророчество о Casa Santa въ Фернеѣ очень мнѣ по вкусу, не потому чтобъ я любила обманъ и толстыя свѣчи (les gros cierges); но потому что пророчество, высказанное людьми геніальными, какъ будто по вдохновенію, обыкновенно оказывается результатомъ очень глубокихъ соображеній,

---

[1]) 70.

[2]) «Dialogue sur le Commerce des blés» (1770) замѣчательное произведеніе Галіани.

[3]) Книга Галіани «*Sur la monnaie*» была напечатана въ Неаполѣ въ 1769 году, а комментарій на Горація былъ имъ оставленъ въ рукописи и напечатанъ въ Парижѣ въ 1770 году.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 241. [5]) 113, 114. [6]) 118.

давно ужъ сдѣланныхъ. Это — итоги, которые подводитъ геній къ прежнимъ разысканіямъ ума, здраваго смысла, опытности и проч... Но какія печали его удручаютъ? Я полагала, что въ Неаполѣ, въ лучшемъ изъ климатовъ Европы, онѣ чувствуются менѣе, потому что на меня воздухъ всегда дѣйствуетъ развеселяющимъ образомъ. Но, видно, къ нему слишкомъ тамъ привыкли, чтобъ цѣнить его такъ, какъ мы его цѣнимъ»!...[1]) Въ концѣ того же письма прибавлено: «А сколько Галіани вамъ сообщаетъ превосходныхъ вещей, которыя должны произойти въ Неаполѣ: Чудныя большія дороги. Флотъ. Уничтоженіе пошлинъ. Основаніе академіи наукъ и литературы. Что касается флота, то онъ очень былъ бы нуженъ имъ, хотя бы для защиты отъ Алжирцевъ, которые въ виду самаго города похищаютъ у нихъ гражданъ»[2]). Не любя посвященій, государыня говоритъ: «Сожалѣю, что карта Сициліи и гора Этна должны пройти черезъ операцію посвященія»[3]).

Въ маѣ 1780 года, купивъ музыкальную партитуру Филидора, написанную для большого торжества, государыня поручаетъ Гримму: «Закажите аббату Галіани составить программу къ этому празднеству, и когда это будетъ сдѣлано, ужъ мы найдемъ куда это пристроить»[4]). За эту программу государыня послала Галіани двѣ золотыя медали». «Еслибъ я имѣла досугъ, я написала бы вамъ цѣлый комментарій на черновое письмо аббата Галіани. Начиная съ того, что вѣроятно онъ пользовался нѣкорой репутаціей прежде чѣмъ я его узнала, если его имя изъ отдаленной Италіи дошло до Россіи; стало-быть не я, но самъ онъ составилъ себѣ славу»[5]). О поѣздкѣ въ Италію великаго князя Павла Петровича съ супругой государыня просила Гримма извѣстить аббата Галіани и Рейфенштейна. Въ декабрѣ 1787 года она спрашиваетъ: «Правда ли, что аббатъ Галіани умеръ? Здѣсь говорятъ объ этомъ»[6]). И черезъ два мѣсяца послѣ того: «Мои

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 132, 133. [2]) 134. [3]) 133.
[4]) 177. [5]) 230. [6]) 437.

табакерки не приносятъ счастья. Аббатъ Галіани умеръ вскорѣ послѣ полученія той, которую я ему послала»....[1]) «Духовное завѣщаніе аббата Галіани очень странно, но до сихъ поръ я ничего не слыхала о томъ, что мнѣ завѣщано» [2]).

Совсѣмъ иначе относилась Екатерина къ другому писателю, аббату же—Рейналю. Въ 1775 году, послѣ появленія его Исторіи индѣйской торговли, она поручила директору канцеляріи таможенныхъ сборовъ графу Эрнесту Миниху прочитать въ этой книгѣ статью о Россіи и сдѣлать на нее письменныя примѣчанія. Въ 1782 году государыня говоритъ, что, несмотря на напрасныя разглагольствія противъ нея аббата Рейналя, она погружена въ законодательство. «Мы все-таки законодательствуемъ», говоритъ она въ другомъ письмѣ, «несмотря на то, что аббатъ Рейналь противъ насъ квакаетъ и лжетъ. Среди всей этой лжи онъ говоритъ, что мнѣ ничего не удавалось изо всего, что я предпринимала. Вѣдь это же очень грубая ложь, противъ которой доказательство у цѣлаго свѣта передъ глазами» [3])... «Что касается апостола Рейналя», сказано въ другомъ письмѣ, «я избавляю васъ отъ скуки разбирать его, потому что онъ того не стóитъ и если вы его вовсе не прочтете, то останетесь тѣмъ же, чѣмъ были бы, еслибъ и прочли его, ни толще, ни худѣе» [4]).

Съ сочиненіями Бальи государыня ознакомилась въ 1784 году, около времени своихъ историческихъ и филологическихъ разысканій. Мы уже говорили, что по прочтеніи его исторіи астрономіи, доставившей ему большую извѣстность, и по поводу его предположенія о существованіи въ Сибири первобытнаго народа, исчезнувшаго съ лица земли, государыня послала ему и Бюффону нѣкоторыя свои догадки по этому предмету, очень ее занимавшему. Но за этимъ вслѣдъ она писала: «Я одумалась: не показывайте этихъ тетрадей ни Бальи, ни Бюффону; это не ихъ ящикъ (т. е. Россія), хотя они и первые указали на существованіе народа, который однако не интересуются открыть; впро

[1]) 439. [2]) 445. [3]) 235. [4]) 247.

чемъ дѣлайте какъ знаете, это не охладитъ жара моихъ изысканій»[1]). Въ 1785 году государыня просила Гримма доставить ей всѣ сочиненія Бальи, а въ 1787 пишетъ: «Произведенія г. Бальи встрѣчены мною съ радостью; я еще не имѣла времени ихъ раскрыть и даже не читала его письма, но исполню свой долгъ въ отношеніи къ нему, только что будетъ возможно»[2]). Черезъ годъ послѣ того: «Вы просили у меня медали для г. Бальи; теперь же кажется, что вы желаете табакерку: пусть будетъ такъ, вы ее получите»[3]). И тутъ-то государыня прибавляетъ, что съ ея табакеркой не посчастливилось покойному Галіани, который вскорѣ умеръ. Въ одномъ изъ писемъ того же года государыня такъ отзывается о Бальи: «Мнѣ сдается, что я уже сказала вамъ много и очень много о г. Бальи; казалось мнѣ также, что я вамъ послала и подарокъ для него; но если я забыла, прошу васъ передать ему, что я чрезвычайно высоко цѣню его произведенія, и если у васъ есть еще мои деньги, то пошлите ему отъ меня приличную табакерку»[4]).

Но еще менѣе счастія принесъ этотъ подарокъ Бальи чѣмъ Галіани. Увлеченный на политическое поприще, онъ попалъ въ водоворотъ революціи, и вотъ, до тѣхъ поръ счастливый въ своемъ призваніи, писатель сдѣлался дѣйствующимъ лицомъ готовившейся кровавой драмы. Онъ предсѣдательствовалъ на томъ самомъ собраніи (séance du Jeu de Paume), гдѣ депутаты поклялись не расходиться, пока не дадутъ Франціи конституцію. Затѣмъ 16-го іюля 1789 онъ былъ назначенъ меромъ Парижа, а въ іюнѣ 1790 Екатерина пишетъ Гримму: «Такъ же мало пристало меру Парижа, уничтожившему монархію во Франціи, (qui a démonarchisé la France) имѣть портретъ императрицы самой аристократической въ Европѣ, какъ и ей посылать свой портретъ меру-антимонархисту. Это значило бы поставить и мера-антимонархиста и наиболѣе аристократическую императрицу въ полное противорѣчіе другъ съ другомъ и съ ихъ обязанностями, бывшими, настоящими и будущими»[5]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 322. [2]) 399. [3]) 439. [4]) 447. [5]) 482, 483.

Вынужденный, послѣ побѣга и ареста Людовика XVI, силой разгонять угрожающія сборища, образовавшіяся на Марсовомъ полѣ, чтобъ требовать низложенія короля, несчастный Бальи вдругъ потерялъ свою популярность и, отказавшись отъ должности мера, покинулъ столицу; но въ 1793 году онъ былъ узнанъ въ Мелёнѣ, привлеченъ въ Парижъ, осужденъ на смертную казнь и съ утонченною жестокостью казненъ 11 ноября того же года.

О послѣдней, предсмертной болѣзни Дидро упоминается въ перепискѣ нѣсколько разъ, и государыня принимаетъ въ страданіяхъ больного искреннее участіе. По смерти его она поручаетъ Гримму дать вдовѣ его тысячу рублей пенсіи впередъ за пять лѣтъ, считая по 200 руб въ годъ [1]). Она хвалитъ письмо, написанное къ ней его дочерью, и проситъ купить для себя всѣ его сочиненія, говоря: «Вы заплатите за нихъ сколько потребуютъ. Конечно они не выйдутъ изъ моихъ рукъ и никому вреда не принесутъ. Пришлите ихъ съ библіотекой Дидро» [2]). О погребеніи его сказано: «На меня очень пріятно подѣйствовало поведеніе священника церкви Сенъ-Рока при погребеніи Дидро» [3]). Общіе бѣглые отзывы и шуточки объ этомъ писателѣ показываютъ, что Екатерина считала его въ высшей степени непрактическимъ, разсѣяннымъ и неосновательнымъ, но тѣмъ не менѣе любила въ немъ его добродушіе, благородный образъ мыслей и выставляла прекрасное свойство его души: благодарность за добро ему сдѣланное, говоря при этомъ, что Дидро во всемъ не похожъ на другихъ людей.

О смерти другого энциклопедиста д'Аламбера она пишетъ въ 1784 году: «Очень прискорбно, что д'Аламберъ умеръ, не увидѣвъ и не прочитавъ нашего оправданія по крымскому дѣлу; по крайней мѣрѣ слѣдовало выслушать обѣ стороны и потомъ произносить свое сужденіе; а вмѣсто того онъ говорилъ намъ дерзости. Я очень объ этомъ сожалѣю, такъ же какъ и о малоду-

[1]) 318. [2]) 327. [3]) 362.

шіи, которое онъ выказалъ въ своей болѣзни. Тѣлесныя силы, вѣроятно, взяли перевѣсъ надъ духовными. Впрочемъ эти люди думали часто совсѣмъ не такъ, какъ они проповѣдывали. Давно уже я была въ немилости, и знаете ли, что насъ Вольтеръ поссорилъ? [1])... Я никогда не сомнѣвалась, что письмо д'Аламбера по поводу французскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Краковѣ, было продиктовано ему тогдашнимъ министромъ (d'Aiguillon): очень рада узнать, что я не ошиблась» [2]).

О перепискѣ умершаго въ 1786 году Фридриха II съ д'Аламберомъ государыня замѣчаетъ: «Я увѣрена, что письма покойнаго Прусскаго короля къ д'Аламберу, если ихъ печатаютъ въ Берлинѣ, будутъ очень искажены, потому что сочиненія его *исправляютъ*». Самъ Бюшингъ сознается въ этомъ на страницѣ 263 своей книги «Характеръ Фридриха II». Это было написано въ 1788 году, незадолго до революціи, и государыня тутъ же прибавляетъ о своихъ письмахъ къ Гримму: «Впрочемъ, отъ писемъ, которыя я вамъ пишу, у меня не остается копій и нѣтъ черновыхъ; могу увѣрить васъ, что говорю вамъ сущую правду, возобновляя при этомъ просьбу, чтобъ вы ихъ бросили въ огонь, потому что, несмотря на все мое довѣріе къ г. Кастри, не зная кто его наслѣдники, я буду всегда опасаться, чтобъ эти письма не попали въ публичную продажу, или къ какому-нибудь Фигаро, который ихъ напечатаетъ, что́, какъ вы конечно согласитесь, вовсе не нужно. Но о трудѣ, вами предпринимаемомъ для переписки этихъ писемъ, я сожалѣю, хотя примѣчанія, которыми вы собираетесь ихъ снабдить, знаю заранѣе, будутъ интереснѣе всего остальнаго» [3]).

Въ 1795 году государыня высказываетъ слѣдующее замѣчаніе о д'Аламберѣ и энциклопедистахъ: «Я безропотно буду ждать благопріятной минуты, когда вамъ будетъ угодно оправдать въ моемъ мнѣніи философовъ и ихъ прислужниковъ въ томъ, что они участвовали въ революціи, особливо же въ Энциклопедіи, ибо

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 308. [2]) 303. [3]) 441, 442.

Гельвецій и д'Аламберъ оба сознались покойному Прусскому королю, что эта книга имѣла только двѣ цѣли: первую, уничтожить христіанскую религію, вторую—уничтожить королевскую власть! Объ этомъ говорили уже въ 1777 году. На петергофской лѣстницѣ маски говорили объ этомъ между собою на ухо 29 іюня» [1]).

О Циммерманѣ, медикѣ и философѣ, написавшемъ книгу «Объ уединеніи» (Von der Einsamkeit) государыня упоминаетъ не только по поводу своей комедіи «Обманщикъ» (которая такъ ему понравилась, что онъ схлопоталъ ея постановку на сценѣ въ Гамбургѣ), но и по поводу чтенія ею въ 1785 году извѣстнаго его сочиненія. «Надо сообщить вамъ», писала она Гримму, «если вы этого уже не узнали, что я въ настоящую зиму прочла книгу «Объ уединеніи», которая вполнѣ исцѣлила меня отъ этого недуга и дала мнѣ такое хорошее мнѣніе о писателѣ, что я недавно вошла съ нимъ въ переписку, не затѣмъ, чтобы совѣтоваться съ нимъ по случаю болѣзни или здоровья, но чтобъ поговорить о разумномъ и о дурачествахъ; и онъ, буквально, пишетъ мнѣ письма и безумныя и разумныя; это тоже голова, которая идетъ не зная куда, но всегда далѣе чѣмъ обыкновенно водится. Я желала, чтобъ онъ сюда пріѣхалъ. Онъ тоже этого желалъ, но когда ужъ совсѣмъ рѣшился, я его отговорила, потому что у него болѣзнь, не дозволяющая путешествій, и, несмотря на то, онъ собирался. Но я не хочу, чтобъ онъ умеръ» [2]). Циммерманъ былъ вызванъ въ Берлинъ во время предсмертной болѣзни Фридриха II, «но», говоритъ государыня, «не спасъ его, потому что спасти было нельзя».

Замѣчателенъ отзывъ государыни о русскомъ докторѣ, нѣкоемъ Самойловичѣ, котораго Гриммъ взялъ подъ свое покровительство, а государыня обличаетъ во лжи и неправдоподобныхъ разсказахъ, говоря: «Вмѣсто того, чтобъ хорошо принять Самойловича, какъ рекомендованнаго намъ многострадальнымъ, мы всѣ порядочно и какъ слѣдуетъ его выбранили и вымыли ему го-

[1]) 622. [2]) 343.

лову, а болѣе всѣхъ генералъ, пользующійся благорасположеніемъ многострадальнаго (Ланской), за то что упомянутый Самойловичъ смѣло и безстыдно лгалъ на словахъ, на письмѣ и въ печати, будто онъ, Самойловичъ, привилъ чуму, ч. знаетъ сколькимъ лицамъ,—ложь, которую онъ не станетъ поддерживать въ Россіи, ибо гдѣ нашелъ бы онъ такихъ отверженныхъ Богомъ, которые добровольно пожелали бы заразиться чумою, и какъ позволили бы ее распространять, тогда какъ все на свѣтѣ употребляли чтобъ ее уничтожить»[1])?

О магнетизмѣ Екатерина отзывается такъ: «Я очень рада, что вы со мной одинакаго мнѣнія: я всегда говорила, что этотъ магнетизмъ, который никого не вылѣчиваетъ, не можетъ точно такъ же никого и убить»[2]).

Надъ новымъ изобрѣтеніемъ воздушныхъ шаровъ въ Парижѣ встрѣчается въ перепискѣ много шутокъ: «Кстати, поздравляю васъ», говорится въ 1783 году, «съ летучими колесницами, порхающими вокругъ вашихъ головъ: когда ихъ усовершенствуютъ, очень пріятно будетъ въ три дня долетѣть отсюда до Парижа»... «Ваши аэростаты, повидимому, оказали услугу государству: они заставили забыть ошибки въ финансовыхъ расчетахъ»[3]).

Въ слѣдующемъ письмѣ государыня благодаритъ за присылку ей раскрашенныхъ изображеній воздушнаго шара и прибавляетъ: «О Небо, дай имъ скорѣе крылья, чтобъ никакой экспертъ не могъ сломать себѣ шеи, падая съ такой высоты... Хотя здѣсь и менѣе нежели въ Парижѣ занимаются этими воздушными путешествіями, однако все, что до нихъ касается, принято съ тѣмъ участіемъ, какого заслуживаетъ такое любопытное открытіе»[4])... Но впрочемъ государыня сознается, что запретила у себя опыты съ воздушными шарами изъ опасенія пожаровъ въ странѣ, гдѣ множество деревянныхъ строеній и крышъ тесовыхъ и соломенныхъ[5]). Говоря о томъ, что она никогда не поѣдетъ въ Парижъ, государыня прибавляетъ, что развѣ полетитъ туда въ аэростатѣ,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 306. [2]) 327. [3]) 290, 292. [4]) 293. [5]) 301.

приглашая Гримма въ такомъ же экипажѣ пріѣхать въ Петербургъ [1]).

Въ 1781 году былъ большой пожаръ парижской оперы, и государыня писала о томъ: «Хотите узнать свои новости отъ насъ? Парижская опера сгорѣла со всѣми актерами, танцовщиками и танцовщицами. Это заставило насъ удвоить вниманіе въ своихъ театрахъ, и я надѣюсь, что это намъ доставитъ лѣстницы къ окнамъ» [2]). Между тѣмъ Гриммъ самъ извѣщалъ ее объ этомъ пожарѣ слѣдующимъ образомъ:

«Ваше величество вѣроятно слышали о пожарѣ нашей оперной залы. Подумаешь, что у насъ затѣмъ пожары въ Парижѣ, чтобъ доставить нашимъ вѣстовщикамъ и газетчикамъ случай разсыпаться въ пышныхъ похвалахъ пожарной командѣ. Послушаешь ихъ — такъ это сонмъ героевъ, которые даютъ изумительныя доказательства дѣятельности, сообразительности, храбрости, но тогда уже, когда все сгорѣло. Въ имперскихъ городахъ Германіи у насъ нѣтъ ни героевъ, ни панегиристовъ, у насъ есть только предписанія, которыя исполняются, и пожары оканчиваются прежде чѣмъ успѣютъ о нихъ заговорить. Итакъ вотъ опера уничтожена и самые дивные таланты въ танцовальномъ искуствѣ божественная Гейнель, слава Германіи, Тэодоръ, легкая какъ птичка, Доберваль, Нивелонъ — всѣ безъ занятій, по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Богъ танцевъ — Вестрисъ и сынъ его Огюстъ въ это время приводили Лондонъ въ восторгъ» [3]).

На это государыня отвѣчала: «Кстати о пожарѣ, истребившемъ до тла парижскую оперу. Вы мнѣ говорили о тѣхъ, кто не сгорѣлъ, но остерегаетесь говорить о тѣхъ кто сгорѣлъ и кого ваша удивительная пожарная команда не спасла» [4]).

Когда Гриммъ однажды извѣщалъ Екатерину о пожарѣ въ нѣсколькихъ австрійскихъ городахъ, то она отвѣчала: «Вы хотите, чтобъ я способствовала отстройкѣ сгорѣвшихъ герман-

---

[1]) 312. [2]) 209.
[3]) Письма Гримма, стр. 203.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 216.

скихъ городовъ; я сама строю у себя болѣе сотни городовъ. Я не должна вторгаться въ область моего любезнѣйшаго братца Іосифа II»[1]). На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Я очень хорошо помню, что сказалъ вашему величеству, какъ несправедливо способствовать отстройкѣ всѣхъ сгорѣвшихъ городовъ Святой имперіи, потому что еслибъ всѣ города Россійской имперіи сгорѣли, Святая Римская имперія не дала бы ни полушки на ихъ отстройку; а мнѣ за это говорятъ: «вы хотите, чтобъ я способствовала къ отстройкѣ всѣхъ сгорѣвшихъ въ Германіи городовъ», тогда какъ я хочу совершенно противоположнаго. О, изо всѣхъ строителей архистроительница! О построительница ста-трехъ городовъ! Гдѣ же справедливость? Другая ересь: «я не должна несправедливо вступать на почву моего милаго брата Іосифа II». Мы, принадлежащіе къ Россійской имперіи, мы составляемъ почву нашей драгоцѣнной монархини Екатерины II; но мы, принадлежащіе къ Римской имперіи, мы вовсе не собственность нашего дорогого Іосифа II; наша собственность, сгорѣвшая или не сгорѣвшая, ему не принадлежитъ. И это большая разница, которую правосудный Іосифъ приметъ конечно въ расчетъ; я на это надѣюсь»[2]).

Но это не помѣшало Гримму однако вскорѣ послѣ того тонкимъ образомъ испрашивать пособія нѣмецкому городу Герѣ и быть посредникомъ между графомъ Рейсомъ и императрицею:

«P. S. Съ городомъ Гера случилось жестокое несчастье: онъ сгорѣлъ до основанія, приблизительно три, четыре мѣсяца тому назадъ; не уцѣлѣло ни одного дома. Этотъ городъ, расположенный близъ границъ Саксоніи, былъ необыкновенно промышленный и торговый, слѣдовательно полонъ славы Екатерины. Графъ Алексѣй Орловъ, отправляясь изъ Петербурга въ Средиземное море, или возвращаясь оттуда, останавливался въ немъ постоянно и заказывалъ тамъ работы для императрицы. Не знаю, почему графъ Рейсъ, которому принадлежалъ этотъ несчастный

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 198.

[2]) Письма Гримма стр. 201, 202.

городъ, выбираетъ меня, чтобъ повергнуть его прошеніе къ стопамъ вашего величества. Я предварительно отвѣтилъ вопросомъ: «Думаете ли вы, спросилъ я, что еслибъ какой-нибудь городъ Россійской имперіи испыталъ на себѣ несчастіе, случившееся съ городомъ Гера, онъ могъ бы расчитывать на большія пособія и дѣйствительную помощь отъ Нѣмецкой имперіи? Отвѣта не было. Тогда я сказалъ: вы вѣроятно хотите отнять у меня мое званіе многострадальнаго, и желаете, чтобъ императрица назвала меня своимъ надоѣдалою» [1]).

Мы уже говорили, что Гриммъ любилъ посылать государынѣ маленькіе подарки, между которыми однажды прислалъ ей нѣсколько баночекъ румянъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ въ Парижѣ. Онъ получилъ въ отвѣтъ на это слѣдующія строки: «Благодарю за банки съ румянами, которыми вы желали раскрасить мою физіономію (illuminer ma face). Но когда я захотѣла испробовать ихъ, я нашла, что они такъ темны, что придадутъ мнѣ видъ фуріи. Итакъ вы меня извините, если, несмотря на то, что я въ модѣ тамъ, гдѣ вы находитесь, мнѣ нельзя будетъ подражать этой модѣ и принять её. Русскія дамы должны быть польщены почестями и вниманіемъ, которыми ихъ осыпаютъ въ Версали. Мнѣ ихъ избалуютъ, и когда онѣ возвратятся, то будутъ дамы съ претензіями» [2]). Когда же государыня въ 1782 году издала указъ объ упрощеніи придворнаго туалета съ цѣлью ввести бо́льшую простоту и умѣренность, «къ сбереженію собственнаго ихъ достатка на лучшее и полезнѣйшее и къ отвращенію разорительной роскоши», то этотъ указъ былъ замѣченъ въ Парижѣ. По этому поводу государыня писала: «Итакъ мой указъ о реформѣ въ уборахъ и украшеніяхъ, заставившій забыть даже миръ, пришелъ очень кстати, когда кошельки были пусты, а счеты значительны, и произвелъ только философское разсужденіе. Увѣряю васъ, я этого не ожидала: я такъ привыкла, что у васъ

---

[1]) Тамъ же, 213, 214.
[2]) *Сб И. О.* XXIII, 269.

обо мнѣ и о моей странѣ говорятъ дурно, что не могла предположить, чтобъ могли думать иначе» [1]).

Въ 1784 году государыня сообщала Гримму объ отъѣздѣ композитора Паизіелло, котораго талантомъ такъ восхищались. «Паизіелло покидаетъ насъ: онъ поссорился съ новой дирекціей, или она съ нимъ» [2]). Пѣвица же Тоди, пріѣхавшая въ Петербургъ въ томъ же году, и по обѣщанію, данному императрицей Гримму, особенно отрекомендованная ею Олсуфьеву [3]), пѣла въ первый разъ въ высочайшемъ присутствіи 30-го мая въ Царскомъ Селѣ и получила отъ государыни пару великолѣпныхъ браслетъ, осыпанныхъ брильянтами [4]). Подъ этимъ впечатлѣніемъ и писала государыня, что права таланта неотъемлемы. (Въ этомъ самомъ письмѣ и произошелъ перерывъ, вызванный смертью Ланского).

Черезъ годъ послѣ пріѣзда Тоди государыня пишетъ весною, что эта пѣвица ѣздила въ Москву и тамъ собрала много денегъ, которыя мужъ ея проигралъ въ карты, а въ августѣ того же года она писала изъ Царскаго Села: «Тоди здѣсь и разгуливаетъ сколько можетъ съ своимъ милымъ супругомъ. Часто мы встрѣчаемся носъ къ носу, но однако не сталкиваясь. Я говорю ей: «Здравствуйте, госпожа Тоди, какъ ваше здоровье?» Она мнѣ цѣлуетъ руку, а я ее въ щеку; собачки наши обнюхиваются. Она беретъ свою на руки, а я зову свою, и каждая изъ насъ идетъ своей дорогой. Когда она поетъ, я слушаю и аплодирую и мы обѣ говоримъ, что находимся въ наилучшихъ отношеніяхъ между собой.... Тоди и Маркезини до истерики восхищаютъ любителей и знатоковъ» [5]).

Въ 1787 году государыня пишетъ съ дороги изъ Кричева, имѣнія князя Потемкина, въ 130 верстахъ отъ Смоленска: «Именно вчера вечеромъ, пріѣхавъ въ Мстиславль, за 100 верстъ отъ Смоленска, получила я вашу музыкальную грамоту отъ 4 де-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 271. [2]) 295.
[3]) Олсуфьевъ замѣнилъ въ директорствѣ театровъ Бибикова.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 316. [5]) 360, 383.

кабря, съ прибавленіемъ длиннѣйшаго письма г-жи Тоди, изъ котораго я ничего, или очень мало поняла. Отъ госпожи Тоди вполнѣ зависитъ остаться или уѣхать, отъ дирекціи удержать ее или отпустить. Директоръ также очень хорошо дѣлаетъ, что не обременяетъ своего бюджета большими расходами, потому что у нихъ долгъ въ 80,000 рублей, которыхъ я не заплачу ни ради директора, ни ради дирекціи, а ея условія получать отъ публики плату, не показываясь публикѣ, также невозможны. Въ Петербургѣ говорили, что Тоди ѣдетъ въ Берлинъ, гдѣ теперь поистинѣ поля Елисейскія; и прекрасно, потому что я одного мнѣнія съ докторомъ Панглоссомъ, что все къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ» [1]).

Крымское путешествіе. Спутники.

Путешествіе Екатерины въ Крымъ было задумано княземъ Потемкинымъ осенью 1784 года, вскорѣ послѣ смерти Ланского. Потому, надо полагать, что не одни политическія соображенія и желаніе показать государынѣ новоприобрѣтенный край въ наилучшемъ видѣ могли породить въ немъ эту мысль, но и забота о ея развлеченіи отъ печали и уединенныхъ научныхъ занятій, въ которыя она слишкомъ погрузилась. Въ мартѣ 1785 года она говоритъ: «Я глубоко убѣждена, что у меня много истинныхъ друзей. Самый могущественный, самый дѣятельный, самый проницательный, безспорно фельдмаршалъ князь Потемкинъ. О, какъ онъ меня мучилъ, какъ я его бранила, какъ я на него сердилась! Но онъ не переставалъ вертѣться и все перевертывать вокругъ меня, пока не извлекъ меня изъ маленькаго моего кабинета въ десять саженъ, которымъ я завладѣла въ Эрмитажѣ, и надо отдать ему справедливость, что онъ умнѣе меня, и все что онъ дѣлалъ было глубоко обдумано» [2]). Это было писано уже въ виду

---

[1]) 392, 393. [2]) 326.

перваго путешествія на каналы и въ Москву, которое такъ благодѣтельно подѣйствовало на состояніе духа императрицы. Задумавъ вскорѣ и второе путешествіе, требовавшее бо́льшихъ приготовленій, Потемкинъ изыскивалъ разныя средства увеселенія государыни во время пути, вѣроятно обращался и къ Гримму, потому что вскорѣ послѣ того государыня пишетъ послѣднему: «Если вы хотите посѣтить Херсонь, надо будетъ пріѣхать туда въ апрѣлѣ 1787 года. Можетъ-быть мнѣ удастся прислать вамъ оперу Сарти, сочиненную на тему, которой пункты намѣчены княземъ Потемкинымъ. Опера, которую вы задумали, вѣроятно не будетъ играна въ Тавридѣ, потому что вопреки всему, что пишется въ газетахъ, я поѣду туда безъ всякой пышности»[1]).

Отъ 2-го марта 1786 года Екатерина извѣщаетъ Гримма, что она въ это утро утвердила всѣ приготовленія къ поѣздкѣ своей въ Крымъ, назначенной на первыя числа января 1787 г.[2]). За двѣ недѣли до путешествія она предупреждала Гримма, что когда онъ получитъ эти строки, то она будетъ уже очень близко отъ Кіева. Въ письмѣ отъ 1-го января 1787 года сказано: «Завтра я ѣду отсюда въ Царское Село, а оттуда 7-го января выѣзжаю въ Кіевъ. Столъ мой уже пустъ и вполнѣ очищенъ. Остается только вамъ отвѣчать. Со мною поѣдутъ мои три карманные министра (посланники: англійскій — Фитцъ-Гербертъ, французскій — Сегюръ и австрійскій — Кобенцель)... Графъ Ангальтъ возвратился изъ своихъ поѣздокъ и ѣдетъ со мною»[3]).

Графъ Ангальтъ[4]) вызванъ былъ въ 1783 году на службу въ Россію, куда привлекла его слава царствованія великой Екатерины. Она такъ говоритъ о его вызовѣ: «Когда я велѣла про-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 333. [2]) 374. [3]) 390, 391.

[4]) Фридрихъ Ангальтъ, въ Россіи Федоръ Евстафьевичъ, былъ сынъ наслѣднаго принца Ангальтъ Дессаускаго Вильгельма (род. 1732†1794). Потерявъ отца на 15 году, онъ 17-ти лѣтъ вступилъ въ прусскую службу, былъ флигель-адъютантомъ Фридриха Великаго, участвовалъ во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ Семилѣтней войны, а потомъ перешелъ на службу въ саксонскую армію и во время войны за наслѣдство баварскаго престола командовалъ всѣми саксонскими войсками.

сить Саксонскаго курфирста позволить графу Ангальту вступить въ мою службу, онъ мнѣ наотрѣзъ отказалъ. Но графъ Ангальтъ, узнавъ это, потребовалъ отставки, которой онъ и безъ того желалъ, и когда онъ освободился отъ саксонской службы, я взяла его къ себѣ. Итакъ, многострадальный, имѣя еще одного друга здѣсь, ты стало-быть имѣешь и еще причину, чтобъ... Но нѣтъ, не надо слишкомъ настаивать, потому что многострадальный долженъ поступать какъ хочетъ и какъ можетъ» [1]). И въ слѣдующемъ письмѣ: «Я на этихъ дняхъ имѣла удовольствіе бесѣдовать о васъ, милостивый государь, съ графомъ Ангальтомъ. Онъ поручилъ мнѣ вамъ кланяться. Ея Величество предсказываетъ, что онъ будетъ здѣсь любимъ и уважаемъ. Онъ былъ принятъ со всѣми отличіями, подобающими его достоинствамъ» [2]). И дѣйствительно, государыня угадала. Благородная дѣятельность графа Ангальта на пользу Россіи, которую онъ тотчасъ принялся изучать, предпринявъ отдаленныя путешествія, внимательно останавливаясь на всемъ интересномъ въ ея природѣ, земледѣліи, торговлѣ и промышленности, его преданность своему новому отечеству, теплое отношеніе его къ воспитанію юношества во время начальствованія его первымъ кадетскимъ корпусомъ, все это заставляетъ насъ признать его однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ людей Екатерининскаго времени. Геніальная государыня умѣла создать и изъ иностранца самаго горячаго и преданнаго русскаго патріота. «Нашъ добрый графъ Ангальтъ здѣсь, въ Царскомъ Селѣ», пишетъ она въ маѣ 1784 года: «онъ можетъ быть увѣренъ, что пользуется здѣсь всеобщей, особенной любовью и уваженіемъ. Я сама лично, кажется, нашла въ немъ ревностнаго сторонника и не сомнѣваюсь, что время сдѣлаетъ насъ искренними друзьями» [3]). Во время продолжительнаго путешествія графа Ангальта по Россіи и на Кавказъ государыня писала: «Клянусь вамъ, что я не знаю, что́ сталось съ графомъ Ангальтомъ. Фактотумъ хранитъ у себя ваши письма къ нему, но онъ не

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 293. [2]) 295. [3]) 304.

болѣе меня знаетъ, куда тотъ дѣвался. Онъ вѣроятно перебрался черезъ Кавказскія горы и находится въ Грузіи, при дворѣ короля Ираклія. Я не отвѣчаю, чтобъ онъ не соблазнился подобнымъ исканіемъ приключеній и въ настоящую минуту не былъ окруженъ самыми красивыми грузинками»[1]).

Вернувшись изъ этой поѣздки, графъ Ангальтъ былъ приглашенъ сопутствовать государынѣ въ полуденный край, гдѣ ѣхалъ всю дорогу за ея экипажемъ, въ одной каретѣ съ англійскимъ и французскимъ посланниками и графомъ Ив. Гр. Чернышевымъ.

Изъ замѣчательныхъ лицъ, сопровождавшихъ государыню въ путешествіи, кромѣ поименованныхъ посланниковъ и графа Ангальта, были: графъ Безбородко, графъ Чернышевъ и графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, который тутъ является подъ именемъ *Краснаго кафтана* (Habit rouge). Съ Кіева, кромѣ Потемкина, присоединился къ путешественникамъ и князь де-Линь. Екатерина очень сожалѣла, что не могла взять съ собою своихъ внучковъ, и часто о нихъ вспоминала. Въ Кіевъ наѣхало еще множество знатныхъ иностранцевъ: Дильйонъ, Ламетъ, принцъ Нассау-Зигенъ, незадолго передъ этимъ вступившій въ русскую службу; изъ Русскихъ: Суворовъ, Каменскій, графъ Штакельбергъ и др. О графѣ Дмитріевѣ-Мамоновѣ упоминается въ перепискѣ въ первый разъ лѣтомъ 1786 года. Вотъ какъ изображенъ тамъ портретъ его: «Подъ этимъ краснымъ кафтаномъ скрывается превосходнѣйшее сердце, соединенное съ большимъ запасомъ честности; умны мы за четверыхъ, обладаемъ неистощимой веселостью, замѣчательной оригинальностью во взглядѣ на вещи и въ способѣ выраженія, удивительною благовоспитанностью, и знаемъ тайну всего того, что придаетъ блескъ уму. Мы скрываемъ какъ преступленіе свою наклонность къ поэзіи; мы страстно любимъ музыку; способность все схватывать—у насъ рѣдкая. Богъ знаетъ, чего только мы не знаемъ наизусть; мы декламируемъ, болтаемъ, имѣемъ

[1]) 368.

тонъ лучшаго общества, чрезвычайно учтивы, пишемъ по-русски и по-французски какъ рѣдко кто-нибудь у насъ пишетъ и по слогу и по почерку. Наружность наша совершенно соотвѣтствуетъ внутреннему достоинству: черты лица правильны, — у насъ чудные черные глаза съ тонко вырисованными бровями, ростъ нѣсколько выше средняго, осанка благородная, поступь свободная; однимъ словомъ, мы столько же основательны по характеру, сколько отличаемся ловкостью, силой и блестящей наружностью. Я увѣрена что, встрѣтивъ этотъ Красный кафтанъ, вы спросили бы его имя, еслибъ не тотчасъ угадали его»[1]).

Изъ Царскаго Села выѣхали 6-го января. Въ дорогѣ Екатерина не переставала во время остановокъ заниматься дѣлами съ графомъ Безбородкой, Храповицкимъ и другими. Сегюръ и князь де-Линь сообщаютъ много любопытныхъ подробностей о томъ, какъ во все время путешествія общество будто бы и не покидало Эрмитажа или Царскаго Села. Точно такъ же продолжались обычныя оживленныя бесѣды о литературѣ и искуствахъ, объ исторіи, философіи, статистикѣ, земледѣліи и промышленности. Онѣ смѣнялись шутками и играми: задавали другъ другу шарады, представляли живыя картины, сочиняли bouts-rimés, въ чемъ особенно отличался Сегюръ, тогда какъ императрица, при всемъ стараніи постигнуть тайну версификаціи, не могла написать ни одного правильнаго стиха. Государыня сообщаетъ Гримму въ подлинникѣ многія изъ этихъ стихотворныхъ состязаній. Придворный этикетъ былъ устраненъ, отчего можно было наслаждаться прелестью свободной бесѣды, которой впрочемъ не совсѣмъ была чужда и политика. Готовившіяся во Франціи печальныя событія, натянутыя отношенія съ Оттоманской Портой и желаніе Пруссіи вмѣшиваться во всѣ европейскія дѣла давали обильную пищу дипломатическимъ разговорамъ, которыми Екатерина руководила съ обычной своей ловкостью и тактомъ. Постоянно обнаруживала она заботу показать съ выгодной стороны

[1]) 387, 388.

иностранцамъ, такъ неблагопріятно судившимъ о Россіи, всѣ ея хорошія и видныя стороны: плодородіе ея почвы, обиліе ея непочатыхъ богатствъ, ея неистощимые рыбные промыслы, ея просторъ и ширь, сулившіе такую блестящую будущность ея населеніямъ. Все это смѣнялось торжественными пріемами въ городахъ, балами, представленіями всевозможныхъ депутацій, привѣтственными рѣчами и проч.

Изъ писемъ, писанныхъ во время путешествія, мы будемъ преимущественно выписывать все то, что собственно къ нему относится, а также нѣкоторыя мелкія замѣчанія о политикѣ.

Первое письмо съ дороги въ формѣ журнала, писаннаго постепенно всякій разъ какъ государыня находила для того свободную минуту, предназначалось для отправки съ курьеромъ. Оно начато было въ Кричевѣ, имѣніи князя Потемкина и, какъ сама государыня прибавляетъ, «въ 130 верстахъ отъ Смоленска, между этимъ городомъ и Кіевомъ, въ Могилевской губерніи», отъ 19 января 1787 года.

«Вчера вечеромъ, пріѣхавъ въ Мстиславль за 100 верстъ отъ Смоленска, получила я вашу музыкальную грамоту [1]), отъ 4 декабря... Вы видите по числу, выставленному на этомъ письмѣ, что на зло амстердамскимъ газетчикамъ я въ дорогѣ; карманные министры со мною, и все идетъ какъ нельзя лучше. Правда, что въ Смоленскѣ Красный кафтанъ слегъ въ постель съ страшнымъ жаромъ и сильной горловой болью. Но Роджерсонъ угостилъ его джемскими порошками и шпанской мушкой, которые его вполнѣ возстановили. Въ теченіе четырехъ дней, проведенныхъ мною въ Смоленскѣ, по причинѣ сильнаго вѣтра, дувшаго всю дорогу прямо въ лицо прислугѣ, большая часть этихъ людей страдали глазами. Но мое пребываніе въ этомъ городѣ всѣхъ поправило. Всѣ мои спутники очень веселы и оживлены; мы здѣсь въ восьми-стахъ верстахъ отъ Петербурга и семи-стахъ отъ Кіева, подъ 54 градусомъ, но все еще холодно.

---

[1]) О претензіи пѣвицы Тоди. Начало этого письма уже приведено выше по другому поводу.

«Вчера получила я письмо отъ князя Потемкина отъ 8 января, изъ Крыма, и онъ увѣряетъ, что тамъ уже зелень. Богъ знаетъ, откуда пойдетъ это письмо, по крайней мѣрѣ вы будете знать, что оно начато здѣсь. Прощайте на сегодня.

«Въ Новгородѣ Сѣверскѣ, 23 января. Я пріѣхала сюда въ добромъ здоровьи и сегодня давала здѣсь балъ, такъ же какъ и въ Смоленскѣ: вотъ какъ мы путешествуемъ. Завтра я буду обѣдать въ имѣніи фельдмаршала Румянцова. Этотъ городъ главный въ одной изъ трехъ губерній, на которыя я раздѣлила Малороссію. Завтра я пріѣзжаю въ Черниговъ, гдѣ на другой день дамъ балъ, а въ концѣ недѣли прибуду въ Кіевъ. Мы здѣсь подъ 52 градусомъ, и небо совершенно весеннее.

«Въ Черниговѣ, 26 января.

«Пріѣхавъ сюда вчера, я сегодня даю здѣсь балъ, а завтра ѣду. Въ пятницу мы прибудемъ въ Кіевъ, а сегодня вторникъ. Мои карманные министры веселы и здоровы».

«Въ Кіевѣ, 8 февраля.

«Я пріѣхала сюда 29 января въ добромъ здравіи, при 20 градусахъ мороза; несмотря на то, не было ни носовъ, ни ушей отмороженныхъ; мы провели всѣ эти дни въ балахъ, празднествахъ, маскарадахъ, а сегодня, въ понедѣльникъ, слава Богу, начался постъ и положилъ конецъ всему этому шуму; половина Польши здѣсь. Сюда пріѣхали: принцъ Нассаускій, испанскій грандъ и еще одинъ испанецъ, по имени Миранда. Когда они всѣ уѣдутъ, то скажутъ, что не стоило сюда пріѣзжать. Странный это городъ: въ немъ только крѣпость, да предмѣстья, и я все еще отыскиваю городъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, въ древности былъ по крайней мѣрѣ такъ же великъ, какъ Москва. . . .

«Кіевъ, 16 февраля (отдѣльнымъ письмомъ):

«Я получила здѣсь два письма отъ г. Бецкаго и два другіе отъ молодого Бобринскаго, писанныя изъ Парижа: одно отъ 28 декабря, другое отъ 11 января... Готовлю вамъ длинную грамоту, которую пошлю съ курьеромъ; вотъ уже двѣ недѣли какъ я здѣсь. Сюда стеклось множество людей, и всѣ здоровы, между

прочимъ и принцъ Нассаускій, который совершилъ путешествіе вокругъ свѣта. Прощайте, будьте здоровы»[1]).

«Кіевъ, 26 февраля.

«Господинъ многострадальный, усердно прошу васъ прислать мнѣ полное собраніе сочиненій графа Бюффона, въ самомъ лучшемъ изданіи, именно въ большомъ in-quarto съ картинками. Это для Краснаго кафтана, который ежедневно мучитъ меня этимъ. А покамѣстъ онъ и мои карманные министры ужасно шумятъ: каждый хочетъ перещеголять другого въ шуткахъ и дурачествахъ. Господа эти совершенно не стѣсняются. Они спорятъ, говорятъ и смѣются всѣ въ одинъ голосъ, а я слушаю и смотрю и сижу очень смирно въ уголкѣ. Да, вотъ такъ жизнь! И однакоже они называютъ это очень тихой жизнью; безумные люди!»[2]).

«Кіевъ, 2 марта (отдѣльнымъ письмомъ). Я здѣсь ужъ съ 29 января и совсѣмъ здорова; жду вскрытія Днѣпра, которое наступитъ, говорятъ, въ концѣ этого мѣсяца, и тогда вѣроятно намъ можно будетъ сѣсть на суда въ половинѣ нашего апрѣля[3])».

«Кіевъ, 2 апрѣля.

«Вотъ я добралась до вашего № 82, который начинается длинной диссертаціей о добрыхъ гражданахъ[4]). О, сколько зла добрые граждане причинили нѣкоторымъ странамъ! Я видѣла прекрасныхъ гражданъ, потерявшихъ пятнадцать провинцій. Фитцъ Гербертъ увѣряетъ, что это—истинное счастіе для Англіи: да избавитъ Господь всякаго честнаго человѣка отъ такого счастья! Вотъ еще прекраснѣйшій гражданинъ, умершій безо всякой репутаціи, бѣднякъ. Слава несправедлива; я начинаю думать, что она влюблена только въ глупцовъ. Господь да сохранитъ насъ нынѣ отъ государей-гражданъ. Плохая хвала тѣмъ, кого хвалятъ только въ надгробныхъ рѣчахъ: немногіе ихъ слушаютъ, и никто ихъ не читаетъ. Кстати о принцѣ Генрихѣ: говорятъ, что онъ отправляется на жительство въ Женеву; повидимому

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 405. [2]) 394. [3]) 406.

[4]) О Георгѣ III.

хваленый Фридрихъ Вильгельмъ не довольно съ нимъ совѣтуется; да и въ самомъ дѣлѣ пренесносно имѣть дядюшекъ, которые желаютъ чтобъ съ ними совѣтовались, и уѣзжаютъ, когда съ ними не совѣтуются. Что сынъ покойнаго герцога Орлеанскаго принялъ, еще при жизни своего отца, образъ дѣйствій совершенно противуположный отцовскому, точно такъ же какъ и сынъ Фридриха Вильгельма — это совершенно въ порядкѣ вещей и вовсе меня не удивляетъ. Арлекинъ въ комедіи сказалъ бы: «Это точь въ точь какъ у насъ». Я однако не совсѣмъ это говорю, но надѣюсь, что такъ будетъ... Вы угадали, мой духовникъ со мною, но не поѣдетъ въ Крымъ. Храмъ Діаны принадлежитъ князю де-Линю, который здѣсь, и ѣдетъ съ нами на полуостровъ, куда г. Абдулъ Гамидъ не подумаетъ притти; еще менѣе сдѣлается онъ христіаниномъ. Онъ слишкомъ занятъ заботой снимать головы со своихъ пашей, ему некогда заниматься нами путешественниками»[1])....

«Вотъ я дошла до грамоты № 90. Эти пресловутые революціонеры изъ Гриммы — повидимому республиканцы; по болтовнѣ ихъ и злорѣчію они походятъ на Голландцевъ, которые вновь путаютъ свою конституцію (сего 3 апрѣля), вѣроятно, чтобъ составить *ничто* Европы; это имя болѣе пристало имъ, чѣмъ вамъ; и такъ не смѣйте похищать его. Като останется Като; вотъ и все; отдастъ ей справедливость тотъ, кто можетъ; возможно, что справедливость, особливо такого рода, не дается каждому, да и для того, чтобъ отдать полную справедливость, надо, какъ говорится, видѣть, слышать и понимать. Для того же, чтобъ видѣть, слышать и понимать, надо стоять въ уровень; а уровень этотъ зависитъ отъ хорошаго зрѣнія, слуха и пониманія, и пр. и пр.»[2])

«4 апрѣля послѣ обѣда.

«Ратификаціи торговаго договора (съ Франціей) были обмѣнены вчера. Князь де-Линь здѣсь, и поѣдетъ со мною въ Крымъ, какъ я сказала выше. Кавалеръ Ламетъ сегодня простился; я

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 395, 396.

[2]) 396, 397.

полагаю, что онъ и всѣ иностранцы сюда пріѣхавшіе, не разъ уже раскаялись, что были здѣсь, потому что во-первыхъ городъ дрянной: они едва были подъ крышей въ скверныхъ лачугахъ; кромѣ того, многіе пріѣхали вѣроятно, чтобъ быть въ моемъ обществѣ, тогда какъ они увѣряли, что пріѣхали только чтобъ увидѣть меня, и когда они поняли, что не достигли своей цѣли, то уѣхали ни съ чѣмъ; но что за толпа! Никогда я ничего подобнаго не видала.

«Что до вашего собранія нотаблей, хоть оно и дѣлаетъ честь добрымъ намѣреніямъ короля, но до сихъ поръ у насъ не имѣютъ о немъ высокаго мнѣнія. Князь Потемкинъ въ восторгѣ отъ славянскаго Евангелія, на которомъ присягаютъ французскіе короли при коронованіи.

«Вы видите изъ этой грамоты, что г. многострадальный тоже не забытъ въ путешествіи; я сама очень сожалѣю, что Александръ и Константинъ не сопровождаютъ меня въ этой поѣздкѣ, и сами они были этимъ также очень огорчены. Изъ королей же я только увижу Польскаго, при проѣздѣ моемъ черезъ Каневъ; что касается императора, очень сомнительно, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Херсонъ; я боюсь что рожа, которою онъ заболѣлъ, помѣшаетъ ему пріѣхать. Кстати, я должна передать вамъ поклонъ отъ имени великаго князя Владиміра, котораго мощи находятся здѣсь, въ Печерскомъ монастырѣ.

«5-го апрѣля. Вчера, въ ту минуту какъ этотъ пакетъ, сложенный и запечатанный, былъ готовъ къ отъѣзду, дверь моя отворяется и мнѣ привозятъ въ 4 часа послѣ обѣда всю ношу навьюченнаго Трипольскаго [1]). И вотъ я занялась прочтеніемъ грамотъ до шести часовъ вечера; но по мѣрѣ того, какъ я читала, грамоты все удлиннялись. Тутъ пришелъ князь Потемкинъ, а вслѣдъ за нимъ Красный кафтанъ, и говорятъ мнѣ: но одѣвайтесь же, вѣдь у насъ куртагъ. Я встаю, одѣваюсь, иду на этотъ куртагъ, играю

---

[1]) Этотъ курьеръ привезъ нѣсколько писемъ отъ Гримма и государыня отвѣчаетъ послѣдовательно на каждый номеръ.

въ карты, потомъ прощаюсь съ депутатами отъ Крымскихъ Татаръ, выѣхавшими ко мнѣ на встрѣчу, чтобъ просить меня побывать у нихъ; затѣмъ возвращаюсь въ свою комнату, опять беру ваши грамоты»[1])...

Въ этомъ самомъ письмѣ, озаглавленномъ: «Съ опечаленнымъ сердцемъ написанная грамота», былъ разсказъ о несчастныхъ похожденіяхъ молодого Бобринскаго и государыня также выражается объ этомъ въ письмѣ: «въ самомъ дѣлѣ, это самая непріятная грамота, какую я отъ васъ когда-либо получала».

«Вотъ я дошла до № 91. Я не оспариваю двухъ первыхъ пунктовъ этой грамоты: перваго, что Кіевъ, (Kiov, non Kiovie) ближе къ остальной Европѣ, нежели Петербургъ; второго, что когда я уѣхала изъ этого послѣдняго города, то не съ удовольствіемъ его покинула»....

«Вы не можете представить себѣ, какъ я люблю, чтобъ мнѣ говорили: *ты*. Я хотѣла бы, чтобъ во всей Европѣ говорили *ты*».

Уже ранѣе Екатерина писала Гримму, что когда у насъ проповѣдникъ или ораторъ хотятъ быть истинно краснорѣчивыми, то употребляютъ обращеніе: *ты*.

«Лафатеръ въ Цюрихѣ старается доказать, что у королевы Христины физіономія была несравненно лучше, нежели у меня, *и что я далеко не то, что обо мнѣ говорятъ*; однимъ словомъ, что я недостойна развязать снурки ея обуви и что въ лицѣ моемъ есть что-то дѣтское и необдуманное. Итакъ оставьте наши бѣдные носы, мой носъ и носъ оберъ-шенка, въ покоѣ. Не лучше ли будетъ не привязываться къ нимъ, а заняться носомъ королевы Христины,—Александра Швеціи, и по этому поводу обратить свои проповѣди къ Густаву Антонину, ея преемнику, который теперь въ Упсалѣ изучаетъ досконально всѣ науки; особливо же самую полезную для него науку дѣлать золото. Мнѣ оно не нужно: я даю взаймы только бумажки, но за то, не занимаю болѣе»[2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 400. 401. [2]) 402 403.

6 апрѣля: «Князь Вяземскій уѣхалъ пить Саратовскія воды отъ своего удушья; онъ очень давно задыхается и очень не въ духѣ... Я поклонюсь отъ васъ королю Польскому, когда увижу его; онъ въ Каневѣ на Днѣпрѣ, и когда я переѣду Днѣпръ на лодкѣ, онъ посѣтитъ меня и мы отобѣдаемъ вмѣстѣ. Я велѣла отдать графу Сегюру письмо его жены въ ту жъ минуту»[1])....

За этимъ длиннымъ посланіемъ, писавшимся постепенно отъ 19 января до первыхъ чиселъ апрѣля, слѣдуетъ письмецо, которое государыня называетъ листкомъ забвенія, собираясь включить въ него забытое въ предыдущемъ письмѣ. Почти весь этотъ листокъ наполненъ стихами (bouts-rimés) графа Сегюра на всевозможные случаи и темы, и она такъ заключаетъ его: «Когда я вчера сказала графу Сегюру, какая я неблагодарная, потому что не могу отвѣчать ему въ стихахъ, никогда не написавъ ни одного стиха, (я знаю что вы завѣряли, что похитили у меня четыре, но они были не мои: я измѣнила только одно или два слова), онъ отвѣчалъ, что сообщитъ мнѣ всю тайну ихъ на полустраничкѣ. Итакъ, если онъ сдержитъ слово, ожидайте, при первомъ случаѣ, получить отъ меня посланіе въ стихахъ. Прощайте»[2]).

Продолжительность зимы и позднее вскрытіе Днѣпра замедлили отъѣздъ изъ Кіева. Выѣхали только 22 апрѣля на галерахъ, построенныхъ въ римскомъ вкусѣ и богато убранныхъ. Но тяжесть и неповоротливость этихъ судовъ были причиной многихъ затрудненій и приключеній, такъ что разъ буря произвела среди флотиліи серьезное смятеніе. И на галерахъ образъ жизни государыни не измѣнился: общество ее окружавшее соединялось по-прежнему, въ живописныхъ мѣстахъ останавливались для осмотра береговъ, гдѣ почти всегда толпился народъ. Государыня наслаждалась благорастворенным весеннимъ воздухомъ юга, сожалѣла, что не тутъ на берегахъ Днѣпра построенъ Петербургъ и вспоминала о временахъ Владиміра, когда эти страны кипѣли жизнью и обитателями. Переписка съ Гриммомъ

[1]) 404, 405. [2]) 407, 408.

также не была забыта, и вотъ какъ изображены самой государыней путевыя впечатлѣнія во время плаванія по Днѣпру, свиданіе въ Каневѣ съ королемъ Польскимъ, пребываніе въ Кременчугѣ, встрѣча съ Іосифомъ II, прибытіе въ Херсонь, наконецъ поѣздка въ Крымъ и посѣщеніе Бахчисарая и Севастополя:

«Съ галеры моей *Днѣпръ*, между Кіевомъ и Каневомъ, 24 апрѣля 1787.

«Я выѣхала 22 этого мѣсяца изъ Кіева и вотъ уже три дня какъ мы плывемъ на веслахъ по Борнстену; всѣ, слава Богу, здоровы. Новаго ничего не могу вамъ сказать, кромѣ того, что изо всѣхъ моихъ плаваній это кажется самое затруднительное, потому что рѣка такъ извилиста, на ней столько острововъ и островковъ, столько мелей, что до сихъ поръ еще мы вовсе не употребляли въ дѣло парусовъ; она гораздо быстрѣе Невы. Теперь мы между двумя берегами, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Польшѣ: этотъ—очень гористъ; русскій же берегъ совершенно низменный. Богъ знаетъ, откуда поѣдетъ это письмо. Надѣюсь завтра или послѣзавтра видѣть на своей галерѣ короля Польскаго.

«26 апрѣля. Король Польскій вчера провелъ у меня на галерѣ девять часовъ. Мы вмѣстѣ обѣдали; я не видала его почти тридцать лѣтъ: можете судить, какую перемѣну мы должны были найти другъ въ другѣ. Сегодня на разсвѣтѣ мы пустились изъ Канева и проплыли верстъ тридцать; послѣ полудня насъ застигла порядочная буря, и вотъ мы стоимъ, и пока моя галера покачивается на якорѣ, а весло бездѣйствуетъ, какъ больной [1]), я забавляюсь писаньемъ къ вамъ, отписавъ уже къ графу Брюсу, которому отдаю отчетъ въ моемъ поведеніи два, три раза въ нѣдѣлю, чтобъ вызвать его на то же, чего впрочемъ онъ никогда не забываетъ.

«Мы сегодня получили извѣстіе объ удаленіи Калонна; что же сдѣлаютъ съ нотаблями? Я именно читала его записки и рѣчь, и

---

[1]) Тутъ попытка сказать въ рифму на двухъ языкахъ: «pendant que ma galère dandine sur son ancre, und dass das Ruder stehet wie ein Kranker».

говорила: — вотъ еще выставка фразъ, но дѣйствительныя средства найти трудно, а паркетъ скользокъ, такъ какъ всѣ скользятъ. Чудный планъ, великій планъ; гдѣ же сидитъ онъ, гдѣ башмакъ жметъ? Широкъ онъ, или узокъ? И то и другое заставляетъ спотыкаться. Да благословитъ Богъ бѣдныхъ людей. Аминь.

«3 мая, на галерѣ, въ четырехъ верстахъ за Кременчугомъ, гдѣ я провела три дня въ большомъ, красивомъ и прелестномъ домѣ, выстроенномъ княземъ Потемкинымъ вблизи чуднаго дубоваго лѣса и сада, гдѣ есть грушевыя деревья такой вышины и обхвата, какъ я въ жизнь не видывала, и притомъ всѣ въ цвѣту. Безспорно, здѣсь, по моему мнѣнію, лучшій климатъ Россійской имперіи; однако жалуются, что нынѣшній годъ весна опоздала здѣсь на три недѣли. Кременчугъ самое веселое мѣсто, какое я когда-либо видала на своемъ вѣку; все здѣсь пріятно. Мы нашли здѣсь 15 тысячъ самаго отборнаго войска, стоявшаго лагеремъ; я давала балъ, на которомъ было по крайней мѣрѣ 800 человѣкъ. Сегодня поутру мы отсюда выѣхали, но вѣтеръ намъ столько же досаждаетъ, сколько проекты финансовыхъ контролеровъ наи христіаннѣйшему королю. Еслибъ вы знали все, что говорится и творится ежедневно на моей галерѣ, вы помирали бы со смѣху. Всѣ эти люди, путешествующіе со мною, такъ ко мнѣ привыкли, что чувствуютъ себя какъ дома.

«Херсонъ, 15 мая. 7 числа этого мѣсяца я узнала на своей галерѣ, проѣхавъ Кайдаки, что графъ Фалькенштейнъ скачетъ во весь опоръ ко мнѣ на встрѣчу; тотчасъ и я вышла на берегъ, чтобъ съ своей стороны поскакать на встрѣчу къ нему, и вотъ мы оба такъ хорошо скакали, что встрѣтились среди поля носъ къ носу. Первое слово имъ сказанное мнѣ: Вотъ теперь всѣ политики сбиты съ толку, никто не увидитъ нашего свиданія. — Онъ былъ съ своимъ посланникомъ, а я съ княземъ де-Линемъ, Краснымъ кафтаномъ и графиней Браницкой. Величества сѣли въ одну карету и проскакали тридцать верстъ до Кайдаковъ. Но пока мы рыскали по полю, мы расчитывали—одинъ изъ насъ (Іосифъ II)

на мой обѣдъ, а другая на обѣдъ князя Потемкина, который, готовясь къ основанію новаго города, чтобъ выиграть время постился, и хотя мы нашли его вернувшимся изъ своей экспедиціи, но обѣда не было. Однакоже нужда изобрѣтательна: князь Потемкинъ вздумалъ самъ обратиться въ кухмистера, принцъ Нассаускій въ поваренка, великій генералъ Браницкій въ пирожника, и вотъ съ самаго коронанія обоихъ величествъ они еще никогда не были такъ почетно и вмѣстѣ такъ дурно угощаемы; несмотря на то, всѣ ѣли, смѣялись и довольствовались кое-какимъ обѣдомъ. На другой день пообѣдали лучше, а на слѣдующій день поѣхали въ Екатериноградъ [1]), гдѣ былъ положенъ первый камень. Оттуда мы пробыли въ дорогѣ досюда (до Херсони) три дня и уже четыре дни находимся здѣсь; сегодня мы спустили на воду три военные корабля; это уже седьмой, восьмой и девятый изъ построенныхъ здѣсь: но что сказать вамъ обо всемъ, что мы здѣсь дѣлаемъ и видимъ?

«Херсони нѣтъ еще и восьми лѣтъ, а онъ можетъ уже считаться однимъ изъ красивѣйшихъ военныхъ и купеческихъ городовъ имперіи. Всѣ дома изъ тесанаго камня; городъ имѣетъ по крайней мѣрѣ шесть верстъ длины; его мѣстоположеніе, почва, климатъ превосходны. Здѣсь по меньшей мѣрѣ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ жителей всѣхъ націй: можно встрѣтить что угодно, какъ въ Петербургѣ. Наконецъ, стараніями князя Потемкина этотъ городъ, какъ и страна его окружающая, гдѣ при заключеніи мира не было ни лачуги, сдѣлались цвѣтущими, и конечно годъ отъ году еще будутъ улучшаться.

Послѣзавтра мы направимся въ Крымъ съ графомъ Фалькенштейномъ; я, изъ любопытства, пошлю это письмо изъ Севастополя. Черезъ двѣ недѣли мы вернемся. Всѣ здоровы и особенно графъ Сегюръ; вы можете увѣрить въ томъ его семейство. Здѣсь утверждаютъ, что отецъ г. Сегюра и г. Кастри уже уво-

---

[1]) Такъ первоначально думали назвать Екатеринославль, при основаніи этого города.

лены: вотъ что называется устроить домъ свой заново, или лучше, очистить свой домъ.

«Въ Бахчисараѣ, древней резиденціи хановъ, и ихъ домѣ, гдѣ помѣщена вся свита (pacotille) обоихъ величествъ, 21 мая 1787. Мы переѣхали третьяго дня линіи Перекопа, а вчера, около шести часовъ послѣ обѣда, прибыли сюда всѣ въ добромъ здравіи и самомъ веселомъ расположеніи духа; во всю дорогу насъ сопровождали Татары [1]) а за нѣсколько верстъ отсюда, прибывъ верхами, мы увидѣли все лучшее, что только есть въ Крыму. Это было превосходное зрѣлище: такимъ образомъ, окруженные спереди, съ боковъ и сзади, въ открытой каретѣ [2]), въ которой сидѣло восемь человѣкъ, мы въѣхали въ Бахчисарай и вышли прямо въ домъ хановъ; тамъ мы помѣщены между минаретами и мечетями, гдѣ кричатъ, молятся, поютъ и вертятся на одной ножкѣ пять разъ въ двадцать четыре часа. Мы всё это слышимъ изъ своихъ оконъ, и такъ какъ сегодня праздникъ Константина и Елены, то будемъ слушать обѣдню на открытомъ воздухѣ, въ палаткѣ, для того приготовленной. О! какое странное явленіе—наше пребываніе здѣсь! Кто? гдѣ? Князь де-Линь говоритъ, что это не путешествіе, а непрерывная цѣпь празднествъ до того разнообразныхъ, что нигдѣ не видано, да и нельзя видѣть подобныхъ. Онъ льстивъ, этотъ князь де-Линь, скажутъ можетъ-быть, пожалуй что это и правда. Завтра мы ѣдемъ отсюда въ Севастополь. Г. фактотумъ перемѣнилъ распоряженіе. Кажется, онъ посылаетъ курьера отсюда, а не изъ Севастополя.

«Севастополь, 23 мая 1788. Я ошиблась. Г. фактотумъ не послалъ курьера, а отправитъ его отсюда, куда мы прибыли вчера;

---

[1]) Іосифъ нѣсколько безпокоился, или по крайней мѣрѣ удивлялся смѣлости императрицы, не видѣвшей никакой опасности въ такомъ конвоѣ. (Castera II, 12).

[2]) Близъ Бахчисарая императрица подверглась нѣкоторой опасности. На скатѣ горъ въ ущельи, черезъ которое вела дорога къ столицѣ татарскихъ хановъ, лошади не могли удержать тяжелый экипажъ; только усиліями Татаръ, окружавшихъ карету, ее остановили и тѣмъ предотвратили несчастіе. (См. статью объ этомъ путешествіи г. Брикнера въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* іюль 1872 года).

право, все это до того похоже на сказку Тысячи одной ночи, что не знаешь, находишься ли на яву, или во снѣ. Я нашла здѣсь, гдѣ три года тому назадъ ничего не было, довольно хорошенькій городъ и маленькую весьма проворную и молодецкую флотилію: портъ и якорная стоянка довольно хороши, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ выказалъ при этомъ большую дѣятельность и смѣтливость. Турецкій флотъ, который въ шести-стахъ верстахъ отсюда, или около того, еще не показывался; посмотримъ, сдѣлаетъ ли онъ здѣсь высадку, чтобъ выгнать насъ отсюда, какъ возвѣщаютъ о томъ газеты. Графъ Фалькенштейнъ, кажется, очень доволенъ всѣмъ, что видитъ, а князь де-Линь говоритъ, что это непрерывный праздникъ. Прощайте»[1]).

Обратный путь изъ Крыма продолжался болѣе мѣсяца черезъ Харьковъ, Кременчугъ, Полтаву, Курскъ, Орелъ, Тулу, Москву. Князь Потемкинъ былъ удостоенъ прозванія Таврическаго. Первое письмо, написанное послѣ того изъ Коломенскаго, было отъ 25 іюня. Вотъ оно:

«Пріѣхавъ третьяго дня въ Коломенское, въ десяти верстахъ отъ Москвы, гдѣ я нашла своихъ внуковъ, уже расположившихся здѣсь съ начала этого мѣсяца, вчера, на другой день послѣ своего пріѣзда, я получила вашъ № 86, который, по словамъ фактотума, прибылъ черезъ Бахуса Глутоновича. Не вхожу въ разборъ всей галиматьи, которую вы мнѣ пишете, не имѣя на то времени, такъ какъ мои оба внучка страшно шумятъ у меня въ комнатѣ, а вѣдь жестоко было бы прогнать ихъ, когда мы шесть мѣсяцевъ не видались.... Прощайте, я въ совершенномъ здоровьи вернулась изъ своего путешествія, которымъ имѣю право быть вполнѣ довольною; черезъ недѣлю надѣюсь ѣхать отсюда въ Петербургъ. Всѣ меня окружающіе здоровы какъ я, особенно графъ Сегюръ и князь де Линь, которые весело шумятъ съ Краснымъ кафтаномъ и еще болѣе съ моими внучками; не знаю, какъ я могла и это написать».

---

[1]) 408, 409, 410, 411, 412.

«Москва, 29 іюня 1787.

«Я пріѣхала сюда третьяго дня, а вчера курьеръ привезъ № 92 и доклады 87 и 88. Сажусь отвѣчать на нихъ, потому что дѣло спѣшное; буду отвѣчать вамъ несмотря на праздники и сутолоку московскихъ пировъ, которые удвояютъ сумятицу и не оставляютъ мнѣ ни минуты времени, ни отдыха во весь день.....».

«Слава Богу, путешествіе окончено досюда, и двадцатипятилѣтіе царствованія тоже. О назначеніи барона Дальберга на Майнцское коадъюторство, я вамъ уже высказала свои привѣтствія; итакъ особаго посланія не будетъ. Не знаю, будетъ ли молебенъ отслуженъ тамъ, гдѣ вы предлагаете; но навѣрное, если это случится, Платонъ отслужитъ его съ удовольствіемъ; онъ вчера самъ мнѣ это сказалъ.

«Вы можете быть покойны, что по моимъ извѣстіямъ нѣтъ ничего достовѣрнѣе плана избрать второго сына Прусскаго короля въ коадъюторы въ Майнцъ; герцогъ Веймарскій склонилъ къ тому короля; нѣкто баронъ Штейнъ былъ употребленъ въ этомъ дѣлѣ. Герцбергъ и главные дѣльцы въ томъ не сознаются: да переговоры и шли помимо ихъ, но Фридрихъ-Густавъ согласился на это въ томъ же родѣ, какъ Людовикъ XV, помимо дѣльцовъ. NB. Видите, это сокращенное изложеніе ясно, и вы можете знать кому вамъ кланяться; теперь вы давно должны были получить разсказъ о свиданіяхъ и путешествіи; не знаю, отчего объ этомъ путешествіи моемъ такъ шумятъ; право, не о чемъ.

«Убирайтесь съ вашими нотаблями: не знаешь право, на что можно у васъ расчитывать. Вы и вашъ г. Калоннъ и никто изъ вашихъ меня не соблазняетъ; такъ берегите ихъ для себя; всѣ эти знаютъ въ десять разъ болѣе меня, а дѣйствуютъ въ десять разъ хуже меня и моихъ чиновниковъ, у которыхъ менѣе красивыхъ фразъ. Не вѣрьте тому, что́ газеты болтаютъ о моихъ путевыхъ расходахъ: они сдѣлали изъ графини Браницкой мою поставщицу и разсказываютъ, что она въ Кіевѣ ежедневно полу-

чала 5000 рублей на мой столъ, и продавала мнѣ яйца по полтинѣ за штуку; все это чистѣйшая и полнѣйшая выдумка, но это дало намъ поводъ много поддразнивать вышеупомянутую графиню, которая смѣялась вмѣстѣ съ нами.....

«Я сегодня кинула Кваренги въ лицо планы Бахчисарая, прежняго мѣстопребыванія хана; Бахчисарай представляетъ любопытную внутренность турецкаго сераля и комнатъ, жалкимъ образомъ убранныхъ барономъ Тоттомъ; странно, что произведенія этого человѣка понемногу, одни за другими, попадаютъ въ мои руки. Премного благодарю г. Монморена за чудное успокоеніе, о которомъ онъ для меня мечтаетъ; пусть оставятъ насъ въ покоѣ дѣйствовать какъ знаемъ: каждый найдетъ въ этомъ для себя выгоду, и болѣе реальную выгоду, чѣмъ ихъ мечтательныя идеи, между тѣмъ какъ у нихъ нѣтъ ни копейки; тогда бы мы сдѣлались большими и наилучшими друзьями и болѣе чѣмъ когда-нибудь; если же нѣтъ, то пусть все пойдетъ какъ Богъ велитъ» [1]).

Очевидно, что здѣсь государыня говоритъ о предлагаемомъ ей союзѣ съ Франціей, на случай ожидаемаго столкновенія съ Турціей.

«Сего 30 іюня, послѣ обѣда. Вашъ другъ коадъюторъ Майнцскій конечно обезсмертитъ себя, если потрудится обратить въ ничто всѣ эти отвратительно враждебныя расположенія, которыя столько вздорныхъ людей стараются питать въ виду собственныхъ выгодъ.....

«Князь Потемкинъ остался въ своихъ губерніяхъ, пока ему вздумается къ намъ возвратиться.....

«Надѣюсь быть въ Петербургѣ около 10-го іюля стараго стиля..... Еслибъ Фальконетъ скончался, возвратите мнѣ портретъ мой, которымъ онъ владѣлъ, или оставьте его у себя. Прощайте; одолѣвъ всѣ ваши депеши, желаю вамъ добраго здо-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 412, 413, 414.

ровья и болѣе спокойствія, чѣмъ то, какимъ я пользуюсь въ Москвѣ, откуда ѣду 4-го іюля стар. стиля» [1]).

Первое письмо изъ Петербурга, слѣдующее за этимъ, помѣчено 13 сентября 1787 года.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 415, 416.